

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МВД РОССИИ ИМЕНИ В.Я. КИКОТЯ»

КАФЕДРА ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ
СОБЫТИЙ ИСТОРИИ РОССИИ – СССР,
МЕСТА И РОЛИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

Методические рекомендации

Москва
2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (<i>А.Н. Никитин</i>)	4
РАЗДЕЛ 1.	
Александр Невский – великое имя России! (<i>Ю.А. Артамонов</i>)	7
РАЗДЕЛ 2.	
Министерство полиции Российской империи: факты против домыслов (<i>Н.Л. Феднева</i>)	32
РАЗДЕЛ 3.	
Истоки мифа о российском политическом сыске в отечественной либеральной историографии (<i>Н.Л. Феднева</i>)	80
РАЗДЕЛ 4.	
Современники и потомки о министре полиции Российской империи А.Д. Балашове (<i>Е.В. Мельник</i>)	95
РАЗДЕЛ 5.	
Борьба с политической преступностью в Российской империи: мифы и реальность (<i>А.Н. Журов</i>)	118
РАЗДЕЛ 6.	
Законы о политических свободах 1905–1906 гг. и полиция: проблемы законодательства и административная практика (<i>А.П. Яцкова</i>).....	169
РАЗДЕЛ 7.	
Мифы и реальность в становлении советского уголовного розыска (<i>Т.Л. Матиенко</i>)	202
РАЗДЕЛ 8.	
Против искажения назначения и деятельности системы НКВД Советской России в 1917–1930 гг. (<i>А.И. Абдрахманов</i>)	221
РАЗДЕЛ 9.	
Фальсификации отечественной истории 30-х годов XX века: концепции, методология, цели (<i>А.Н. Никитин</i>)	264

РАЗДЕЛ 10.

Оценка правового регулирования и политики советского государства по отношению к германским военнопленным в годы Великой Отечественной войны (<i>Т.Л. Матиенко</i>)	278
--	-----

РАЗДЕЛ 11.

Ложь и правда о заградительных отрядах в период Великой Отечественной войны (<i>Ю.А. Иванченко</i>)	310
--	-----

РАЗДЕЛ 12.

Проблемы освещения деятельности органов внутренних дел в современной исторической учебной литературе для высших учебных заведений (<i>Е.Г. Ермаков</i>)	327
---	-----

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	352
------------------	-----

БИБЛИОГРАФИЯ	353
--------------------	-----

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир переживает, возможно, самый ответственный период в истории человечества. Его будущее зависит от исхода военного, экономического и идеологического противостояния России с так называемым коллективным Западом. Важнейшим условием достижения победы нашей страны в этом противостоянии является, прежде всего, единство, сплоченность народа. Перечень факторов, призванных обеспечивать необходимое единство, значителен, однако самым важным, безусловно, следует признать историческую память. Она необходима народам России, чтобы идентифицировать себя, определить свое место в мировой истории, сохранить духовные ценности, усвоить уроки прошлого, использовать опыт, полученный более чем за тысячелетний период существования Отечества.

Страны Запада прилагают колоссальные усилия в своем стремлении сломить Россию, поставить на колени, расчленив и, в конце концов, уничтожить ее и Русский мир в целом. Для достижения этой цели они не только используют экономические санкции, активно снабжают Украину самым современным оружием, усиленно вербуют наемников, желающих убивать русских, – против нашей страны развернута беспрецедентная информационная война, составной частью которой является дискредитация и даже демонизация ее руководства, фальсификация отечественной истории.

История с незапамятных времен служит полем битвы идеологий. Особенно обострилась идеологическая борьба, как известно, в XX в., с образованием в России социально-политической системы, бросившей вызов капитализму. На Западе существовал огромный штат научных и околонучных работников, известных как советологи, специализировавшихся на изучении истории СССР. Из-под их пера вышли сотни и даже тысячи статей и монографий, дававших искаженное представление о нашей стране.

После распада СССР ведущую роль в разрушении исторической памяти российского социума взяли на себя отечественные либералы. Переписыванию истории, а по существу – извращению событий прошлого, клевете на исторические личности, деяниями которых по праву гордится страна, противостоят в основном патриотически настроенные ученые.

Свой вклад в отстаивание исторической правды надеется внести и коллектив преподавателей кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. По заданию Департамента государственной службы и кадров (ныне – Главного управления по работе с личным составом) МВД России ими подготовлены методические рекомендации и очерки по наиболее актуальным темам отечественной истории. Большинство из них посвящены деятельности отечественных органов внутренних дел. Ранее в трудах исследователей этих тем (в силу их специфичности, сложности и, зачастую, недоступности архивного материала), как правило, уделялось недостаточно внимания проблемам искажения нашей истории, хотя эти темы особенно активно используются фальсификаторами в своих целях.

В представленных очерках объектом критики являются в основном мифы. Известно, что существует два типа мифов.

Мифы первого типа служат героизации, возвеличиванию подлинных и вымышленных персонажей, являются составной частью общественного сознания и выполняют, безусловно, позитивную функцию.

Мифы второго типа, как правило, выступают важнейшим средством изменения сложившихся в общественном сознании позитивных представлений об отдельных личностях и событиях, некоторых общественных институтах и органах власти и, в конечном счете, способствуют деформации и даже разложению исторической памяти.

В очерках не только содержится богатый фактический материал по каждой теме, в них раскрыты истоки мифов, оказавших или оказывающих негативное влияние на общественное сознание. Следует особо отметить, что

истоками некоторых мифов, искажающих отечественную историю, являлись не только либеральные, но и марксистские идеи, а также честолюбивые устремления некоторых руководителей страны, намеренно дискредитировавших своих соратников и предшественников (например, дискриминация И. В. Сталина Л. Д. Троцким и Н. С. Хрущевым).

Настоящие методические рекомендации и очерки адресованы всем, кто интересуется отечественной историей и желает знать правду. Для полноценного освоения тем они снабжены документальными материалами. Документы приводятся прежде всего в качестве подтверждения объективности позиций авторов, сформированных ими выводов и оценок.

РАЗДЕЛ 1

Александр Невский – великое имя России!

Методические рекомендации по теме

Настоящие методические рекомендации предназначены для использования при подготовке и проведении научных, научно-просветительских и воспитательных мероприятий в рамках концепции «Стратегии развития и воспитания Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г., по противодействию фальсификации истории России с сотрудниками центральных и практических подразделений органов внутренних дел, курсантами и слушателями образовательных организаций МВД России, а также для совместных мероприятий подразделений и учреждений МВД России с иными государственными, общественными и просветительскими организациями Российской Федерации.

Цели методических рекомендаций:

– формирование чувства искреннего патриотизма, гордости за нашу Родину, осознания выдающейся роли Александра Невского в истории и национальной памяти народа.

– содействие воспитанию чувства долга перед Родиной, формированию национальной идентичности;

– помощь в осмыслении таких традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества, как служение Отчизне, стремление к справедливости и самопожертвованию, героизм и воинский долг, великодушие и милосердие;

– воспитание уважения к службе на благо государства.

Задачи методических рекомендаций:

– помочь осмыслить значение личности князя Александра Невского для истории России;

– оказать содействие в разоблачении исторического ревизионизма конца XX – начала XXI в., ориентированного на дискредитацию образа Александра Невского как национального героя и защитника Отечества;

– мотивировать интерес к героическим страницам истории России, личности, жизненному подвигу и военному таланту Александра Невского.

Александр Невский – великое имя России!

14 ноября 1263 г. в Городце на Волге, возвращаясь из Орды, усердный великий владимирский князь Александр Ярославич, впоследствии прозванный потомками «Невским». Перед смертью он принял монашескую схиму под именем Алексия. Тело Александра решили доставить в стольный Владимир. На подъезде к городу, в Боголюбове, траурный эскорт встречали митрополит Кирилл, духовенство, бояре и множество народа. Определяя масштаб случившегося, авторы Жития Александра Невского отмечали, что земля содрогнулась от людского вопля, стенаний и горького плача, когда глава Русской церкви обратился к своей пастве со словами: «Чада моя, разумейте, яко уже заиде солнце земли Суздальской!»¹. 23 ноября Александра похоронили в соборе княжеского Рождественского монастыря во Владимире, где постепенно стал формироваться его культ.

Местное чествование Александра со временем перешагнуло границы обители. Уже во второй четверти XV в. в «Родословии великих князей русских», включенной в Комиссионный список Новгородской первой летописи, отмечался тот факт, что Александр был родоначальником Даниловичей – московской правящей династии. Тем самым подчеркивался авторитет и обосновывались претензии московских князей на политическое

¹ *Бегунов Ю. К.* Памятники русской литературы XIII в. «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1961. С. 193–194.

лидерство в Русской земле. При этом Александр награждался эпитетами «храбрый» и «великий»¹.

Нельзя не отметить и тенденцию представить князя общерусским святым. 13 ноября 1480 г., во время знаменитого стояния на реке Угре, митрополит Геронтий обратился с посланием к Ивану III (1462–1505), в котором понуждал великого князя твердо стоять против татар, уповая на небесную помощь, в том числе и «святого старца князя Александра Невского»². Свое логическое завершение эта линия получила на церковном соборе 1547 г., где Александр был официально канонизирован. Дата погребения святого во Владимире (23 ноября) стала почитаться в качестве дня его памяти. Параллельно происходило усиление «династического дискурса», нацеленного на укрепление авторитета центральной власти в стране и обоснование внешнеполитических устремлений правительства. Так, в Лицевом своде, который создавался в период Ливонской войны (1558–1583), особенно отмечалась победа Александра над немецкими рыцарями в 1242 г. Эта страница его биографии должна была легитимировать притязания Ивана IV (1547–1584) на Прибалтийские земли, где тогда господствовал Ливонский орден.

Большую популярность Александр Невский получил в XVIII столетии. Благодаря усилиям Петра I (1689–1725) он становится покровителем Санкт-Петербурга, основанного в 1703 г. в устье Невы. Здесь по личному распоряжению царя-реформатора в 1712 г. строится новая Александро-Невская обитель, куда 30 августа 1724 г., в третью годовщину завершения Северной войны, из Владимира переносятся мощи святого. При Екатерине I (1725–1727) учреждается орден Александра Невского (1725 г.), которым стали награждать за личные заслуги перед Отечеством. С 1743 г. при участии Елизаветы (1741–1761) устанавливается ежегодный крестный ход

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.;Л., 1950. С. 465.

² Послание митрополита Геронтия и Освященного собора Русской митрополии великому князю Ивану Васильевичу // Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. М., 1987. Вып. 2. С. 277.

и праздничное богослужение в Александро-Невском монастыре с участием императорской семьи, духовенства, кавалеров ордена, высших чинов государства и простого народа. Это была дань памяти и Александру, и Петру I. Последний воспринимался как продолжатель ратного подвига древнерусского князя. Екатерина II (1762–1796) отмечала значение исторического образа Александра Невского для воспитания подрастающего поколения. В своих «Записках касательно российской истории» она характеризовала его как мудрого и осмотрительного правителя, который заботился о благе подданных и родной земли¹.

Память об Александре Невском активно культивировалась в XIX – начале XX в. Причем наряду с защитой Отечества и православия в заслугу ему стали вменять сбережение национальной культуры. Политический курс, который проводил Александр, способствовал сохранению языка, традиций и обычаев русского народа. Все это могло исчезнуть в результате завоевания Руси монголами. Фигура Александра была изображена на памятнике «Тысячелетие России», который торжественно открыли в 1862 г. в Новгороде. С началом Первой мировой войны (1914–1918) Александр стал одним из главных символов национальной идентификации. В 1914 г. в книжной серии «Библиотека войны» вышел том, посвященный битве русских дружин против немецких рыцарей на льду Чудского озера². В 1916 г. на воду был спущен ледокол «Святой Александр Невский».

В первые два десятилетия Советской власти личность Александра подверглась уничтожающей критике со стороны историков-марксистов первого призыва³. С одной стороны, князя критиковали с классовых позиций как «правителя-феодала» и врага новгородской демократии⁴, а с другой,

¹ Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007. С. 155–156.

² Новинский Н. Ледовое побоище. Сражение с немцами в 1242 году. Ярославль, 1914.

³ См., напр.: Александр Ярославич Невский // Большая советская энциклопедия. М., 1926. Т. 2. С. 167–168.

⁴ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1923–1926. С. 34.

он попал под огонь антирелигиозной пропаганды как один из наиболее известных русских святых. Так, для разоблачения культа Александра 12 мая 1922 г. состоялось публичное вскрытие его мощей. Несмотря на это, святой продолжал почитаться верующими страны, а его ратные подвиги прославлялись в исторических трудах русской эмиграции.

Возвращение Александру Невскому статуса одного из главных национальных героев началось в 1937 г. и во многом было связано с агрессивной политикой национал-социалистической Германии. Усиление антифашистской пропаганды в СССР, а также попытки создания антигитлеровской коалиции ускорили реабилитацию древнерусского князя как выдающегося полководца и политика¹. Победа 1242 г. в советской идеологической парадигме стала определяться как важный исторический урок, который должен был охладить воинственный пыл руководства Третьего рейха и содействовать формированию патриотизма у населения СССР. В 1937 г. деятельность Александра Невского получает освещение на страницах официально одобренного учебника по истории СССР². В 1938 г. в журнале «Знамя» печатается поэма Константина Симонова «Ледовое побоище», а 1 декабря того же года на экраны выходит фильм С. М. Эйзенштейна «Александр Невский», который имел большой успех у зрителей. В 1939 г. известный советский композитор С. С. Прокофьев создает кантату «Александр Невский»

В тяжелейший период Великой Отечественной войны, когда немцы рвались к Москве, имя Александра Невского было названо в ряду тех героев национальной истории, чей пример должен вдохновлять советский народ на борьбу с агрессором. В известном обращении к солдатам Красной Армии 7 ноября 1941 г. И. В. Сталин сказал: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского,

¹ *Казаченко А.* Замечательный исторический урок. Ледовое побоище и Невская битва // Исторический журнал. 1937. № 3–4. С. 156–164.

² История СССР. Краткий курс / под ред. А.В. Шестакова. М., 1946. С. 26–27.

Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова»¹. Широкий отклик в советской прессе получил 700-летний юбилей битвы на Чудском озере. Печатные работы об Александре Невском стали активно переводиться на языки народов СССР. 29 июля 1942 г. был учрежден советский орден его имени, которым награждались военные командиры. Осенью 1943 г. Русская православная церковь открыла особый счет для сбора средств на военные цели. Частично эти деньги пошли на создание авиационной эскадрильи имени Александра Невского.

Патриотический образ Александра Невского активно популяризировался и в послевоенный период. В 1945 г. в Переславле-Залесском открыли музей Александра, а в 1959 г. в Новгороде был поставлен монумент князю. Календарные дни побед на Неве и Чудском озере, 15 июля и 5 апреля соответственно, вошли в учебники истории в качестве базовых дат курса. Вплоть до конца 80 – начала 90-х гг. прошлого века Александр Невский единодушно причислялся к выдающимся личностям отечественной истории, а его имя прочно ассоциировалось с победой над внешними врагами нашей страны. В этом ключе в 1990 и 1992 гг. общественность отпраздновала 750-летие двух памятных сражений. В июне 1989 г. мощи святого были возвращены из Государственного музея истории религии в Александро-Невскую лавру.

Однако в результате провозглашенной в конце 80-х гг. политики гласности государство, по сути дела, отказалось от контроля над гуманитарным знанием. В результате многие события отечественной истории стали подвергаться не всегда обоснованной ревизии, которая активно поощрялась геополитическими противниками России. Эта критика, которая совершалась под лозунгом борьбы с «белыми пятнами» и «темными страницами», коснулась не только советского прошлого – Октябрьской революции, Гражданской войны, сталинской модернизации и Великой Отечественной войны, но и событий значительно более отдаленных.

¹ *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1943. С. 37.

Под сомнение была поставлена деятельность многих государственных деятелей отечественной истории дореволюционного периода, например, Ивана IV Грозного, Петра I, Екатерины II и ряда других правителей России. Личность Александра Невского тоже попала под прицел исторического ревизионизма: вместо талантливого полководца и дипломата он предстал в образе властолюбивого предателя национальных интересов Руси. Дело дошло до весьма резких оценок и характеристик. Так, один из критиков периода перестройки писал: «Позор русского исторического сознания, русской исторической памяти в том, что Александр Невский стал непререкаемым понятием национальной гордости, стал фетишем, стал знаменем не секты или партии, а того самого народа, чью историческую судьбу он жестоко исковеркал»¹.

Одна из первых попыток развенчания культа памяти Александра Невского в конце XX в. принадлежит профессору Оксфордского университета Дж. Феннелу. По мнению английского исследователя, именно на Александре лежит ответственность за униженное положение Руси в отношении Золотой Орды, поскольку его политика способствовала установлению гнета иноземных завоевателей. Древнерусскому князю инкриминируется использование в 1252 г. военного контингента монголов для расправы над своими политическими противниками – братьями владимирским князем Андреем и тверским князем Ярославом. Последние действовали заодно с волынским князем Даниилом Романовичем. «Так называемое татарское иго, – пишет Феннел, – началось не столько во время нашествия Батые на Русь, сколько с того момента, как Александр предал своих братьев»². Кроме того, Александр обвиняется в том, что он не сделал ничего для поддержания «духа сопротивления Золотой Орде» в 1262 г., когда в ряде городов Залесской Руси вспыхнули антимонгольские восстания.

¹ Сокольский М. М. Заговор Средневековья // Сокольский М.М. Неверная память: Герои и антигерои России. Историко-полемические эссе. М., 1990. С. 193.

² Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 149.

Определяя итоги деятельности Александра, английский исследователь заявляет: «Требуется беспредельная щедрость сердца, чтобы назвать его политику самоотверженной»¹. При этом сам историк признается, что его выводы основаны не столько на показаниях источников, которые «не смеют говорить правды»(!), сколько на догадках и предположениях².

Феннел отказывается видеть в наступлении западных соседей спланированную агрессию против ослабленной Руси, предпочитая квалифицировать события 1240–1242 гг. как локальные приграничные конфликты между соседями. Так, успехи русского оружия в 1240 и 1242 гг. называются «мелкими победами». В качестве аргумента он ссылается на свидетельства письменных источников, которые содержат упоминания о людских потерях противоборствующих сторон. Новгородская первая летопись старшего извода определяет потери русских на Неве числом 20 человек³. «Эта странность», по мнению исследователя, «позволяет предположить, что “великая сеча” была не более чем очередным столкновением между шведскими отрядами и новгородскими оборонительными силами из происходивших время от времени в XIII и XIV веках»⁴. Согласно Старшей Ливонской рифмованной хронике, в битве на льду Чудского озера было убито 20 рыцарей и шесть попали в плен⁵. Данное свидетельство, как отмечает Феннел, «не дает оснований считать это военное столкновение крупным сражением, даже если принять во внимание стремление автора к стыдливому преуменьшению потерь своей стороны»⁶.

Пользуясь авторитетом победителя и зажиточной части новгородского общества, Александр Невский заставил Новгород повиноваться власти татар: население было переписано и принуждено платить дань завоевателям.

¹ Феннел Дж. Указ. соч. С. 163.

² Там же. С. 148.

³ Новгородская первая летопись... С. 77.

⁴ Феннел Дж. Указ. соч. С. 143.

⁵ Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 234.

⁶ Феннел Дж. Указ. соч. С. 145.

Поэтому «хан Золотой Орды мог быть доволен преданным сотрудничеством со стороны Александра», благодаря стараниям последнего «режим татарского гнета» получил стимул к последующему укреплению¹.

Более категоричные оценки деятельности Александра Невского находим у отечественного исследователя М. М. Сокольского, который усматривает в политической деятельности князя заговор «против первоестественных основ народной жизни» с целью установления на Руси деспотической системы власти. В реализации этого замысла он опирался на Золотую Орду. «Русский народ, русская культура, русская свобода, – пишет Сокольский, – были преданы и проданы изнутри»². Этим предателем, по его мнению, и был Александр Невский. Историк обвиняет князя в том, что он, во-первых, не поддержал своих братьев и волынского князя Даниила в борьбе с завоевателями; во-вторых, отказался от предложения Рима участвовать в большой антимонгольской коалиции; в-третьих, недооценил возможности сопротивления Орде со стороны Пскова и Новгорода и, наконец, не использовал в интересах Руси борьбу внутри монгольской элиты. Вместо этого Александр направил все свои силы «на подавление новгородско-псковского узла сопротивления» (проведение насильственной переписи – *Ю. А.*)³, а в 1262 г. не оказал помощи восставшим русским городам.

Как и английский историк, Сокольский отказывается видеть в сражении на Чудском озере значимую победу русского оружия. Имея в виду битву при Шауляе (22 сентября 1236 г.), он отмечает, что литовцам удалось сделать значительно больше: они уничтожили не 20, а 48 полноправных рыцарей. «На фоне таких цифр, – подытоживает исследователь, – сильно тускнеет блеск знаменитого побоища»⁴.

¹ *Феннел Дж.* Указ. соч. С. 160.

² *Сокольский М. М.* Указ. соч. С. 194.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 195.

Сомнение в статусе Александра Невского как «мужественного борца против агрессоров, покушавшихся на свободу и независимость нашей родины», высказывает И. Н. Данилевский. Как и предшественников, его смущают численные потери русских в Невской битве. Кроме того, историк отмечает, что шведам никто не мешал хоронить павших, и покинули место битвы они только на следующее утро, «поэтому схватка в устье Ижоры больше напоминала партизанский рейд по тылам противника, чем большое сражение»¹. Что касается сражения на Чудском озере, то оно по своему масштабу уступало и Шауляйской (1236 г.), и Раковорской (1268 г.) битвам. Обе победы Александра представляются Данилевскому не эпохальными событиями, а заурядными эпизодами «нашей многострадальной истории».

Историк ставит под сомнение тезис о том, что князь проводил политику в интересах объединения и усиления Руси. По его мнению, Александр Невский настойчиво искал для себя верховной власти, поэтому использовал военную силу Орды. В 1252 г. он выступил против антимонгольской коалиции русских князей, в которую входили волынский князь Даниил, бывший владимирский князь Андрей Ярославич и его брат тверской князь Ярослав. В середине – второй половине 50-х гг. XIII в. Александр вновь встал на сторону татар, когда оказал им всестороннее содействие в проведении поголовной переписи населения для обложения его данью. Так, возмущение новгородцев против монгольских численников он подавил силой². Обращаясь к событиям 1262 г., Данилевский риторически отмечает: «Никто не знает, какой ценой были подавлены эти выступления...»³. Искажение исторического образа Александра Невского он связывает с преувеличением его военных заслуг и замалчиванием тесного сотрудничества с монголами.

¹ Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): курс лекций. М., 2001. С. 188.

² Там же. С. 212.

³ Там же. С. 216.

Историк полагает, что, используя помощь монгольских правителей, «Александр Невский закрепил деспотические традиции управления Северо-Западными землями Руси, заложенные его предшественниками»¹. Благодаря усилиям князя страна на многие годы вперед была подчинена Золотой Орде. Именно Александр сделал окончательный, хотя и не вполне осознанный выбор между двумя социокультурными моделями – Востоком и Западом². Эта модель получила свое логическое завершение в самых крайних формах деспотизма уже в период правления Ивана IV Грозного. Наряду с этим русская цивилизация приобрела «традиционно-консервативную экономику» и «нетерпимость к инакомыслию».

Таким образом, исторический ревизионизм конца XX – начала XXI в. ориентирован на дискредитацию образа Александра Невского как национального героя и защитника Отечества. Основанием данной оценки являются следующие аргументы:

1) Военные победы на Неве и Чудском озере, которые были одержаны под руководством Александра, не имели большого значения для истории Руси. Эти сражения представляли собой заурядные приграничные столкновения соседей, на которые были весьма богаты XIII–XIV вв. Решающим аргументом в данном случае выступают указания источников на незначительность потерь, которые понесли противоборствующие стороны.

2) Александр активно противодействовал любым попыткам выступлений против власти Орды. В 1252 г. он сорвал попытку консолидации антимонгольских сил внутри Руси, когда выступил против родных братьев и их союзника волынского князя Даниила Романовича. Содействовал проведению ордынской переписи и фактически «сдал» ханам Новгород и Псков, которые избежали нашествия Батыя в 1237–1238 гг., а в 1262 г. не поддержал восстание горожан против иноземного ига. Не принял Александр и предложения Запада войти в коалицию против

¹ Данилевский И. Н. Указ. соч. С. 228.

² Там же. С. 217.

завоевателей, тем самым сделав судьбоносный для России выбор в пользу Востока.

3) Властолюбие Александра сделало его коллаборационистом, заставило встать на путь предательства национальных интересов Руси. Он содействовал закреплению деспотической системы управления, тем самым затормозив развитие страны на десятилетия вперед.

Как видно, обвинения, выдвинутые против Александра Невского, весьма серьезны. Но посмотрим, насколько они аргументированы и обоснованы историческими источниками. Начнем с оценки значения побед на Неве и Чудском озере.

Причиной конфликта между Новгородом и Швецией стала борьба за влияние в южной Финляндии. В начале XIII в. шведы установили контроль над территориями юго-западной Финляндии, населенными племенем суоми (древнерус. сумь). Дальнейшее продвижение во внутренние области страны привело к попыткам подчинения другого финского племени – хеме (швед. тавасты), которое уже входило в сферу влияния Новгорода. Политика скандинавов в этом регионе имела свои характерные черты: «шведские феодалы не ограничивались получением дани (как это делали новгородцы – Ю. А.¹), они стремились закрепиться в новых землях, возводя там крепости, подчиняя местное население пришлой администрации, вводя шведское законодательство, идеологически подготавливая и закрепляя все это насильственным обращением тавастов в католичество»². Такая политика вскоре привела к росту недовольства среди автохтонов.

В декабре 1237 г. римский папа Григорий IX (1227–1241) ответил буллой на просьбу главы шведской церкви, в которой призвал к организации крестового похода против тавастов, недавно выступивших против скандинавского владычества. В папском послании отмечалось, что это

¹ «Ибо в обычае у русских королей, – пишет, например, автор Ливонской хроники, – когда они покоряют язычников, – не обращать их в христианскую веру, но заставлять их платить им дань и деньги» (*Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Указ. соч. С. 121).

² *Кучкин В.А.* Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси // *Отечественная история.* М., 1996. № 5. С. 20.

восстание было поддержано «врагами креста» и «близкими соседями» хеми, под которыми подразумевалась карела, территории проживания которой входили в состав Новгорода. Зная о монгольском разорении Руси, шведы решили воспользоваться ситуацией и укрепиться в устье Невы, чтобы взять под контроль выход в Финский залив и тем самым отрезать Новгород от юго-восточной Финляндии.

В июне 1240 г. шведский флот появился в устье Невы. О серьезности намерений противника свидетельствует Лаврентьевская летопись, которая сообщает о вражеских «станах и обрытьях», то есть строительстве укреплений с оборонительным валом¹. Таким образом, действия скандинавов представляли собой не грабительский набег или карательную акцию, а являлись попыткой укрепиться на Новгородской земле путем возведения опорной крепости. Этой же тактики они придерживались в Финляндии, устанавливая свое господство над ее населением. Кстати, аналогичная попытка укрепиться в устье Невы была предпринята шведами в 1300 г., тогда на Охтинском мысе они построили крепость Ландскрона (швед. «Венец земли»).

Узнав о появлении шведского флота, Александр действовал быстро и смело. Не рассчитывая на помощь отца, владимирского князя Ярослава Всеволодовича, он решил атаковать противника силами собственной дружины и небольшого отряда новгородцев. Впоследствии к этим силам присоединились ладожане. Утром 15 июля 1240 г. русские внезапно напали на шведский лагерь. Не ожидая атаки, противник потерпел поражение. Житие Александра сообщает, что в ходе боя состоялся поединок князя с предводителем шведов, который получил ранение в лицо². Новгородский летописец свидетельствует, что в сражении погиб шведский воевода. Об ожесточенности битвы и масштабе поражения скандинавов говорит тот факт, что телами «лучших мужей», то есть профессиональных воинов

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 479.

² Бегунов Ю. К. Указ. соч. С. 189.

(феодалов) были наполнены два корабля. Одна шведская шнека вмещала в среднем 100 человек. Если принять в расчет гребцов (15–20 пар весел), то на двух кораблях могло разместиться приблизительно от 60 до 120 тел. А для «прочих», как отмечает хронист, выкопали яму и побросали туда «без числа». Общие потери противника он определяет выражением «многое множество». Ночью, не дожидаясь рассвета, шведы ушли прочь. Летописец дает понять, что отступление противника было спешным и паническим¹. Поэтому суждение И. Н. Данилевского о том, что «шведы после поражения, видимо, не очень спешили», не выдерживает проверки источником. Противника спасли наступающие сумерки².

Общие потери русского войска, согласно летописцу, составили «20 мужь с ладожаны, или мне (менее – Ю. А.)». Имея в виду урон противника, такое число павших русских воинов, на первый взгляд, кажется сомнительным. Но здесь необходимо принять во внимание два обстоятельства: во-первых, войско Александра атаковало внезапно, что привело к панике и, как следствие, к большим потерям среди шведов, а во-вторых, летописец фиксирует, прежде всего, потери среди профессиональных воинов. Например, при описании взятия Торжка монголами в начале марта 1238 г., когда население города было почти полностью уничтожено, хронист отмечает смерть всего четыре знатных новоторжцев³. Но отсюда вовсе не следует, что только эти четверо воинов погибли от рук захватчиков. При штурме хорошо укрепленного немецкого Юрьева потери русского войска составили два знатных воина⁴. «Конечно, – пишет по этому поводу В. А. Кучкин, – Невская битва по своему масштабу уступала битвам при Бородино или Ватерлоо, но для XIII столетия это было

¹ Новгородская первая летопись... С. 77.

² «Сражение прекратилось, по-видимому, с наступлением темноты, и шведы получили возможность похоронить погибших. Под покровом ночи остатки вражеского войска погрузились на корабли и отплыли восвояси» (*Горский А. А.* Александр Невский – герой или коллаборационист? // *Горский А. А.* «Всего еси исполнена земля русская...». Личности и ментальность русского средневековья. Очерки. М., 2001. С. 44).

³ Новгородская первая летопись... С. 76.

⁴ Там же.

крупное сражение, в котором участвовало несколько тысяч человек»¹. Таким образом, потери русского войска в битве на Неве не могут служить аргументом в пользу ее незначительности и заурядности. По меркам Средневековья это была вполне серьезная баталия.

В конце лета 1240 г. Новгородская земля подверглась агрессии со стороны рыцарей-крестоносцев. Время немецкого выступления позволяет думать, что оно было согласовано со шведами. Объединенные силы Тевтонского ордена, епископа Дерпта, датского короля и бывшего псковского князя Ярослава Владимировича внезапным ударом овладели Изборском. Попытка жителей Пскова отбить эту приграничную крепость потерпела неудачу. Немцы разбили псковичей и преследовали их вплоть до стен города, который затем осаждали в течение недели. Псков удалось взять только благодаря предательству части бояр во главе с Твердилой Иванковичем. Некоторые псковичи вместе с женами и детьми бежали в Новгород². В Пскове был оставлен небольшой немецкий гарнизон³.

Зимой 1240–1241 гг. противник овладел чудскими и водскими территориями Новгорода, построил в погосте Копорье крепость. Немецкие отряды разоряли новгородские земли, грабили купцов, приближаясь к городу на расстояние тридцать верст. В условиях агрессии рыцарей-крестоносцев возник конфликт Александра с новгородским боярством, в результате которого князь вместе с дружиной уехал к отцу в Переяславль. Дважды новгородцы снаряжали посольство к Ярославу Всеволодовичу с просьбой вернуть им Александра и только со второй попытки добились желаемого.

По возвращении в Новгород в марте 1241 г. Александр сразу взялся за дело. Усилив дружину новгородцами, ладожанами, карелою и ижорянами, он отбил Копорье. Часть пленных немцев отправил в Новгород, а часть отпустил. Предателей из числа местного населения князь приказал повесить. Вскоре Александр получил помощь от отца: в Новгород с дружиной прибыл

¹ Кучкин В. А. Указ. соч. С. 23.

² Новгородская первая летопись... С. 77–78.

³ Бегунов Ю. К., Клейненберг И. Э., Шаскольский И. П. Указ. соч. С. 209.

брат Андрей. Перекрыв все пути, связывающие Псков с владениями Ордена, Ярославичи при содействии псковичей стремительным набегом взяли город¹. Попавших в плен немцев и их союзников князь приказал доставить в Новгород. Затем военные действия были перенесены на территорию противника. Вперед с разведкой Александр отправил отряд под командованием Домаша Твердиславича. Однако встреченный немцами он был частично уничтожен, а частично нашел спасение в бегстве. Узнав о случившемся, Александр отступил на лед Чудского озера. Здесь 5 апреля 1242 г. у мыса острова Вороний русское войско встретилось с главными силами немцев. Двигаясь в форме клина («свиньей»), крестоносцы прорвали центр оборонительной линии, но были атакованы с флангов. Этот удар решил исход сражения: сначала дрогнули союзники – чудь, затем побежали рыцари. Семь верст русские воины преследовали и уничтожали отступающих. Новгородский летописец сообщает, что в ходе битвы погибло 400 немцев, а 50 взято в плен. Что же касается чуди, то ее пало «без числа»². Старшая Ливонская рифмованная хроника, созданная одним из членов Ордена в конце XIII в., предлагает иную статистику: 20 рыцарей убитыми, шесть пленными³. Едва ли это расхождение связано с тем, что русский летописец сильно завышал потери врага, а автор хроники занижал. Дело тут в другом: кроме представителей Ливонского ордена в сражении участвовали воины дерптского епископа, а также кнехты – немецкая пехота. Рыцари представляли собой наиболее боеспособную часть войска, но численно она была невелика. Так, согласно «той же Хронике, во время похода на Псков в 1268 г. из каждых ста воинов лишь один был рыцарем Ордена»⁴. Не будем забывать и о том, что 26 рыцарей – это почти четверть личного состава Ливонского ордена. Но значение одержанной победы на Чудском озере определяется не столько потерями, сколько последующими событиями,

¹ О помощи жителей Пскова сообщает Ливонская рифмованная хроника (Бегунов Ю. К., Клейненберг И. Э., Шаскольский И. П. Указ. соч. С. 210).

² Новгородская первая летопись... С. 78.

³ Матузова В. И., Назарова Е. Л. Указ. соч. С. 234.

⁴ Горский А. А. Александр Невский – герой или коллаборационист? С. 47.

а именно обращением Ордена с просьбой заключить мир на чрезвычайно выгодных для Новгорода условиях. Рыцари отказывались от всех завоеваний в Новгородской земле и предлагали обмен пленными¹. Могло ли такое предложение быть результатом заурядной приграничной стычки? Думаю, ответ очевиден.

Серьезным обвинением в адрес Александра в трактовке его критиков являются события 1252 г. Что произошло в этом году? Согласно наиболее древней Лаврентьевской летописи, новгородский князь Александр отправился в Орду, где был принят и получил ярлык на великое княжение Владимирское. После этого Батый послал против владимирского князя Андрея Ярославича, младшего брата Александра, монгольский отряд. Андрей бежал в Переяславль, где княжил его союзник брат Ярослав. Там монголы настигли беглеца, но князьям все же удалось скрыться. Между тем в плен попали жена и дети Ярослава. Переяславская земля была разорена, тысячи людей взяты в плен. Объясняя причину случившегося, летописец отмечает, что Андрей не захотел «царемъ служить» (то есть подчиняться воле ханов)². После того как монголы покинули Русь, вернулся Александр, который был торжественно встречен населением и посажен на Владимирский стол. Софийская Первая летопись сообщает, что Андрей нашел убежище в Швеции³.

Критики Александра интерпретируют указанные события следующим образом: новгородский князь отправился в Орду, чтобы отобрать ярлык на Великое княжение у Андрея; здесь он оговорил родного брата, после чего хан отправил против Андрея карательную экспедицию. В такой трактовке Александр Ярославич, действительно, «предстает беспринципным человеком, готовым на все ради увеличения своей власти»⁴. Но важно то, что ни один из источников того времени не сообщает о кознях Александра

¹ Новгородская первая летопись... С. 78–79..

² ПСРЛ. Т. 1. М., 2001. Стб. 473.

³ ПСРЛ. Т. 39. М., 1994. С. 87.

⁴ Горский А. А. Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского. С. 65.

против братьев Андрея и Ярослава. Это умозаключение родилось только в XVIII в. и принадлежит В. Н. Татищеву. В своей «Истории Российской» он писал: «Иде князь великий Александр Ярославич во Орду, к хану Сартаку, Батыеву сыну, и прият его хан с честью. И жаловался Александр на брата своего великого князя Андрея, яко сольстив хана, взя великое княжение под ним, яко старейшим, и грады отческие ему поимал, и выходы и тамги хану платит не сполна. Хан же разгневался на Андрея и повеле Неврюи салтану идти на Андрея и привести его перед себя...»¹.

Думать, что В. Н. Татищев пользовался каким-то не дошедшим до нас источником, нет оснований. Перед нами естественная попытка разобраться в событиях прошлого, дать их логическое объяснение, «опираясь на сходные факты из более поздней нашей истории, когда русские князья нередко приезжали с жалобами на своих братьев в Орду»². Историк рассуждал следующим образом: раз карательная экспедиция была отправлена на Русь после отъезда Александра в Орду, значит именно он ее и спровоцировал для удовлетворения своего тщеславного желания стать великим князем. В труде В. Н. Татищева таких «дополнений» немало: в то время еще не принято было отделять текст источника от собственных суждений.

Думаю, есть основания согласиться с интерпретацией событий 1252 г., которую предлагает А. А. Горский. Андрей Ярославич получил ярлык на великое княжение в 1249 г. из рук не сарайского хана Батыя, а враждебной ему ханши Огуль-Гамиш в Каракоруме. Используя этот факт, Андрей, как и союзный ему волынский князь Даниил Романович, стремился проводить независимую от Сарая политику. Но в 1251 г. каракорумский стол занял Мунке – ставленник Батыя. После этого Батый решил сам распределить столы между русскими князьями, которых и вызвал в Орду. Александр покорился, а Андрей, как замечает летописец, по совету бояр решил «бегати, нежели царемь служити», то есть предпочел не ехать

¹ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 5. М., 1996. С. 40.

² *Карпов А. Ю.* Великий князь Александр Невский. М., 2010. С. 165.

и скрываться. Той же тактики, судя по всему, стал придерживаться и волынский князь. Тогда против Андрея и Даниила были отправлены карательные экспедиции, а ярлык на Великое княжение передан Александру. Таким образом, решение покарать строптивых князей родилось у Батые не в результате оговора, а было predetermined предшествующими событиями.

Не исключено, что благодаря заступничеству Александра разорению подверглись только окрестности Переяславля, а не вся Северо-Восточная Русь. Показательно также, что впоследствии Александр и Андрей не питали взаимной вражды. Именно Александр настоял на возвращении Андрея на Русь и передал ему из своих владений Суздальское княжение. Вместе с Андреем Александр в 1257 г. ездил в Орду, где, вероятно, ходатайствовал о прощении брата.

В царствование великого хана Менгу (1251–1259) в масштабах всей Монгольской империи началась перепись населения с целью сбора дани: в 1252 г. она была организована в Китае, в 1253 г. – в Иране, в 1254 г. – на Кавказе. Переписи подлежало все мужское население покоренных стран. Всякие попытки уклониться от выплаты дани очень жестко подавлялись. Вот, например, что писал о действиях монголов на Кавказе один из очевидцев: «Требую налогов сверх сил и доведя этим людей до нищенства, они стали мучить и терзать их тисками; скрывшихся ловили и умерщвляли. У тех, кто не мог заплатить, брали детей...»¹. Эта участь ожидала и население Руси.

Под 1257 г. Лаврентьевская летопись сообщает, что монгольские численники переписали население Владимиро-Суздальской, Рязанской и Муромской земель. В преддверии этих событий русских князей специально вызывали в Орду, где обязали содействовать проведению переписи². Наверное, поэтому в Северо-Восточной Руси, судя по молчанию источников,

¹ Патканов К. П. История монголов по армянским источникам. Вып. 1. СПб., 1874. С. 78.

² Карпов Ю. А. Указ. соч. С. 184.

она прошла более или менее спокойно. А вот в Новгороде, который формально не подчинялся Орде, известие о предстоящем обложении населения данью вызвало мятеж. Зимой 1257–1258 гг. в сопровождении Александра и его дружины в город приехали монгольские чиновники, однако новгородцы отказались подчиниться и ограничились тем, что передали богатые дары хану. Вероятно, немалую мзду получили и сами численники. Однако было понятно, что этим дело не ограничится¹.

Зимой 1259 г. монгольские численники вновь прибыли на Русь. Главная цель этого визита заключалась в переписи населения Новгородской земли. Сделать это без поддержки князей было сложно. Поэтому сначала представители Орды приехали во Владимир, а уже отсюда в сопровождении Александра, Андрея и ростовского князя Бориса проследовали в Новгород. Под угрозой монгольского вторжения горожане приняли ханских посланцев. Однако перепись шла с большими трудностями, чернь волновалось, поэтому монголы потребовали у Александра обеспечить им личную безопасность. Князь подчинился. После длительного противостояния население все-таки было переписано.

Давление, которое Александр оказал на жителей свободлюбивого города, было вынужденное. Если бы избиение татарских численников, которое замыслили простые новгородцы, произошло, Северо-Западную Русь ждала карательная экспедиция со всеми вытекающими отсюда последствиями: сожжением городов, массовыми убийствами, пленением тысяч людей и, в конечном счете, подчинение переписи. Александр, несомненно, понимал это: еще памятно было Переяславское разорение 1252 г. О неуступчивости монголов в вопросе подчинения говорят события того же времени в Галицко-Волынской земле. В 1258–1259 гг. долго сопротивлявшийся давлению Орды князь Даниил Романович все-таки

¹ Среди тех, кто встал на сторону мятежников был правивший в Новгороде князь Василий, сын Александра. Правда, узнав о приближении отца, он бежал в Псков. Александр заставил сына вернуться в Суздальскую землю, а с теми, кто подговорил его поддержать восставших, жестоко расправился: одним урезали носы, других лишили зрения (См.: Новгородская первая летопись... С. 82).

признал верховенство хана. По требованию монголов он вместе с братом Васильком вынужден был отдать приказ о срытии главных крепостей своего княжества, которые в течение долгого времени укреплял. Более того, дружины этих князей приняли участие в монгольском походе на Литву и Польшу – своих недавних союзников. Таким был печальный итог антимонгольской политики Романовичей.

К месту будет отметить, что не оправдала себя надежда Даниила на содействие Римского папы. Хотя на первых порах он на нее всерьез рассчитывал. В 1246 г. папа Иннокентий IV (1243–1254) запретил крестоносцам вторгаться в Галицко-Волынскую землю и обещал Даниилу свое покровительство. В 1248 г. он даже попросил князя сообщать о движении кочевников, чтобы впоследствии оказать им совместный отпор. Но это были пустые обещания с целью подчинения Русской церкви. Когда в 1253 г. Даниил известил понтифика о приближении монголов и попросил помощи, тот обратился к рыцарству Чехии, Моравии, Сербии и Померании с призывом оказать содействие. Однако никакой помощи не последовало: никто на Западе не собирался рисковать ради спасения Руси. Вскоре Даниил осознал бессмысленность союза с папой, и отношения с ним были разорваны. А уже в 1255 г. литовский король Миндовг получил разрешение Рима воевать с русскими как с неверными. Лицемерие папы состояло и в том, что параллельно он вел переговоры с монголами о принятии католичества с последующим установлением своей власти над Русью.

Предложение Иннокентия IV о союзе в январе 1248 г. получил и Александр. Увещевая подчинить Русскую церковь власти Рима, папа обещал ему свое содействие в борьбе с Ордой: «Как только проведаешь, что татарское войско на христиан поднялось, чтобы не преминул ты немедля известить об этом братьев Тевтонского ордена... дабы... мы смогли безотлагательно поразмыслить, каким образом, с помощью Божией, сим татарам мужественное сопротивление оказать»¹. В отличие от Даниила

¹ Матузова В. И., Назарова Е. Л. Указ. соч. С. 263–265.

Александр значительно быстрее осознал бесперспективность соглашения с Римом. Он понимал, что западные соседи не будут жертвовать собственным благополучием ради спасения Руси, они скорее воспользуются ее ослаблением для расширения собственного влияния. Агрессия 1240–1242 гг. это хорошо показала. Кроме того, новгородский князь почти два года (1248–1249) провел в степях, где имел возможность наблюдать военную мощь монголов. Сдерживать натиск кочевников силами Руси и ближайших соседей тогда было попросту невозможно. Такое сопротивление могло привести только к новым бессмысленным жертвам. Как видно из истории Галицко-Волынской Руси, расчет Александра на бесперспективность сближения с Западом для борьбы с монголами полностью себя оправдал. Через несколько десятилетий после кончины Даниила его владения были завоеваны Литвой.

С начала 60-х гг. XIII в. начинается распад Монгольской империи. В это время сарайские правители становятся самостоятельными и независимыми. Русские земли отреагировали на эти перемены серией городских восстаний. В 1262 г. в крупнейших городах Залесской Руси – Ростове, Владимире, Суздале и Ярославле – народ выступил против сборщиков дани, часть которых была перебита, а часть нашла спасение в бегстве. Карательной экспедиции из Сарая не последовало: вероятно, там не хотели вступаться за чиновников великого хана. Устюжский летописец сообщает о некоей грамоте Александра, которую рассылали по городам, чтобы поднять народ на борьбу. Даже если считать этот рассказ более поздним вымыслом, обращает на себя внимание тот факт, что восстание началось в разных местах одновременно¹. Не указывает ли это на существование единого руководства? Так или иначе, у нас больше оснований говорить о поддержке Александром этого выступления, нежели полагать, что он его подавил.

¹ ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVII вв. Л., 1982. С. 30.

В конце 1262 г. Александр в очередной раз отправился в Орду. Сарайскому хану Берке нужны были вспомогательные войска для военного похода в Азербайджан. Князь понимал, что выполнение воли хана обернется для русского населения новыми бессмысленными жертвами. Житие Александра сообщает, что он попытался лично «отмолить людей» от такой беды, и это ему удалось¹. Несколько месяцев по воле Берке Александр провел в Орде, где и заболел. На Русь он возвращался уже больным...

В течение веков образ Александра Невского был важной и неотъемлемой частью российского исторического сознания. При этом он не был статичен. Неоднократно черты биографии князя менялись под воздействием текущей политической конъюнктуры, его имя использовалось в политических спорах и дискуссиях. Но при этом почти всегда отмечался выдающийся характер деятельности Александра Невского для истории Руси. Объяснение этого феномена нужно искать в той сложной ситуации, в которой наша страна оказалась в середине XIII в.: с одной стороны, монгольское нашествие, поставившее русскую цивилизацию на грань выживания, а с другой – возрастающая агрессия Запада, угрожающая суверенитету страны. Вопрос о том, сумеет ли Русь сохранить свою государственность и культуру, отнюдь не был риторическим. Известно, например, что в результате монгольского завоевания с политической карты исчезла Волжская Булгария – восточный сосед Руси, прекратилась самостоятельная история половецкого этноса. В этих условиях победы Александра Невского укрепляли веру русского народа в собственные силы, имели большое жизнеутверждающее значение. До сих пор князь репрезентирует, прежде всего, обороноспособность и силу нашего Отечества. Кроме того, проблема выбора между Востоком и Западом, с которой столкнулся Александр, стала одним из существенных вопросов истории России.

¹ *Бегунов Ю. К.* Указ. соч. С. 193.

Жизнь Александра Ярославича была наполнена военными походами и яркими победами, дипломатическими переговорами и политическими компромиссами. Как полководец он не знал поражений на поле битвы, а как правитель был противником междоусобных войн. Александр всегда предпочитал договариваться, понимая, что в условиях иноземного ига любая усобица будет иметь следствием еще большее ослабление Руси. Защита границ и стремление оградить население от грабежа и насилия – вот отличительные особенности политического курса Александра. Известно, что князь тратил немалые средства для выкупа русских пленных. Понимая невозможность вооруженного сопротивления Орде, Александр предпочитал действовать путем переговоров, просьб и соглашений. «Подвигом смирения на Востоке» назвал эту политику Г. В. Вернадский. Главным здесь было не допустить войны и сохранить мир. А добиться этого было не так просто. Имея в виду все сказанное выше, наверное, будет правильно, вслед за А. А. Горским, назвать Александра «расчетливым, но не беспринципным политиком»¹.

Библиографический список

1. Александр Ярославич Невский // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969–1978. – Т. 2. – М., 1926. – 9 с.
2. Бегунов, Ю. К. Александр Невский. Жизнь и деяния святого и благоверного великого князя. – М., 2003. – 261.
3. Бегунов, Ю. К. Памятники русской литературы XIII в. «Слово о погибели Русской земли / Ю. К. Бегунов. – М.: Л., 1961. – 231 с.
4. Бегунов, Ю. К. Письменные источники о Ледовом побоище / Ю. К. Бегунов, И. Э. Клейненберг, И. П. Шаскольский // Ледовое побоище 1242 г.: Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища / отв. ред. Г. Н. Карасев. – М.-Л., 1966. – С. 169–240.
5. Горский, А. А. Александр Невский – герой или коллаборационист? / А. А. Горский // «Всего еси исполнена земля русская...»: Личности и ментальность русского средневековья: Очерки / А. А. Горский. – М., 2001. – С. 41–61.

¹ Горский А. А. Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского // Александр Невский в истории России. Новгород, 1996. С. 72.

6. Горский А. А. Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского // Александр Невский в истории России. – Новгород, 1996. – С. 64–75.
7. Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций / И. Н. Данилевский. – М., 2001. – 339 с.
8. Казаченко А. Замечательный исторический урок. Ледовое побоище и Невская битва / А. Казаченко // Исторический журнал. – 1937. – № 3–4. – С. 156–164.
9. Карпов А. Ю. Великий князь Александр Невский / А. Ю. Карпов. – М., 2010. – 327 с.
10. Кучкин В. А. Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси / В. А. Кучкин // Отечественная история. – 1996. – № 5. – С. 18–33.
11. Кучкин В. А. К биографии Александра Невского / В. А. Кучкин // Древнейшие государства на территории СССР. – М., 1986. – С. 71–80.
12. Кучкин В. А. О дате рождения Александра Невского / В. А. Кучкин // Вопросы истории. – 1986. – № 2. – С. 174–176.
13. Матузова В. И., Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарий / В. И. Матузова, Е. Л. Назарова. – М., 2002. – 448 с.
14. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / подг. к изд. А.Н. Насонов. – М.; Л., 1950. – 640 с.
15. Новинский Н. Ледовое побоище. Сражение с немцами в 1242 году / Н. Новинский. – Ярославль, 1914. – 16 с.
16. Патканов К. П. История монголов по армянским источникам / К. П. Патканов. – СПб., 1873. – Вып. 1. – 107 с.
17. Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке / М. Н. Покровский. – М., 1923–1926. – 267 с.
18. Сокольский М. М. Заговор Средневековья // Неверная память: Герои и антигерои России. Историко-полемические эссе / М. М. Сокольский. – М., 1990. – 351 с.
19. Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза / И. Сталин. – М., 1952. – 208.
20. Татищев В. Н. История Российская : в 7 т. – М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1962–1968. – Т. 5. – 478 с.
21. Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304 / Джон Феннел : пер. с англ. В. В. Голубчикова; вступ. Ст. А. Л. Хорошкевич, А. И. Плигузова. – М., 1989. – 291.
22. Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000) / Ф. Б. Шенк / авториз. пер. с немецкого . Е. Земской и М. Лавринович. – М., 2007. – 589 с.

РАЗДЕЛ 2

Министерство полиции Российской империи: факты против домыслов

Методические рекомендации по теме

Настоящие методические рекомендации и приложенные материалы предназначены для использования при подготовке и проведении научных, научно-просветительских и воспитательных мероприятий в рамках концепции «Стратегии развития и воспитания Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г., по противодействию фальсификации истории России с сотрудниками центральных и практических подразделений органов внутренних дел, курсантами и слушателями образовательных организаций МВД России, а также для совместных мероприятий подразделений и учреждений МВД России с иными государственными, общественными и просветительскими организациями Российской Федерации.

Цели методических рекомендаций:

– формирование правосознания, основанного на представлении о преемственности позитивного содержания деятельности органов охраны порядка и безопасности, направленной на сохранение общества как единой развивающейся социальной системы и государства как производного от этого общества многофункционального института;

– опровержение представлений о развитии отечественной полиции как основы некоего типа государства, который современная западная пропаганда активно пытается характеризовать как антинародное, употребляя определения с негативной коннотацией – полицейское, тоталитарное, авторитарное, азиатского типа, государство-жандарм;

– оказание содействия в разоблачении представлений, нашедших распространение в учебной и публицистической литературе,

ориентированных на дискредитацию полиции, на создание негативного образа правоохранительной системы в общественном сознании;

– мотивирование интереса к истории полиции Российской империи во время совершенствования основных институтов полицейского управления и их становления в новом министерском измерении.

Задачи методических рекомендаций:

– содействие воспитанию чувства профессионального долга и формированию национальной идентичности;

– воспитание уважения к службе на благо государства, чувства искреннего патриотизма;

– противодействие распространению либеральной идеологии, в которой противопоставляются понятия социального и правового государства;

– изучение опыта организации и функционирования Министерства полиции в предвоенное время и в период Отечественной войны 1812 г.

Министерство полиции Российской империи:

действительность против домыслов

Формирование отечественной правоохранительной системы, важнейшей составляющей которой является полиция, вызывает непреходящий интерес будущих и действующих полицейских, всех тех, кому небезразличны судьбы правопорядка в России. Обращение к первым десятилетиям XIX в. в истории Российской империи – времени реформирования основных институтов полицейского управления и их становления в новом министерском измерении – позволяет опровергнуть представления о развитии отечественной службы охраны порядка как основы некоего типа государства, который современная западная пропаганда активно пытается характеризовать как антинародное, употребляя определения с негативной

коннотацией – полицейское, тоталитарное, авторитарное, «азиатского типа», «государство-жандарм»¹.

Попытки создать отрицательный образ полиции как ядра российской государственности неоднократно предпринимались применительно к имперскому периоду ее развития; в этом периоде усматривались истоки авторитарной и тоталитарной модели развития правоохранительной системы России. Тем самым модель «государства-жандарма» обретала большой «историзм», призванный придать ей некие универсальные отрицательные свойства, якобы проявляющиеся на всех этапах развития. Эти свойства принимались последующими авторами на веру как не нуждающиеся в подтверждении и конкретизации.

Первые работы, написанные с точки зрения этого подхода, как показывает изучение историографии вопроса, появились уже в 20-е гг. прошлого столетия, когда публикацию статей по истории царской секретной полиции начал британский «Полицейский журнал», поставивший целью изучение «теории, практики и принципов полицейского дела»². Серия публикаций была затем продолжена этим изданием под тенденциозной рубрикой: «Инструменты тирании: русская секретная полиция».

Однако современные западные исследователи отдают пальму первенства в разработке этого подхода Х. Арндт – одной из основателей школы критики советского тоталитаризма. В ее тенденциозной работе по истории России, получившей широкое распространение в 50-е гг. прошлого столетия³, была заложена идея, согласно которой «царская охранка» стала «предшественницей Чека и всевидящей полиции в государстве Большого

¹ Отрицательный образ органов поддержания порядка некоторые средства массовой информации пытаются сформировать и поддерживать и в постсоветской России. Особенно активны эти попытки были во время подготовки и проведения полицейской реформы. См., напр., *Соловьев К.А.* Слово феникс из пепла. О перспективах полицейского государства в России // Независимая газета. 2012. 22 мая.

² См.: *The Russian Secret Police // The Police Journal: Theory, Practice and Principles: Volume: 2. Issue: 3. P. 492–502; July 1, 1929.* <https://doi.org/10.1177/0032258X2900200315>. (дата обращения 28.08.2021).

³ *Arendt H.* *The Origins of Totalitarianism.* New York, 1951.

Брата»¹. Вышеупомянутый «Полицейский журнал» также внес вклад в распространение этой идеи, поместив на своих страницах дайджест под названием «Большой брат. Советская полицейская система»². Идея была подхвачена и другими авторами³.

Указанный подход стал традиционным для зарубежной «желтой прессы». Претендующая на объективность историография также испытала его влияние. Как можно заметить, в ней часто игнорировались такие общепринятые методы исторического исследования, как периодизация, хронополитическая типологизация политических систем, предполагающая анализ полицейских институтов в соответствии с определенным типом политической системы. Во многих общих работах по истории России и специальных – по истории ее правоохранительной системы и полиции – на всех этапах развития российской государственности и при различных политических режимах деятельность полиции/милиции оценивалась как системное проявление насилия, подавления устремлений населения к свободе и либеральных идей – от момента их зарождения в XVIII в. до воплощения в жизнь в деятельности декабристов, народников, социал-демократов, а также всех противников советского строя и диссидентов⁴.

Уделяя преимущественное внимание политическому сыску на рубеже XIX–XX вв. и в советский период, западная историография игнорировала деятельность общей полиции по охране порядка, поддержанию законности и стабильности в рамках существующего строя, что способствовало искажению исторической реальности. Замалчивание приоритетного

¹ *Figes O.* A People's Tragedy. The Russian Revolution, 1891–1924. London, 1996. P. 124.

² Big Brother: The Soviet Police System // *The Police Journal: Theory, Practice and Principles*. 1968. July 1. <https://doi.org/10.1177/0032258X6804100706>.

³ *Knight A.* The KGB: Police and Politics in the Soviet Union. Boston, 1990.

⁴ Исключение из правила составили работы Ф. Цукермана и Я. Лочлена, в которых авторы обращаются к историческим источникам и пытаются доказательно анализировать особенности структуры и деятельности политической полиции, предметно очерчивая сферу ее деятельности. См.: *Zuckerman F.* The Tsarist Secret Police in Russian Society, 1880–1917. L., 1996; *Lauchlan I.* Security Policing in Late Imperial Russia // *Late Imperial Russia: Problems and Prospects. Essays in Honour of R. B. McKean*. Manchester, 2005. P. 44–63.

направления деятельности полиции по охране порядка и законности в первой четверти XIX в. вело к фальсификации истории этого правоохранительного института.

В связи с вышеперечисленными обстоятельствами обращение к вопросу о создании и функционировании Министерства полиции Российской империи представляет особый интерес.

Обеспечившее в кризисный момент нашей истории внутреннюю безопасность и правопорядок, это учреждение оказалось недооцененным и отечественными историками. До недавнего времени в общих работах по истории полиции его деятельность получала либо нейтральные оценки, либо акцент делался на негативных моментах его деятельности¹. В немногочисленных работах, специально затрагивавших историю этого учреждения, преобладал описательный подход, в соответствии с которым освещалась структура и приводилась нормативная база функционирования Министерства без концептуального анализа. Подводя итоги деятельности Министерства, авторы подчеркивали, что она не принесла желаемых результатов². Исключением стало исследование А. В. Борисова, более объективно и предметно отразившее историю министерства полиции³.

Преодоление недооценки роли Министерства полиции было успешно начато в работах А. В. Давиденко, посвященных вкладу российских полицейских в сокрушение наполеоновской армии⁴. Кроме того, Давиденко удалось выявить и обозначить проблему объективной оценки личных качеств реформатора М. М. Сперанского, проявившихся в его преклонении перед Наполеоном и чрезмерном франкофильстве, граничившем с изменой. Занятая

¹ Мулукаев Р. С. История полиции дореволюционной России. М., 1981; История отечественных органов внутренних дел. М., 2005; Сизиков М. И., Борисов А. В., Скрипилев А. Е. История полиции России. (1718–1917 гг.). М., 1992.

² Мухортов А. А. Организация Министерства полиции: опыт его деятельности // Проблемы в российском законодательстве. Юридический журнал, 2014, № 6. С. 223–224.

³ Борисов А. В. Министерство полиции. М., 1992.

⁴ Давиденко А. В. «Содействовать против всех вражеских замыслов и покушений...» Труды и подвиги российской полиции в эпоху 1812 года. М., 2019; *Его же*. «Содействовать против всех вражеских замыслов и покушений...»: Труды и подвиги российской полиции в эпоху 1812 года. Продолжение: очерки. М., 2020.

в марте 1812 г. Сперанским и проявившаяся в его конкретных поступках позиция, как показал Давиденко, расходилась с национальными интересами России и лично императора Александра I, что и привело к ссылке реформатора.

Характерно, что, несмотря на большой интерес к Сперанскому со стороны отечественных и зарубежных исследователей, в историографии нет специальной работы, в которой бы анализировались проекты Сперанского в сфере реформирования полицейского управления, реализованные в создании Министерства полиции.

Единственная научная статья А. А. Помигалова, посвященная анализу взглядов Сперанского на полицию, охватывает период 20–30-х гг. XIX в., когда Министерство полиции уже было ликвидировано¹. Автор упоминает о важнейшей особенности понимания сущности полицейского ведомства Сперанским, объясняя её наличием у политика контрольной («надзорной») функции, впрочем, не раскрывая ее подробно.

Цель данной публикации – обозначить реальную картину деятельности Министерства полиции, осуществлявшейся в конкретный исторический период – до и после Отечественной войны 1812 г., завершившейся грандиозной победой русской армии и созданием нового европейского порядка – Союза трех императоров. Новое европейское политическое устройство при имеющемся разнообразии форм правления, в сущности, имело целью формирование стабильной государственности, предполагавшей наличие национального суверенитета и законности и развивавшейся

¹ Помигалов А. А. М. М. Сперанский и проблема преобразования Санкт-Петербургской полиции в 1820–1830 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2009. Вып. 2. С. 130–134. В диссертации Ю. В. Тома (Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке: дис. ... д.и.н. СПб., 2003) рассматриваются, наряду с другими, нереализованные проекты реформирования полиции на местах, разработанные Сперанским в период 20–30-х гг. XIX в. В работе Д. Кристиана взгляды Сперанского на полицейские проблемы не рассматриваются. См.: *Christian, David. The Political Ideals of Michael Speransky. The Slavonic and East European Review. 1976. Vol. 54. No. 2. P. 192–213. www.jstor.org/stable/4207253 (Accessed 31 Aug. 2021).*

в сторону парламентаризма, ограниченного рамками дуалистической монархии.

Если использовать типологию, предложенную французским правоведом К. де Мальбергом, разработанную применительно к истории Франции, после наполеоновских войн начался период вызревания «государства законности» (*etat legal*) как преемника полицейского государства и предшественника государства правового¹.

В ходе Наполеоновских войн и в последующий период проходили значительные сдвиги в правовом сознании европейской и российской правящей элиты, не всегда отчетливо различимые для современников, но нашедшие отражение в реформировании структур, разграничении функций и появлении новых направлений деятельности полицейских институтов по всей Европе. В Российской империи новые идеи материализовались, в том числе, в создании Министерства полиции.

Это учреждение возникло как результат реализации проекта Сперанского, как его детище, долженствующее развить просветительские послы, заложенные реформатором, такие как контроль полиции над соблюдением законности для всех подданных при условии их гражданского равенства, постепенное обретение крестьянами правоспособности, рационализация бюрократического управления. Однако просветительский настрой Сперанского привел его к переоценке степени могущества Наполеона и благородства намерений последнего в отношении России (как и других покоренных им государств). Франция времен I Империи, возглавляемая представителями новой элиты – конгломератом крупной буржуазии, чиновничества, новых крупных землевладельцев, – стремилась к захватам территорий, ресурсов и увеличению сфер влияния, а отнюдь не к бескорыстному распространению идей эпохи Просвещения,

¹ *Carré de Malberg R. Contribution a la théorie générale de l'Etat, spécialement d'après les données fournies par le droit constitutionnel français / R. Carré de Malberg. T. 1. P., 1920. P. 229, 488–489; Carré de Malberg R. La loi, expression de la volonté générale, etude sur le concept de la loi dans la Constitution de 1875. P., 1931.*

хотя соответствующие идеям просветителей призывы служили завоевателю информационным прикрытием.

По воле судьбы, нашедшей выражение в деятельности определенных лиц, Министерство полиции Российской империи, созданное реформатором и поклонником Наполеона М. М. Сперанским, продолжило свой путь в период Отечественной войны и в послевоенные годы без своего создателя, отправленного в ссылку Александром I до начала военных действий, в марте 1812 г. Оно осуществляло свою деятельность как полицейский институт национального государства, отстаивая интересы формирующейся великорусской нации. В борьбе с Наполеоном Министерство полиции сыграло выдающуюся роль, его создание накануне войны обеспечило централизованное управление службами охраны порядка по всей Российской империи. Многие заложенные в проекте Сперанского принципы рационального управления были реализованы впоследствии в деятельности Министерства внутренних дел, в состав которого было включено Министерство полиции в 1819 г.

В России, как и других ведущих государствах Европы, универсальный характер поддержания нормативного порядка нашел выражение в форме полицейской организации, становление которой пришлось на эпоху Просвещенного абсолютизма и было структурировано в рамках министерской системы управления. Развитие полицейских структур сопровождалось, а в ряде случаев инициировалось, *формированием системы концептуальных идей* об охране порядка, безопасности, управлении и поддержании нормативного поведения, свойственного как представителям властных структур, так и выразителям интересов различных социальных слоев общества. На протяжении XVIII–XIX вв. этот процесс проявился не только в виде принятых законодателем нормативных актов, но в форме составления законодательных проектов, записок и предложений, исходивших как от самих государей, так и в большей степени от представителей высшего управленческого слоя России. Побудительными факторами этого процесса

являлись, в первую очередь, внутренние потребности. Однако нередко его участники обращались к европейскому опыту в указанной сфере, в частности, к трудам французского юриста-правоведа Жана Дома (1625–1696), в которых полиция была представлена как универсальный механизм управления, призванный не только поддерживать вертикаль власти на основе норм публичного права, но и обеспечивать законность в осуществлении частных прав подданных. Известны были в России и работы Н. Деламара (1639–1723), последователя Ж. Дома, который в своем трехтомном «Трактате о полиции» проследил историю полиции в разных странах и провел систематизацию полицейского законодательства во Франции. Влияние работ Дома и Деламара проявилось в проектах Сперанского – «Записке об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» 1803 г. и «Плане государственного преобразования (введении к Уложению государственных законов) 1809 г.

Вопрос о роли полиции в механизме государственного управления Российской империи начал впервые предметно обсуждаться на заседаниях Негласного комитета, работа которого проходила в 1801–1804 гг.

Первоначально на заседаниях Негласного комитета было высказано предложение А. Чарторыйского учредить полицейскую власть как особую ветвь власти, подчинив ее надзору Сената, по образцу судебной полиции Франции, а наряду с ней учредить Министерство внутренних дел как исполнительный орган в сфере благосостояния. В этом предложении прослеживался либеральный подход с точки зрения разделения властей. Александр I увидел в контроле Сената над полицией усиление роли аристократии и угрозу абсолютизму, поэтому проект создания полицейской власти был отвергнут.

В результате дальнейшего обсуждения вопроса было принято решение включить полицию в МВД, а позднее создать Министерство полиции под личным контролем императора. При этом полиция рассматривалась

как административное управление, обеспечивающее внутреннюю безопасность и общественное спокойствие.

Сосредоточение в Министерстве внутренних дел, созданном в 1802 г., управления государственным хозяйством, полицейскими учреждениями, органами социальной защиты стало важным шагом к достижению целей, провозглашенных возникшей в период Просвещенного абсолютизма концепцией полицейского государства, – обеспечению благосостояния, безопасности и порядка в Российской империи. Особое значение имело сосредоточение управления городской полицией в рамках экспедиции спокойствия и благочиния, как важнейшего подразделения МВД.

Вместе с тем, по замыслу М. М. Сперанского, реформы не должны были ограничиться созданием министерств; одним из важнейших направлений дальнейших преобразований должно было стать *укрепление законности*, которое он соотносил с усилением державной власти.

Просвещенная державная власть в лице монарха, по мнению Сперанского, должна была октроировать конституцию, проект которой был им предложен. В достаточно длительной перспективе Сперанский предполагал провести отмену крепостного права и предоставить личные права крепостным крестьянам, составлявшим основную массу населения Российской империи. Такой подход соответствовал общеевропейской тенденции развития правосознания к идее легального государства. Проект Сперанского, таким образом, выходил за рамки концепции полицейского государства и создавал предпосылки плавного перехода к государству легальному. Введение подданных всех сословий в права гражданства путем постепенного предоставления этих прав в установленном порядке требовало более четкого определения функций полиции и большей ее централизации.

В «Записке об устройстве судебных и правительственных учреждений в России», написанной Сперанским в 1803 г., полиция понималась как «средство, избранное правительством к сохранению действия закона в его непрерывности, способ удерживать деяния людей в порядке и пресекать

всякое насилие». «Полиция есть непрерывное действие закона, удерживающее... назначенный порядок»¹.

Следуя разработанной во Франции классификации полиции по видам деятельности, Сперанский указывал на три способа удерживать закон в непрерывном действии, которым соответствуют три вида полиции: 1) восстановление, когда закон нарушен (задача полиции исполнительной); 2) пресечение насилия на месте (задача полиции смирительной); 3) предупреждение насилия (задача полиции предохранительной)².

В «Плане государственного преобразования (введение к Уложению государственных законов 1809 г.)», содержащем проект конституции, Сперанский провозгласил главными целями дальнейших реформ *укрепление законности и усиление державной власти*.

Характеризуя ветви державной власти, Сперанский относил полицию к исполнительной власти (правительству, министерствам); им подтверждена обозначенная ранее, в «Записке» 1803 г., необходимость создания Министерства полиции. Новой, по сравнению с подходом, изложенным в «Записке», являлась идея охраны законности и прав подданных всех сословий – главная цель деятельности Министерства полиции.

«Прежде нежели можно думать о промышленности и народном богатстве, прежде нежели можно помышлять о казенных доходах, должно оградить лицо и стяжание каждого безопасностью: посему-то и выше было замечено, что часть сия (министерство полиции. – *Н. Ф.*) должна служить всем другим внутренним частям утверждением и некоторым ручательством в успехе их предприятий»³.

Поэтому-то Сперанский и предлагал учредить Министерство полиции как самостоятельный орган управления, функциями которого стало бы

¹Сперанский М. М. Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России // Сперанский М. М. План государственного преобразования (введение к Уложению государственных законов 1809 г.). М., 1905. С. 33.

² Там же. С. 33–36.

³ Там же. С. 25.

осуществление надзора за законностью, охрана внутренней безопасности и порядка, пресечение и предотвращение преступности. За полицией он предполагал сохранить и досудебное расследование, возложенное на нее «Уставом благочиния, или полицейским» 1782 г. По его мнению, Министерство полиции могло бы стать гарантом прав, которые монарх постепенно будет октроировать.

В 1810 г., с учреждением Государственного совета, Сперанский стал государственным секретарем – самым влиятельным сановником России и вторым после императора лицом в государстве. В этом году он разработал Манифест «О разделении государственных дел на особые управления, с означением предметов, каждому управлению принадлежащих...», утвержденный императором Александром 25 июля 1810 г.

Согласно указанному Манифесту, из министерства внутренних дел выделялось министерство полиции, которое ведало:

«1) всеми учреждениями к общему благоустройству или к полиции предохранительной относящиеся, как-то: дела медицинские и карантинные, дела по продовольствию, хлебные городские и сельские магазины, безопасность путей сообщения, дела по цензурным установлениям, по приказам общественного призрения;

2) дела полиции исполнительной, как-то: приведение в исполнение приговоров судов судебных мест, сбор недоимок, устройство внутренней стражи, заведения смирительные, рабочие, полиция темничная»¹.

Проект Сперанского встретил резкое неприятие определенных слоев российской управленческой элиты. Их идеолог М. Н. Карамзин считал, что Россия не созрела для отмены сословных привилегий и их высшего проявления – крепостного права, ей не нужны административные реформы. Для установления законности нужно просвещение народа, результатом которого станут «правила, мысли народные, которые лучше всех бранных

¹ Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. XXXI. № 24307.

форм удержат будущих государей в пределах законной власти... Чем? – страхом возбудить всеобщую ненависть в случае противной системы царствования»¹.

Историк видел возможность улучшения управления в России не в изменении форм учреждений и организаций, являющихся инструментами власти, а в мудрости государя, основанной на нравственности, на внутреннем неприятии монархом беззакония и произвола, в воспитании преданных власти и в конечном счете России, патриотически настроенных государственных мужей.

В «Записке о древней и новой России» нашла отражение глубокая обеспокоенность Н. М. Карамзина открыто проявившейся к весне 1811 г. опасностью, грозившей России со стороны империи Наполеона. Карамзин пытался привлечь внимание государя к тому, что франкофильство, одним из носителей которого он с основанием считал Сперанского, и поддерживаемый им культ Наполеона представляли серьезную угрозу безопасности российского государства.

Как отмечает в своих воспоминаниях Я. И. де Санглен, министром полиции Александр I решил назначить не питавшего либеральных иллюзий А. Д. Балашова, которому Сперанский поручил составить «учреждение», то есть устав министерства, а Балашов перепоручил этот труд ему, де Санглену. Разработанный документ был направлен Сперанскому на рассмотрение и возвращен им без замечаний². По своему содержанию, стилистике и лексике этот документ отличался от проектов Сперанского в сторону более реалистичного, «почвенного» подхода, отсутствия французских заимствований.

25 июня 1811 г. Александр I подписал разработанные де Сангленом Манифест «Учреждение Министерства Полиции» и «Наказ Министру

¹ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. М., 1990. С. 49.

² Санглен Я. И. Записки Якова Ивановича де-Санглена. 1776–1831 гг. // Русская старина, 1883. Т. 37. № 1. С. 17–18.

полицейских», которые стали нормативной основой организации и деятельности министерства полиции.

В «Учреждении Министерства Полиции» подчеркивалось, что «существо власти, вверяемой Министерству Полиции, состоит в том, чтоб действием его и главным надзором Законам и Учреждениям, к охранению внутренней безопасности установленным, доставить скорое и точное исполнение»¹.

Министерство полиции состояло из трех департаментов: Департамента полиции хозяйственной, Департамента полиции исполнительной, Медицинского департамента, а также Общей и Особенной канцелярий министра. В ведении Особенной канцелярии было осуществление политического сыска и разведки.

В компетенцию Департамента полиции хозяйственной входил контроль за соблюдением снабжения городов, особенно Петербурга и Москвы продовольствием, пресечение спекуляции, а также надзор за смиренными и работными домами.

Самым большим подразделением министерства стал Департамент полиции исполнительной, образованный на основе экспедиции государственного благоустройства МВД. В Департаменте полиции исполнительной было три отделения.

Первое отделение Департамента полиции исполнительной собирало статистические данные, занималось регистрацией происшествий, фактов рождения и смерти, для чего были введены специальные формы учета. В нем проводился подбор кадров в различные полицейские службы.

Второе отделение осуществляло надзор за проведением следствия по уголовным и гражданским («судным») делам, а также контролировало исполнение полицией судебных приговоров. В состав его входило два стола: дел уголовных и дел судебных (гражданских). В столе уголовных дел велись дела по устройству тюрем и их стражи; пересылке колодников

¹ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXI. № 24687. Гл. III. Ч. II. С. 721.

и распределению преступников к работам; надзору за производством полицейских следствий по уголовным делам и поимкой преступников; пресечению бродяжничества, картежных игр, непомерного ростовщичества; о раскольниках. Во втором столе осуществлялся надзор за исполнением полицией приговоров судов по гражданским делам («по разным казенным и частным взысканиям»); «пресечение всякого самоуправства в правах личных и по имуществу»; рассмотрение жалоб на полицию, «наблюдение, чтобы законы о порядке власти и повиновения в праве земском с точностью были исполняемы».

Третьему отделению было поручено содействовать в организации и проведении общих ревизий губерний. На него возлагались также содержание земского ополчения (милиции), поимка дезертиров и другие задачи.

Медицинский Департамент ведал санитарным надзором, организацией мер по предотвращению эпидемий и эпизоотий, снабжением лекарствами.

Кроме охраны внутренней безопасности Министерство полиции наделялось правом надзирать за окончательным исполнением законов по всем министерствам.

Министром полиции был назначен личный адъютант императора граф Балашов. Правителем Особенной канцелярии при нем стал де Санглен. И тот, и другой проявили себя на ответственных постах в период военных испытаний как государственные деятели, преданные государю, Отечеству, национальным интересам России.

Распространенным в первой четверти XIX в. среди правящей элиты России стереотипом, получившим хождение и за рубежом, стало представление о том, что министерство полиции России было создано по образцу и подобию министерства полиции наполеоновской Франции. Этот стереотип возник на основе домыслов, возникших по причине употребления Сперанским в своих проектах французских терминов, обозначающих полицейские структуры.

Анализ соответствующих структур и правовых основ деятельности министерств дает основания сопоставить цели и направления деятельности двух ведомств, концептуальные модели их функционирования.

Вступление Франции в новый исторический этап развития – этап легального государства – формально ознаменовалось принятием законодательства Французской революции, впитавшего в себя идеи радикального Просвещения. Применительно к новым публично-правовым институтам стал употребляться термин «административное право», заменивший термин «полицейское право». Однако провозглашенные в конституциях принципы, свойственные легальному государству, не были реализованы из-за отсутствия порядка и стабильности, восстаний и мятежей, волнений и гражданской войны, захвативших Францию. Легальное государство, зарождение которого формально можно отнести ко времени Французской революции, оформилось в полной мере, созрело лишь в последней четверти XIX в.

В период I Империи наряду с решением внешнеполитических задач, Наполеон создал систему полицейского управления, ориентированную на поддержание внутренней безопасности, порядка и осуществление внешней экспансии, отвечающую потребностям, присущим новому правящему классу. При этом он опирался на учрежденное Директорией 2 января 1796 г. министерство общей полиции, сыгравшее исключительно важную роль во всей последующей истории полицейской организации Франции.

После смены на посту министра полиции девяти неэффективных чиновников на протяжении первых трех лет существования министерства десятым по счету министром незадолго до переворота 18 брюмера, приведшего к власти Наполеона Бонапарта, был назначен Ж. Фуше (1759–1820). Фуше находился на должности министра общей полиции четыре срока: с 20 июля 1799 г. по 15 сентября 1802 г.; с 11 июля 1804 г. по 3 июля 1810 г. (при этом в течение нескольких месяцев 1809 г. он был одновременно

и министром внутренних дел); с 20 марта по 23 июня 1815 г.; с 8 июля по 15 сентября 1815 г. За это время в стране сменилось шесть различных государственно-правовых режимов: Директория, Консульство, Первая империя, Первая реставрация, Сто дней, Вторая реставрация. Но услуги Фуше оказались востребованными при любых изменениях политической обстановки.

В период первой магистратуры Фуше еще стремился демонстрировать республиканские взгляды, апеллируя к законности. На момент провозглашения империи во Франции в ходе революции 1789–1794 гг. была осуществлена гуманизация полицейского права, направленная на сокращение степени вмешательства государства в экономику и частную жизнь. В «Декларации прав человека и гражданина» был провозглашен культ закона, в рамках которого должна действовать администрация; закреплён принцип действия закона, согласно которому «разрешено все, что не запрещено», установлено равенство граждан перед законом. В «Кодексе правонарушений и наказаний», принятом во Франции в 1795 г. полиция была разделена на административную, призванную предупреждать и пресекать деликты, и судебную, в обязанности которой входило расследование преступлений и наказание преступников.

Однако в 1799 г. был создан Государственный совет как законосовещательный и судебный орган по делам государственного (публичного) управления, в составе которого находилось отделение внутренних дел; Государственный совет действовал под контролем первого консула. В 1806 г. в нем появилось судебное отделение с компетенцией рассмотрения исков по публичным делам под личным контролем императора.

Наряду с подчинением себе юстиции по делам о государственных преступлениях Наполеон провел жесткую централизацию созданных в ходе революции департаментов, в которые направлял префектов, возглавлявших полицию; они были ответственны перед императором. По мере укрепления

личной власти Наполеона министр полиции Фуше отбросил республиканские убеждения и увидел свою задачу в создании такой полиции, «которая, имея повсеместно глаза и руки, может арестовать виновного повсюду, где преступления могут быть совершены, той полиции, которая, располагая для сохранения общественного порядка вооруженной силой (более могущественной по отношению ко всем силам, которые могут нарушить этот порядок) и всеми другими средствами, способна доставить виновного в руки юстиции и устранить или сокрушить каждого, кто противопоставляет себя выполнению этих действий»¹.

По его инициативе 17 февраля 1800 г. был принят закон, учреждающий единообразную структуру полицейских должностей на всей территории республики. Низовым звеном полицейского аппарата становилась единоличная должность комиссара полиции, учреждаемая в городах и селениях с числом жителей от пяти до десяти тысяч человек. Если население превышало эту цифру, на каждые десять тысяч жителей сверх установленной нормы должно было приходиться еще по одному комиссару. В городах, где население превышало 100 тысяч человек, вводилась должность генерального комиссара полиции, которому подчинялись все городские комиссары и который, в свою очередь, находился в непосредственном подчинении министра общей полиции².

Декретом 10 июля 1804 г. вся территория империи была поделена на четыре полицейских округа, во главе которых были поставлены чиновники в ранге государственных советников. В первый округ вошло 35 департаментов страны, во второй – 28, в третий – 43; Париж выделялся в особый, четвертый округ³.

¹ Цит. по: *Егоров А. А.* Фуше. Ростов н/Д, 1998. С. 107. Характеристику воззрений Фуше на сущность полицейского управления и полиции см.: *Кучма В. В.* Полицейская организация Франции от свержения якобинской диктатуры до крушения Первой империи (1794–1814 гг.) // Вестник ВолГУ. Сер. 5. Юриспруденция. 2005. Вып. 7. С. 24–31.

² *Кучма В. В.* Указ. соч.

³ Там же.

К 1810 г. структура полицейских учреждений определилась в окончательном виде. Полицейская организация I Империи вступила в период своего наивысшего расцвета. Влияние Фуше на государственные дела достигло максимальных размеров – фактически он исполнял функции премьер-министра при Наполеоне. В 1809 г. одновременно со своей основной должностью он осуществлял и функции министра внутренних дел. Именно в это время он добился права, которое Наполеон длительное время предоставить ему не решался, – права назначения префектов департаментов, являвшихся полновластными представителями императора на местах. Однако в 1810 г., накануне похода в Россию, Наполеон отправил Фуше в отставку, обоснованно заподозрив его в ведении тайных переговоров со своими противниками разных направлений – от республиканцев до роялистов и представителей английского правительства.

Новым министром полиции был назначен Р. Савари¹. Генерал Савари, адъютант Наполеона, был отважным воином, преданным Франции и своему императору. За заслуги и подвиги он получил титул герцога Ровиго, орден Почетного легиона, ежегодную пенсию, одну из самых больших в стране, которая выплачивалась помимо жалования.

Савари был искусным царедворцем и начальником императорской жандармерии. Некоторое время он руководил формально не существовавшей личной секретной службой Наполеона. Савари был исполнительным, но не обладал ни изворотливостью Фуше, ни хитростью Талейрана. Одним из поручений, данных ему Наполеоном, было похищение и убийство герцога Энгийенского. Министром полиции в то время был Фуше, и, казалось бы, этим грязным делом должен был заняться именно он. Но Фуше, хитроумный

¹ Желая поставить в затруднительное положение своего преемника, Фуше уничтожил или спрятал важные документы своего министерства и скрылся за границу. Досье и карточки на самых ценных осведомителей министра полиции из числа аристократов, придворных или армейских чинов были сожжены, общий указатель агентуры уничтожен, списки роялистских эмигрантов и секретнейшая переписка исчезли; многим документам были даны неверные номера. В 1811 г. Фуше получил позволение вернуться в Париж, а затем добился назначения на пост посланника в Неаполь (1813).

и дальновидный политик, нашел способ самоустраниться. Это убийство вызвало среди монархистов всей Европе чувство ужаса и тревоги. Особенно остро на него реагировало российское высшее общество.

После заключения Тильзитского мира Наполеон назначил своим представителем при Александре I именно генерала Савари. Он был превосходно принят императором и очень дурно – обществом, демонстрировавшим отчуждение от «палача герцога Энгийенского». Тем не менее ему удалось добиться того, чтобы Александр I не только разорвал отношения с Англией, но и объявил ей войну.

После выполнения этой миссии Савари в начале 1808 г. был отозван в Париж и направлен в Испанию, откуда ему было поручено выманить Фердинанда, сына короля Карла VII, во Францию, где он стал бы заложником Наполеона и отказался от прав на престол. И с этой задачей Савари справился успешно, на испанский престол был возведен брат императора Жозеф Бонапарт.

С течением времени Савари не только восстановил мастерски законспирированные связи Фуше, но и значительно расширил всю систему шпионажа. Незадолго до войны с Россией Савари участвовал в задуманной Наполеоном акции по изготовлению фальшивых русских ассигнаций, которыми планировалось расплачиваться за продукты и фураж на российской территории. Когда впоследствии русское правительство изъяло из обращения все 25- и 50-рублевые ассигнации, выяснилось, что в ходу было 70 млн рублей фальшивых денег¹.

Но Савари, по сравнению с Фуше, все же оставался деятелем мелкого масштаба. Пронизав всю Францию сетью своей агентуры, он не заметил заговора против Наполеона, задуманного и осуществленного в самое тяжелое для того время – в октябре 1812 г., когда он со своими войсками начал отступать из Москвы.

¹ Вермуш Г. Аферы с фальшивыми деньгами. М., 1990. С. 42–43.

Это был заговор генерала Мале, который, изготовив фальшивые бумаги о смерти Наполеона в России, 24 октября 1812 г. арестовал префекта Парижа и самого Савари. Заговор пресек военный комендант Парижа, арестовав Мале. Но Наполеон, к тому времени уже отступавший с боями по Смоленской дороге, покинул армию и бросился в Париж.

Таким образом, полиция, созданная в период общественной нестабильности и постоянной угрозы авторитарному режиму, установившемуся при Наполеоне, основной функцией имела охрану его личной безопасности от покушений и заговоров. Реальные или мнимые заговоры под руководством Ж. Моро, Ж. Кадудалья, Ш. Пишегрю, дело герцога Энгиенского утвердили Наполеона в мысли о грозящей ему опасности. От министра полиции Фуше он требовал быстро и безжалостно осуществлять полицейскую превенцию – в корне пресекать любую попытку антигосударственной и антиобщественной деятельности. При этом он настаивал, чтобы «профилактическая» работа полиции была полностью скрыта от глаз общественности. «Полиция является властью регулирующей, она всюду ощущается, но нигде не заметна; внутри государства она занимает место той власти, которая поддерживает во вселенной гармонию небесных тел, и точность действий ее нас поражает, хотя мы не можем разглядеть ее причину»¹. При этом «любой надзор теряет смысл, когда о нем объявляют заранее. Единственно действенными следует признать те средства, которые никому не известны...»².

К началу войны с Россией центральный аппарат полицейского ведомства Франции подразделялся на общий (генеральный) секретариат и шесть центральных отделений (бюро). Генеральный секретариат руководил курьерской службой и готовил всю документацию по министерству. Центральные отделения были специализированы по направлениям деятельности.

¹ Егоров А. А. Фуше. Ростов н/Д, 1998. С. 198

² Там же. С. 199

В 1-м отделении была сосредоточена секретная документация, изъятая из ведения органов юстиции, по особо важным делам о шпионах роялистов, о заговорах против первых должностных лиц, которые рассматривались Государственным советом под личным контролем императора.

2-му отделению были вверены дела по общественной безопасности – это была государственная полиция, которая раскрывала заговоры против конституции, правительства и личности первых магистратов. Отделение осуществляло политический сыск, борьбу с фальшивомонетничеством, наблюдение за книжной торговлей, ложными слухами, тайными объединениями и политическими партиями, а также за иностранцами.

В ведении 3-го отделения находились пресса и личные права граждан. В своей практической деятельности отделение поддерживало тесный контакт с Сенатской комиссией по делам прессы и индивидуальных свобод.

4-е отделение ведало службой эмиграции, 5-е отделение – финансами министерства, 6-е отделение – его архивами.

Вместе с министром полиции, главой генерального секретариата, руководителями шести отделений министерства высшие полицейские чиновники в округах составляли своеобразный штаб полицейского ведомства, распространявшего свою власть на всю территорию государства.

Публичное регулирование общественной жизни было фактически восстановлено в формах, аналогичных абсолютизму. Права человека, провозглашенные в период революции, нарушались в гораздо большей степени, чем при Старом режиме.

Оценивать полицейскую систему, сложившуюся во Франции в период I Империи, как полицию легального государства, можно лишь формально, поскольку она действовала в условиях формального юридического равенства и имела в структуре центрального полицейского аппарата отделение, которое должно было заниматься личными правами граждан. Однако по методам деятельности, режиму своего функционирования министерство полиции Франции было авторитарным политическим институтом, ориентированным

на выполнение задачи подавления внутренних угроз безопасности высших лиц государства, прежде всего императора.

В отличие от Наполеона, осуществившего централизацию общей и политической полиции под руководством профессионала Ж. Фуше, обеспечившего приоритет политического сыска над общим полицейским управлением, Александр I в первое десятилетие своего пребывания на троне демонстративно ослабил централизацию структур, занимающихся борьбой с внутренней оппозицией. К тому времени система политического сыска уже подверглась значительным изменениям в духе идей Просвещения: при Петре III и Екатерине II был провозглашен запрет «Слова и дела государева» и применения пытки как способа получения доказательств. При Александре I Тайная экспедиция была упразднена, дела по государственным преступлениям переданы общему присутствию Сената. Действовавший в 1805–1807 гг. Комитет высшей полиции, не имевший исполнительной структуры, а затем Комитет общей безопасности (1807–1829) и Особенная канцелярия Министерства полиции (1811–1819), располагавшие небольшим числом сотрудников, по масштабам деятельности не шли ни в какое сравнение с органами политического сыска Наполеоновской империи.

Следуя либеральным убеждениям, Александр стремился создавать конкурирующие друг с другом органы секретной полиции, которые действовали преимущественно против происков внешнего врага, проникшего внутрь государства, то есть органы контрразведки. Только непосредственно перед наполеоновским нашествием в 1811 г. политический сыск был централизован и подчинен Особенной канцелярии министерства полиции.

В течение 1811 г. захватнические планы Наполеона проявились с достаточной очевидностью, и влияние в российском обществе сторонников патриотических антифранцузских настроений, к которым, помимо Н. М. Карамзина, принадлежали известные писатели, журналисты и общественные деятели, такие как В. А. Жуковский, И. А. Крылов, С. М. Глинка, Н. И. Греч, К. Н. Батюшков и др., заметно усилилось.

Сперанский же, напротив, не только не отказался от своего преклонения перед Наполеоном, но пытался убедить Александра I не вступать с ним в войну, а в случае начала войны передать бразды правления Государственной думе и заключить перемирие с французским императором¹. Такие изменения позволили бы Наполеону посадить на русский престол своего ставленника, как он делал это в других, обнаруживших слабость правления странах. Эта позиция М. М. Сперанского не могла быть принята Александром и стала первой непреодолимой трещиной в их отношениях. Но в то время Александр еще не составил однозначно негативного мнения о реформаторе, о чем свидетельствует отклонение им прошения Сперанского об отставке, написанного в феврале 1811 г. Колебания Александра в отношении к Сперанскому длились чуть более года, но «истинный византиец» скрывал их.

Посчитав отклонение отставки знаком доверия, почувствовав себя на вершине могущества и утратив инстинкт самосохранения, Сперанский нелестно высказывался о способностях и личных качествах государя, делая это не только устно, но и в письмах, о чем тому стало известно, благодаря деятельности сотрудников Особенной канцелярии. По приказанию Александра I для проверки лояльности Сперанского Балашов провел последнее его испытание: сделал ему предложение создать триумвират для управления «помимо монарха», от которого Сперанский категорически отказался, но не сообщил Александру об этом предложении, о чем впоследствии очень сожалел.

В обстановке угрозы нападения со стороны Франции, сложившейся к началу 1812 г., под влиянием роста в обществе патриотических настроений Александр изменил свое отношение к М.М. Сперанскому. В марте 1812 г. Сперанский был отправлен в ссылку в Нижний Новгород.

¹ См. подробнее: *Давиденко А. В.* «Содействовать против всех вражеских замыслов и покушений...»: труды и подвиги российской полиции в эпоху 1812 года. Продолжение. Очерки. М., 2019. С. 28, 19–46.

Однако после ссылки Сперанского Министерство полиции как структурная единица правоохранительной системы, принявшая к тому времени четкие очертания на основе заданных учредительными законодательными актами норм, осталось важным звеном аппарата государственного управления. Оно выполняло функции по обеспечению охраны безопасности и правопорядка, борьбы с преступностью, осуществлению надзора за исполнением законов¹.

Термин «внутренняя безопасность», который впервые был употреблен в русском переводе сочинения И. Г. Г. Юсти, вошел в законодательные акты Российской империи в начале XIX в. В Манифесте 25 июня 1811 г. «Учреждение Министерства полиции» подчеркивалось: «Существо власти, вверяемой Министру Полиции, состоит в том, чтобы действием его и главным надзором Законам и Учреждениям, к *охранению внутренней безопасности* установленным, доставить скорое и точное исполнение»².

Понятие безопасности соотносилось с соблюдением законов, установленных властью, с надзором над законностью в государственных учреждениях³. Оно трактовалось не только и не столько как личная безопасность государя, как при абсолютизме XVIII в., но в смысле безопасности общества в целом.

В написанном в преддверии Наполеоновского нашествия «Учреждении Министерства полиции» большое внимание уделялось его взаимоотношениям с военным министерством, которые осуществлялись по следующим вопросам: 1) по рекрутским наборам; 2) по квартированию войск; 3) по внутренней страже; 4) по содействию в заготовлениях, перевозке продовольствия и по движению войск.

¹ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXI. Отд. 1. № 24687. С. 719–728.

² ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXV. Отд. 1. № 24687; Т. XXXI. Отд. 2. № 24687.

³ Это понятие было закреплено в XV томе Свода законов Российской империи, содержащем кодификацию уголовного законодательства. Преступления против внутренней безопасности были отнесены к наиболее опасным, наказуемым высшей мерой – смертной казнью.

На укрепление обороноспособности в преддверии возможного столкновения с Наполеоном были направлены и другие нормативные акты, утвержденные царем. Так, 27 января 1811 г. по докладу военного министра было принято решение о подчинении полиции в пограничных крепостях во время отсутствия военных губернаторов комендантам этих крепостей¹.

19 июня 1811 г. последовал высочайший указ «О донесении комендантами, управляющими городскими полициями, министру полиции о всех необыкновенных случаях»².

Нормативное регулирование взаимоотношений полиции и военного ведомства в центре и на местах, четко прописанное в «Наказе Министру полиции» и других нормативных актах, обеспечило успех мобилизационных мероприятий в начале войны и своевременные поставки продовольствия в армию, облегчило формирование ополчения, способствовало охране прифронтовой территории от вражеских шпионов.

В составе Министерства полиции был образована Особенная канцелярия, на которую возлагались: дела по ведомству иностранцев и заграничным паспортам, цензурная ревизия, дела особенные – пресечение любых форм антиправительственной деятельности (борьба со слухами, с иностранным шпионажем, различными проявлениями крестьянского и общественного движения, надзор за деятельностью масонских лож и религиозных сект).

Через короткое время Особенная канцелярия стала выполнять функцию политической полиции. Ее значение быстро возросло, император регулярно слушал доклады и отчеты начальника канцелярии и напрямую давал поручения.

Особенная канцелярия состояла из трех подразделений – столов и секретной части. Первый стол нес функции паспортно-визовой службы и вел наблюдение за иностранцами – как наружное наблюдение,

¹ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXI. № 24499.

² ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXI. № 24679.

так и агентурную разработку. Второй стол исполнял цензурные функции – собирал и анализировал информацию о типографиях и их печатной продукции, реализации литературы, о ввозе и вывозе из России произведений искусства. Третий стол надзирал за религиозными сектами, лицами без определенного места жительства.

Под контролем Особенной канцелярии также находилось размещение ссыльных, ведение слежки за политически неблагонадежными лицами. Подведомственны ей были и дела о злоупотреблениях полицейских чинов. Примерно четверть из сохранившихся в архиве дел Особенной канцелярии посвящена борьбе со шпионажем, что позволяет говорить о ее отчетливо выраженной контрразведывательной функции¹.

Таким образом, в обновленном министерстве были сосредоточены основные полицейские функции государства – от многопрофильной работы с местными административно-полицейскими структурами до цензурных функций. Министерство полиции также надзидало за окончательным исполнением законов по всем министерствам.

Министр полиции мог требовать сведения от местных органов, избегая соответствующие им министерства. Указы, циркуляры, относящиеся к деятельности местных органов разных министерств, отправлялись в губернии для чиновника Министерства полиции, который с помощью полицейских следил за их соблюдением. Таким образом, полиция отделялась от административного аппарата, стояла над ним, контролируя его деятельность.

Балашов, формально оставаясь министром полиции, с середины 1812 г. выполнял особые поручения Александра I – в частности, был направлен послом к Наполеону с предложением мира сразу же после того, как тот перешел Неман. Де Санглен весной 1812 г. был назначен начальником высшей военной полиции (военной контрразведки) 1-й Западной армии М. Б. Баркляя-де-Толли. Руководство министерством полиции было передано

¹ См.: *Колтакиди А., Север А.* Указ. соч. С. 59.

в руки военного губернатора Петербурга С. К. Вязмитинова. Фактическое руководство Особенной канцелярией с 26 марта 1812 г. осуществлял М. Я. фон Фок.

Министерство полиции унаследовало от МВД те направления деятельности, которые вызывали наибольшие затруднения: губернские учреждения, продовольственное дело, городское и земское благоустройство, врачебную часть, общественное призрение и содействие военному ведомству. Представляется, что под руководство министра, как кризисного менеджера, были собраны самые проблемные части государственного управления.

Исполнительная функция Министерства полиции была передоверена департаменту полиции исполнительной как структурному подразделению государственного учреждения. Данный департамент, в свою очередь, был создан, имея в качестве фундамента такие ранее действовавшие подразделения Министерства внутренних дел, как экспедиция государственного благоустройства и экспедиция спокойствия и благочиния.

Первое подразделение департамента собирало информацию о различных происшествиях, общую статистику. Статистической части, работа которой по сбору сведений о положении в губерниях справедливо считалась залогом успешного управления страной в целом, отводилось важное место. Министр полиции Балашов образовал при Министерстве особое Статистическое отделение, которое сохранил под личным наблюдением и после того, как передал управление министерством графу Вязмитинову, будучи направленным в армию накануне наполеоновского нашествия. К сожалению, материалы статистических исследований отдела, проведенных под руководством профессора Германа, были в дальнейшем утрачены. Однако основы статистики были заложены и нашли впоследствии свое развитие.

В делах губернского управления департамент полиции исполнительной стремился постепенно усиливать штаты городских полиций на основании

указа от 24 октября 1803 г. «О средствах к исправлению полиции в городах», но в связи с Отечественной войной, потребовавшей напряжения всех финансов, городские доходы мало способствовали решению этой задачи. Тем не менее департаменту удалось добиться определенной унификации полицейских учреждений в городах. После окончания Отечественной войны департамент прикладывал значительные усилия к тому, чтобы поддержать ходатайства разрушенных неприятелем городов о выделении казенных средств на содержание полицейского аппарата в связи с прекращением поступления налогов в городские бюджеты.

Еще сложнее было налаживать деятельность земской полиции, чьи обязанности также усложнились после Отечественной войны 1812 г. Общее экономическое расстройство страны усилило волнения среди помещичьих крестьян, умножились разбои, нарастало бродяжничество и нищенство. Однако земская полиция восстановила спокойствие и порядок, иногда с помощью военных команд.

О напряженных отношениях между директорами департаментов Министерства полиции и гражданскими губернаторами свидетельствуют царские указы от 30 ноября 1814 и 30 октября 1816 гг., в которых содержалось высочайшее требование как к министерским высшим чиновникам, так и к представителям местных властей соблюдать законность и стремиться к взаимодействию¹.

Важным направлением деятельности департамента полиции исполнительной стало осуществление функции контроля над досудебным расследованием и исполнением судебных решений. Как известно, досудебное расследование преступлений и правонарушений было возложено на полицию «Уставом благочиния, или полицейским» (1782). Его осуществляли частные приставы по уголовным и гражданским делам управ благочиния, передававшие расследованные дела по подсудности. По инициативе министра полиции в 1810 г. в Москве были учреждены должности

¹ ПСЗ РИ. Т. XXXII. № 25738; ПСЗРИ. Т. XXXIII. № 26493.

следственных приставов, по образцу введенных ранее таких же должностей в Санкт-Петербурге. Следственные приставы не заменяли частных приставов, а вели свои дела по особо важным случаям, получая то же денежное содержание, что и частные приставы.

Департамент полиции хозяйственной, проводивший контроль над снабжением продовольствия городов, в том числе обеих столиц, пресекал попытки спекуляции и надзирал за тюрьмами, «смирительными» и «работными» домами.

Департамент полиции медицинской осуществлял санитарный контроль и принимал меры по профилактике эпидемий и эпизоотий, управлял лекарственным обеспечением и пр. В 1812–1813 гг. усилиями департамента велась борьба с чумой в Новороссии, Молдавии и Подолии. Большое внимание уделялось оспопрививанию, проводившемуся целенаправленно и в контакте со Святейшим Синодом, священникам которого было предписано извещать полицию обо всех новорожденных, подлежащих прививке в обязательном порядке.

Медицинскому департаменту было поручено бесплатно предоставлять лекарства всем чиновникам-ополченцам, участвовавшим в Отечественной войне 1812 г., нуждающимся в лечении, а также осуществлять надзор за бесплатным снабжением медикаментами офицеров военного ведомства¹.

Отечественная война 1812 г. стала серьезной проверкой на прочность Министерства полиции Российской империи, которое помогало военному ведомству по части сбора рекрутов, содержания войск от земства, устройства казарм и конюшен, охраны продовольствия, содержания дорог, сопровождения обозов, а также по почтовой и медицинской части и др. В период Отечественной войны 1812 г. к основной деятельности Министерства полиции добавились функции по охране тыла большой действующей армии.

¹ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXIII. № 25914.

В дни сражений полиция контролировала быструю доставку снарядов из подвижного парка действующим войскам, задерживала дезертиров, организовывала временные военные госпитали, оказывала помощь раненым и занималась сбором убитых, определяла места для лекарей и лазаретов, снабжала главную походную аптеку, выполняла карантинные мероприятия и др.¹

Причиной эффективности полицейского управления в районах, приближенных к военным действиям, стала опора на местное население и его достаточно умелая организация. Именно Министерство полиции фактически возглавило и продолжило координировать большую работу по формированию внутреннего ополчения, ставшего поистине народным и сыгравшего исключительно важную роль в ходе войны, во многом благодаря ополчению получившей название Отечественной.

В начале войны, согласно именному указу, данному Сенату от 31 июля 1812 г.², при императоре был создан Комитет для образования внутреннего ополчения в составе генерала от артиллерии Аракчеева, министра полиции Балашова и государственного секретаря Шишкова.

Сенатским Указом от 17 августа 1812 г. было определено, что донесения всех ведомств по делам о внутреннем ополчении направлялись на имя министра полиции³, таким образом, ответственным руководителем Комитета стал А. Д. Балашов, представлявший государю доклады о ходе формирования ополчения. «Правителем» комитета был назначен помощник статс-секретаря министра полиции М. Н. Баккаревич⁴.

В губерниях, по которым проходил фронт сражений, были созданы губернские комитеты по внутреннему ополчению. Комитет осуществлял также попечение о раненых и увечных офицерах ополчения.

М. И. Кутузов исчерпывающим образом использовал возможности

¹ Борисов А. В. Министерство полиции. М., 1992.

² ПСЗ РИ. Собр. 1 СПб., 1830. Т. XXXII. № 25193.

³ Там же. № 25202.

⁴ Там же. № 25193.

Министерства полиции в организации и деятельности полицейских органов по созданию ополчения, по охране тыла большой действующей армии и устранению последствий войны на освобожденной от захватчиков территории.

Комитет по внутреннему ополчению и губернские комитеты просуществовали до конца 1816 г. и были распущены указом от 7 декабря 1816 г., в котором всем участникам ополчения, как военным, так и гражданским чинам, «трудами и подвигами своими представившим несомненное доказательство приверженности их к благу общему», объявлялось особое монаршее благоволение и признательность.

Непосредственное участие сотрудников Министерства полиции в подготовке к войне с Наполеоном началось в апреле 1812 г., когда на западных границах было замечено усиление концентрации наполеоновских войск. Министр полиции Балашов и бывший министр внутренних дел В. П. Кочубей отправились в составе свиты Александра I в г. Вильно, где находилась штаб-квартира русской армии.

В приграничных губерниях Особенной канцелярией Министерства полиции во главе с Я. И. де Сангленом, в марте 1812 г. откомандированным в распоряжение военного министра М. Б. Барклая де Толли, были налажены разведка и контрразведка¹.

В воспоминаниях де Санглена описываются яркие эпизоды разведывательных и контрразведывательных действий русских полицейских. Опираясь на штат виленской полиции во главе с полицмейстером А. Вейсом, де Санглену удалось выявить и арестовать агента Наполеона поручика Дранжевского и перевербовать его товарища.

С помощью полицмейстера г. Ковно Е. А. Бистрома удалось дезинформировать по важным стратегическим вопросам состояния русской армии личного адъютанта Наполеона Л. Нарбонн-Лара, которого

¹ См.: *Записки Якова Ивановича де Санглена // Воспоминания современников эпохи 1812 года на страницах журнала «Русская старина». М., 2011. С. 65–133.*

по распоряжению Санглена провезли в Вильно проселочными дорогами «дабы он не видел наших войск и артиллерийских парков».

Самым ярким и героическим эпизодом разведывательной и диверсионной активности полицейских служителей в тылу врага стала деятельность офицеров московской полиции во время оккупации города. Накануне оставления столицы русскими войсками, в ночь на 2 сентября 1812 г., в особняке московского генерал-губернатора Ф. В. Ростопчина на Лубянке было проведено совещание полицейских чинов о сожжении Москвы.

К этому часу вся пожарная команда города вместе с инвентарем уже начинала эвакуироваться. Ранним утром у Красных ворот близ дома обер-полицмейстера был назначен сбор для эвакуации всем полицейским частям, но из-за прохода огромной массы войск пресеклось сообщение с Замоскворечьем и многие нижние чины полиции оказались отрезанными в тылу врага. Возможно, этим объясняется обилие поджигателей в полицейской форме, замеченных французами позже.

Герой войны Отечественной войны и прославленный военачальник А. П. Ермолов емко определил моральное значение сожжения Москвы: «Напрасно многие ищут оправдаться в этом, и слагают вину на неприятеля: не может быть преступления в том, что возвышает честь всего народа... За что отнимать у себя славу жертвования столицею, когда справедливый неприятель у нас ее не похищает! Ни один народ из всех, в продолжение двадцати лет пред счастьем Наполеона спрятавшихся, не явил подобного примера: судьба сберегла его для славы Россиян»¹.

Помимо организации поджогов, необходимо было обеспечить в оккупированном городе разведку и связь информаторов с командованием.

Помощником полицейских разведчиков стал генерал-майор И. А. Тутолмин, почетный опекун и директор Воспитательного дома, вынужденный остаться в Москве со своими шестьюстами подопечными

¹ Записки А. П. Ермолова. 1798–1826. М., 1991. С. 207.

детьми и, с согласия российских властей, контактировавший с администрацией оккупантов. Тутолмин выправил разведчикам в канцелярии наполеоновского гражданского губернатора Москвы Ж.-Б. Лессепа пропуски для перемещения по столице в качестве чиновников Воспитательного дома. По этим документам полицейские курсировали с донесениями к начальникам обсервационного корпуса Винцингероде, Бенкендорфу и Иловайскому.

Именно от полицейских-разведчиков вечером 9 (22) октября 1812 г. русская армия узнала о выходе основных войск неприятеля из Москвы и о приказе Наполеона отряду маршала Мортье взорвать Кремль¹. Бенкендорф и Иловайский спешно повели на Москву Изюмский гусарский и лейб-казацкий полки – этот маневр уберег столицу от новых разрушений.

Деятельность российского министерства полиции по обеспечению внутренней безопасности государства в чрезвычайных условиях нашествия «армии двенадцати языков» по результативности выгодно отличалась от аналогичной деятельности министерства полиции Франции, прославляемого современниками как самое эффективное в Европе. В тайной войне спецслужбы Российской империи, представленные полицией на местах, действовавшей под руководством военного командования, переиграли соответствующие спецслужбы Наполеона. Все попытки противника подорвать экономический (запуск фальшивых ассигнаций), политический (попытки усилить влияние пронаполеоновской партии как на правящую элиту, так и на более широкие слои общества), военный (поползновения французских агентов собрать сведения о российских армиях) потенциал были достойно отражены.

Заложенный в «Учреждении министерства полиции» принцип подчинения полиции в местностях, приближенных к линии военных действий, командующим армиями позволил координировать полицейскую

¹ Шаховской А. А. Первые дни в сожженной Москве // Наполеон в России глазами русских. М., 2004. С. 259.

и военную разведку и контрразведку, вести активное сопротивление врагам в ходе военных действий и на захваченной территории.

В целом же выделение министерства полиции из МВД и придание ему четко очерченных и достаточно широких полномочий в сфере охраны безопасности (общей, государственной, санитарной, продовольственной, информационной) в преддверии войны с Наполеоном помогло выдержать противостояние с врагом.

При ближайшем рассмотрении структуры и правовых основ деятельности Министерства полиции Российской империи можно сделать вывод, что выделение этого ведомства из МВД и придание новой структуре четко очерченных и достаточно широких полномочий в охраны безопасности (общей, государственной, санитарной, продовольственной, информационной) помогло выдержать противостояние с серьезным противником – наполеоновской Францией. Проект создания этого учреждения, задуманный Сперанским, содержал новации, целью которых было осуществление контроля над соблюдением законности и обеспечение внутренней безопасности. Эти новации, навеянные идеями умеренного Просвещения, создавали условия для выполнения функций легального государства. Однако попытка заложить правовые основы деятельности полиции как органа надзора за законностью не получила дальнейшего развития вплоть до отмены крепостного права.

Вместе с тем она оставила свой след в правовом и политическом сознании общества. В пореформенный период идеи легального государства, основанного на законности и соблюдении субъективных прав подданных, постепенно получали воплощение в жизнь.

С установлением думской монархии в 1905–1906 гг. начался период перехода к правовому государству.

Приложение № 1
Учреждение Министерства Полиции

Манифест

25 июня 1811 г.¹

(Извлечение)

1. Министерство Полиции составляется из трех департаментов, из особенного медицинского совета и канцелярии министерства.

2. По существу дел, принадлежащих к Министерству Полиции, полагаются в нем следующие департаменты: 1) Департамент полиции хозяйственной. 2) Департамент полиции исполнительной. 3) Департамент медицинский.

...

58. Существо власти, вверяемой министру полиции, состоит в том, чтоб действие его и главным надзором законам и учреждениям, к охранению внутренней безопасности установленным, доставить скорее и точное исполнение.

...

100. В обстоятельствах чрезвычайных (п. 212 Общего Министерского Наказа) все министры уполномочены действовать всеми вверенными им способами, не ожидая разрешения. Изъятие сие от общих правил особенно принадлежит министру полиции, по вверенному ему охранению внутренней безопасности.

¹ Документ разработан в развитии императорского Манифеста «Общее учреждение министерств» и стал первым нормативным правовым актом Российской империи, регламентирующим организацию и деятельность образуемого Министерства полиции. Манифест определил структуру нового министерства, которое состояло из трех департаментов: 1) Департамента полиции хозяйственной, в ведении которого было снабжение городов продовольствием, пресечение спекуляции, надзор за местами лишения свободы; 2) Департамента полиции исполнительной, который занимался кадровыми вопросами полицейской службы, регистрировал преступления и происшествия, осуществлял надзор за проведением следствия по уголовным делам и т.д.; 3) Медицинского департамента, который ведал санитарным надзором и организацией борьбы с эпидемиями и эпизоотиями в стране.

101. Министр полиции в сих случаях имеет право требовать пособия войск, расположенных в губерниях, и требования сии должны быть удовлетворяемы, по отношениям его не только к военному министерству, но и прямо к шефам и командирам разных полков и команд.

(ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXI. Отд. 1. № 24687)

Приложение № 2
Наказ Министерству Полиции
Манифест
1811 г.¹
(Извлечение)

Гл. 1. Основания общего наказа Министерству Полиции

Все, что в Общем Министерском Наказе определено: 1) о степени и пределах власти Министров; 2) об отношениях их к разным Установлениям; 3) о сношениях Министров с разными местами и лицами им равными; 4) о действии Министров на подчиненных им Управления; 5) о силе и порядке их ответственности; 6) о степени и пределах власти Департаментов и их Директоров; 7) о обязанностях Канцелярии Министра и ее Директора; 8) о обязанностях разных чинов, составляющих Департамент, и отношения их к Директору, и 9) о силе и порядке ответственности Директоров и других Чиновников; все сии правила

¹ Наказ определил полномочия Министра полиции и его взаимоотношения с подчиненными, установил порядок взаимодействия министерства с другими учреждениями и ведомствами Российской империи, очертил правомочия структурных подразделений и их должностных лиц. Документ указал на два основных предмета ведения полиции, к которым относилось: охрана внутренней безопасности страны, меры по обеспечению продовольствием, надзор за исполнением властных предписаний. Составной частью Наказа были «Правила особенной ответственности Министра Полиции», которые определяли порядок деятельности в чрезвычайных обстоятельствах и предоставляли министру полиции требовать в свое распоряжение войска.

Первым министром полиции был назначен генерал-адъютант императора Александра I А.Д. Балашов. В связи с его частыми отлучками по поручениям императора с 29 мая 1812 г. исполняющим обязанности министра и фактическим руководителем ведомства был назначен С.К. Вязмитинов.

и положения относятся и принадлежат вообще к исполнению Министерства Полиции.

Особенные приложения сих правил и необходимые их изъятия излагаются в главах последующих.

Гл. 2. Основания особенного наказа Министерству Полиции

Существо власти, вверяемой Министру Полиции, состоит в том, чтобы действием его и главным надзором Законам и Учреждениям, к охранению внутренней безопасности установленным, доставить скорое и точное исполнение.

Власть сия отличается от других властей исполнительных самыми предметами ея действия.

Предметы Полиции вообще разделяются на два главные рода:

- 1) предметы отделенные, собственно к сей части принадлежащие,
- 2) предметы общие.

К 1-му роду принадлежит попечение о продовольствии и охранение внутренней безопасности.

Ко 2-му роду относится надзор и способы и местнаго и окончательнаго исполнения Законов и Учреждений по всем вообще Министерствам.

В предметах первого рода Полиция действует непосредственно по ея учреждениям.

В предметах второго рода она содействует всем другим частям Управления и приводит в исполнение то, что в каждой из них определено законом и Учреждением.

Из сего двоякаго разделения предметов Полиции происходит необходимость: 1) определить с точностию ея действие в сношениях ея с другими Министерствами; 2) означить места и лица, Министерству сему подчиненныя; 3) означить различие его ответственности по различию предметов его действия.

Гл. 3. Особенности сношения Министерства Полиции с другими Министерствами

Внутренняя мера управления, приемлемая разными Министерствами, приводится в окончательное их исполнение на местах, посредством общей местной Полиции.

По сему все Министры в мерах исполнения, принадлежащих к действию Полиции, сносятся каждый по своей части с главным Губернским Начальством непосредственно, на точном основании Министерского Учреждения.

Но в мерах понуждения или взыскания, когда предписания их местною Полициею не будут с точностию исполнены, они сносятся с Министром Полиции.

Министр Полиции, в сведениях и нужном ему содействии от других Министерств сносятся с главными их Начальниками.

Но когда по особенному свойству дел, Министру Полиции вверенных, и в делах общей безопасности, предстанет необходимость иметь сведения от лиц, другим Министерствам подчиненных по предметам собственно к Министерству Полиции принадлежащим, тогда имеет право требовать сих сведений непосредственно.

Сверх сих общих сношений Министра Полиции со всеми Министерствами, последующих отделениях определяются в особенности сношения его с теми Министерствами, кои имеют предметы, более к нему прикосновенные.

Отд. 1. О сношениях с министерствами военными

Особенные сношения Министра Полиции с Министерствами Военными имеют следующие главные предметы: 1) по рекрутским наборам; 2) по квартирному войскам; 3) по внутренней страже; 4) по содействию в заготовлениях, перевозке продовольствия и по движению войск.

Порядок рекрутских наборов входит в ведение Министра Полиции, начиная с того времени, как рекруты будут приняты на месте.

Все распоряжения к успешному производству наборов и недоборов, в сем: пространстве времени, принадлежат Министру Полиции и учреждаются на основании Законов главным его наблюдением.

По квартированию войск, удовлетворение их теми потребностями, кои от учреждения положены, пресечение требований излишних, охранение сношений между Воинским и Гражданским Начальством в пределах, для сего установленных, принадлежат к главному надзору Министра Полиции.

Министру Полиции также принадлежит главное наблюдение чтоб губернские гарнизонные батальоны и уездныя команды отправляли предписанную им внутреннюю стражу, и исполняли законныя требования гражданских Начальств, к общей безопасности относящийся, с точностию и безпрекословно.

По делам продовольствия для войск Министерство Полиции содействует Военному: 1) главным его надзором в утверждении цен посредством Губернских Начальств; 2) в чрезвычайных случаях, когда будет поставлено и Министру Полиции порядком для сего определенным, предписано сделать особенный наряд для перевозки воинских потребностей, и 3) при переходе войска из одной Губернии в другую.

Отд. 2. Сношения с Министерством юстиции

Одне маловажныя полицейския вины и способы воздержания от оных, на точном основании Полицейскаго Устава, принадлежат непосредственному действию Полиции.

Во всех прочих винах как в гражданских, так и уголовных, как в праве личном так и в праве на имущества, производство следствия и все меры, к тому относящиеся, принадлежат Полиции.

Но как скоро следствие будет окончено: то действие Полиции пресекается, и дело поступает в Суд поставленным порядком.

По окончании Суда, приговор его или определение Полиция исполняет с точностию и безпрекословно.

В сих пределах заключаются все сношения Министерств Полиции и Юстиции, по главному управлению вверенных им частей.

Отд. 3. Сношения с Министерством финансов

Главное наблюдение над Губернским Полицейским Начальством, во взыскании недоимок в Государственных податях и доходах, принадлежит Министерству Полиции.

Земския повинности денежные, на содержание почт и другая Губернския потребности, по законам собираемая, так как и городские доходы в составе их..., принадлежат к Министерству Финансов; но в порядке употребления их на земския или городския потребности и во взыскании недоимок, оне принадлежат к Министерству Полиции.

Земская повинности, отправляемая лично (натурою) как то: починка дорог, провожание колодников и тому подобныя, как в образе их раскладки, так и в действительном их отправлении, состоят в ведении Министерства Полиции.

Отд. 4. Сношения с Министерством просвещения.

Особенныя сношения Министерства Полиции с Министерством Просвещения принадлежат к двум главным предметам: к Ценсурным установлениям и части Медицинской.

1. По Ценсурным установлениям.

Ценсура всех издаваемых в Империи книг и периодических сочинений принадлежит Министерству Просвещения, по точной силе особенных его уставов и учреждений,

К действию Министра Полиции по сей части принадлежит следующее:

1) надзирать, чтоб не обращались в Империи книги и сочинения, напечатанные без дозволения Ценсуры. Где таковыя будут усмотрены, оныя немедленно конфисковать, а виновных предавать суду по законам. Для сего о всех книгах, Ценсурою одобренных, Министерство Просвещения имеет сообщать Министерству Полиции. 2) Если Министр Полиции усмотрит, что в книгах и сочинениях, и с одобрением Ценсуры изданных, допущены

места и выражения, подающие повод к превратным толкованиям, общему порядку и спокойствию противным; таковыя Министр Полиции обязан немедленно, с замечаниями своими, вносить на Высочайшее усмотрение и ожидать повеления. 3) Цензура новых театральныя сочинений, отдельных ежедневных листов, содержащих какія либо частныя или публичныя известія (афиши) принадлежит Министру Полиции. 4) Надзор, чтоб в книжных лавках, как Российских, так и иностранных, не продавались книги, Ценсурою не дозволенныя, или общими узаконениями запрещенныя, принадлежит Министру Полиции. Где таковыя будут усмотрены, там лавки закрывать, а виновных предавать суду по законам. 5) Надзор, чтоб в Типографиях не издавались книги, Ценсурою не дозволенныя, принадлежит Министру Полиции. Типографии, кои уличены будут в таком издании, имеют быть закрыты, а виновные преданы суду, по законам.

Дозволения заводить новыя частныя Типографии принадлежит Министру Просвещения. Но дозволения сии не иначе могут быть допускаемы, как когда представлено будет учредителем одобрительное от Министра Полиции свидетельство в благонадежности его.

Попечение о заведении Типографии при Губернских Правлениях, и устройство их возлагается на Министра Полиции.

Для исправления дел по Ценсурным установлениям, Министр Полиции, по усмотрению своему, имеет учредить особенный Комитет из чиновников, к ведомству его принадлежащих, или из посторонних. Содержание сего Комитета и правила его действия определены будут особенным положением.

2. По части Медицинской.

Министру Полиции, Медицинскому Совету, при нем учрежденному, и Департаменту Медицинскому вверяется все, что до управления Экономической Медицинской части принадлежит в Губерниях и в обеих Военных Министерствах.

Управление сие учреждается в губерниях посредством Губернских Управ, а в войсках посредством Генерал-Штаб-Докторов.

К сей части принадлежит все, что относится к снабжению оной врачебными веществами, инструментами и другими медицинскими потребностями, с принадлежащими к тому людьми и заведениями.

Но особенное управление и надзор над военными госпиталями и снабжение их нижними чинами и служителями, принадлежат Военному Начальству и Генерал-Штаб-Докторам.

Часть учебная Медицинских Установлений, как то: образование Медиков, приглашение их из других Государств, экзамены и разрешение практики, принадлежит Министерству Просвещения.

Часть Ученая сих Установлений, как то: распространение и усовершенствование Медицинских познаний, испытание новых открытий, одобрение новых лекарств и тому подобные предметы, со всеми принадлежащими к тому заведениями, состоят в ведении Министерства Просвещения.

Гл. 4. Управления, Министерству Полиции подчиненныя

Управления, Министерству Полиции подчиненныя, суть:
1) Департаменты, Министерство составляющие; 2) Места составляющая Столичную, Губернскую, Городскую и Земскую Полицию; 3) Приказы Общественнаго Призрения и принадлежащая к ним заведения; 4) Управление запасных, столичных, губернских, городских и сельских магазинов; 5) Управления по Медицинской части.

Управляющие Полициею в Столицах и Губерниях, также Директоры и Начальники Отделений в Департаментах Министерства Полиции, определяются и увольняются по Высочайшему утверждению.

Определение и увольнение Советников Губернскаго Правления производится Правительствующим Сенатом, по представлению Министра Полиции.

Определение и увольнение Городничих, Полицеймейстеров и Земских Исправников в тех Губерниях, где сии последний определяются от Правительства, производится по утверждению Министра Полиции.

Гл. 5. Правила особенной ответственности Министра Полиции.

В предметах, принадлежащих к отдельному действию Министерства Полиции, ответственность его определяется общими правилами, в Учреждении Министерств изображенными.

Но в предметах исполнения, в коих Полиция действует по предписаниям, от других частей Управления исходящим, как то: в исполнении судебных приговоров, в мерах финансовых и тому подобных, ответственность Министерства Полиции состоит единственно в точном исполнении сих мер и определений, когда оне будут ему сообщены в надлежащей форме и установленным порядком. Существо же самих мер и положений, яко от других Министерств происходящее, остается на собственной их ответственности.

В обстоятельствах чрезвычайных, Общаго Министерскаго Наказа, все Министры уполномочены действовать всеми вверенными им способами, не ожидая разрешения. Изъятие сие от общих правил особенно принадлежит Министру Полиции, по вверенному ему охранению внутренней безопасности.

Министр Полиции в сих случаях имеет право требовать пособия войск, расположенных в Губерниях, и требования сии должны быть удовлетворяемы, по отношениям его не только к Военному Министерству, но и прямо к Шефам и Командирам разных полков и команд.

В постановлениях чрезвычайных и настоятельных мер, повеления, Министром Полиции подписанныя, исполняются беспрекословно, хотя бы и не имели оне определенной формы.

Ответственность Министра Полиции в принятии чрезвычайных мер определяется правилами, в Общем Министерском Наказе подробно изображенными.

Документ № 3

О присоединении Министерства Полиции к МВД

1819 г.¹

(Извлечение)

Признав лучшим для лучшего распределения дел Министерство Полиции присоединить к Министерству внутренних дел, повелеваем: Департамент Мануфактур и Внутренней Торговли причислить к Министерству Финансов, Почтовому же Департаменту остаться впредь до повеления под нынешним его Начальством.

(ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXVI. № 27699)

Библиографический список

1. *Акульшин П. В.* Генерал-губернатор А. Д. Балашов // Отечественная история. – 2004. – № 2. – С. 170–180.
2. *Борисов А. В.* Министерство полиции / А. В. Борисов. – М., 1992. – 178 с.
3. *Бычков И. А.* Ссылка Сперанского в 1812 году // Русская старина. – СПб. 1902. – № 4. – Т. 110. – С. 289–320.
4. *Давиденко А. В.* «Содействовать против всех вражеских замыслов и покушений...»: труды и подвиги российской полиции в эпоху 1812 года / А. В. Давиденко. – Воронеж, 2018. – 756 с.
5. *Давиденко А. В.* «Содействовать против всех вражеских замыслов и покушений...»: труды и подвиги российской полиции в эпоху 1812 года. Продолжение. Очерки / А. В. Давиденко. – М., 2020. – 254 с.

¹ Негативно воспринятое значительной частью отечественных государственных и общественных деятелей, Министерство полиции получило право контролировать местные органы власти других ведомств, что ставило его выше других государственных учреждений Российской империи. После Отечественной войны 1812 г. появились проекты ликвидации Министерства полиции, прежде всего в связи с тем, что при его образовании был использован опыт наполеоновской Франции. Кроме этого, деятельность Министерства полиции усложняла работу губернских органов управления, вносила определенную «путаницу» в функционирование государственного аппарата Российской империи. В 1819 г. после смерти С. К. Вязмитинова Министерство полиции было ликвидировано. Большая часть структурных подразделений перешла в ведение МВД.

6. *Егоров А. А.* Фуше / А. А. Егоров. – Ростов н/Д, 1998. – 148 с.
7. Записки А. П. Ермолова. 1798–1826. – М., 1991. – 462 с.
8. Записки Якова Ивановича Де-Санглена. 1776–1831 гг. // Русская старина. – 1882. – Т. 36. – № 12. – С. 443–498.
9. *Искюль С. Н.* Год 1812-й / С. Н. Искюль. – СПб., 2008. – 341 с.
10. *Мулукаев Р. С., Малыгин А. Я., Епифанов А. Е.* История отечественных органов внутренних дел: учебник для вузов / Р. С. Мулукаев. – М., 2005. – 336 с.
11. *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России. – М., 1990. – 127 с.
12. *Колпакиди А. И.* Спецслужбы Российской империи / А. И. Колпакиди, А. Север. – М., 2010. – 765 с.
13. *Кучма В.В.* Полицейская организация Франции от свержения якобинской диктатуры до крушения Первой империи (1794–1814 гг.) // Вестник ВолГУ. – Сер. 5. Юриспруденция. – 2005. – Вып. 7. – С. 24–31.
14. *Мулукаев Р. С.* История полиции дореволюционной России. Сборник документов и материалов по истории государства и права / В. М. Курицын, Р. С. Мулукаев, А. П. Коряков. Учебное пособие. – М., 1981. – 78 с.
15. *Мухортов А. А.* Организация Министерства полиции: опыт его деятельности / А. А. Мухортов // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 6. – С. 223–224.
16. Наказ Министерству Полиции. 1811 г. – ПСЗ РИ. Собр. 1. – Т. XXXI. – Отд. 2. – № 24687.
17. *Николаенко П. Д.* Полиция России в Отечественной войне 1812 года // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. – № 4 (56). – С. 15–19.
18. О присоединении Министерства Полиции к МВД. 1819 г. – ПСЗ РИ. – Собр. 1. – Т. XXXVI. – № 27699.
19. *Помигалов А. А.* М.М. Сперанский и проблема преобразования Санкт-Петербургской полиции в 1820–1830 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. – 2009. – Вып. 2. – С. 130–133.
20. *Санглен Я. И.* Записки Якова Ивановича де-Санглена. 1776–1831 гг. // Русская старина, 1882. – Т. 36. – № 12. – С. 443–498.
21. *Сизиков М. И.* История полиции России. (1718–1917 гг.) / М. И. Сизиков, А. В. Борисов, А. Е. Скрипилев. – М., 1992. – 66 с.
22. *Скрыдлов А. Ю.* На службе России: Александр Дмитриевич Балашев. 1770–1837 / А. Ю. Скрыдлов. – СПб., 2016. – 262 с.
23. *Сперанский М. М.* Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России // Сперанский М.М. План государственного преобразования (введение к Уложению государственных законов 1809 г.). – М., 1905. – 359 с.
24. *Троицкий Н. А.* 1812. Великий год России. – М., 2007. – 560 с.

25. Учреждение Министерства Полиции. Манифест. 25 июня 1811 г. – ПСЗ РИ. – Собр. 1. – Т. XXXI. – Отд. 1. – № 24687.
26. Феднева Н. Л. К вопросу о предпосылках институализации полицейского права в Российской империи / Н. Л. Феднева // Право и политика: история и современность. – Омск, 2022. – С. 78–92.
27. Феднева Н. Л. К вопросу о формировании идеологической концепции полиции в эпоху Просвещенного абсолютизма в Российской империи / Н. Л. Феднева // Идеологические координаты России: философские, исторические и государственно-правовые вопросы. Сборник материалов Всероссийской научной конференции. – М., 2021. – С. 345–356.
28. Феднева Н. Л. Концептуализация идей о роли полиции как инструмента поддержания порядка, безопасности и законности в системе министерского управления Российской империи: pro et contra / Н. Л. Феднева // Право, общество, государство: проблемы теории и истории. – М., 2021. – С. 122–125.
29. Феднева Н. Л. Министерство полиции Российской империи: реализация проекта М.М. Сперанского / Н. Л. Феднева // Актуальные проблемы государства и права. – 2021. – Т. 5. – № 19. – С. 412–424.
30. Феднева Н. Л. Роль Министерства полиции в сохранении памяти об Отечественной войне 1812 г. / Н. Л. Феднева // Полиция России: три века на страже правопорядка и законности. – М., 2018. – С. 75–78.
31. Шаховской А. А. Первые дни в сожженной Москве // Наполеон в России глазами русских. – М., 2004. – С. 134–169.
32. Шилов Д. Н. Балашов Александр Дмитриевич // Государственные деятели Российской империи 1802–1917. Биобиблиографический справочник. – СПб., 2002. – 830 с.
33. Arendt H. The Origins of Totalitarianism. – New York, 1951. – 435 p.
34. Big Brother: The Soviet Police System // The Police Journal: Theory, Practice and Principles. 1968. July 1. <https://doi.org/10.1177/0032258X6804100706>.
35. Carré de Malberg R. Contribution a la théorie générale de l'Etat, spécialement d'après les données fournies par le droit constitutionnel français. – Т. 1. – Paris, 1920. – 234 p.
36. Carré de Malberg R. La loi, expression de la volonté générale, etude sur le concept de la loi dans la Constitution de 1875. – Paris, 1931. – 264 с.
37. Christian D. The Political Ideals of Michael Speransky // The Slavonic and East European Review. – 1976. – Vol. 54. – No. 2. – P. 192–213.
38. Figes O. A People's Tragedy. The Russian Revolution, 1891–1924. – London, 1996. – 923 p.
39. Knight A. The KGB: Police and Politics in the Soviet Union. – Boston, 1990. – 348 p.
40. Lauchlan I. Security Policing in Late Imperial Russia // Late Imperial Russia: Problems and Prospects. Essays in Honour of R. B. McKean. – Manchester, 2005. – P. 44–53.

41. The Russian Secret Police // The Police Journal: Theory, Practice and Principles. 1929. Volume 2. Issue 3. <https://doi.org/10.1177/0032258X2900200315>.
42. *Zuckerman F.* The Tsarist Secret Police in Russian Society, 1880–1917. – London, 1996. – 345 p.

РАЗДЕЛ 3

Истоки мифа о российском политическом сыске в отечественной либеральной историографии

Методические рекомендации по теме

Настоящие методические рекомендации и приложенные материалы предназначены для использования при подготовке и проведении научных, научно-просветительских и воспитательных мероприятий в рамках концепции «Стратегии развития и воспитания Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г., по противодействию фальсификации истории России с сотрудниками центральных и практических подразделений органов внутренних дел, курсантами и слушателями образовательных организаций МВД России, а также для совместных мероприятий подразделений и учреждений МВД России с иными государственными, общественными и просветительскими организациями Российской Федерации.

Цели методических рекомендаций:

– формирование правосознания, основанного на представлении о преемственности позитивного содержания деятельности органов охраны порядка и безопасности, направленной на сохранение общества как единой развивающейся социальной системы и государства как производного от этого общества многофункционального института.

– содействие воспитанию чувства профессионального долга и формированию национальной идентичности;

– воспитание уважения к службе на благо государства, чувства искреннего патриотизма;

– противодействие распространению либеральной идеологии, воспевающей мужественное противостояние бесстрашных революционеров безжалостно карающей полицейской охране.

Задачи методических рекомендаций:

– помочь осмыслить истоки мифа о политическом сыске Российской империи, зародившегося в недрах радикально-либеральной историографии середины XIX – начала XX в., нашедшего развитие в советской историографии и представлявшего борьбу революционных радикалов против государственных и общественных устоев прогрессивной, а деятельность правоохранительных органов по защите этих устоев – реакционной;

– оказать содействие в разоблачении представлений, ориентированных на дискредитацию деятельности органов политической полиции и освещающихся в учебной и публицистической литературе исключительно в негативном ключе;

– мотивировать интерес к истории политической полиции Российской империи в связи с тем, что в соответствии с Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» обязанность по предупреждению, выявлению и пресечению экстремистской деятельности общественных объединений, религиозных и иных организаций, граждан возложена на полицию.

Истоки мифа о российском политическом сыске в отечественной либеральной историографии

Проблема предотвращения, пресечения и расследования преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства остается на современном этапе актуальной, несмотря на то что общее количество таких деяний, именованных в прошлом государственными преступлениями, имеет тенденцию к снижению. Вместе с тем особую опасность на рубеже XX – XXI в. приобрела экстремистская деятельность. В Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» определяются правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности, устанавливается

ответственность за ее осуществление. В соответствии с Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» обязанность по предупреждению, выявлению и пресечению экстремистской деятельности общественных объединений, религиозных и иных организаций, граждан возложена на полицию.

Приоритетной задачей Министерства внутренних дел Российской Федерации остается противодействие таким преступлениям против государственной и общественной безопасности, как терроризм и экстремизм. При особой общественной опасности данных преступлений их предупреждение и пресечение является одним из самых важных направлений деятельности полиции. В связи с развертыванием информационной войны против силовых структур российского государства особую актуальность приобретает анализ процесса исторического развития органов, осуществляющих противодействие антигосударственной деятельности.

Историография отечественного политического сыска весьма обширна, однако рассмотрение ее с концептуальных позиций пока отстает от изучения фактической стороны проблемы, достигшего достаточно высокого уровня и позволяющего перейти к выявлению сформировавшихся идеологических и методологических подходов.

Исторически сложилось так, что деятельность органов охраны государственной безопасности Российской империи, или, как их называли органов политического сыска, в советское время освещалась исключительно в негативном ключе. Общественному сознанию были навязаны идеологемы, отражающие противостояние бесстрашных революционеров и безжалостно карающей полицейской охраны на всем протяжении российской истории XIX – начала XX в. Борьба революционных радикалов против государственных и общественных устоев представлялась прогрессивной, деятельность правоохранительных органов по защите этих устоев – реакционной. Идеологические запреты вели к тому, что позитивное

содержание деятельности органов безопасности Российской империи, направленной на сохранение общества как единой развивающейся социальной системы и государства как производного от этого общества многофункционального института не могло быть объектом изучения историков.

Негативная коннотация присутствовала в оценке деятельности правоохранительных структур Российской империи и в зарубежной публицистике и историографии¹.

Стереотипы такой оценки были заложены задолго до падения Российской империи – во второй четверти XIX в. Почти два столетия насчитывает миф о жестокости и репрессивном характере деятельности политической полиции России, созданный либеральной историографией, освещавшей историю революционных движений.

Впервые правоохранительная система Российской империи столкнулась с достаточно разветвленным заговором с целью изменить существующий строй накануне восстания декабристов. Этот заговор был беспрецедентным по своему характеру и составу участников – представителей военной и политической элиты. К тому времени система политического сыска, подвергшаяся во времена Екатерины II значительным изменениям в духе идей Просвещения (запрет «Слова и дела государева» и применения пытки как способа получения доказательств), закрепленным реформами Александра I (ликвидация Тайной экспедиции Сената, передача политических дел расследованию общей полицией, а особо важных – Сенату; как следствие – замена относительно централизованного политического сыска Комитетом высшей полиции, не имевшим исполнительной структуры, а затем Комитетом общей безопасности и Особенной канцелярией Министерства полиции, располагавших небольшим числом сотрудников), успешно обеспечившая безопасность государства в период Отечественной

¹ См.: The Russian Secret Police // The Police Journal: Theory, Practice and Principles: Volume: 2 issue: 3, p. 492–502; July 1, 1929. <https://doi.org/10.1177/0032258X2900200315>; The Tools of Tyranny: The Russian Secret Police. [Quaestor](https://www.quaestor.com/).

войны 1812 г., оказалась неспособной противостоять внутренним тайным обществам и пресечь их деятельность.

Законодательные нормы о государственных преступлениях также претерпели серьезное испытание правоприменительной практикой. Несмотря на наличие многочисленных законодательных актов, от статей Соборного уложения 1649 г. и Артикула Воинского до указов Екатерины II и Александра I, организационно-правовой базы для осуществления суда над государственными преступниками такого ранга в новых исторических реальностях было недостаточно для осуществления судебного расследования в рамках существовавших политико-правовых институтов.

Поэтому для следствия по делу декабристов 17 декабря 1825 г. была создана комиссия в составе председателя – военного министра Татищева и членов: великого князя Михаила Павловича, князя Голицына, генерал-адъютантов Голенищева-Кутузова, Бенкендорфа и Левашова¹. Для судебного разбирательства по делу декабристов императорским указом от 1 июня 1826 г. был учрежден Верховный уголовный суд, в состав которого вошли до 70 человек, девять из которых составили комитет, определявший вину каждого и меру наказания².

Проект приговора Верховного суда с официальным названием «Всепопданнейший доклад верховного уголовного суда» был написан М. М. Сперанским и принят судом 8 июля 1826 г. В докладе суда были установлены 11 разрядов осужденных с назначением соответствующих вине наказаний. Пятеро осужденных находились вне разрядов и приговаривались к четвертованию; 31 человек по 1-му разряду приговаривались к смертной казни через отсечение головы; 17 человек по 2-му разряду – к политической смерти и ссылке на каторжные работы навечно; 2 человека по 3-му разряду – к вечной каторге; 38 человек по 4, 5, 6, 7-му разрядам – к каторжным работам на разные сроки; 15 человек по 8-му разряду – к лишению чинов, дворянства

¹ Гернет М. Н. История царской тюрьмы: В 5 т. М., 1960–1963. Т. 2. М., 1961. С. 123.

² Комаровский Е. Ф. Записки графа Е. Ф. Комаровского. М., 1990. С. 151–152.

и ссылке на вечное поселение; 3 человека по 9-му разряду – к лишению чинов, дворянства и ссылке в Сибирь на разные сроки; один человек по 10-му разряду – к разжалованию в солдаты до выслуги; 8 человек по 11-му разряду – к лишению чинов и разжалованию в солдаты с выслугой. Все приговоренные к каторге лишались прав состояния.

Указ Николая I о конфирмации приговора смягчил наказание: осужденные вне разрядов приговаривались к повешению; осужденные по 1-му разряду – к пожизненной каторге; остальным сокращены сроки наказания. Следствие по делу декабристов ускорило процесс создания нового органа политического сыска – III Отделения собственной его императорского величества канцелярии, централизовавшего этот вид деятельности высшей полиции и подчинившего его лично государю.

Следственный процесс по делу декабристов дал толчок появлению первой официальной публикации по делу о государственных преступлениях. В 1826 г. по поручению Николая I делопроизводителем Верховной следственной комиссии, известным на тот момент литератором и будущим министром внутренних дел Д. Н. Блудовым было подготовлено и опубликовано «Донесение следственной комиссии»¹.

Первым среди сторонников декабристов отреагировал на «Донесение» политический эмигрант Н. И. Тургенев, заочно приговоренный к смертной казни, замененной на пожизненную каторгу. Еще в 1824 г. Тургенев уехал из России, и с 1826 по 1829 гг. опубликовал за границей несколько оправдательных записок, на основе которых написал в 1847 г. книгу «Россия и русские» на французском языке, вышедшую в Париже и запрещенную в России². В ней, без убедительных оснований, подвергнуты сомнению

¹ «Донесение следственной комиссии» увидело свет 12 июня 1826 г. сначала в виде приложения к «Русскому инвалиду», а затем в других изданиях. Были выпущены также брошюры с «Донесением» на русском и французском языках, «Донесение» перепечатывалось в европейской прессе. См.: Движение декабристов в официальной прессе 1825–1826 гг. Вступительная статья, комментарии А. Г. Готовцевой // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2007. № 9.

² Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 2001.

правомочность суда над декабристами, отрицается наличие в Российской империи смертной казни как меры наказания, указывается на предвзятость следственной комиссии.

В 1848 г. по просьбе наследника, будущего императора Александра II, с разрешения Николая I была напечатана всего в 25 экземплярах книга «Историческое описание 14 декабря 1825 г. и предшедших ему событий». Кандидатура автора книги не была случайной. Автором был М. А. Корф – выпускник Царскосельского лицея, однокашник А. С. Пушкина, на тот момент успешно прослуживший в Министерствах юстиции и финансов, а также по совместительству под началом Сперанского во Втором отделении по кодификации законов, занимавший посты управляющего делами Комитета министров, государственного секретаря и члена Государственного совета, в дальнейшем будущий директор Императорской публичной библиотеки и главноуправляющий Вторым отделением Собственной Его императорского величества канцелярии. В 1848 г. Корф был назначен членом негласного комитета для надзора за книгопечатанием. Он сочетал широкую образованность и просвещенные взгляды с опытом деятельного управленца и преданностью престолу и российской монархии.

В 1854 г. второе издание его книги вышло таким же маленьким тиражом. После помилования декабристов книга была опубликована в 1857 г. массовым тиражом под названием «Восшествие на престол императора Николая I».

Таким образом, первый подход к освещению событий 25 декабря 1825 г. и их предыстории был заложен представителями правящей элиты Российской империи во второй четверти XIX в.

В публикации Корфа обозначилась парадигма подхода к проблеме, которую условно можно обозначить как охранительно-государственную, основанную на постулате о том, что нарушение действующего закона подлежит наказанию. Согласно этому подходу видение подготовки и проведения восстания, а также предпринятых властями мер по пресечению

и расследованию деятельности его участников осуществлялось глазами образованного и просвещенного в умеренном, но не радикальном духе представителя высшего общества. В основе этого видения лежало убеждение автора в том, что правительственные органы действовали в соответствии с законом, в общественных и государственных интересах, участники же тайных обществ нарушили присягу и закон, за что и понесли заслуженное наказание.

Книга Корфа была в то время первой серьезной попыткой официального рассекречивания тайной политической истории. Наряду с М. М. Сперанским, В. П. Кочубеем, П. Я. Ростовцевым, С. С. Ланским, в дальнейшем – П. А. Столыпиным, Корф принадлежал к немногочисленному слою российской бюрократии, которую можно назвать, используя классификацию М. Вебера, рациональной. Взгляды представителей этого тонкого слоя высшего служилого чиновничества отражали объективные потребности русского общества в таких реформах, которые проводились бы профессионально, т. е. сильной и просвещенной, а не ослабленной и косной государственной властью. Это были взгляды государственников-прагматиков, которые своей управленческой деятельностью способствовали поступательному движению отечественного общества вперед, оставаясь в рамках существующего государственного аппарата. Вместе с тем, они считали стабильность и поддержание правопорядка важнейшими гуманистическими ценностями и защищали их, как могли.

Следует признать, что, защитив эти ценности в ходе проведения Великих реформ на практике, русская рациональная бюрократия проиграла в 1850–1860-е гг. идеологическую войну своим оппонентам – как консерваторам справа, так и либералам во главе с А. И. Герценом, слева. Подтверждением этому служит судьба книги Корфа. Она встретила резкую критику с двух сторон. В реакционно настроенных кругах бюрократии посчитали неприемлемым сам факт предания гласности событиям,

связанным с антиправительственной деятельностью, хотя и четвертьвековой давности.

Некоторые вернувшиеся из ссылки декабристы, по словам самого Корфа, напротив, «нашли в ней менее ожидаемого»¹. Их неудовлетворенность была многократно усилена основателями Вольной русской прессы А. И. Герценом и Н. П. Огаревым, предавших гласности оценки недовольных и многократно их усилившие.

Наряду с этой парадигмой в период подготовки крестьянской реформы большой резонанс получила и вторая, оппозиционно-радикальная, исходившая из того, что действия революционеров, нарушающие закон, но имеющие целью коренные политические изменения во имя провозглашенного ими всеобщего блага, не подлежат законным санкциям, а деятельность правоохранительных органов по их пресечению является антиобщественной и даже преступной.

Используя ресурс «Вольной русской прессы», Герцен и Огарев освещали деятельность государственной власти, направленную на защиту безопасности и существующего строя, с негативной точки зрения. Сначала они опубликовали брошюру «14 декабря 1825 г. и император Николай», а затем напечатали на страницах «Полярной звезды» «Разбор донесения тайной следственной комиссии в 1826 г.»². Последний был написан декабристом М. С. Луниным на каторге, там же дополнен Н. М. Муравьевым примечаниями, в которых отразилась история борьбы правительства с политическими противниками, начиная с XVIII в. В «Полярной звезде» были напечатаны также лунинские «Взгляд на тайное русское общество» и «Письма из Сибири».

¹ Цит. по *Эйдельман Н.* Тайные корреспонденты «Полярной звезды» М., 1966. С. 15. Об отзывах декабристов на книгу М. Корфа см. комментарии И. В. Пороха к работам Герцена «Письмо к императору Александру II» и «Предисловие к книге “14 декабря 1825 г. и император Николай” // *Герцен А. И.* Собрание сочинений в 30 т. Т. XIII. М., 1958. С. 503–505, 515–516.

² Полярная звезда. 1859. № 5. С. 53–73.

Высказанное в них Луниным отношение к деятельности следственных органов по делу декабристов определило подходы, которые легли в основу оппозиционно-радикальной концепции политического сыска в либеральной, революционно-демократической и советской историографии.

Личность декабриста Лунина была неординарной даже в ряду покрытых доблестью и славой участников войны 1812 г. О нем писали А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский в своих романах «Евгений Онегин», «Война и мир», «Бесы», определивших русское самосознание.

Формирование личности Лунина, в отличие от лицеиста Корфа, осуществлялось в условиях домашнего воспитания. Его учителями были иностранцы – англичанин Фостер, французы Бюте, Картье, швейцарец Малерб, швед Кирулф. Аббат Вовилье воспитал его в католичестве, а в зрелом возрасте Лунин разработал свою религиозно-философскую систему, в основе которой лежала идея объединения католической и православной церквей.

Становление будущего блестящего кавалергарда шло вне образовательной среды, накладывающей определенные ограничительные рамки, в которых вырабатываются такие личностные качества, как дисциплинированность и способность к самоограничению в интересах общества. Лунин вырос индивидуалистом, дерзким храбрецом, готовым на единовременный жертвенный подвиг, но неспособным на постоянное служение. Герой Аустерлица, дуэлянт, картежник, участник боев под Смоленском, Бородинской битвы, где получил золотое оружие «За храбрость», он сражался у Тарутино, под Малоярославцем, под Красным, везде проявляя чудеса храбрости и отваги.

Последним проявлением жертвенности в бурной и полной приключений жизни Лунина стало сочинение им «Писем из Сибири» и «Разбора донесения тайной следственной комиссии в 1826 г.».

Сочинение Корфа в дальнейшем не переиздавалось. Более того, циркуляром Министерства внутренних дел от 8 марта 1860 г. было

запрещено «оглашение сведений, могущих быть поводом к распространению неблагоприятных мнений о скончавшихся лицах царствующего дома»¹, начиная от кончины Петра I. Таким образом, официальное изучение истории политического сыска, начатое было Корфом, не получило дальнейшего развития, а инициативу в деле рассекречивания этой истории захватила Вольная русская пресса за рубежом, передавая ее следующим поколениям отечественных либералов, а также революционерам-разночинцам и социал-демократам.

Характерной чертой этого подхода явилась публицистичность, эмоционально-оценочный характер суждений, обусловленный глубокими внутренними переживаниями авторов как лиц, осужденных за государственные преступления, лишенных всех прав состояния, привычных условий жизни, окружения и общения. Жизненный опыт, приобретенный ими в ходе следствия и пребывания «во глубине сибирских руд», формировал психологию самопожертвования, прожитая жизнь осознавалась как жертва, принесенная системе, осуществляющей насилие. В написанных на каторге сочинениях Лунина противопоставление этических принципов палачей и жертв доведено до символического уровня.

При этом правовая сторона деятельности тайной следственной комиссии Луниным не рассматривалась. Не останавливаясь на юридической стороне вопроса, он, вслед за Н. И. Тургеневым, считал эту комиссию неправомочной расследовать дело декабристов, а суд обвинил в том, что он был закрытым и основывался только на формальных доказательствах, предоставленных следственной комиссией. По его мнению, дело декабристов должно было быть расследовано в рамках гласного и состязательного процесса, с предоставлением обвиняемым возможности защиты своих убеждений в суде. Понятно, что такие претензии не могли быть приняты властью.

¹ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. М., 1907. С. 453.

Таким образом, с самого своего зарождения либеральная концепция политического сыска содержала противоречие. Оно заключалось в отрицании права существующей власти расследовать и рассматривать судебные дела о посягательстве на нее в рамках действующей политической и правовой системы, то есть, в сущности, представляло собой требование отказа государства от обеспечения собственной безопасности. Наличие этого противоречия, в дальнейшем сознательно или бессознательно не замечаемого авторами – наследниками лунинского подхода, и дает основание считать всю либеральную концепцию мифом, то есть таким способом понимания мира, при котором наблюдается безразличие к противоречию, чувственно-конкретный характер, метафоричность, эмоциональность.

Указанные черты присущи подходу к освещению истории политического сыска в работах известных либеральных и ряда советских историков. Например, М. М. Ковалевский называл III Отделение «страшным политическим застенком», а политическую полицию пореформенного периода считал ответственной «за создание столь опасного врага существующего порядка вещей», имея в виду террористов и заговорщиков¹.

Среди современных авторов либеральная тенденция нашла яркое выражение в работах Ф. Лурье². Вместе с тем с начала XX в. обнаруживается тенденция к изучению истории политических судебных процессов³ и связанных с ними общественных движений, которая выражается в публикации источников, начавшейся за границей и продолжавшейся до конца 20-х гг. в Советской России и СССР. Были введены в научный оборот архивные материалы, характеризующие деятельность органов политического сыска, собраны биографические данные о революционерах,

¹ Ковалевский М. Очерки по истории политических учреждений в России. М., 2007. С.148, 194.

² Лурье Ф. Полицейские провокаторы: Политический сыск в России. 1649–1917. М., 2006.

³ Тельберг Г. Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М., 1912; *Его же*. Система государственных преступлений в Уложении царя Алексея Михайловича // Журнал Министерства юстиции, 1911. № 6.

представителях различных этапов революционного движения, что способствовало расширению кругозора исследователей, готовило возможность для преодоления противоречия, характерного для либеральной парадигмы изучения деятельности правоохранительных органов. Важной вехой на пути воссоздания их объективной истории стала фундаментальная с точки зрения привлечения источников и охвата хронологического периода работа М. Н. Гернета «История царской тюрьмы»¹.

Среди современных исследователей проблемы, преодолевших рамки либерально-мифологического подхода к ней, можно назвать С. А. Воронцова², П. А. Кошеля³, П. В. Краснова⁴, З. И. Перегудову⁵, А. М. Ларина⁶ и др.

Представляется, что изучение исторического опыта борьбы с преступлениями против общественной и государственной безопасности на основе метода историко-правового анализа деятельности органов политического сыска Российской империи будет способствовать преодолению устоявшихся идеологических стереотипов в правовом сознании общества и совершенствованию борьбы с экстремизмом.

¹ Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Т. 1–5. М., 1951–1956.

² Воронцов С. А. Правоохранительные органы и спецслужбы Российской Федерации. История и современность. Ростов н/Д, 1999.

³ Кошель П. А. Политический сыск в России: история и современность. СПб, 1997.

⁴ Краснов П. В. Деятели политического сыска России о студенческом движении 1899 – начала 1902 гг. // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2007, № 6.

⁵ Перегудова З. И. Политический сыск в России, 1880–1917. М., 2000.

⁶ Ларин А. М. Государственные преступления. Россия. XIX век (взгляд через столетие). Тула, 2000.

Приложение

О присоединении особенной Канцелярии Министерства Внутренних Дел к Собственной Его Величества Канцелярии

Указ, данный управляющему Министерством Внутренних Дел

3 июля 1826 г.¹ (Извлечение)

Признавая нужным устроить под начальством генерал-адъютанта Бенкендорфа Третье отделение при Собственной моей Канцелярии, я повелеваю: особенную Канцелярию Министерства Внутренних Дел уничтожить, обратя по выбору генерал-адъютанта Бенкендорфа часть чиновников оной под управлением действительного статского советника фон Фока в состав сего отделения.

Предметами занятий сего III Отделения собственной моей Канцелярии назначаю:

1. Все распоряжения и известия по всем вообще случаям высшей полиции.
2. Сведения о числе существующих в государстве разных сект и расколов.
3. Известия об открытиях по фальшивым ассигнованиям, монетам, штемпелям, документам и проч., коих розыскания и дальнейшее производство остается в зависимости Министерств: финансов и внутренних дел.
4. Сведения подробные о всех лицах, под надзором полиции состоящих, равно и все по сему предмету распоряжения.

¹ Восстание декабристов 1825 г. наглядно продемонстрировало неэффективность системы политического сыска эпохи Александра I. В ходе следствия по делу декабристов Николай I решил создать принципиально новый орган государственной безопасности.

На основе объединенных предложений А. Х. Бенкендорфа и М. Я. фон Фока было создано Третье отделение Собственной Его императорского Величества канцелярии, в которое вошла Особенная канцелярия МВД, занимавшаяся предупреждением и расследованием государственных преступлений..

5. Высылка и размещение людей подозрительных и вредных.
 6. Заведывание наблюдательное и хозяйственное всех мест заточения, в коих заключаются государственные преступники.
 7. Все постановления и распоряжения об иностранцах, в России проживающих, в предел Государства прибывающих и из оногo выезжающих.
 8. Ведомости о всех без исключения происшествиях.
 9. Статистические сведения, до полиции относящиеся.
- (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. I. Отд. 2. № 449)

Библиографический список

1. *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы: в 5 т. / М. Н. Гернет. – Т. 2. – М., 1961. – 582 с.
2. *Герцен А. И.* Письмо к императору Александру II // *Герцен А.И.* Собр. соч.: в 30 т. – Т. XIII. – М., 1958. – 682 с.
3. *Герцен А. И.* Предисловие к книге «14 декабря 1825 г. и император Николай» // *Герцен А.И.* Собр. соч.: в 30 т. – Т. XIII. – М., 1958. – 682 с.
4. *Ковалевский М.* Очерки по истории политических учреждений в России / М. Ковалевский. – М., 2007. – 224 с.
5. *Комаровский Е. Ф.* Записки графа Е.Ф. Комаровского / Е. Ф. Комаровский. – М., 1990. –
6. *Корф М. А.* Восшествие на престол императора Николая I. – СПб., 1857. – 250 с.
7. *Ларин А. М.* Государственные преступления. Россия. XIX век (взгляд через столетие) / А. М. Ларин. – Тула, 2000. – 606 с.
8. *Лунин М. С.* Письма из Сибири / М. С. Лунин. – М., 1988. – 514 с.
9. *Лурье Ф.* Политический сыск в России. 1649–1917 / Ф. Лурье. – М., 2006. – 398 с.
10. *Кошель П. А.* Политический сыск в России: история и современность / П. А. Кошель. – СПб, 1997. – 665 с.
11. *Краснов П. В.* Деятели политического сыска России о студенческом движении 1899 – начала 1902 гг. / П. В. Краснов // Вестник МГУ. Серия 8. История. – 2007. – № 6. – С. 83–94.
12. *Окунь С. Б.* Декабрист М.С. Лунин / С. Б. Окунь. – Л., 1985. – 280 с.
13. *Перегудова З. И.* Политический сыск в России, 1880–1917 / З. И. Перегудова. – М., 2000. – 432.
14. Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. – М., 1907. – 482 с.
15. Свод законов Российской империи. Законы уголовные. – Т. XV. –

СПб., 1832. – 964 с.

16. Свод законов Российской Империи. Свод законов уголовных. – Т. XV. – СПб, 1857. – 964 с.

17. *Таганцев Н. С.* Уголовное право (Общая часть) / Н. С. Таганцев. – Ч. 1. – СПб., – 1902. – С. 146–185.

18. *Тельберг Г. Г.* Система государственных преступлений в Уложении царя Алексея Михайловича / Г. Г. Тельберг. // Журнал Министерства юстиции. – 1911. – № 6. –

19. *Тихомиров М. Н.* Соборное Уложение 1649 г. / М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов. – М., 1961 – 444 с.

20. *Эйдельман Н.* Тайные корреспонденты «Полярной звезды» / Н. Эйдельман. – М., 1966. – 309 с.

РАЗДЕЛ 4

Современники и потомки

о министре полиции Российской империи А. Д. Балашове

Методические рекомендации по теме

Настоящие методические рекомендации предназначены для использования при подготовке и проведении научных, научно-просветительских и воспитательных мероприятий в рамках концепции «Стратегии развития и воспитания Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г., по противодействию фальсификации истории России с сотрудниками центральных и практических подразделений органов внутренних дел, курсантами и слушателями образовательных организаций МВД России, а также для совместных мероприятий подразделений и учреждений МВД России с иными государственными, общественными и просветительскими организациями Российской Федерации.

Цели методических рекомендаций:

– формирование чувства искреннего патриотизма, гордости за нашу Родину, осознания выдающейся роли А. Д. Балашова в истории и национальной памяти общества.

– воспитание чувства долга перед Родиной, формирование национальной идентичности;

– осмысление таких традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества, как служение Отчизне, стремление к справедливости и самопожертвованию, великодушие и милосердие;

– воспитание уважения к службе на благо России.

Задачи методических рекомендаций:

– помочь осмыслить значение личности и государственной деятельности Балашова для России;

– оказать содействие в разоблачении исторического ревизионизма второй половины XIX – XX в., ориентированного на дискредитацию образа министра полиции Балашова как патриота своей страны;

– мотивировать интерес к изучению деятельности сотрудников правоохранительных органов, в частности, к личности, жизненному опыту и административному таланту Балашова.

Современники и потомки

о министре полиции Российской империи А. Д. Балашове

*Почтенный Балашов!...
Ты сирых слезы обтираешь
Ты бедным всем благотворишь
Корысть, неправду истребляешь
И лжи безмолвствовать велишь.*

С. Н. Глинка

Личность Александра Дмитриевича Балашова его современниками и потомками воспринимается далеко неоднозначно и является предметом многочисленных дискуссий среди исследователей. Диапазон мнений широк – от восторженных и хвалебных панегириков до обвинений в коррупции и лихоимстве. Однако и современники, и потомки едины в том, что Балашов «...занимал одно из ключевых мест в окружении императора Александра I и оказывал значительное влияние на политическую историю своего времени»¹.

Александр Дмитриевич происходил из дворянского рода Балашовых, о котором имеются многочисленные записи в родословных книгах Рязанской, Санкт-Петербургской, Тульской, Ярославской и других губерний. Отец его – Дмитрий Иванович – «секретарь, тайный советник, известен отличною своею службой при Екатерине Великой, которая удостоивала его

¹ Скрыдлов А. Ю. На службе России: Александр Дмитриевич Балашев. 1770–1837. СПб., 2016. С. 238.

особого благоволения и называла его своим бескорыстным сенатором»¹. Мать Александра Дмитриевича – Матрена Ивановна Чаплина – происходила из тульских дворян Чаплиных, когда-то перешедших из Польши на службу к великому князю Михаилу Тверскому.

Первые десять лет жизни Александр воспитывался дома, следуя за отцом по местам его назначений. В дальнейшем его ожидала военная служба, подготовку к которой он начал в 1781 г. с Пажеской придворной школы – так называлось привилегированное военное учебное заведение, где готовили к службе детей дворянской знати. За отличные успехи в 1787 г. Балашов был пожалован в камер-пажи и представлен императрице Екатерине II. Это было время учебы, знакомства с придворными церемониями, произведениями литературы, театральными постановками, балов, всего того, что составляет, говоря современным языком, общекультурный уровень развития. Окончание данного учебного заведения сулило ее выпускнику блестящую карьеру.

Внезапная кончина отца в 1790 г. возложила на плечи молодого человека заботу о матери, пяти незамужних сестрах (две старшие, уже были замужем), небольшой деревеньке в Тульском имении и выплате немалого родительского долга². Благоволение к Балашовым императрицы Екатерины позволило Александру начать военную службу в чине поручика в столичном гвардейском Измайловском полку. Необходимость поддерживать семью материально сделала Балашова заядлым картежником. «Правила тогдашних карточных игр позволяли проявить умение владеть собой и способность ввести в заблуждение партнеров. Вся его дальнейшая жизнь подтвердила, что Балашов был действительно человеком расчетливым, с холодным умом, умевшим владеть эмоциями»³. Однако игра в карты принесла ему больше

¹ *Мацкевич Д. И.* О жизни и государственных заслугах Александра Дмитриевича Балашева // Северная пчела. 1847. № 154. 10 июля.

² *Михайловский-Данилевский А. И.* Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах: в 6 т. Т. 6. Глава А. Д. Балашевъ, СПб., 1848–1849. С. 2.

³ *Киселева Т. Ф.* Генерал Балашов Александр Дмитриевич. Историко-краеведческий очерк. СПб., 2012. С. 21.

долгов, чем доходов, да и престижная служба в гвардейском полку предполагала значительные денежные расходы. Все это послужило причиной его перевода в армейскую пехоту, где можно было благодаря проявленным качествам – храбрости и отваге – быстро подняться по карьерной лестнице. В соответствии с «Табелью о рангах» перевод был произведен с повышением на два звания – «выпущен в армию подполковником». «Екатерининский» период в жизни Балашова сменился «павловским», подняв его выше сначала на ступень полковника, затем генерала, сделав обладателем первой серьезной награды – ордена Св. Анны. Звание генерал-майора Александр Дмитриевич получил в возрасте 28 лет. За восемь истекших лет Балашову удалось сделать неплохую карьеру на военном поприще и достичь военного чина IV класса¹.

Конец «павловского» правления для Балашова был омрачен временной опалой, связанной с его служебным рвением. Арестовав крупную банду фальшивомонетчиков, он, соблюдая субординацию, сделал об этом доклад обер-прокурору, тот генерал-прокурору и последним был извещен император. Однако император счел такой поступок опрометчивым, считая, что подобного рода информация должна докладываться непосредственно ему лично, и уволил героя. Прошло чуть меньше года, Балашов был вызван в Санкт-Петербург и вновь принят на службу с назначением «состоять в армии». Благоклонность Павла I не лучшим образом сказалась на карьере Балашова, когда к власти пришел Александр I. По ряду обстоятельств Балашов вынужден был оставить службу, поселившись в Москве с семьей и «в кругу своего семейства был совершенно счастлив». На одном из музыкальных вечеров в доме Гончаровых он встретил своего однополчанина Е. Ф. Комаровского, который, по просьбе министра внутренних дел В. П. Кочубея, подыскивал кандидатуру для поста обер-полицмейстера Москвы. На сделанное ему предложение последовал ответ: «Хоть и трудно быть разжалованным из попов в диаконы, ибо, как военный губернатор я имел в команде у себя полицмейстера и всю полицию, а тут сам

¹ Там же. С. 26.

буду под командой; но я бы должность принял»¹. Не пробыв в отставке полгода, Балашов вернулся на службу, на пост московского обер-полицмейстера, который занимал с декабря 1804 по ноябрь 1807 г. Император лично дал ему «некоторые наставления, касаемые новой должности». Служба в Москве проходила при активном сотрудничестве и взаимодействии с военным губернатором А. А. Беклешовым и московским главнокомандующим Т. И. Тутомлиным. Оба опытные профессионалы, немало способствовавшие становлению Балашова на новом поприще. В результате «служба московским обер-полицмейстером сложилась весьма успешно и была отмечена: прибавкой к обер-полицейскому окладу генерал-майорского жалованья; затем последовала награда Аннинской лентой; Балашову было пожаловано арендное имение, приносящее до 4 000 рублей годового дохода и награждение орденом Св. Владимира 3 степени»². О московском периоде жизни Балашова писал его современник Ф. Ф. Вигель: «...Когда слушаешь его немного, то начнешь смотреть на него с удовольствием. Никакого умничания, умствования, витийства он себе не позволял, ничего любезного, трогательного не было в его разговорах, а все было просто, умно и хорошо»³. Похожую характеристику дал другой его современник - М. А. Дмитриев (племянник министра юстиции 1810–1814 гг. И. И. Дмитриева): «Он был чрезвычайно умен; он умел говорить интересно даже о погоде, потому что у него не было слова без мысли. Говорил он громко и красноречиво; после Карамзина я не находил человека красноречивее»⁴.

За два с половиной года, с 1804 по 1807 г., Балашову многое удалось сделать для наведения порядка в Москве. Среди прочего следует отметить его непосредственную работу с жалобами населения, а также приобретение ведомственной типографии. В последующие годы с 1808 по 1809 г. Балашов

¹ Киселева Т. Ф. Указ. соч. С. 32.

² Там же. С. 34.

³ Там же. С. 35.

⁴ Там же.

становится санкт-петербургским обер-полицмейстером в ведении которого находится еще более широкий круг вопросов: «от проведения ревизий в подведомственных ему учреждений до надзора за нищенством и бродяжничеством, от наблюдения за точностью мер и весов и правильностью установления цен на товары до пресечения массовых выступлений против власти, а также надзор за соблюдением правил строительства в СПб., исправностью мостов, чистотой улиц...»¹. Очевидно, что эта должность предполагала особое доверие императора, знание законов, административный опыт, ум и порядочность. И Балашов сумел своей деятельностью произвести благоприятное впечатление на государя. Вскоре Балашов назначается на должность санкт-петербургского военного губернатора. Из городской хроники можно узнать о его деятельности на этом посту: «расширена территория города – появилась 12-я Нарвская часть, введено новое административное деление столицы на 12 частей, в 1809 г. основан Институт корпуса инженеров путей сообщения, в 1809 г. состоялось открытие преобразованной по новым правилам Духовной академии... в 1810 г. завершено строительство гранитного обрамления реки Мойки, в 1811 г. завершено строительство Казанского собора и открыт Царскосельский лицей, открылась для читателей Императорская Публичная библиотека, открыто здание Биржи на стрелке Васильевского острова»². По мнению современников, все, за что брался Балашов, он делал основательно, того же требовал от своих подчиненных.

Оценив по заслугам деятельность Балашова, император способствует его производству в генерал-лейтенанты, что соответствовало по «Табели о рангах» III классу, назначает генерал-адъютантом и делает членом своей свиты. Все это означало особое доверие со стороны власти и было учтено при назначении на должность министра полиции. В преддверии войны

¹ *Потемкина Е. В.* Обер-полицмейстер // Три века Санкт-Петербурга: энциклопедия в 3 т. Т. 2: Деятельность XIX века. Книга 4. СПб., 2005. С.638–639.

² *Киселева Т. Ф.* Указ. соч. С. 40.

с Наполеоном для Александра I важно было обеспечить внутреннюю безопасность страны и сделать это с опорой на доверенных лиц.

Обособление полиции шло постепенно. Сначала при генерал-губернаторе была учреждена контора адресов¹, затем упорядочена работа дворников. Цель одна – установить контроль над перемещением населения и выявлять подозрительных лиц – «чтоб лучше все и про всякого знать». Затем усилиями генерал-губернатора Балашова чинам полиции было повышено жалование «соразмерно нуждам и занятиям их». 16 апреля 1810 г. Балашов обратился «к Государю с представлением о прибавке чиновникам полиции жалованья с таким расчетом, чтобы впредь получали: Частные Приставы два по 1 200 руб. пять по 1 000 и четыре по 800; Квартальные Надзиратели: восемь по 800, двадцать семь по 700 и шестнадцать по 600 руб.; Квартальные Поручики: восемь по 600, двадцать восемь по 500, шестнадцать по 450 руб.; Следственные Приставы: два по 1200 и два по 1 000 руб.; Полицмейстеры по 1800 и Приставы Управы Благочиния по 1500 руб.; Секретари ея по 900 руб.»². Предложение Балашова государем было удовлетворено, и выплата жалования стала осуществляться по третям года из доходов конторы адресов, по усмотрению военного губернатора, исходя из усердия и ревности к службе полицейских чинов.

Известно, что 25 июня 1810 г. правительство манифестом о разделении государственных дел на особые управления «для общего соображения и главного управления всех предметов, принадлежащих к государственной полиции»³, которые ранее находились в министерстве внутренних дел, поручило дела полиции особому министерству и восстановило прежде существовавшее звание генерал-полицмейстера. Новоиспеченному министерству полиции поручалось устройство внутренней безопасности, или государственной полиции. Существо власти, вверяемой министру

¹ Учреждена Указом 15 октября 1809 г для недопущения приема на работу лиц сомнительной репутации.

² *Киселева Т. Ф.* Указ. соч. С.86.

³ С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство: краткий исторический очерк. СПб., 1903. С.80.

полиции, заключалось в том, чтобы оперативно и точно обеспечивать внутреннюю безопасность. Для чего ему предписывалось действовать по общему министерскому наказу, но в чрезвычайных обстоятельствах давалось право привлекать к решению вопросов войска. Постановления чрезвычайные, министром полиции подписанные, исполняются беспрекословно, «хотя бы и не имели определенной формы»¹.

Первым министром полиции и стал А. Д. Балашов (25 июня 1810 – 28 марта 1812). В определении Правительствующего Сената из 1-го в 1-е отделения 5-го департамента от 25-го ноября 1810 г. сказано: «...генерал-лейтенанту Балашову всемилостивейше повелеваем быть министром полиции, оставляя его и санктпетербургским военным губернатором до назначения ему в сию должность преемника»². «Устав-учреждение министерства» было поручено подготовить ему самому в «соответствии с общим учреждением министерств». Для Балашова вообще была характерна самостоятельность в отношении составления бумаг на всех занимаемых им должностях.

Перечень обязанностей Министерства полиции практически дублировал список генерал-губернаторских зафиксированных в «Уставе столичного города Санкт-Петербурга», принятом еще Павлом I. Исходя из этого, назначение генерал-губернатора Балашова на должность министра полиции было вполне органичным и не вызвало недоумения в обществе. Упомянутый нами Вигель так отметил это назначение: «Должность сия поручена была человеку, который успел выказать способности свои в звании сперва московского, а затем петербургского обер-полицмейстера»³. Я. И. де Санглен также писал о том, что еще до учреждения Министерства

¹ С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство: краткий исторический очерк. СПб., 1903. С. 81.

² О назначении кн. А. Н. Голицына управляющим духовными делами иностранных исповеданий и А. Д. Балашова – министром полиции // Русская старина. 1898. № 8. С.410.

³ Вигель Ф. Ф. Записки. Мюнхен, 2005. С. 135.

полицей «наперед было известно, что государь назначал на это место Балашова»¹.

Учрежденное министерство полиции состояло из трех департаментов: полиции хозяйственной, полиции исполнительной и медицинский. В состав Министерства также входил Медицинский совет и канцелярии министра – Общая и Особенная.

Балашову пришлось комплектовать штат министерства с нуля и самому. Так, на место начальника Особенной канцелярии был приглашен знакомый Балашову по службе де Санглен. По рекомендации тульского дядюшки в хозяйственный департамент был принят чиновник московского отделения Сената А. Д. Боровков. Очевидно, и других сотрудников Балашов набирал себе либо из тех, кого знал лично, либо по рекомендации родственников и знакомых.

Балашову, как столичному губернатору и министру полиции, приходилось вникать в очень широкий круг вопросов и осуществлять особые функции. Так, как министр полиции он мог «передать своему ведению и разрешению» «все те дела, которые сочтет нужным». К таким делам относились, в том числе, дела, связанные с тайным наблюдением и сыском. Это делало его практически всесильным и впоследствии послужило основанием для довольно резких оценок его деятельности.

Как генерал-губернатор он имел в подчинении смотрителя Алексеевского рavelина Петропавловской крепости. Сохранившиеся инструкции и сметы говорят о том, что министр полиции все обстоятельно продумывал и просчитывал. Установленный им порядок сохранился практически до конца дней существования Секретного дома в Алексеевском рavelине.

Министерство полиции в 1811 г. было привлечено к очень ответственному делу – шестой по счету переписи населения – и успешно при этом себя зарекомендовало.

¹ Киселева Т. Ф. Указ. соч. С. 46.

28 декабря 1811 г. по инициативе Балашова был утвержден новый штат Конторы адресов и усовершенствовано Положение о ее деятельности: «1) постановлено билеты или свидетельства из Конторы выдавать не на полгода, а на весь год; 2) перемену жительства и хозяев надписывать не в Конторе, а в кварталах; 3) одобрение и неодобрение хозяевам помещать не в особых аттестатах, а на том же годовом билете или свидетельстве Конторы Адресов; 4) Конторе Адресов, как месту полицейскому, предписано иметь надзор за Маклерами слуг и рабочих людей; 5) Конторе Адресов предоставлено право разбирать по жалобам между живущими с билетами Конторы и тем, у кого они служат»¹. Примечательно, что Контора адресов на этих началах функционировала до 1839 г., то есть более четверти века, что свидетельствует об эффективности произведенных министром полиции преобразований.

26 августа 1811 г. императором российским утверждена форма мундира полицейского и шитья на мундире. Мундиры оставлены по цветам, присвоенным каждой губернией. Шитье ставится по единому утвержденному образцу: на мундирах с желтыми пуговицами – золотое шитье, с белыми – серебряное². Таким образом, не только деятельность полицейских была упорядочена, но и приведен к единообразию их внешний вид.

В преддверии войны с сентября 1811 г. по распоряжению Балашова ужесточался пограничный контроль. В 1812 г. особо понадобилась «инициированная Министерством полиции и одобренная императором масштабная работа по «поголовному разбору» неблагонадежных элементов в пограничной полосе и всех иностранных подданных, проживающих в обеих столицах и в губерниях, оказавшихся в полосе наступления вражеских войск. Полицейские, городничие и земские исправники фильтровали иностранных гувернеров, учителей, управляющих имениями, лиц «свободных профессий» на предмет их симпатий к Бонапарту, склонности к пораженческим

¹ С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство: краткий исторический очерк. СПб., 1903. С.89.

² Там же. С.94.

настроениям и агитации, критике распоряжений русского правительства. Выявленные неблагонадежные лица высылались под полицейским конвоем в дальние тыловые губернии от Нижнего Новгорода до Оренбурга»¹.

В 1903 г., по распоряжению Санкт-Петербургского градоначальника генерал-лейтенанта Н. В. Клейгельса, был составлен краткий иллюстрированный очерк деятельности петербургской столичной полиции и градоначальства за 200 лет с 1703 г. Материалом для его составления послужило Полное Собрание законов Российской империи и дела, хранящиеся в архиве Сената, Государственного совета, Министерства внутренних дел, Министерства юстиции и проч. По мнению авторов очерка «результаты полицейских реформ в царствование Императора Александра I оказались не вполне соответствующими ожиданиям правительства»², но, «принесли, без сомнения очевидную пользу»³.

Деловые качества Балашова признавали многие его современники. Вигель писал, что «природа дала ему... все, что нужно для успеха: хитрость грека, сметливость и смелость русского и скромность немца»⁴. Один из тогдашних губернаторов, И. М. Долгоруков, отмечал, что Балашов «слыл необходимым в своем звании»⁵. Сам Балашов так определял свою жизненную позицию: «Не быв нимало горд или тщеславен, я врожденную имею ненависть к поступкам подлым, и враг раболепию, и принудить себя не могу к тому даже, что хотя не есть подлость, но подобие подлости имеет»⁶. Г. П. Ржевский в 1812 г. посвятил Балашову стихотворное произведение «Ода министру полиции Балашеву», которая сохранилась в делах Архива особенной канцелярии при Министерстве полиции.

¹ Давиденко А. В. Содействовать против всех вражеских замыслов и покушений...: труды и подвиги российской полиции в эпоху 1812 года. Продолжение...: очерки. М., 2019. С. 198.

² С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство: краткий исторический очерк. СПб., 1903. С. 94.

³ Там же. С. 95.

⁴ Корф М. А. Деятели и участники в падении Сперанского // Русская старина. 1902. № 3. С. 488.

⁵ Киселева Т. Ф. Указ. соч. С. 49.

⁶ Корф М. А. Указ. соч. С. 485.

Однако не со всеми у Балашова складывались отношения. Сложными они были с А. А. Аракчеевым, который считал его «даже своим врагом и старался ему вредить»¹, очевидно, соперничая из-за влияния на императора. Напряженными отношения были и с бывшим министром внутренних дел В. П. Кочубеем. Англофил Кочубей, не поддерживая заключение в 1807 г. Тильзитского мира, ушел в отставку с поста министра и, очевидно, затаив обиду, крайне негативно впоследствии оценил деятельность министерства полиции, назвав его «министерством шпионажа»². А ведь именно эта часть работы министерства накануне войны с Францией была чрезвычайно необходима. Ею занималась Особенная канцелярия, директором которой при Балашове был Санглен. Их усилиями и усилиями их приемников – М. Я. фон Фока и С. К. Вязмитинова – удалось наладить постоянные каналы получения информации о настроениях и ситуации как внутри страны, так и за ее пределами³.

Конечно, методы получения информации не вызывали восторга у общества. У местных должностных лиц они вызывали явное беспокойство, поскольку министр полиции требовал, чтобы все городничие и исправники, минуя губернатора, еженедельно сами рапортовали ему о происшествиях⁴. Министр просвещения А. К. Разумовский протестовал против разработанного Балашовым проекта полицейской цензуры, пытаясь его смягчить, но вынужден был уйти в отставку, так и не добившись результата. Российское общество, жившее ожиданием войны, не хотело ограничений для себя в связи с подготовкой к ней и это послужило основанием для его негативной оценки деятельности министерства в целом и ее руководителя в частности.

¹ Вигель Ф. Ф. Указ. соч. С. 141.

² Деятели и участники падения Сперанского... С. 487–488.

³ Фок М. Я. фон Осведомительные письма: донесения помощника правителя Особенной канцелярии М. Я. фон Фока министру полиции А. Д. Балашову, апрель – август 1812. М., 2001. С. 250.

⁴ Киселева Т. Ф. Указ. соч. С. 50.

Ключевую роль в оценке деятельности министра полиции Балашова сыграл М. М. Сперанский, административные способности которого одним из первых заметил Кочубей. Заняв прочное положение при дворе, Сперанский способствовал продвижению по служебной лестнице многих, как он считал, способных людей. Так было и с Балашовым, который, по его мнению, «толков, образован, весьма начитан, имеет критические воззрения на действительность, с полным пониманием относится к предстоящим реформам»¹. Об этом обстоятельстве также упоминает М. А. Корф, по мнению которого «членом Совета и министром он (Балашов – *Е. М.*) был пожалован по выбору и председательству Сперанского...»². Либеральные взгляды Сперанского и подготовленные им проекты государственных реформ в преддверии войны с Францией вызывали в российском обществе крайне негативную реакцию. К тому добавлялись «наполеоновские и вообще французские сочувствия Сперанского», отмеченные его современником П. А. Вяземским³ и не только им⁴. Сам Наполеон отмечал, что многие из проектов реформ Сперанского «равнялись на французский эталон», и за явно выраженную политическую галлофилию называл реформатора «единственной светлой головой в России»⁵. Являясь симпатизантом Франции, Сперанский давал совет императору Александру I воздержаться от личного участия в военном конфликте, «собрать Боярскую Думу, предоставить вести войну ей»⁶, явно недооценивая как монаршие способности, так и возможности русской армии, считая ее «недоевропейской и архаичной». Из чего был сделан вывод, «что он подкапывается

¹ *Киселева Т. Ф.* Указ. соч. С. 52.

² *Корф М. А.* Указ. соч. С. 485.

³ *Киселева Т. Ф.* Указ. соч. С. 53.

⁴ *Погодин М. П.* Сперанский// Русский архив. 1871. № 6. Стб. 177; Сперанский: Оправдательная его записка. С предисловием Н. К. Шильдера и послесловием издателя // Русский архив. 1892. № 1. С. 78; *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. 3. СПб., 1897. С. 64.

⁵ *Томсинов В. А.* Светило русской бюрократии. Исторический портрет М. М. Сперанского. Изд. 5-е, обновл. и доп. М., 2013. С. 140.

⁶ *Томсинов В. А.* Указ. соч. С. 214.

под самодержавие»¹. Данные советы и высказывания Сперанского послужили основанием для установления за ним наблюдения по инициативе императора – «министр же полиции ... получил тайное приказание примечать за поступками Сперанского. В то время никто и не подозревал того...»². Собранные сведения были предоставлены Александру I и лишь укрепили государя в его подозрениях: «По мере доносов Балашова, которому было велено за ним присматривать, неудовольствие государя дошло до высочайшей степени: он думал то казнить Сперанского, то сослать его, что казалось необходимым для будущей войны с Наполеоном»³. После этого последовала ссылка великого реформатора. Ко всем этим событиям непосредственное отношение имел министр полиции Балашов, которому по должности приходилось выполнять сложную и щепетильную работу, связанную с обеспечением внутренней безопасности страны. Именно ему император лично поручил арест, обыск и отправление в ссылку Сперанского и его сподручного М. Л. Магницкого, что было сделано министром полиции очень тактично, о чем свидетельствуют воспоминания его подчиненного Санглена, который счел все происходящее чрезвычайно снисходительным. Сам министр полиции об этом лаконично написал в своих мемуарах: «В марте 1812 года имел я очень тяжелое мне поручение отобрать все бумаги у Сперанского и Магницкого и послать каждого из них с полицейским офицером в дальние губернии под надзор»⁴.

Многие считали Балашова предателем по отношению к его «благодетелю» Сперанскому. Так, например, писала Е. Н. Львова, прямо обвиняя Армфельда и Балашова в провокации против Сперанского, имевшей

¹ Записки Якова Ивановича Санглена. 1793-1831. М., 2016. С. 136.

² *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева. М., 1866. С. 194.

³ Цит. по: *Погодин М. П.* Указ. соч. Стб. 1176.

⁴ *Скрыдлов А. Ю.* Указ. соч. С.105.

трагические последствия для последнего¹. Историк В. А. Томсинов уверен, что «все обвинения против Сперанского «состряпаны» министром полиции».

Однако историк Я. Гордин считает, что «современники сильно преувеличили роль Балашова в отставке Сперанского. Александр I понимал, что время игр в конституционные порядки прошло, и ... убрал руками Балашова главного реформатора. Россия стояла на пороге войны, и внутренние разногласия ... были абсолютно не нужны»². Сам Сперанский в своих оправдательных записках, которые он писал, находясь уже в ссылке, не выразил претензий к Балашову по поводу своей участи, обвиняя во всех своих бедах шведского барона Армфельда.

В ссылке Сперанский оставался под пристальным надзором Министерства полиции, которое проверяло всю его корреспонденцию и социальную активность. Стандартные мероприятия в рамках полицейского надзора воспринимались поклонниками великого либерала как «проявления мелочного садизма». Фон Фок, заведовавший после Санглена Особенной канцелярией, писал Балашову о том, что Сперанский в Нижнем Новгороде «пользуется совершенною свободой и чего писать не может, то сообщает словесно через приезжающих из тех мест» и его поведение не соответствует положению «преступника такого рода, как о нем говорят»³. В сентябре 1812 г., когда Наполеон «попирал руины Москвы», Сперанского отправили из Нижнего Новгорода далее в Пермь и министром полиции местным властям было велено «строго присматривать» за ссыльным⁴. На что последовало обращение Сперанского к Балашову о помощи, которое было удовлетворено. По мере роста победного настроения русской армии надзор за опальным реформатором постепенно смягчался.

В марте 1812 г. Балашов был освобожден от постов генерал-губернатора столицы и министра полиции. Его преемником стал

¹ Рассказы, заметки и анекдоты из записок Елисаветы Николаевны Львовой // Русская старина. 1880. № 5. С. 12.

² Киселева Т. Ф. Указ. соч. С. 62.

³ Фок М. Я. Фон. Указ. соч. С. 267.

⁴ Сперанский в Перми // Русская старина. 1893. № 11. С. 336–338.

С. К. Вязмитинов. Всю войну и заграничные походы Балашов неотступно сопровождал императора, выполняя, в том числе, поручения императора и дипломатические функции. Об этом периоде Вигель в своих записках писал: «Балашев по должности генерал-адъютанта, во все время войны сопровождал императора... Нельзя сказать, что он находился неотлучно при государе, ибо беспрестанно был на посылках, то к Наполеону, то к Мюрату, то к английскому принцу-регенту...»¹. Отправляя Балашова в Италию на выполнение сложной миссии по заключению мирного договора с бывшим врагом, государь писал: «... ваша рассудительность, ваш ум, и ваше умение довершат остальное, а ваша верность и ревность не оставляют во Мне никакого сомнения в доверяемом вам поручении»². Балашов блестяще справился с этой задачей. В 1816–1819 гг. он состоял в свите императора «для особых поручений» и продолжал выполнять различные дипломатические задания императора, чему способствовало великолепное знание французского и немецкого языков. Царствование Александра I являлось расцветом дипломатических миссий, и привлечение к этому Балашова свидетельствует о его высоком профессионализме и доверии власти.

В ноябре 1819 г. на короткий месячный срок Балашов вновь был назначен министром полиции, после чего учреждение было ликвидировано и его функции возвращены в Министерство внутренних дел.

По окончании войны с Наполеоном император, оценив заслуги своего подданного, готовил его к особой миссии: «...Наконец, замыслив сделать некоторые перемены в управлении, я и тут тебе заготовлю такое место, которое поставит тебя в возможность быть в огромном виде полезным Отечеству, чего ты желаешь и на что имеешь способности...»³. Он назначил Балашова генерал-губернатором обширного региона численностью

¹ Киселева Т. Ф. Указ. соч. С. 84.

² Михайловский-Данилевский А. И. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах: В 6 т. СПб., 1848–1849. Т. 6., Глава А. Д. Балашевъ. С. 20.

³ Скрыдлов А. Ю. Указ. Соч. С. 149–150.

в пять губерний¹ с населением в 5,7 млн человек, которую Балашов занимал с 1819 по 1828 гг. При назначении были перечислены прежние его министерские заслуги и высокий профессионализм при выполнении особых поручений.

Император писал: «Александр Дмитриевич! Отправляя вас к назначению вашему, Мне приятно изъявить вам благоволение мое за труды и усердие ваше при исполнении должностей прежде на вас возложенных санкт-петербургского военного губернатора и министра полиции». Этому периоду жизни Балашова известный поэт С. Н. Глинка посвятил свои стихи, строки из которых упомянуты в начале работы.

Пребывая на посту генерал-губернатора, впрочем, как и прежде на других должностях, Балашов вел постоянную работу с жалобами населения на действия местных властей и полиции, скрупулезно собирал сведения, впоследствии составленные в предложения по внесению изменений в действующие законы². Опыт Балашова на посту генерал-губернатора Александром I был признан удачным и учтен при составлении третьей редакции Государственной Уставной грамоты Российской империи, а впоследствии использовался при проведении реформ Александром II.

В декабре 1823 г. Балашов получает свой последний чин александровской эпохи – генерал от инфантерии, который по «Табели о рангах» соответствовал II классу.

В правление Николая I Балашов был включен в состав Верховного суда по делу декабристов. Выполняя свою миссию, он старался следовать букве закона. По воспоминаниям одного из арестантов Петропавловской тюрьмы, «один из генерал-адъютантов, Балашов, сделал нам большую пользу. На другой же день его приезда заметна была большая перемена в обращении с нами и в самом содержании. Говорят, что он доложил государю всю

¹ Воронежской, Орловской, Рязанской, Тамбовской и Тульской.

² Киселева Т. Ф. Указ. соч. С.95.

истину...»¹. Напомним, что Алексеевский рavelин Петропавловской крепости когда-то входил в подчинение Санкт-Петербургского генерал-губернатора, коим являлся Александр Дмитриевич и именно он составлял правила содержания арестованных.

В 1826 г. Балашов получил орден Георгия IV степени за 25 лет беспорочной службы с момента вступления в обер-офицерский чин. В статуте ордена записано: «Ни высокий род, ни прежние заслуги, ни полученные в сражениях раны не принимаются в уважение при удостоении к ордену Св. Георгия за воинские подвиги; удостоивается же оно единственно тот, кто не только обязанность свою исполнил во всем по присяге, чести и долгу, но сверх его ознаменовал себя в пользу и славу Российского оружия особенным отличием...».

В 1834 г. по болезни Балашов был «уволен в отставку с мундиром» и через три года скончался.

Спустя десятилетие после кончины Балашова, в 1847 г. была опубликована работа петербургского цензора Д. И. Мацкевича², содержащая подробное описание деятельности Балашова, из которой следует, что его биография – это почти неуклонный подъем вверх по служебной лестнице, начатый при Екатерине II и завершившийся в правление Николая I. Признание заслуг четырьмя венценосцами. Это ли не свидетельство благонадежности?

Однако последующая работа директора Санкт-Петербургской публичной библиотеки Корфа³, сосредоточившего свое внимание на участии министра полиции в «падении» Сперанского, дает уже иную оценку. По мнению Корфа, Балашов «имел особенную склонность, особенное влечение ко всякому предательству, ко всякой низости, ко всякому даже вымыслу, который мог способствовать его видам ... Балашов, возведенный на одну из высших государственных степеней, на степень, где открывалась

¹ Лорер Н. И. Записки декабриста // Мемуары декабристов. М., 1988. С. 373

² Мацкевич Д. И. О жизни и государственных заслугах А. Д. Балашова. СПб., 1847.

³ Корф М. А. Указ. соч. С. 469–508.

равная возможность делать и много добра, и много зла, представляет одно из самых неприглядных явлений в истории царствования Александра... Постыдное его лихоимство знала вся Россия. Он брал немилосердно, где только можно было; брал и как обер-полицмейстер, и как военный губернатор, и даже как министр»¹.

Для понимания позиции автора следует обратить внимание на ряд обстоятельств. Корф с 1826 г. служил под началом Сперанского во II Отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии, принимал непосредственное участие в подготовке Полного собрания законов Российской империи и был ревностным поклонником Сперанского.

Издание двухтомного жизнеописания Сперанского (1772–1839), подготовленное Корфом, было опубликовано в год отмены крепостного права императором Александром II, которому Сперанский в свое время преподавал юридические науки, что символизировало торжество идей опального реформатора. Отсюда проистекает пиетет в адрес Сперанского и крайне субъективная оценка Балашова, виновного, по мнению автора, в ссылке великого либерала.

По мнению А. В. Давиденко, работа Корфа, появившаяся после поражения России в Крымской войне, являла собой «мировоззренческую катастрофу всех прежних консервативных порядков, как сигнал к поспешному копированию «передовых» победителей, с их экономическими и политическими «эталоны». Почивший Сперанский ретроспективно одержал моральную победу над своими консервативными гонителями»². Усилиями Корфа и последующих исследователей³ Сперанского стали преподносить как провозвестника Великих либеральных реформ Александра II, а тех, кто участвовал в его гонении («политических ретроградов»), автоматически превратили в злодеев. Именно с этого времени

¹ Корф М. А. Указ. соч. С. 485.

² Давиденко А. В. Указ. соч. С. 24.

³ Погудин М. П. Сперанский // РА. 1871 № 6. Стб. 1133-1145; Семевский В. И. Падение Сперанского // Отечественная война и русское общество 1812–1912. Т. II. М., 1911.

начал создаваться мифологизированный образ спасителя России Сперанского и «одного из самых неприглядных явлений в истории» – душителя свободы Балашова. По сути, речь идет о либеральных и консервативных тенденциях развития российского государства, которые и стали олицетворять вышеупомянутые личности. По мнению Давиденко, «падение Сперанского» «с течением лет стало восприниматься историками и обществом как один из развилочных перекрестков российского исторического процесса»¹.

В чем обвиняют первого министра полиции? В «моральной низости и необузданном лихоимстве». Что последовало за этим? Наказание? Опала? Последовало назначение на должность генерал-губернатора обширного региона², высокие награды и признание венценосными особами.

Неоднократно на протяжении своей службы Балашов обращался к государю с просьбами об отставке, но каждый раз получал решительные возражения.

Для чего же император удерживал на государственной службе «мздоимца»? Был ли мотив у вполне обеспеченного, успешного и востребованного чиновника для того, чтобы, говоря словами Корфа, «брать немилосердно, где только можно было»? Конечно, нет. Поклонник Сперанского Корф таким образом пытался сделать более выраженным контраст между двумя личностями.

Еще один штрих к портрету Балашова. Он входил в состав комитета, занимавшегося созывом народного ополчения: «Для совокупного соображения дел по ополчению Государь, при Особе своей, учредил комитет из трех членов: графа Аракчеева, министра полиции Балашова и Государственного секретаря Шишкова, с участием исправляющего должность Статс-секретаря Бакаревича»³. Для ведения войны требовались колоссальные денежные средства, которые жертвовались русским

¹ Давиденко А. В. Указ. соч. С. 23.

² Скрыдлов А. Ю. Указ. соч. С. 142–202.

³ Народное ополчение. Рескрипт графу Салтыкову и Высочайший манифест от 18-го июля 1812 года. 27 стена. Галерея воинской Славы. Храм Христа Спасителя.

обществом. Среди записей на досках Храма Христа Спасителя есть и фамилия министра полиции Балашова, который «заявил о ежегодном пожертвовании в 10 000 рублей» – сумма по тем временам не малая. Это представляется не подходящим для «мздоимца» поведением.

Отрадно осознавать, что реабилитация Балашова в российской науке и общественном сознании уже началась. Отрадно и то, что у истоков этой большой и кропотливой работы стоял наш коллега Артем Викторович Давиденко.

Балашов был похоронен в семейном склепе в храме Покрова Пресвятой Богородицы в селении Шапки Тосненского района Ленинградской области – родовом имении Балашовых. В 1936 г. храм был закрыт, во время войны разрушен, а впоследствии на этом месте возвели магазин. Жители селения Шапки прилагают все усилия для увековечивания памяти знаменитого соотечественника: в 2002 г. установили поклонный крест, с 2012 г. проводят Балашовские чтения, в 2018 г. открыли памятник. Однако усилия по восстановлению места захоронения Балашова пока не увенчались успехом.

Историческая правда постепенно прокладывает себе дорогу, и мы надеемся, что общими усилиями нам удастся решить эту задачу. Во времени и пространстве мы должны восстановить доброе имя человека, который является подлинным достоянием России.

Библиографический список

1. *Вигель, Ф. Ф.* Записки / Ф. Ф. Вигель. – Мюнхен, 2005. – 537 с.
2. *Давиденко, А. В.* «Содействовать против всех вражеских замыслов и покушений...»: труды и подвиги российской полиции в эпоху 1812 года./ А. В. Давиденко. – М., 2019. – 254 с.
3. *Де Санглен, Я. И.* Записки / Я. И. де Санглен. 1793–1831. – М., 2016. – 256 с.
4. *Дмитриев, И. И.* Взгляд на мою жизнь: Записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева. – М., 1866. – 315 с.
5. *Киселева, Т. Ф.* Генерал Балашов Александр Дмитриевич. Историко-краеведческий очерк / Т. Ф. Киселева. – СПб., 2012. – 252 с.

6. *Корф, М. А.* Деятели и участники в падении Сперанского / М. А. Корф // Русская старина. – 1902. – № 3. – С. 471–504.
7. *Лорер, Н. И.* Записки декабриста / Н. И. Лорер // Мемуары декабристов. – М., 1988. – С. 313–546.
8. *Мацкевич, Д. И.* О жизни и государственных заслугах Александра Дмитриевича Балашева / Д. И. Мацкеич // Северная пчела. – 1847. – 10 июля (№ 154).
9. *Михайловский-Данилевский, А. И.* Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах. В 6 т. Т. 6. / А. И. Михайловский-Данилевский. – СПб., 1848–1849. – 298 с.
10. *Погодин, М. П.* Сперанский (посвящается барону М. А. Корфу) / М. П. Погодин // Русский архив. – 1871. – № 7. – Ст. 1097–1252.
11. *Потемкина Е. В.* Обер-полицмейстер // Три века Санкт-Петербурга: энциклопедия в 3 т. Т. 2: Девятнадцатый век. Кн. 4. / Е. В. Потемкина. – СПб., 2005. – 528 с.
12. *Львова, Е. Н.* Рассказы, заметки и анекдоты из записок Елисаветы Николаевны Львовой (род. 1778, ум. 1864 г.) / Е. Н. Львова // Русская старина. – 1880. – Т. 28. – № 6. – С. 337–356.
13. С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство: краткий исторический очерк. – СПб., 1903. – 326 с.
14. *Семевский, В. И.* Падение Сперанского / В. И. Семевский // Отечественная война и русское общество 1812–1912. Т. II. – М., 1911. – С. 221–245.
15. *Скрыдлов, А. Ю.* На службе России: Александр Дмитриевич Балашев. 1770–1837. / А. Ю. Скрыдлов. – СПб., 2016. – 262 с.
16. Сперанский в Перми // Русская старина. – 1893. – № 11.
17. Сперанский: Оправдательная его записка. С предисловием Н. К. Шильдера и послесловием издателя // Русский архив. – 1892. – № 1. – С. 50–80.
18. *Томсинов, В. А.* Светило русской бюрократии: Исторический портрет М. М. Сперанского. Изд. 5-е, обновл. и доп. / В. А. Томсинов. – М., 2013. – 457 с.
19. *Фок, М. Я., фон.* Осведомительные письма: донесения помощника правителя Особенной канцелярии М. Я. фон Фока министру полиции А. Д. Балашову, апрель – август 1812. / М. Я. фон Фок. – М., 2001.
20. *Шильдер, Н. К.* Император Александр Первый, его жизнь и царствование. Т. 3. / Н. К. Шильдер. – СПб., 1897. – 650 с.

РАЗДЕЛ 5

Борьба с политической преступностью в Российской империи: мифы и реальность

Методические рекомендации по теме

Настоящие методические рекомендации и приложенные материалы предназначены для использования при подготовке и проведении научных, научно-просветительских и воспитательных мероприятий в рамках концепции «Стратегии развития и воспитания Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г., по противодействию фальсификации истории России с сотрудниками центральных и практических подразделений органов внутренних дел, курсантами и слушателями образовательных организаций МВД России, а также для совместных мероприятий подразделений и учреждений МВД России с иными государственными, общественными и просветительскими организациями Российской Федерации.

Цели методических рекомендаций:

– пропаганда достоверного исторического знания и разъяснение недостоверности мифов об организации борьбы с политической преступностью в Российской империи;

– предоставление сотрудникам органов внутренних дел научных результатов систематизации, анализа и оценки исторических фактов о процессе становления и развития деятельности органов политической полиции России.

Задачи методических рекомендаций:

– информировать о процессе становления органов политического сыска в России в XVII в.;

– рассмотреть нормативно-правовую базу функционирования органов политической полиции Российской империи в XVIII – начале XX в.;

– исследовать основные формы и методы деятельности органов политической полиции, определить степень их эффективности;

– описать процесс профессиональной подготовки сотрудников царской полиции и жандармерии, осуществлявших борьбу с политической преступностью в Российской империи;

– охарактеризовать отношение российского общества к политической преступности во второй половине XIX – начале XX в.;

– выявить основные итоги деятельности органов внутренних дел Российской империи в противодействии политической преступности и пагубные последствия ослабления этой деятельности в преддверии революционных катаклизмов 1917 г.;

– раскрыть причины и истоки мифов об организации борьбы с политическими преступлениями в Российской империи;

– продемонстрировать научные средства и методы преодоления противоречивого или искаженного восприятия и оценки известных исторических фактов о развитии органов политической полиции России на основе их научного анализа и историко-правовой оценки;

– вызвать интерес к истории борьбы с политической преступностью в Российской империи у сотрудников органов внутренних дел.

Борьба с политической преступностью в Российской империи: мифы и реальность

Защита государственного строя от преступных посягательств является неотъемлемой задачей любого государства, стремящегося к стабильному и поступательному развитию. Государство вправе защищать себя! Это происходит и на законодательном уровне: недаром преступления против государства (политические преступления) квалифицируются в законодательстве большинства стран на протяжении всей истории как одни из самых тяжких. Это выражается и в соответствующих институциональных

проявлениях. Создание и развитие специальных органов, осуществляющих борьбу с политическими преступлениями, становится вполне логичным шагом в развитии правоохранительной системы государства. Уже в период Древней истории и Средневековья мы можем обнаружить прообразы подобных структур, осуществлявших свою деятельность преимущественно тайно, скрытыми от общества методами.

Отечественное государство не было в этом исключением. Уже в XVII в. стали формироваться органы, которые были призваны стоять на страже государственного строя, расследовать государственные преступления, преследовать политических преступников. На протяжении почти трех веков, до начала XX в., подобные структуры то обособлялись в отдельные учреждения, то сливались с органами, осуществлявшими охрану общественного порядка и борьбу с уголовной преступностью. Так или иначе, борьба с политической преступностью в период Российской империи была одной из важнейших функций отечественных органов внутренних дел. Однако этот достаточно продолжительный период «оброс» значительным количеством мифов - как в сознании обывателей, так и в оценках научного сообщества. Наша задача состоит в том, чтобы рассмотреть, насколько эти мифы соответствуют реальности.

Прежде всего следует обозначить основные мифы, касающиеся борьбы с политической преступностью в Российской империи в XVIII – начале XX в.

Одним из самых распространенных мифов, зародившимся еще на заре становления советской государственности и сохранившимся до сих пор, является представление о том, что Российская империя была полицейским государством, жестоко подавлявшим все устремления к свободе своих подданных. Причем понятие «полицейского государства» в этом случае резко противопоставляется понятиям «правового» и «социального», коими обязательно должно являться современное государство. И органы борьбы с политическими преступлениями оцениваются в таком ключе как этикие

«цепные псы» существующего политического режима. Можно сказать больше: эти представления экстраполируются и на современное Российское государство, которое признается наследником и Российской империи, и Советского Союза, а значит, как и они, также является полицейским государством.

Существенную опасность представляют взгляды на то, что политическое преступление неизбежно, что оно является обязательным методом борьбы с «косным» государственным строем и без совершения подобного рода деяний невозможны позитивные преобразования в общественном и государственном развитии. Оправдание политической преступности и даже ее «романтизация», особенно в отношении такого ультраопасного деяния, как политический терроризм, ведет не просто к деформации социума, а неизбежно приводит к пагубному изменению морально-нравственных основ человеческого существования. Бытует мнение, что российская общественность достаточно позитивно относилась к деятельности революционных организаций, особенно в период либеральных реформ 60–70-х гг. XIX в. и далее, в начале XX в. И такая общественная поддержка, мол, оправдывает деяния, совершенные революционерами «во имя великой цели».

Еще одним мифом, связанным с организацией борьбы с политической преступностью в Российской империи является мнение о том, что такая деятельность была не просто несправедливой, а незаконной. Приверженцы таких взглядов, особенно в советской историографии, освещающей деятельность дореволюционных органов внутренних дел, указывают на недостаточную правовую регламентацию организации органов политического сыска. И, как следствие, формируется представление о недостаточном профессионализме этих структур.

Связанным с предыдущим мифом является представление о том, что сотрудники политической полиции Российской империи в основной своей массе были людьми малообразованными, процесс профессиональной

подготовки был организован крайне плохо, что сказывалось на эффективности их деятельности. Сотрудников политической полиции дореволюционной России зачастую «демонизируют», представляя их как нечистоплотных людей, склонных к «ретроградству», жестокости и взяточничеству.

Еще одним очень распространенным мифом о деятельности политической полиции Российской империи является миф о ее вездесущности и чрезмерности. В представлениях и современников, и потомков сотрудники политической полиции стояли практически «за каждой спиной», контролируя все без исключения действия российских подданных. Такие представления очень хорошо комментирует замечание известного русского генерала, героя Отечественной войны 1812 г. А. П. Ермолова: «Теперь у каждого или голубой мундир, или голубая подкладка, или голубая заплатка» (голубые мундиры в XIX в. носили жандармы).

Противоположным мнением о тотальном контроле общества со стороны «голубых мундиров» стало представление об абсолютной неэффективности деятельности политической полиции России, провале борьбы с политической преступностью: император Александр II убит террористами, от рук революционеров погибают министры внутренних дел Д. С. Сипягин и В. К. Плеве, премьер-министр П. А. Столыпин и тысячи других представителей власти! И вообще, как политическая полиция допустила революции и свержение монархии в 1917 г.?!

В таких утверждениях есть доля правды. Но и говорить о полной недееспособности политической полиции в деле обеспечения государственной безопасности тоже не следует.

Основы отечественного политического сыска уходят своими корнями в глубь веков. Борьба с политическими противниками, особенно в период становления и укрепления монархической власти, неизбежно приводила к преследованиям, пыткам, казням. Один из любимых сюжетов либеральной

околонаучной журналистики последних трех десятилетий – «зверства» Ивана IV Грозного и его опричный террор. Да, террор был. Не стоит этого скрывать. По оценкам ученых, в период правления Ивана Грозного погибало порядка 20 тысяч человек, зачастую невинных. Но все познается в сравнении. Так, только в одну Варфоломеевскую ночь 24 августа 1572 г. во Франции погибло около 30 тысяч гугенотов.

О процессе зарождения систематического противодействия государственным преступлениям мы можем говорить применительно к XVII в. В конце XVI – начале XVII в. Россия столкнулась с серьезными внешними и внутренними вызовами. Пресечение первой правящей династии Рюриковичей и ожесточенная борьба за российский престол, иностранная интервенция, голод и эпидемии, народные выступления, развития феномена самозванчества, все это, названное Смутным временем, поставило отечественную государственность на грань гибели. Поэтому с утверждения на престоле новой правящей династии – Романовых обращается все больше и больше внимания на обеспечение государственной безопасности, охранение основ государственного строя, как в законодательном, так и институциональном плане.

В XVII в., в процессе крупномасштабной систематизации отечественного права и создания при царе Алексее Михайловиче Свода русских законов – Соборного Уложения 1649 г. – более четко и подробно квалифицируются политические государственные преступления. Во второй главе Уложения «О государьской чести, и как его государьское здоровье оберегати» говорится о защите царя и членов его семьи. Причем под преступлением в этом случае понимается не только непосредственное физическое посягательство на жизнь и здоровье монарха, но также квалифицируется и преступный умысел на это, посягательство на честь монаршей особы. Клевета, брань, оскорбления монарха и членов его семьи квалифицировались документом как одни из самых тяжких уголовных преступлений. К политическим преступлениям Уложение относило

государственную измену («..будет кто при державе царского величества, хотя Московским государством завладеть и государем быть и для того своего злово умышления начнет рать збирать, или кто царского величества с недруги учнет дружитца, и советными грамотами ссылатца, и помочь им всячески чинить...»)¹, сдачу врагу города или его поджог. Как особо тяжкие деяния, подобные политические преступления карались квалифицированной смертной казнью с предсмертными мучениями. Санкции распространялись и на имущество виновного. Кроме этого, ответственности подлежали и родственники обвиненного в политическом преступлении, если они не доносили властям о его намерениях. Каралось не только деяние, но и «голый умысел», то есть высказанное в разговорах намерение совершить подобное.

Жестокость уголовных санкций, предусмотренных за совершение государственного политического преступления, вряд ли может служить поводом для критики с точки зрения современного права. Антигуманный характер Соборного Уложения 1649 г. соответствует тенденциям развитого феодального права и вполне сопоставим с законодательными актами стран Западной Европы соответствующего периода. Например, с «Каролиной» 1532 г., общегерманским сводом уголовного и уголовно-процессуального права.

В XVII в. зарождается и особая процедура расследования политических преступлений, которая получила название «Слово и дело государево». Она стала определяющей формой борьбы с государственной преступностью не только в этом, но и в следующем XVIII в. Впервые «Слово и дело» было применено в 1622 г. по отношению к казаку, который в состоянии алкогольного состояния грозился «перерезать горло царю». Любой человек, заявивший «слово и дело» задерживался для проведения соответствующих процессуальных действий. Производство по политическим делам велось в условиях секретности, контролировалось верховной властью.

¹ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. I. № 1.

Само производство могло осуществляться на местах воеводами, которые должны были подробно отчитываться о получаемых в ходе следствия сведениях и следовать строго в соответствии с инструкциями, присылаемыми из Москвы.

Отдельно следует упомянуть применение такого метода расследования, как пытка. В мифологизированном и «демонизированном» образе секретных служб именно пытка занимает главенствующее положение среди методов по получению «чистосердечного признания» обвиняемого по политическому делу. Но ведь в соответствии с Соборным Уложением и последующими нормативными актами, пытка могла применяться и в рамках общеуголовного производства и отнюдь не признавалась законом самым важным методом. Сведения, полученные под пыткой, должны были подтверждаться другими процессуальными доказательствами. И обвинять российские секретные службы в исключительном использовании жестоких пыток тоже не стоит. Данный антигуманный метод активно применялся как в странах Запада, так и на Востоке. И Российская империя достаточно быстро (1801 г.) отказывается от применения пыток в расследовании, в том числе и политических преступлений.

В XVII в. начинается становление специальных органов, осуществляющих борьбу с политическими преступлениями. Первым таким органом становится Приказ тайных дел (или по другому – Тайный приказ) действовавший в период правления царя Алексея Михайловича в 50–70-е гг. XVII в. Данный орган стал по сути «государевым оком», т.к., являясь личной канцелярией монарха, он был выведен из-под юрисдикции Боярской Думы. Сам Приказ располагался в царском дворце, и Алексей Михайлович лично присутствовал в нем при рассмотрении дел по политическим преступлениям, слушал доклады, знакомился с документами. Интересно, что Приказ не имел своего пыточного застенка, и не совсем ясно, как в этом случае в нем могли производиться такие следственные действия.

В период своего существования данный приказ принимал участие

в расследовании и рассмотрении самых значимых политических дел. Он осуществлял следствие по делу опального патриарха Никона. В его ведении находились дела о церковном расколе и наиболее значимых раскольниках, в частности, протопопа Аввакума. Контролировал приказ и расследование по делу Степана Разина. Царь составил специальную инструкцию с вопросами для следователей, проводивших этот процесс. В Тайный приказ запрашивали различные материалы по этому делу: расспросные и пыточные речи, очные ставки и т.д. Случались и достаточно анекдотичные дела, как, например, дело холопа боярина Бориса Морозова, который, стреляя с чердака боярского двора по галкам, сидевшим на трубе Чудова монастыря, случайно попал пулей в государевы хоромы. Но и такое деяние квалифицировалось как государственное преступление. Кроме этого, Приказ тайных дел надзирал за деятельностью специальных следственных комиссий, создававшихся по распоряжению царя для расследования отдельных государственных преступлений.

Таким образом, Приказ тайных дел заложил основы дальнейшей деятельности отечественного государства по борьбе с политическими преступлениями. Хотя его влияние на последующие государственные структуры в данной сфере можно признать весьма опосредованным.

Важнейшим признаком абсолютизма стало формирование органов политического сыска, целью которых являлось расследование и пресечение преступлений против государства, прежде всего, личной власти абсолютного монарха. Правовые основы ответственности за преступления против государственной власти, заложенные в Соборном Уложении 1649 г. и Артикуле Воинском 1715 г., оставались незыблемыми на всем протяжении XVIII в. Они подвергались уточнениям и конкретизации в указах как самого Петра I, так и его преемников. До 1762 г. сохранялась формула «Слово и дело», для расследования дел по ней создавались специализированные органы. При этом характерной чертой органов политического сыска XVIII в. явилось отсутствие нормативно-правового регулирования их деятельности.

Наиболее важным для развития представлений о государственных преступлениях в последующем законодательстве стал именной Указ «О нечинении доносов, о подметных письмах и о сожигании оных при свидетелях на месте» от 25 января 1715 г. Указ запрещал принимать, читать и копировать подобные анонимные послания. Документ предписывал сообщать монарху или караульному сержанту: «1. о каком злом умысле против персоны Его Величества или измены, 2. о возмущении или бунте, 3. о похищении казны; а о прочих делах доносить кому те дела вручены»¹. Однако принятие Указа не остановило поток анонимных посланий, что потребовало принять еще один царский указ «О подаче доношений по первым двум пунктам караульному офицеру для представления Его Царскому Величеству и о донесении по прочим делам в надлежащая судебныя места, о писании в доношениях и челобитных самой сущей правды и о сожигании подметных писем при свидетелях» от 19 января 1718 г. В соответствии с ним «в тех доношениях и челобитных писать самую истину, а лишняго ничего не писать»².

В период становления абсолютизма формируются и новые органы борьбы с политическими преступлениями – Преображенский приказ и Тайная канцелярия.

Создание Преображенского приказа было связано со стрелецким бунтом 1698 г., необходимостью расследования всех обстоятельств данного дела и проведения показательных репрессий. Молодой царь принял самое деятельное участие в следственных мероприятиях этого органа. Во главе Преображенского приказа был поставлен боярин Ф. Ю. Ромодановский. Штат ведомства был невелик и опирался в своей деятельности на офицеров и солдат гвардейских полков. После расправы над стрельцами Преображенский приказ сохранился как орган политического сыска. Так же как и предыдущий подобный орган, Преображенский приказ находился

¹ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. V. № 2877.

² ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. V. № 3143.

под непосредственным контролем монарха, который не только составлял соответствующие инструкции, изучал отчеты, но и сам принимал порою участие в допросах подозреваемых в государственных преступлениях лиц¹. Всего за время своего существования до 1729 г. Преображенским приказом было рассмотрено несколько тысяч дел политического характера.

Возникновение Тайной канцелярии связано с расследованием в 1718 г. «дела царевича Алексея»; ее главой стал П. А. Толстой. Так же, как и Преображенский приказ, Канцелярия продолжила свою работу после окончания дела и стала еще одним органом политического сыска. Компетенции этих двух органов не были разграничены. Тайная канцелярия сосредоточила свое внимание на борьбе с политическими преступлениями преимущественно в новой столице государства – Санкт-Петербурге и ее окрестностях. И хотя Канцелярия в период своего существования рассмотрела гораздо меньше дел, чем Преображенский приказ, ее можно признать более значимым органом, т. к. характер дел, расследовавшихся Канцелярией, был более серьезным². В 1724 г. дела Тайной канцелярии были переданы в Преображенский приказ.

После ликвидации Преображенского приказа дела о политических преступлениях стали подведомственны Верховному тайному совету, однако его упразднение при восшествии на престол Анны Иоанновны приводит к очередной реформе политического сыска в стране. 6 апреля 1731 г. была образована Канцелярия тайных розыскных дел, во главе которой был поставлен Александр Иванович Ушаков. Именно данный орган осуществляет карательную политику времен бироновщины, направленную против «русского дворянства и всех недовольных засильем иностранцев во власти»³.

Деятельность Канцелярии распространялась на всю территорию Российской империи. Все лица, заявлявшие «слово и дело», направлялись

¹ Борисов А. В., Малыгин А. Я., Мулукаев Р. С. Три века российской полиции. М., 2016. С. 105–107.

² Веретенников В. В. История Тайной канцелярии петровского времени. СПб, 1881. С. 187–193.

³ Полиция Российской империи: мифы и реальность. М., 2020. С. 42.

в Канцелярию для осуществления необходимых следственных мероприятий. В своей деятельности ведомство учитывало опыт предыдущих отечественных органов политического сыска, хотя и являла собой новый, более высокий этап организации борьбы с политическими преступлениями в стране. Штат Канцелярии существенно превышал штат Преображенского приказа. Так, в 1733 г. в составе ведомства работали два секретаря и 21 канцелярист. В дальнейшем штат Канцелярии лишь увеличивался.

При восшествии на престол Елизаветы Петровны начальник Канцелярии А. И. Ушаков сохранил за собой пост и даже упрочил свое положение тем, что имея информацию о готовящемся перевороте в пользу дочери Петра, не только не противодействовал, но поспособствовал ему. После смерти Ушакова в 1747 г. его приемником на посту главы Канцелярии стал С. И. Шешковский. Деятельность Канцелярии тайных розыскных дел снискала недобрую славу активным применением пыток, как метода расследования политических преступлений. И это отнюдь не миф! Однако стоит отметить, что именно в это время происходит регламентация применения пыток. Этому был посвящен особый документ «Обряд, како обвиняемый пыгается».

Установившаяся в Российской империи система борьбы с политическими преступлениями просуществовала без существенных изменений до 1762 г., когда из-за множества злоупотреблений Петр III своим манифестом от 21 февраля 1762 г. упразднил Канцелярию тайных розыскных дел и запретил употреблять само выражение «слово и дело»¹. В свою очередь, взойдя на престол в результате дворцового переворота, Екатерина II в своем указе от 19 октября подтверждает запрет на использование выражения «слово и дело». Однако без органа, оберегающего государственную безопасность, тоже было нельзя. И функция борьбы с политическими преступлениями передается Тайной экспедиции Правительствующего Сената. Фактическим руководителем данного органа

¹ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XV. № 11445.

являлся С. И. Шешковский.

Тайная экспедиция Сената во многом наследовала методы борьбы с политической преступностью, выработанные предыдущими органами в этой сфере. Экспедиция расследовала наиболее значительные государственные преступления, посягающие на государственный строй и власть самой императрицы. Так, в ведении Экспедиции находилось дело поручика В. Я. Мировича, совершившего попытку государственного переворота в пользу Иоанна Антоновича; дело Емельяна Пугачева и его соратников по Крестьянской войне 1773–1775 гг.; дела отечественных просветителей А. Н. Радищева и Н. И. Новикова.

Несмотря на славу руководителя Тайной экспедиции Шешковского как «мастера кнутабойных дел», происходит некоторое ограничение использования пыток в процессе расследования политических дел, установленное указом от 10 февраля 1763 г. Инициатором такого ограничения стала сама Екатерина II, предлагавшая обращать «... к чистому признанию больше милосердием и увещанием... нежели строгостью и истязанием»¹.

Тайная экспедиция Сената продолжила свою работу и при Павле I и была упразднена уже при восшествии на престол Александра I в 1801 г. В своем манифесте новый император подтвердил и запрещение пыток. Прекращались следственные и судебные дела по политическим обвинениям и всем заключенным даровалось «прощение». В дальнейшем политические дела передавались судам по уголовным делам общей полиции, а особо важные – Сенату.

Но угроза внутренней безопасности государства сохранялась, и начались активные поиски для создания новой структуры, способной обеспечивать безопасность без применения пыток.

С образованием в 1802 г. Министерства внутренних дел Российской империи дела о политических преступлениях передаются этому ведомству,

¹ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XVI. № 11750.

вторая экспедиция («спокойствия и благочиния») которого осуществляла политическую цензуру и сыск. Однако 5 сентября 1805 г. было принято решение о создании еще одной структуры в сфере борьбы с политическими преступлениями, которой стал «Комитет для совещания по делам, относящимся к высшей полиции». По другому он назывался еще Комитетом высшей полиции. В нем заседали министр внутренних дел В. П. Кочубей; министр юстиции П. В. Лопухин; военный министр С. К. Вязмитинов. Деятельность Комитета была направлена на «сохранение общественного спокойствия и тишины». Еще одной сферой деятельности ведомства являлось «отвращение недостатков продовольствия и жизненных припасов в столице», что свидетельствует о важности продовольственной безопасности в XVIII – XIX в. для сохранения внутренней безопасности в целом. Однако у Комитета не было своей канцелярии, собирался он крайне нерегулярно, поэтому опыт его работы можно признать неудачным.

13 января 1807 г. создается еще один орган, призванный обеспечивать государственную безопасность и бороться с политическими преступлениями, – «Комитет для рассмотрения дел по преступлениям, клонящимся к нарушению общего спокойствия», или «Комитет общей безопасности». Причина образования этого ведомства заключалась в усилении международной напряженности и военной угрозы со стороны наполеоновской Франции, которая была заинтересована в подрыве государственной безопасности России как своего противника и конкурента. В документе прямо указывалось, что новый орган должен осуществлять пресечение «...замыслов внешних врагов государства через зловерные переписки, подсматривания (шпионство) и разглашения»¹.

Помимо императорского Указа о создании Комитета, его деятельность регламентировалась и секретной инструкцией, составленной Н. Н. Новосильцевым. Помимо противодействия шпионам, в ней отмечалась и потенциальная опасность со стороны тайных масонских организаций,

¹ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXIX. № 22425.

получивших достаточно широкое распространение в России в конце XVIII – начале XIX в. Многие представители известных аристократических родов, государственные деятели, представители культуры были членами подобных обществ. Так, в частности, в принадлежности к иллюминатам подозревался крупный российский реформатор М. М. Сперанский, которому впоследствии будет предъявлено обвинение в связях с Наполеоном и государственной измене, что приведет к его отставке и ссылке.

Состав нового ведомства был шире, чем предыдущего органа, кроме ключевых министров в него вошли также тайные советники сенаторы А. С. Макаров и Н. Н. Новосильцев, принимали участие в деятельности также и А. Д. Балашов, А. А. Аракчеев, Н. И. Салтыков. Заседания Комитета происходили преимущественно один раз в неделю. Появление в Комитете общей безопасности бывшего еще при Павле I начальником Тайной экспедиции Сената А. С. Макарова свидетельствует об определенной преемственности в деятельности отечественных органов, направленных на борьбу с политическими преступлениями.

При Комитете общей безопасности была создана Особенная канцелярия в составе двадцати трех сотрудников, которая осуществляла следственные мероприятия по государственным преступлениям. Было отмечено: «...при самом открытии злого намерения и измены сохранить строжайший порядок и благоразумную осторожность в производстве следствия по сему роду дел, где малейшая погрешность обратиться может или к притеснению невинности, или к закрытию преступления...»¹. Общая полиция на местах имела право проводить предварительное дознание по данной категории дел, с дальнейшей передачей материалов в Комитет для принятия по ним соответствующего решения. Как показывают архивные материалы, львиная доля рассмотренных Комитетом общей безопасности дел касалась разоблачения французских шпионов, распространения порочащих власти слухов и пасквилей.

¹ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXIX. № 22425.

Комитет для рассмотрения дел по преступлениям, клонящимся к нарушению общего спокойствия, действовал до начала 1829 г., однако создание в 1811 г. Министерства полиции Российской империи, которое получило функции политического сыска, снизило интенсивность и эффективность деятельности Комитета.

Орган особой секретной полиции действовал и во второй столице России – Москве. Это было обусловлено не только стратегическим положением города, но и традицией старой аристократии, несколько оппозиционно настроенной к власти, переселяться в Москву. Секретная экспедиция при московском обер-полицмейстере состояла из 27 сотрудников. «Долг сего таинственного отделения полиции, – указывалось в секретном предписании московскому обер-полицмейстеру от 8 января 1807 г., – главней состоять будет в том, чтоб получать и ежедневно доносить вам все распространяющиеся в народе слухи, молвы, вольнодумства, нерасположение и ропот, проникать в секретные сходбища... Допустить к сему делу людей разного состояния и различных наций, но сколько возможно благонадежнейших, обязывая их при вступлении в должность строжайшими, значимость гражданской и духовной присяги имеющими реверсами о беспристрастном донесении самой истины и охранения в высочайшей степени тайны... Они должны будут, одеваясь по приличию и надобностям, находиться во всех стечениях народных между крестьян и господских слуг; в питейных и кофейных домах, трактирах, клубах, на рынках, на горах, на гуляньях, на карточных играх, где и сами играть могут, также между читающими газеты – словом, везде, где примечания делать, поступки видеть, слушать, выведывать и в образ мыслей проникать возможно»¹. В соответствии с данным документом, российская секретная полиция начала использовать такой способ расследования политических преступлений, как провокация. Хотя широкое использование этого способа относится больше ко второй половине XIX –

¹ Цит. по: *Колтакиди А., Север А.* Спецслужбы Российской империи. М., 2010. С. 58.

началу XX в.

Наличие нескольких разнородных комитетов и иных структур, занимающихся обеспечением государственной безопасности и борьбой с политическими преступлениями, отнюдь не способствовало совершенствованию этой деятельности. А насущная потребность в укреплении внутренней безопасности страны была – надвигалась война с Францией, и на первое место выходила борьба со шпионажем. В конечном итоге в ходе очередной административной реформы, проведенной по инициативе М. М. Сперанского, в 1811 г. в Российской империи было образовано Министерство полиции, которое стало курировать все вопросы внутренней безопасности, организовывало и осуществляло борьбу с политическими преступлениями.

Одним из важнейших структурных подразделений нового министерства стала Особенная канцелярия, отвечающая за «политические дела». Канцелярия ведала «делами по ведомству иностранцев и заграничным паспортам», то есть выдавала разрешения на въезд и выезд иностранных подданных, контролировала их перемещения по стране, собирала сведения о роде их занятий; «цензурной ревизией», касающейся как издаваемой внутри страны печатной продукции, так и ввозимой из-за рубежа, с целью выявления и пресечения распространения в печати нежелательных для правительства идей и мнений; «делами особенными», к которым относились действия полиции, направленные на пресечение любых форм антиправительственной деятельности, в том числе борьба с распространением слухов, с различными проявлениями крестьянского и общественного движения. Особенная канцелярия продолжила практику наблюдения за масонскими ложами, а также разнообразными религиозными сектами.

Но, безусловно, в первые годы своего существования, приоритет в работе Канцелярии отдавался борьбе со шпионажем. Большое количество иностранцев, приехавших в Россию после Французской буржуазной

революции, скрывало в своих рядах немало шпионов и информаторов. Как показывают исследования сохранившихся архивов Особенной канцелярии, около 25% дел касалось борьбы со шпионажем.

Вопреки расхожему мифу о сильной бюрократизации отечественного «полицейского» государства, штат Особенной канцелярии не был слишком многочисленным. Он включал руководителя ведомства, трех столоначальников, трех старших и трех младших помощников столоначальников, экзекутора, начальника архива, его помощника, нескольких чиновников по особым поручениям. Значимость правителя Особенной канцелярии подчеркивалась тем, что он имел право непосредственного доклада подведомственных дел лично императору, минуя своего министра.

Руководителем Министерства полиции был назначен А. Д. Балашов, накопивший значительный опыт организации полицейской части, в том числе в сфере борьбы с политическими преступлениями в Комитете общей безопасности. Начальником Особенной канцелярии стал Я. И. де Санглен, его на этом посту 26 марта 1812 г. сменил М. Я. фон Фок, который достаточно долго руководил политической полицией Российской империи, став фактически ее основателем и посвятив ей практически всю свою жизнь. После ликвидации Министерства полиции в 1819 г. Особенная канцелярия во главе с фон Фоком переходит в МВД (1819–1826), а затем практически в полном составе включается в III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Отечественный историк Б. Л. Модзалевский так оценивал деятельность фон Фока: «...душою, главным деятелем и важнейшею пружиною всего сложного полицейского аппарата был неутомимый фон Фок, сосредоточивший в своих опытных руках все нити жандармского сыска и тайной агентуры. Его деятельность была поразительно обширна, он отдавался ей, по-видимому, с любовью, даже со страстью, в буквальном смысле слова не покладая рук... Своим большим образованием и кипучею

деятельностью он как бы дополнял Бенкендорфа, человека малообразованного и вялого, ленивого; их отношения друг к другу были самые дружественные, хотя Фок в своих письменных сношениях с «шефом» никогда не терял тона почтительного уважения»¹. Высокую оценку профессиональным и личным качествам фон Фока давал и российский литератор Н. И. Греч: «Он был человек умный, благородный, нежный душой, образованный, в службе честный и справедливый... Бенкендорф был должен ему своею репутацией ума и знания дела...». Хотя Греч и являлся осведомителем III Отделения, его оценке стоит доверять, так как и большинство современников достаточно лестно отзывались о фон Фоке.

Следующим важным этапом в развитии отечественной политической полиции стало образование и деятельность III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Трудно согласиться с мнением о полной неэффективности политического сыска в Александровскую эпоху, который не смог выявить и раскрыть заговор декабристских организаций и подготовку ими вооруженной смены власти. Есть свидетельства о том, что Особенная канцелярия имела сведения о тайных обществах, доносила их до Александра I, но император, апеллируя к тому, что он сам давал повод к вольнодумству своими реформами первого десятилетия XIX в., фактически запретил трогать заговорщиков. Так или иначе, восстание декабристов сподвигло российское руководство к образованию принципиально новой структуры государственной безопасности, которая стала органом высшей полиции Российской империи.

Проект создания этой структуры был предложен в январе 1826 г. А. Х. Бенкендорфом. Проект предполагал возрождение Министерства полиции – органа, концентрировавшего все вопросы внутренней безопасности, в том числе и борьбу с политическими преступлениями. Это предложение было отвергнуто императором Николаем I. В одном

¹ Цит. по: *Колтакиди А., Север А.* Спецслужбы Российской империи. М., 2010. С. 58.

из последних черновых вариантов проекта, явно отражавшем мнение Николая I, отмечалось: «...высшая полицейская власть в тесном, основном ее смысле должна проистекать от самого лица монарха и развиваться по всем ветвям государственного управления. Посему и самый источник, в котором сосредоточиваются все сведения Высшей наблюдательной полиции, должен состоять при лице государя»¹.

Дополнением к проекту Бенкендорфа стала записка правителя Особенной канцелярии МВД М. Я. фон Фока, направленная в марте 1826 г. Бенкендорфу, в которой было сформулировано предложение подчинить высшую полицию лично императору. Фон Фок предложил перевести наиболее опытных сотрудников из МВД и поручить им создать агентурную сеть, направленную на получение важной информации, а также простимулировать сотрудников нового подразделения достаточно высоким жалованьем.

На основании императорского Указа «О присоединении особенной Канцелярии Министерства Внутренних Дел к Собственной Его Величества Канцелярии» от 3 июля 1826 г., составленного на основании идей, выдвинутых Бенкендорфом и фон Фоком, было образовано III Отделение Собственной Его Императорского Величества (СЕИВ) канцелярии.

В Указе были четко сформулированы задачи этого органа:

«Предметами занятий сего III Отделения собственной моей Канцелярии назначаю:

1. Все распоряжения и известия по всем вообще случаям высшей полиции.
2. Сведения о числе существующих в государстве разных сект и расколов.
3. Известия об открытиях по фальшивым ассигнованиям, монетам, штемпелям, документам и проч., коих розыскания и дальнейшее производство остается в зависимости Министерств: финансов и внутренних

¹ Цит. по Колтакиди А., Север А. Спецслужбы Российской империи. М., 2010. С. 33.

дел.

4. Сведения подробные о всех лицах, под надзором полиции состоящих, равно и все по сему предмету распоряжения.

5. Высылка и размещение людей подозрительных и вредных.

6. Заведывание наблюдательное и хозяйственное всех мест заточения, в коих заключаются государственные преступники.

7. Все постановления и распоряжения об иностранцах, в России проживающих, в предел Государства прибывающих и из оногo выезжающих.

8. Ведомости о всех без исключения происшествиях.

9. Статистические сведения, до полиции относящиеся»¹.

Начальником III Отделения был назначен Бенкендорф, который являлся одновременно и шефом жандармского корпуса, на который опиралось III Отделение. Корпус жандармов стал исполнительной структурой III Отделения. Фон Фок назначен заместителем начальника III Отделения. Отделение стало органом «высшей полиции», который не только осуществлял борьбу с политическими преступлениями, но и мог контролировать деятельность других государственных структур.

III Отделение являлось органом государственной безопасности и контрразведки. О принадлежности к нему говорил голубой мундир, который носили жандармы. Свой надзор во второй половине 20–30-х гг. XIX в. они вели, в основном, за армейскими и гвардейскими офицерами, из которых вышли первые русские революционеры – декабристы, что несколько сужало сферу деятельности ведомства, выводя за рамки пристального внимания крупные социальные группы населения Российской империи. Недовольство таким надзором выражалось как в офицерской среде, так и среди либерально настроенной общественности.

Однако засилье жандармов преувеличивалось революционными демократами и связанными с ними литературными кругами. Ведь в штате III Отделения на момент его создания было не более 40 сотрудников, а когда

¹ ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. I. № 449.

оно было упразднено в 1880 г. – примерно 120 человек. Общая численность корпуса жандармов немногим превышала 6 тыс. человек. Согласитесь, на население страны, которое к 1880 г. составляло 82 миллионов человек, это очень мало. В передовых европейских державах того времени численность как общей, так и политической полиции была значительно больше чем у нас. Развенчивая этот миф, стоило бы говорить не об «избыточности» полицейского надзора в Российской империи, а о его недостаточности!

III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии не смогло справиться с новым витком политической преступности 60–70-х гг. XIX в., вызванным либеральными преобразованиями Александра II.

В России появляются нелегальные организации – «Земля и Воля», кружок Н. А. Ишутина и прочие, имевшие уже не чисто дворянский, а разночинский социальный состав, действовавшие на принципах строгой конспирации, установившие тесные связи с революционными организациями за рубежом. В 1879 г. из «Земли и воли» выделяется «Народная воля», выбравшая тактику индивидуального политического террора. Главным объектом террористов стал царь-освободитель Александр II, на которого была предпринята серия покушений. Объектами посягательств стали и другие политические деятели Российской империи: теракты были проведены против Петербургского генерал-полицмейстера Ф. Ф. Трепова, которого 24 января 1878 г. ранила В. Засулич; 4 августа 1878 г. С. Кравчинский убил шефа жандармов и начальника III отделения Н. А. Мезенцова. Подобных примеров можно приводить множество.

Возникает вопрос об общественной поддержке такой революционной и террористической деятельности.

Либеральный подход к оценке антигосударственных выступлений XIX в. был положен еще в работах известного декабриста М. С. Лунина. В своих «Письмах из Сибири», «Взгляде на тайное русское общество», Лунин не только оправдывал деятельность декабристских организаций

и попытку вооруженного декабрьского восстания, но и отказывал государству в праве защищать незыблемость своего строя. В его работах содержались серьезные обвинения Следственной комиссии по делу декабристов в противоправности его действий, насилии и произволе.

Такой взгляд был достаточно предвзятым, отражал во многом субъективные взгляды человека, осужденного на каторгу за участие в разработке плана царубийства, что по действующему тогда законодательству Российской империи квалифицировалось как тяжкое уголовное преступление. Однако тайно переправленные за рубеж и напечатанные в газете «Полярная звезда», издаваемой Лондоне одними из первых отечественных «диссидентов» А. И. Герценом и Н. П. Огаревым, эти работы повлияли на формирование общественного мнения. В целом, деятельность вышеозначенных господ, издание ими за границей печатных изданий, которые нелегально ввозились в страну, сформировали негативную тенденцию в освещении деятельности политического сыска Российской империи и передали эстафету в этом следующим поколениям доморощенных либералов, народовольцев, революционеров.

Свою лепту в одобрение политической преступности внесла и Европа, где к середине XIX в. начинает распространяться террористическая деятельность, направленная против представителей власти. В частности, немецкие оппозиционные газеты в ходе революции 1848 г. неоднократно призывали «устранять» реакционных политических деятелей. Формируется этакая «философия бомбы», высказанная в статье К. П. Гейнца, которая оправдывала убийства и другие проявления насилия ради достижения прогресса и «идеалов справедливого общества». Эта философия в дальнейшем оказала существенное влияние на формирование представлений и практически была реализована отечественными революционерами во второй половине XIX – начале XX в.

Необходимо отметить, что буржуазные преобразования в России в 60–70-е гг. XIX в. и либерализация общественных отношений повлияли

на формирование особых взглядов, особенно в среде молодежи, на радикальную антигосударственную деятельность. Такие идеи, как «история движется ужасно тихо, надо ее подталкивать», высказываемые одним из лидеров «Народной воли» А. И. Желябовым¹, импонировали молодым людям. Нигилизм, так хорошо охарактеризованный И. С. Тургеневым в его романе «Отцы и дети», стал модным. Многие молодые люди этой непростой эпохи примеряли на себя образ отрицателя общественных ценностей и традиционных порядков – Евгения Базарова.

Однако те методы грубого насилия и крайнего экстремизма в политике, на которых вырос и расцвел пышным цветом терроризм, вызвали растущее неприятие у передовых представителей общества уже с 60-х гг. XIX в. Тот же Тургенев в своих произведениях показывает обреченность нигилистов, осуждает их позицию всеобщего отрицания и разрушения, не видя в их устремлениях какого-либо созидательного начала. Выступая в марте 1879 г. перед интеллигенцией Санкт-Петербурга, Тургенев так оценил увлечение части отечественной молодежи политическим экстремизмом и терроризмом: «Явления эти глубоко прискорбны; но видеть в них выражение убеждений, присущих большинству нашей молодежи, было бы несправедливостью, жесткой и столь же преступной...»².

Вслед за Тургеневым против нигилизма, терроризма и бунтарства выступил и Н. С. Лесков, посвятив этому свои крупные произведения – романы «Некуда» и «На ножах». Близко к романам Лескова по идейной направленности и обличению экстремизма примыкают романы В. В. Крестовского «Панургово стадо» и «Две силы». Особенно же сильной критикой революционеров-террористов стал роман Ф. М. Достоевского «Бесы». Автор, разъясняя суть романа, говорил, что он пытался раскрыть причины совершения людьми «чудовищного злодейства», «самых пакостных

¹ Былое. 1906. № 4. С. 219.

² Тургенев И. С. Полное собрание сочинений: В 28 т. М.- Л. 1968. Т.15. С.61.

и мерзостных поступков»¹. Л. Н. Толстой в «Письме к либералам» от 31 августа 1896 г. охарактеризовал способы борьбы «Стеньки Разина, Пугачева, декабристов, революционеров 60-х годов, деятелей 1-го марта и других... кроме того, что безнравственными, – неразумными и недействительными»².

Политическую преступность и связанный с ней терроризм решительно осуждали писатели М. Е. Салтыков-Щедрин, В. Г. Короленко, И. А. Бунин, Д. С. Мережковский, художники И. И. Шишкин, В. М. Васнецов, И. Е. Репин, В. В. Верещагин, композиторы П. И. Чайковский, М. А. Балакирев, А. Г. Рубинштейн и многие другие деятели отечественной культуры.

Но не только представители передовой российской общественности осудили политическую преступность. Народные массы также выказывали непонимание и резкое неприятие тех методов, которые предлагали народники. Недаром «хождения в народ» 60–70-х гг. XIX в. не возымели должного эффекта и сподвигли радикально настроенную часть революционной среды перейти к тактике индивидуального террора. Отсутствие широкой народной поддержки отмечали и сами революционеры. Так, В. Фигнер своих мемуарах писала: «Народ и общество не поддержали нас... Уходя из жизни, мы не оставляли наследников, которые могли бы поддерживать борьбу на прежней высоте»³... На это можно заметить только: «И слава Богу!».

Следует констатировать тот факт, что российская интеллигенция, российское общество в целом дало свою нелицеприятную оценку политическому терроризму как «экстремистскому» проявлению политической борьбы во второй половине XIX – начале XX в.

Изменение обстановки, усиление социальной напряженности, увеличение количества политических преступлений потребовали проведения

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 21. Л., 1980. С. 131.

² Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 69. М.- Л. 1934. С. 128–129.

³ Фигнер В. Полное собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. М., 1928. С. 15.

серьезной реформы органов политического сыска. В 1880 г. по инициативе министра внутренних дел Российской империи М. Т. Лорис-Меликова создается Департамент государственной полиции, который стал ключевым структурным подразделением ведомства, осуществлявшим общее руководство борьбой с политической преступностью. Кадровый состав Департамента был сформирован из части сотрудников упраздненного III Отделения СЕИВ канцелярии, а также наиболее квалифицированных офицеров жандармских управлений. Руководителем Департамента становится И. О. Велио, которого достаточно скоро сменил на этом посту В. К. Плеве. Именно с деятельностью Плеве, занявшего в 1885 г. пост товарища (заместителя) министра внутренних дел, связана активизация и реорганизация органов отечественного политического сыска, разработка и внедрение новых методов их работы, разгром тайных террористических организаций.

Практически с начала создания Департамента начинается активная работа по формированию нормативной правовой базы в сфере борьбы с политической преступностью.

1 марта 1882 г. принято «Положение о негласном полицейском надзоре». Такая форма надзора становится одной из важных мер предупреждения политических преступлений посредством наблюдения «за лицами сомнительной благонадежности». В соответствии с документом, «негласное наблюдение, имея характер меры исключительно розыскной, учреждается Департаментом Полиции или местными властями временно для проверки полученных сведений о вредной деятельности данного лица, его связей, а также для обнаружения разыскиваемых лиц, которые, по имеющимся указаниям, могли войти с ним в сношение»¹. Особое

¹ Положение о негласном полицейском надзоре утвержденное 1 Марта 1882 г. Министром Внутренних Дел Генерал-адъютантом графом Игнатьевым, объявленное при Циркуляре Департамента полиции от 9 Апреля 1882 г. № 1365 (изменено и дополнено по распоряжениям, объявленным по 1 Января 1903 г.) // Хрестоматия по истории органов внутренних дел России (XVII–XIX вв.). Ч. I / сост.: Н. Л. Феднева, А. П. Яцкова. М., 2015. С. 108.

внимание уделялось негласному надзору за студентами, гимназистами старших классов, как особой группе населения, склонной в силу своего возраста и юношеского максимализма к совершению политических преступлений.

Еще одной формой противодействия и профилактики незаконной политической деятельности становится гласный надзор, применение которого стало регламентироваться «Положением о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей» от 12 марта 1882 г. Гласный надзор устанавливался как «мера предупреждения преступлений против существующаго государственнаго порядка, учреждается над лицами вредными для общественнаго спокойствия»¹. Как мы видим, в Российской империи активно используется высылка неблагонадежных лиц из крупных городов на основании решения Особого совещания при министре внутренних дел. Положение подробно регламентировало правовой статус поднадзорного, а также права и обязанности полиции по осуществлению надзора.

Серьезное внимание уделялось и правовой регламентации организации и деятельности государственных органов по противодействию политической преступности. В последние два десятилетия XIX и в начале XX в. принимается целый комплекс нормативных правовых актов в этой сфере.

Общее руководство политической полицией было возложено на товарища (заместителя) министра внутренних дел. Это направление его деятельности регламентировалось «Инструкцией товарищу министра внутренних дел, заведывающему Государственной полицией»² от 16 июля 1882 г. Кроме этого, товарищ министра командовал и Отдельным Корпусом

¹ Высочайше утвержденное Положение о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей 12 марта 1882 г. // История правоохранительной системы России документах: с древнейших времен до 1917 г. (к 300-летию российской полиции): хрестоматия. М., 2018. С. 683.

² Высочайше утвержденная Инструкция товарищу министра внутренних дел, заведывающему Государственной полицией 16 июля 1882 г. // История правоохранительной системы России документах: с древнейших времен до 1917 г. (к 300-летию российской полиции): хрестоматия. М., 2018. С. 688–689.

жандармов.

3 декабря 1882 г. было принято «Положение об устройстве секретной полиции в Империи»¹. В соответствии с ним учреждались розыскные отделения в составе жандармских управлений и в ведомстве общей полиции, по образцу существовавших уже в Санкт-Петербурге и Москве отделений по охранению общественного порядка и спокойствия. В дальнейшем они получили название охранных отделений.

Для руководства их деятельностью товарищ министра назначил особого инспектора секретной полиции – подполковника Г. П. Судейкина. Совместно с В. К. Плеве, Судейкин разработал систему тайной агентурной работы внутри революционных организаций, не существовавшую ранее в России.

В 1883 г. Департамент Государственной полиции был реформирован и стал называться Департаментом полиции. В нем объединялись функции сыска как начальной стадии следствия, последующих стадий следствия, судопроизводства по политическим делам, административной репрессии, осуществления гласного и негласного надзора.

В 1898 г. для координации деятельности охранных отделений и всего политического сыска в Департаменте полиции МВД Российской империи был учрежден Особый отдел. В компетенцию данного подразделения вошло: заведование внутренней и заграничной агентурой, негласное наблюдение за корреспонденцией частных лиц, организация надзора за политическим настроением учащейся молодежи и ряд других вопросов. Охранные отделения, создаваемые в начале XX в. при полицейских управлениях, подчинялись непосредственно Особому отделу Департамента полиции и отчитывались о своей деятельности только перед ним. Однако, к началу первой российской революции в структуре данного подразделения отсутствовали специализированные службы, целенаправленно

¹ Положение об устройстве секретной полиции в империи 3 декабря 1882 г. // История правоохранительной системы России документах: с древнейших времен до 1917 г. (к 300-летию российской полиции): хрестоматия. М., 2018. С. 689–690.

занимающиеся подпольными политическими организациями. Следует согласиться с мнением З. И. Перегудовой, что этот факт являлся определенным недостатком структуры Особого отдела¹.

К началу 1907 г. руководство Департамента приходит к наиболее, на наш взгляд, оптимальной форме организации структуры и деятельности Особого отдела, которая была закреплена в Положении об Особом отделе. За основу был взят «партийный» принцип. Были образованы отделения, отвечающие за наблюдение, розыск, разработку агентурных сведений по партиям и общественным организациям, в наибольшей степени угрожавшим стабильности государственного строя. Так, 2-е отделение сосредоточило свое внимание на партии социалистов-революционеров и организациях анархической направленности, широко использовавших террористические методы. 3-е отделение организовывало розыскную работу в отношении социал-демократических партий. 4-е отделение ведало национальными партиями.

Важнейшим направлением в организации борьбы с политическими преступлениями в Российской империи в конце XIX – начале XX в. стало так называемое внутреннее наблюдение, то есть вербовка и внедрение в тайные антиправительственные организации своих агентов. Необходимость и важность внутреннего наблюдения неоднократно подчеркивалась руководителями сыскных органов Российской империи. Так, бывший начальник Московского охранного отделения П. П. Заварзин писал в своей книге «Работа тайной полиции»: «Возможно ли обойтись без внутренней агентуры и чем ее заменить? Таков важнейший вопрос по работе политического и уголовного розыска. Ответ определенный. Ничем ее заменить нельзя, а поэтому она необходима и существует во всех странах мира. Без розыскного органа ни одно государство не существовало и существовать не будет»².

¹ Перегудова З. И. Политический сыск в России. 1880–1917. М., 2000. С. 75.

² Заварзин П. П. Работа тайной полиции. Париж, 1924. С. 21.

С образованием на рубеже XIX–XX в. социалистических политических партий, поставивших своей основной целью свержение существующего в России государственного строя и избравших радикальные, террористические методы борьбы, развитие внутренней агентуры становится жизненно важным для обеспечения внутренней безопасности и общественного порядка. Как резонно подчеркнул в 1917 г. бывший директор Департамента полиции М. И. Трусевич: «Тут имеется дилемма: либо дать простор террору, чтобы направо и налево совершать убийства, либо бороться теми приемами, которые были установлены спокон веков»¹.

Работа внутренней агентуры хорошо регламентировалась, прежде всего на внутриведомственном уровне, соответствующими инструкциями, имеющими уровень «совершенно секретно».

Основным нормативным правовым актом, регламентирующим деятельность внутренней агентуры, стала Инструкция по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения², разработанная по инициативе Трусевича Департаментом полиции МВД Российской империи. Она утвердила правовые основы, принципы и порядок осуществления агентурной деятельности.

В этом документе скрупулезно регламентируются все стороны организации внутреннего наблюдения. Документ хорошо иллюстрирует высокое качество нормативного регулирования и организации борьбы с политическими преступлениями. В приложениях мы приводим его текст³. Изучение этого нормативно-правового акта ценно еще и тем, что современные сотрудники органов внутренних дел могут почерпнуть

¹ Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. III. Л., 1925. С. 214.

² Инструкция по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения (после февраля 1907 г.) // История правоохранительной системы России документах: с древнейших времен до 1917 г. (к 300-летию российской полиции): хрестоматия. М., 2018. С. 780–788.

³ См. Приложение.

из него много полезного для сравнения и организации своей профессиональной деятельности в обозначенной сфере.

Однако работа секретных агентов и их руководителей не всегда была такой успешной. По оценкам известного отечественного правоведа Н. С. Таганцева, только за период с 1905 по 1908 год в России были убиты террористами 2 563 должностных лица и 3 616 частных лиц¹. Хотя существуют и более масштабные оценки человеческих потерь политического терроризма².

Тем не менее использование секретных агентов было наиболее эффективным методом политического сыска. Наиболее известными агентами, внедренными в руководство революционных партий, были Е. Азеф (один из руководителей Боевой организации эсеров) и Р. Малиновский (депутат Государственной думы от большевиков).

Другим важным направлением оперативно-разыскных мероприятий тайного сыска было использование наружного наблюдения, так называемых филеров.

В обязанности филеров входили: проведение наружного наблюдения, негласный сбор информации об интересующих полицию лицах.

Специальная команда филеров также обеспечивала и внешнюю охрану высочайших особ и высокопоставленных лиц. При передвижении охраняемого лица по улицам Петербурга и поездках в другие города филеры следовали за ним. Они рассредоточивались по улицам, где пролегал путь охраняемого, и следили, чтобы не было провокаций прохожих. В театрах были отдельные места для филеров охранной команды.

Исключением явился «летучий отряд филеров» по руководством Е. Медникова, созданный первоначально при Московском охранном отделении С. В. Зубатовым и переведенный затем в Особый отдел Департамента полиции.

¹ Таганцев Н. С. Смертная казнь. СПб., 1913. С. 92.

² Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917. М., 1997. С. 32.

Здесь стоит сказать и о профессиональной подготовке сотрудников органов, занимавшихся расследованием политических преступлений. Достаточно расхожим является мнение о низком образовательном уровне и слабой профессиональной подготовке сотрудников российской полиции в общем и политической полиции в частности.

Следует констатировать тот факт, что на раннем этапе формирования полицейских органов, практически на протяжении всего XVIII в., государство мало заботилось о качественном комплектовании кадрового состава полиции и его профессиональной подготовке. Основным источником пополнения кадров полиции в данный период стала российская армия.

Уже в XIX в. мы видим усилия, направленные на исправление сложившейся ситуации. Как и в предыдущий период, полиция в первой половине XIX в. продолжает комплектоваться преимущественно из военных. Однако все чаще и особенно на руководящие посты, в органы политического сыска, как наиболее значимые во всей правоохранительной системе, стали привлекаться лица, имеющие высшее юридическое образование. Создание новых университетов и институтов в данный период позволило увеличить количество подготовленных специалистов, в том числе и имеющих юридическое образование, направить их на государственную службу, тем самым повысив образовательный уровень и эффективность ее кадров. Так, в целях укрепления кадрового состава полиции, в первой половине XIX в. на службу стали приниматься выпускники Училища правоведения. Открытое в декабре 1835 г., оно считалось одним из лучших учебных заведений страны, готовящих специалистов юридического профиля. Вплоть до революционных событий 1917 г. Училище правоведения подготовило более двух тысяч профессионалов-юристов. Часть выпускников этого учебного заведения поступили на службу в правоохранительные органы.

Стремление к повышению образовательного уровня сотрудников полиции в первой половине XIX в. затронуло не только ее офицерский, но и унтер-офицерский состав. Для последней категории была введена

возможность сдать квалификационный экзамен, успешное прохождение которого позволяло унтер-офицеру стать чиновником 14-го класса в соответствии с «Табелью о рангах», что существенно поднимало оплату его труда и освобождало от телесных наказаний. К экзамену допускались унтер-офицеры, имеющие безупречный послужной список. В процессе экзамена кандидат не только показывал свои профессиональные познания в сфере ведения служебной переписки и статистического учета правонарушений, порядка розыска людей, правил первоначальных следственных действий, но и свою осведомленность в нормах морали и христианском вероучении.

Особое внимание образованию и профессиональной подготовке уделялось в Отдельном корпусе жандармов, который в 1880 г. вошел в состав Министерства внутренних дел Российской империи. По сути Корпус стал элитным подразделением в структуре отечественных правоохранительных органов. К кадровому комплектованию и профессиональной подготовке в нем подходили особенно тщательно. Чтобы попасть на службу в Отдельный корпус, военнотружущий не просто должен был иметь безупречную репутацию, но и выдержать устный и письменный экзамен, который выявлял не только профессиональные познания, но и общую эрудицию кандидата. Затем следовало обучение, длившееся около полугода, в процессе которого особое внимание уделялось изучению специальных дисциплин: дактилоскопии, антропометрии, основам розыска и дознания. Слушатели курсов при Штабе отдельного корпуса жандармов изучали Общую и Особенную часть Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, другие правовые дисциплины. Теоретические знания подкреплялись практическими занятиями. По окончании курсов слушатели сдавали экзамен, от успешности которого зависело их назначение на должность.

Развитие системы охранных отделений в конце XIX – начале XX в. потребовало выработки особых методик обучения их сотрудников. И если для внутренних агентов в силу специфики их деятельности,

профессиональное обучение было невозможно, то сотрудникам наружного наблюдения – филерам – это было полнее доступно.

Акцент в профессиональном обучении филеров был сделан на получении практических навыков их непростой работы. Специфика служебной деятельности филеров требовала развития особых навыков негласного наблюдения, освоение которых достигалось путем специальной профессиональной подготовки¹.

Изначально обязанность по профессиональной подготовке филеров целиком возлагалась на руководителей охранных и розыскных отделений, а также жандармских управлений², которые самостоятельно избирали методы и способы обучения и подготовки сотрудников к несению службы.

В 1902 г. согласно Положению «О начальниках розыскных отделений» и «Своду правил, выработанных в развитие Положения» обязанности по профессиональной подготовке филеров были разделены: теоретическая подготовка ложилась на Департамент полиции, а практическая вменялась старшим филерам на местах.

По мере роста революционного движения Департамент полиции озаботился созданием централизованной школы для обучения филеров в целях повышения эффективности наружного наблюдения³. В этой связи, 5 июля 1907 г. заведующий Особым отделом Департамента полиции обратился к начальникам охранных отделений с циркуляром о необходимости обобщения положительного опыта работы филеров с приведением конкретных примеров деятельности по наружному наблюдению, способствовавших достижению поставленных целей.

Ярким примером по обобщению опыта своего охранного отделения по ведению наружного наблюдения являются сообщения начальника

¹ *Матвеев А. В.* Нормативные основы службы наружного наблюдения Российской империи в конце XIX – начале XX века // *Advances in Law Studies*. 2018. Т. 6. № 3. С. 31–35.

² *Жаров С. Н.* Нормативное регулирование деятельности политической полиции Российской империи: дис. ... к.ю.н. Екатеринбург, 2000. С. 119.

³ *Щеголев П. Е.* Охранники, агенты, палачи / сост. Ф.М. Лурье. М., 1992. С. 272.

Московского охранного отделения – М. Ф. фон Котена. В период руководства Московским охранным отделением фон Котеном данное подразделение по праву приобрело славу своеобразной кузницы профессиональных агентов наружного наблюдения.

Особого внимания заслуживает методика профессиональной подготовки, которой придерживалось руководство Центрального филерского отряда Санкт-Петербургского охранного отделения. В связи с тем что отряд признавался элитным подразделением, в котором служили лучшие филеры со всей страны, выполняющие самые сложные функции, процесс профессиональной подготовки в данном подразделении был многогранен и тщательно спланирован.

В 1911 г. для агентов Центрального филерского отряда была разработана специальная программа занятий, в соответствии с которой для филеров отряда предусматривались три вида занятий: 1) комнатные занятия; 2) комнатные занятия с последующими практическими занятиями; 3) практические занятия.

Хотя следует отметить: единых методик преподавания и, что более важно, специального учебного заведения по подготовке сотрудников политической полиции в Российской империи так и не было создано. Тем не менее указанное выше позволяет сделать вывод о том, что мнение о «малообразованности» и плохой профессиональной подготовке сотрудников отечественного политического сыска не соответствует действительности.

В 1902 г. было утверждено Положение о начальниках розыскных отделений¹. 13 февраля 1903 г. розыскные отделения переименовали в охранные. В связи с ростом революционного движения, охранные отделения были созданы также в восьми городах: Вильно, Екатеринославле, Казани, Киеве, Одессе, Саратове, Тифлисе, Харькове.

¹ Положение о начальниках розыскных отделений 12 августа 1902 г. // История правоохранительной системы России документах: с древнейших времен до 1917 г. (к 300-летию российской полиции): хрестоматия. М., 2018. С. 745–748.

С назначением на пост директора Департамента полиции М. И. Трусевича в 1906 г. завершается работа по созданию подробных нормативных актов, регулирующих все аспекты деятельности внутренней и наружной агентуры, офицеров, заведующих розыском, и начальников розыскных учреждений.

14 декабря 1906 г. было принято Положение о районных охранных отделениях, которые учреждались для руководства «охранками» на местах в шести регионах Российской империи¹. В систему политического сыска с применением секретных сотрудников были включены жандармско-полицейские управления железных дорог. Важным документом, направленным на организацию деятельности охранных отделений, стало Положение об охранных отделениях от 9 февраля 1907 г.².

Наш обзор наглядно показывает, что борьба с политической преступностью в Российской империи носила законный характер, все ее аспекты были должным образом регламентированы в соответствующих нормативных правовых актах.

Революционные события 1905–1907 гг. требовали усиления сыска и число охранных отделений увеличивалось: в феврале 1907 г. их было 25, в декабре того же года – 27. Во всех охранных отделениях были созданы библиотеки нелегальной литературы. В 1907 г. в Департаменте полиции был создан Регистрационный отдел с Центральным справочным аппаратом. В скором времени там было сосредоточено свыше 1,5 млн. карточек.

А вот после окончания первой российской революции, на наш взгляд, была сделана роковая ошибка. Решив, что все революционные коллизии позади и политическая преступность пошла на спад, руководство отечественного государства и его правоохранительных органов начинает

¹ Положение о районных охранных отделениях 14 декабря 1906 г. // История правоохранительной системы России документах: с древнейших времен до 1917 г. (к 300-летию российской полиции): хрестоматия. М., 2018. С. 764–770.

² Положение об охранных отделениях 9 февраля 1907 г. // История правоохранительной системы России документах: с древнейших времен до 1917 г. (к 300-летию российской полиции): хрестоматия. М., 2018. С. 770–780.

процесс сокращения охранных отделений. В первую очередь они стали ликвидироваться в тех регионах страны, где происходило затишье в оппозиционном движении. Кроме этого, в либеральной прессе (не забываем, что царским манифестом от 17 октября 1905 г. была установлена свобода слова) начинается целенаправленная кампания по дискредитации органов политического сыска. Происходят «громкие» разоблачения агентов охранки, общественности раскрываются профессиональные секреты работы специализированных органов по борьбе с политическими преступлениями, выдвигаются многочисленные обвинения в противоправности и злоупотреблениях в их деятельности. Руководителей политического сыска стали обвинять в попустительстве революционерам-террористам, использовании своего служебного положения в корыстных целях. Не добавило престижа отечественному политическому сыску и неспособность предотвратить убийство премьер-министра Российской империи П. А. Столыпина, погибшего от руки Д. Богрова, который являлся по сути двойным агентом.

В 1913 г. на пост товарища (заместителя) министра внутренних дел и командующего Отдельным корпусом жандармов был назначен В. Ф. Джунковский. Именно по его инициативе была проведена пагубная реформа органов политического сыска России: были упразднены практически все районные охранные отделения (они остались только в Санкт-Петербурге, Москве и Варшаве), существенно сокращен штат жандармерии, запрещена деятельность внутренней агентуры в войсках, военных и средних учебных заведениях, прекращено сотрудничество с рядом наиболее ценных агентов (например, с Р. В. Малиновским, занимавшим высокое положение в партии большевиков) и т. д.

Можно констатировать тот факт, что деятельность, направленная на свертывание системы охранных отделений, особенно в условиях начавшейся в 1914 г. мировой войны, ослабила борьбу с политическими преступлениями и стала одним из существенных факторов постепенного

ослабления государственного строя Российской империи, закончившегося революционными катаклизмами 1917 г.

Приложение

Инструкция по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения (после февраля 1907 г.)

Совершенно секретно

Копии снимать воспрещается

§ 1. На обязанности лица, ведающего политическим розыском, лежит прежде всего приобретение и сбережение внутренней секретной агентуры, – единственного вполне надежного средства, обеспечивающего осведомленность.

На приобретение и сбережение внутренней агентуры должны быть направлены все усилия лица, ведающего розыском.

Наружное наблюдение является лишь вспомогательным и притом весьма дорогим средством для разработки агентурных сведений и для прикрытия конспиративности агентурного источника.

§ 2. Для успешной работы в деле политического розыска и руководства внутренней агентурой лица, ведающие розыском, должны знать программы революционных партий, быть знакомы с историей революционного движения, положением его в данный момент и следить за революционной литературой.

§ 3. Лица, заведующие агентурой, должны руководить сотрудниками, а не следовать слепо указаниям последних. Обыкновенно сотрудник выдающийся – интеллигентный и занимающий видное положение в партии – стремится подчинить своему авторитету лицо, ведущее с ним сношения, и оказывает давление на систему розыска. Если для сохранения отношений возможно оставлять его в убеждении, что такое его значение имеет место,

то в действительности всякое безотчетное увлечение сотрудниками приводит к отрицательным результатам. Лицо, ведающее агентуру, должно составить себе план расследования и стремиться извлечь из агентуры все данные для его осуществления. Поэтому, никогда не открывая своих карт перед сотрудником, надлежит давать ему поручения, вытекающие из плана розыска.

При этом следует с особым вниманием относиться к выяснению или закреплению в памяти сотрудников таких фактов, которые могли бы быть впоследствии использованы как судебные улики и подтверждены доказательствами, лежащими вне соприкосновения с сотрудником. Эти задачи розыска (в общих чертах) могут быть указаны сотруднику, дабы и он приучился к собиранию данных, пригородных для судебного расследования, и прикрытию агентуры.

§ 4. Лица, ведающие розыском, должны твердо помнить, что «сотрудничество» от «провокаторства» отделяется весьма тонкой чертой, которую очень легко перейти. Они должны знать, что в умении не переходить эту черту и состоит искусство ведения успешного политического розыска. Достигается это только безусловно честным отношением к делу и пониманием целей розыска, а не погоней за отличиями, открытием и арестом отдельных средств пропаганды (типография, склады оружия, взрывчатые вещества и проч.).

Лица, ведающие розыском, должны проникнуться сознанием, что лучшим показателем успешной и плодотворной их деятельности будет то, что в местности, вверенной их надзору, совсем не будет ни типографий, ни бомб, ни складов литературы, ни агитации, ни пропаганды. Последние результаты будут достигнуты, если они при серьезной осведомленности о революционной деятельности и умении систематически и планомерно пользоваться этими знаниями достигнут того, что революционеры вынуждены будут прекратить в данной местности свою преступную работу.

§ 5. Секретные сотрудники должны состоять членами одной из революционных организаций (о которых они дают сведения) или, по крайней мере, тесно соприкасаться с серьезными деятелями таковых, т. к. только тогда сведения их будут ценны. Лица, не состоящие в революционных организациях и не соприкасающиеся с ними, особенно различные местные «старожилы», принадлежащие иногда к крайним правым партиям, зачастую не только не бывают полезны в целях политического розыска, но даже и вредны, т. к. заставляют неопытных и неосведомленных лиц, ведающих розыском, направлять таковой в ложную сторону и совершенно непроизводительно тратить силы и средства. Изложенное отнюдь не значит, что сведениями таких лиц надлежит пренебрегать, – не следует лишь на последних возлагать больших надежд и считать таких лиц «секретными сотрудниками», а сведения их «агентурными». В деле розыска нельзя пренебрегать никакими сведениями, но нужно научиться давать им надлежащую оценку и не считать их без проверки (дающего сведения лица и самых сведений) – достоверными.

§ 6. Секретные сотрудники должны быть постоянными и получать определенное жалование (помесячно), а не за отдельные сообщения, т. к. только при имени постоянной агентуры можно быть в курсе деятельности революционных организаций, и только постоянная агентура может относиться с интересом к делу розыска.

В сотруднике, начавшем работу по материальным соображениям, надлежит, по возможности, создавать и поддерживать интерес к розыску, как орудию борьбы с государственным и общественным врагом – революционным движением. Особенно ценны в этом отношении сотрудники, взявшие на себя эту роль по побуждениям отвлеченного характера.

При удачных ликвидациих, являющихся результатом сведений и разработки, постоянного сотрудника следует поощрить денежной наградой.

§ 7. Сведения приходящих лиц, требующих платы за каждое отдельное указание на то или другое революционное предприятие («штучники»),

конечно, должны быть использованы в интересах дела, в особенности сведения о предполагаемых экспроприациях, совершаемых часто лицами, не имеющими никакого отношения к революционным организациям, но к таковым сведениям нужно относиться с большой осторожностью и тщательно проверять их всеми способами. Зачастую сведения эти бывают провокаторскими, а иногда просто «дутыми». При этом всегда надлежит стремиться использовать лицо, дающее отдельные сведения, в целях учреждения при его посредстве систематической агентуры.

§ 8. Состоя членами революционных организаций, секретные сотрудники ни в коем случае не должны заниматься так называемым п р о в о к а т о р с т в о м, т. е. сами создавать преступные деяния и подводить под ответственность за содеянное ими других лиц, игравших в этом деле второстепенные роли. Хотя для сохранения своего положения в организациях сотрудникам приходится не уклоняться от активной работы, возлагаемой на них сообществами, но в таких случаях они должны на каждый отдельный случай испрашивать разрешения лица, руководящего агентурой, и уклоняться во всяком случае от участия в предприятиях, угрожающих серьезную опасность. В то же время лицо, ведающее розыском, обязано принять все меры к тому, чтобы совершенно обезвредить задуманное преступление, т. е. предупредить его с сохранением интересов сотрудника. В каждом отдельном случае должно быть строго взвешиваемо, действительно ли необходимо для получения новых данных для розыска принятия на себя сотрудником возлагаемого на него революционерами поручения, или лучше под благовидным предлогом уклониться от его исполнения. При сем необходимо помнить, что все стремления политического розыска должны быть направлены к выяснению центров революционных организаций и к уничтожению их в момент проявления ими наиболее интенсивной деятельности, почему не следует «срывать» дело розыска только ради обнаружения какой-либо подпольной типографии или мертво лежащего на сохранении склада оружия, помня, что изъятие

подобных предметов только тогда приобретает особо важное значение, если они послужат к изобличению более или менее видных революционных деятелей и уничтожению организации.

§ 9. Секретных сотрудников надлежит иметь в каждой из действующих в данной местности революционных организаций и, по возможности, по несколько в одной и той же организации. Лицо, ведающее розыском, не должно упускать ни одного случая, могущего дать хотя бы слабую надежду на приобретение секретного сотрудника. Каждое лицо, подающее надежду, надлежит расположить к себе и использовать в целях агентуры, причем нужно помнить, что дело приобретения секретных сотрудников очень щекотливое и требует много терпения и осторожности. Малейшая неосторожность или форсировка часто вызывает решительный отпор.

§ 10. Секретные сотрудники приобретаются различными способами. Для приобретения их необходимо постоянное общение и собеседование лица, ведающего розыском, или опытных, подчиненных ему лиц с арестованными по политическим преступлениям. Ознакомившись с такими лицами и наметив тех из них, которых можно склонить на свою сторону (слабохарактерные, недостаточно убежденные революционеры, считающие себя обиженными в организации, склонные к легкой наживе и т. п.), лицо, ведающее розыском, склоняет их путем убеждения на свою сторону и тем обращает их из революционеров в лиц, преданных Правительству. Этот сорт сотрудников нужно признать наилучшим. Помимо бесед с лицами, уже привлеченными к дознаниям, удастся приобретать сотрудников и из лиц, еще не арестованных, которые приглашаются для бесед лицом, ведающим розыском, в случае получения посторонним путем сведений о возможности приобретения такого рода сотрудника.

Независимо от сего при существовании у лица, ведающего агентуру, хороших отношений с офицерами Корпуса Жандармов и чинами Судебного ведомства, производящими дела о государственных преступлениях, возможно получать от них для обращения в сотрудники обвиняемых,

дающих чистосердечные показания, причем необходимо принять меры к тому, чтобы показания эти не оглашались. Если таковые даны словесно и не могут иметь серьезного значения для дела, то желательно входить в соглашение с допрашивавшимся о не занесении таких показаний в протокол, дабы с большею безопасностью создать нового сотрудника.

§ 11. Кроме того, можно использовать тех лиц, которые, будучи убеждены в безопасности своей личной революционной деятельности, нуждаются в деньгах и хотя не изменяют коренным образом убеждений, но ради денег берутся просто продавать своих товарищей.

§ 12. Сотрудники, находящиеся в низах организаций, могут быть путем постоянной совместной работы с лицом, ведающим розыском, а равно арестами более сильных работников, окружающих его, проведены выше.

§ 13. Вновь принятого сотрудника всегда следует незаметно для него основательно выверять наблюдением и постараться поставить под перекрестную агентуру.

§ 14. Лицо, ведающее политическим розыском, должно осмотрительно относиться к приезжим заявителям, разъезжающим по Охранным отделениям и Жандармским Управлениям с единственной целью выманить деньги. Такие лица (в большинстве случаев из провалившихся сотрудников), зачастую довольно развитые, развязные, будучи осведомлены о личном составе некоторых Охранных Отделений или Управлений и знакомы с деятельностью некоторых революционеров, вводят в заблуждение даже опытных лиц, давая им заявления о готовящихся террористических актах и других выдающихся преступлениях, и тем заставляют вести розыск в ложном направлении. Личность такого заявителя и его нравственные и служебные качества надлежит немедленно проверить по алфавиту и путем сношения по телеграфу с Начальником подлежащего Управления или Отделения, прежде чем предпринимать что-либо по его указанию.

§ 15. Самым прочным, хотя и не всегда продуктивным, положением сотрудника является такое положение, когда он находится в организации

в роли пособника и посредника в конспиративных делах, т. е. когда его деятельность ограничивается сферой участия в замыслах или приготовлениях к преступлению, что фактически неуловимо формальным дознанием и следствием и дает возможность оставлять на свободе сотрудника и близких к нему.

§ 16. Секретные сотрудники на в коем случае не могут посвящаться в сведения, даваемые другими сотрудниками. С особою осторожностью следует относиться вообще к ознакомлению сотрудника с ходом розыска, а также деятельностью и личным составом розыскного учреждения. При сношениях с сотрудником нужно получать от него все необходимое и, по возможности, не разоблачать перед ним ничего. В противном случае лицо, ведущее агентуру, быстро окажется в руках сотрудника, из коих очень многие склонны вести двойную игру, а в случае разрыва отношений с ними, розыскному делу и лицам, ведущим его, будет всегда угрожать крайняя опасность.

§ 17. Никто кроме лица, заведующего розыском, и лица, могущего его заменить, не должен знать в лицо никого из секретных сотрудников.

Фамилию сотрудника знает только лицо, ведающее розыском, остальные же чины учреждения, ведающего розыском, имеющие дело со сведениями сотрудника, могут в необходимых случаях знать только псевдоним или номер сотрудника. Чины наружного наблюдения и канцелярии не должны знать секретного сотрудника и по кличке. Он им должен быть известен лишь как действительный революционный деятель по кличке наружного наблюдения, если он вошел в сферу последнего.

§ 18. Секретные сотрудники ни в коем случае не должны знать друг друга, так как это может повлечь за собою «провал» обоих и даже убийство одного из них.

§ 19. Сведения, даваемые секретными сотрудниками, должны храниться с соблюдением особой осторожности и в строгой тайне.

§ 20. Сведения, полученные от секретных сотрудников, обязательно проверяются, если к этому представляется возможность, наружным наблюдением.

§ 21. Заведующему агентурой рекомендуется ставить надежных сотрудников к себе в отношения, исключаящие всякую официальность и сухость, имея в виду, что роль сотрудника обыкновенно нравственно очень тяжела, и что «свидания» часто бывают в жизни сотрудника единственными моментами, когда он может отвести душу и не чувствовать угрызений совести. Только при соблюдении этого условия можно рассчитывать иметь преданных людей.

§ 22. Никогда не следует заставлять сотрудника форсировано добывать сведения, т. к. это часто вызывает провалы. После ликвидации необходимо дать сотруднику возможность на время прекратить активные сношения с товарищами.

§ 23. Производя ликвидацию, никогда не следует арестовывать всех, окружающих сотрудника, лиц, оставляя его одного на свободе, но надлежит оставлять около него несколько лиц, более близких и менее вредных, или дать ему возможность заранее уехать по делам, или, в крайнем случае, арестовать и его самого, освободив впоследствии с близкими к нему и наименее вредными лицами по недостатку улик. О предстоящем аресте сотрудника всегда нужно войти с ним в соглашение. Арест сотрудника допустим лишь в случаях неустранимой необходимости.

§ 24. Производство обысков и арестов по агентурным сведениям совершать с большой осторожностью и осмотрительностью, дабы не «провалить» секретного сотрудника, почему, предварительно ликвидации, надлежит тщательно рассмотреть все то, что может повлиять на целостность агентуры, и отвести последнюю от возможности подозрений.

§ 25. В ликвидационных записках никогда не следует помещать конспиративных кличек сотрудников, а также указывать вообще на лицо, давшее сведения, а употреблять для этого выражения «по имеющимся

негласным сведениям». Агентурные сведения, известные лишь одному секретному сотруднику или очень тесному кругу лиц, помещать в такие записки не надлежит вовсе.

Ликвидацию следует начинать с тех мест и лиц, где могут быть серьезные вещественные доказательства или «техника», т. к. таковое, как поличное, дает возможность привлекать по обвинению в участии в революционном сообществе лиц, даже застигнутых доказательств на их квартирах, и дает возможность прикрыть агентуру. Лучше всего удастся прикрыть агентуру, если начинать ликвидацию с ареста установленной наблюдением сходки хотя бы некоторых из подлежащих ликвидации наиболее видных лиц, т. к. таковой прием придает ликвидации вид случайности. Для взятия типографий или мастерских бомб хорошо начинать с задержания на улице, под благовидным предлогом, кого-либо из проживающих в намеченной квартире лиц, чем и объясняется обыск квартиры.

§ 26. Вознаграждение сотрудника находится в прямой зависимости от ценности даваемых им сведений и положения, занимаемого им в организации.

§ 27. Секретные сотрудники, если они не живут на партийные средства, обязательно должны иметь какой-нибудь легальный заработок, т. к. неимение такового немедленно возбуждает в организации подозрение относительно источника средств к существованию. Устраиваться на службу сотруднику следует рекомендовать самому, без посредства лица, ведающего розыском, т. к. посредничество это, хотя бы и через промежуточных лиц, рано или поздно неминуемо ведет к «провалу» сотрудника. При наличии скудного легального заработка секретного сотрудника надлежит обращать самое серьезное внимание на то, чтобы он не давал повода заметить другим, что он живет выше своих средств. В особенности следует обращать внимание на несоответствие легальному заработку платья, обуви и т. п.

§ 28. Во время ареста жалование сотруднику должно быть обязательно сохранено и, по возможности, даже увеличено. Провалившихся сотрудников следует стараться устраивать на места (кроме службы в розыскных учреждениях) и первое время поддерживать их материально.

§ 29. Расставаясь с секретным сотрудником, не следует обострять личных с ним отношений, но вместе с тем не ставить его в такое положение, чтобы он мог в дальнейшем эксплуатировать лицо, ведающее розыском, неприемлемыми требованиями.

§ 30. Свидания с секретными сотрудниками должны происходить на особых («конспиративных») квартирах. Не выяснившемуся секретному сотруднику не следует показывать «конспиративную» квартиру; лучше иметь для такового особую квартиру или номер в гостинице, или же назначать свидания с такими лицами в ресторанах и т. п. местах.

§ 31. Конспиративная квартира не должна помещаться в таких местах, где за ней может быть установлено наблюдение (соседство трактира, сада, мелочной лавочки, стоянки извозчиков, трамвайного павильона, общественного заведения и пр.). Она должна иметь обязательно два входа, если позволяют обстоятельства, не находиться во дворе, быть, по возможности, ближе к канцелярии и в такой части города, где живет поменьше революционных деятелей.

§ 32. Конспиративных квартир для свидания с сотрудниками нужно иметь по возможности больше, и на одной и той же квартире назначать свидания в разные дни и часы сотрудникам разных партий, чтобы предупредить не только весьма вредные последствия, но и самую возможность встречи двух сотрудников.

§ 33. Чтобы предупредить возможность встречи двух сотрудников, из коих один пришел в назначенный час, а другой по какому-либо экстренному делу, квартира должна быть устроена так, чтобы сошедшихся всегда можно было изолировать друг от друга.

§ 34. Хозяином наилучшей конспиративной квартиры может служить безусловно верный человек, служивший в охранном отделении или в жандармском учреждении на должности, по которой его мало знали в городе, живущий на покое, в отставке, без прислуги, и не имеющий никакого другого отношения к розыскному учреждению.

§ 35. Обыкновенно же конспиративная квартира устраивается у лиц, служащих в отделении или управлении, пользующихся особым доверием, которые не занимают показных должностей, (которых меньше знают) и которых никто из служащих, известных в городе, и, в особенности в форменном платье, не посещает.

§ 36. Следует принять за правило запирасть ключом комнату, в которой происходит свидание с секретным сотрудником или в которой он находится один. У зеркала или окна сотрудника никогда сажать не следует. Не следует также иметь в комнате, посещаемой сотрудником, никаких бумаг, записок и т. п. документов, относящихся к деятельности отделения или управления. Вообще в целях предупреждения различных неудач не следует пренебрегать никакими предосторожностями до мелочных включительно.

§ 37. Самое ничтожное сведение о подозрении в «провале» конспиративной квартиры должно служить основанием к немедленной ее перемене.

§ 38. На каждого секретного сотрудника заводится особая тетрадь (книжка), куда заносятся все, получаемые от него сведения. В конце тетради должен быть алфавит, в который заносятся все имена, упоминаемые сотрудником, со ссылкой на страницу тетради, на которой имеются о них сведения. В этот же алфавит заносятся и установки лиц со ссылкой на первоначальное имя или революционную кличку.

§ 39. Со всех алфавитов пишутся листки, которые нанизываются на дугу (общий архив) или регистратор всех лиц, проходивших по внутреннему и наружному наблюдению. На каждое лицо может быть несколько листков по различным кличкам и установке, но со ссылкой

на другие листки, например «Мортимер» (кличка в организации Самуила Рысса). Регистр. С. Р. т. 1. См. Николаев Иван Петров (нелегальный паспорт Рысса). – См. Рысс Самуил Янкелев – действительная фамилия Николаева («Мортимера») См. «Самоня» – (Имя Рысса в семейном кругу) см. «Берлинский» – (кличка наблюдения Рысса) и т. п.

Таким образом, имея отдельный лист на каждую из кличек со ссылкой на остальные, всегда можно по каждому из них найти нужное лицо. На этих листках кроме кличек и установок и ссылки на регистратор агентуры или № сотрудника, который дает сведения о данном лице, ничего не пишется.

§ 40. Все сведения об одном лице, поступающие от различных сотрудников заносятся из книжек на особый лист, на котором сосредоточиваются решительно все агентурные сведения о данном лице...

Все листки со сведениями о членах одной и той же организации нанизываются на отдельный регистратор, на который и делается ссылка в листке, находящемся на дуге (напр. – «Рег. С. Р. т. 2»).

§ 41. О лицах, бывших секретными сотрудниками и зарекомендовавших себя с отрицательной стороны, следует незамедлительно сообщить в Департамент полиции, а также во все розыскные учреждения и жандармские управления.

(Текст дан по: История правоохранительной системы России в документах: с древнейших времен до 1917 г. (к 300-летию российской полиции): хрестоматия / под ред. В. Л. Кубышко. М., 2018. С. 780–788).

Библиографический список

1. *Аслаханов, А. А.* Эволюция мирового терроризма / А.А. Аслаханов. – М., 2003. – 270 с.
2. *Борисов, А., Малыгин, А., Мулукаев, Р.* Три века российской полиции / А. Борисов, А. Малыгин, Р. Мулукаев. – М., 2016. – 610 с.
3. *Веретенников, В.В.* История Тайной канцелярии петровского времени / В. В. Веретенников. – СПб, 1881. – 312 с.

4. Высочайше утвержденная Инструкция товарищу министра внутренних дел, заведывающему Государственной полицией 16 июля 1882 г. // История правоохранительной системы России документах: с древнейших времен до 1917 г. (к 300-летию российской полиции): хрестоматия / под ред. В. Л. Кубышко. – М., 2018. – 864 с.
5. Высочайше утвержденное Положение о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей 12 марта 1982 г. // История правоохранительной системы России документах: с древнейших времен до 1917 г. (к 300-летию российской полиции): хрестоматия / под ред. В. Л. Кубышко. – М., 2018. – 864 с.
6. *Гейфман, А.* Революционный террор в России. 1894–1917 / А. Гейфман. – М., 1997. – 448 с.
7. *Достоевский, Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 21 / Ф. М. Достоевский. – Л., 1980. – 554 с.
8. *Жаров, С. Н.* Нормативное регулирование деятельности политической полиции Российской империи: дис. ... канд. юр. наук. Екатеринбург, 2000. – 265 с.
9. *Заварзин, П. П.* Работа тайной полиции / П. П. Заварзин. – Париж, 1924. – 174 с.
10. Инструкция по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения (после февраля 1907 г.) // История правоохранительной системы России документах: с древнейших времен до 1917 г. (к 300-летию российской полиции): хрестоматия / под ред. В. Л. Кубышко. – М., 2018. – 864 с.
11. *Колпакиди А., Север А.* Спецслужбы Российской империи / А. Колпакиди, А. Север. – М., 2010. – 58 с.
12. *Матвеев, А. В.* Нормативные основы службы наружного наблюдения Российской империи в конце XIX – начале XX века / А. В. Матвеев // *Advances in Law Studies*, 2018. – Т. 6. – № 3. – С. 76–80.
13. Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. III. – Л., 1925. – 507 с.
14. *Перегудова, З. И.* Политический сыск в России. 1880–1917 / З. И. Перегудова. – М., 2000. – 275 с.
15. Полиция Российской империи: мифы и реальность. – М., 2020. – 210 с.
16. Положение о начальниках розыскных отделений 12 августа 1902 г. // История правоохранительной системы России документах: с древнейших времен до 1917 г. (к 300-летию российской полиции): хрестоматия / под ред. В. Л. Кубышко. – М., 2018. – 864 с.
17. Положение о негласном полицейском надзоре утвержденное 1 Марта 1882 г. Министром Внутренних Дел Генерал-адъютантом графом Игнатьевым, объявленное при Циркуляре Департамента полиции от 9 Апреля 1882 г. № 1365 (изменено и дополнено по распоряжениям, объявленным по 1 Января 1903 г.) // Хрестоматия по истории органов внутренних дел

России (XVII–XIX вв.). Ч. I / сост.: Н. Л. Феднева, А. П. Яцкова. – М., 2015. – 115 с.

18. Положение о районных охранных отделениях 14 декабря 1906 г. // История правоохранительной системы России документах: с древнейших времен до 1917 г. (к 300-летию российской полиции): хрестоматия / под ред. В. Л. Кубышко. – М., 2018. – 864 с.

19. Положение об охранных отделениях 9 февраля 1907 г. // История правоохранительной системы России документах: с древнейших времен до 1917 г. (к 300-летию российской полиции): хрестоматия / под ред. В. Л. Кубышко. – М., 2018. – 864 с.

20. Положение об устройстве секретной полиции в империи 3 декабря 1882 г. // История правоохранительной системы России документах: с древнейших времен до 1917 г. (к 300-летию российской полиции): хрестоматия / под ред. В. Л. Кубышко. – М., 2018. – 864 с.

21. *Таганцев, Н. С.* Смертная казнь / Н.С. Таганцев. – СПб., 1913. – 177 с.

22. *Толстой, Л. Н.* Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 69 / Л. Н. Толстой. – М.-Л., 1934. – 275 с.

23. *Тургенев, И. С.* Полное собрание сочинений: в 28 т. Т. 15 / И. С. Тургенев. – М.-Л., 1968. – 586 с.

24. *Фигнер, В.* Полное собрание сочинений: В 6 т. Т. 2 / В. Фигнер. – М., 1928. – 280 с.

25. *Щеголев, П. Е.* Охранники, агенты, палачи / П. Е. Щеголев. – М., 1992. – 333 с.

РАЗДЕЛ 6

Законы о политических свободах 1905–1906 гг. и полиция: проблемы законодательства и административная практика

Методические рекомендации по теме

Настоящие методические рекомендации предназначены для использования при подготовке и проведении научных, научно-просветительских и воспитательных мероприятий в рамках концепции «Стратегии развития и воспитания Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г., по противодействию фальсификации истории России с сотрудниками центральных и практических подразделений органов внутренних дел, курсантами и слушателями образовательных организаций МВД России, а также для совместных мероприятий подразделений и учреждений МВД России с иными государственными, общественными и просветительскими организациями Российской Федерации.

Цели методических рекомендаций:

– пропаганда достоверного исторического знания и разъяснение недостоверности мифов о деятельности российской полиции в Российской империи;

– предоставление сотрудникам органов внутренних дел научных результатов систематизации, анализа и оценка исторических фактов о правовом регулировании прав и свобод российских подданных в Российской империи в период проведения конституционной реформы начала XX в., а также о роли и месте Министерства внутренних дел и, в частности, полиции в реализации указанных прав и свобод на научной основе теоретико- и историко-правой методологии, науки истории государства и права и конституционного права.

Материалы настоящих методических рекомендаций могут быть использованы для разработки и реализации специального проекта,

посвященного вопросам становления и развития концепции прав и свобод человека и гражданина в Российской империи, освещению историко-правового опыта в деятельности полицейских органов.

Задачи методических рекомендаций:

- подготовить материалы, освещающие процесс реализации прав и свобод российских подданных с начала XX в. до 1917 г.;
- ознакомить с историографией проблемы;
- раскрыть причины и истоки мифов о деятельности российской полиции;
- проанализировать нормативные правовые основы деятельности полиции по реализации прав и свобод российских подданных;
- продемонстрировать научные средства и методы преодоления противоречивого или искаженного восприятия и оценки известных исторических фактов о развитии органов политической полиции России на основе их научного анализа и историко-правовой оценки;
- вызвать интерес к истории деятельности полиции Российской империи и профессии сотрудника органов внутренних дел.

**Законы о политических свободах 1905–1906 гг. и полиция
(проблемы законодательства и административная практика)**

Мифы всегда были и будут одним из элементов общественного бытия. Наряду с другими семантическими и коммуникативными аспектами политической жизни общества они формируют представления людей о себе, об окружающей действительности, ее объектах и явлениях. Любой миф несет в себе определенный знак, символ и смысл. Этот смысл укореняется в общественном сознании и начинает жить самостоятельно, питаясь новыми знаками и символами. Однако необходимо понимать, что мифы бывают негативными и позитивными. Как правило, в них нет неоднозначности, а присутствует либо черное, либо белое. По мнению И. А. Тарасовой,

«единственный способ определенного изменения мифологизированного общественного сознания – это создание знания как результата объективного изучения исторического опыта. Именно на основе такого знания, систематически внедряемого в общественное сознание, возможно формирование объективного восприятия и понимания действительной роли и значения полицейской деятельности в жизни общества и государства»¹.

В политической истории любого государства можно обнаружить факты неоднократных дискредитаций предыдущих правлений. Существовала подобная практика и в Советском государстве. Так, целенаправленно проводилась политика по дискредитации правоохранительной системы Российской империи, в том числе, полиции и ее деятельности по охране общественного порядка и поддержанию общественной безопасности. Обычно делали ссылку на слова, приписываемые генералу А. П. Ермолову: «в России на каждом голубой мундир, а если не мундир, то голубая подкладка, если не подкладка, то голубая заплатка», что создавало впечатление тотального контроля и слежки за населением России².

Следовательно, настоятельно необходимо систематически и на протяжении длительного времени изучать исторический и историко-правовой опыт деятельности отечественных органов внутренних дел. Это будет способствовать пониманию восприятия дореволюционным российским обществом правоохранительных органов в целом и полиции в том числе и может также послужить основой для размышления над причинами современных проблем, связанных с отношением общества к полиции.

Изучение данной проблемы приводит к выявлению следующей картины: в общественном сознании дореволюционного российского общества существовали глубоко укоренившиеся мифы о полицейских органах и их служащих. В первую очередь, говорилось о неограниченных полномочиях приводившим к злоупотреблениям. Далее отмечалось,

¹ *Тарасова И.А.* Полиция и общество Российской империи в пореформенный период // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 5. С. 44–49.

² Там же.

что якобы полиция никогда не служила закону и народу, а охраняла лишь интересы монархии. И один из самых укоренившихся мифов, повторяемый многие десятки лет, фактически с момента создания полиции: в полиции-де служат самые худшие представители российского общества, поэтому ее деятельность является абсолютно неэффективной¹. Безусловно, для формирования этих мифов имелись определенные реальные основания, но такая исключительно негативная точка зрения не является объективной.

В Советском государстве подчеркивалось принципиальное отличие советской милиции как «действительно народной» от «антинародной» царской полиции. В советской историографии царская полиция подавалась с негативных позиций понятия «драконов самодержавия»². Образ тупого и жестокого «урядника с нагайкой» и «держиморды» (в какой-то мере как продолжение традиции, сформировавшейся благодаря гоголевскому «Ревизору»), создаваемый советской пропагандой, глубоко укоренился в сознании советского человека. Сложилось устойчивое массовое мнение, что истинная история борьбы с преступностью, охрана общественного порядка и обеспечения общественной безопасности началась лишь с приходом большевиков к власти.

Полагаем, что для опровержения сложившихся мифов о деятельности полиции Российской империи, необходим системный анализ процессов ее становления, развития и функционирования.

Наглядным примером является деятельность полиции по реализации положений Временных правил о печати, обществах и союзах, собраниях.

Во многих государствах Западной Европы уже в XVIII в. гражданам были предоставлены и гарантированы политические права. Аналогичные процессы в Российской империи стали осуществляться в начале XX в. До конституционной реформы 1905–1906 гг. российские подданные не имели никаких субъективных прав, так как их положение определялось

¹ Тарасова И. А. Указ. соч. С. 44–49.

² Лукьянов С. А. История органов внутренних дел России: курс лекций. М., 2007. С. 35.

исключительно объективным правопорядком. Естественно, государство не может предоставить гражданину абсолютной личной свободы. Идея «абсолютной свободы» несовместима с задачами публичного характера, которые осуществляет государство, поэтому личное самоопределение согласуется с публичным интересом, как его понимает законодатель на данной ступени политического развития.

Впервые свободы были дарованы российскому населению Манифестом от 17 октября 1905 г., в котором проводилась разница между понятием «свобода» и «неприкосновенность личности». Свободы даровались Манифестом впервые, а неприкосновенность личности получила в нем особое подтверждение, что выражалось в словах «действительная неприкосновенность личности»¹. Это объясняется тем, что неприкосновенность личности формально уже существовала с момента введения в действие судебных уставов 1864 г., которые содержали следующие положения: «никто не может быть ни задержан под стражей иначе, как в случаях законами определенных, ни содержим в помещениях, неустановленных на то законом»²; «требование о взятии кого-либо под стражу подлежит исполнению лишь в том случае, когда оно последовало в порядке, определенном правилами настоящего устава»; «каждый судья и каждый прокурор, который в пределах своего участка или округа, удостоверится в задержании кого-либо под стражею без постановления уполномоченных на то мест и лиц, обязан немедленно освободить неправильно лишенного свободы»³.

Однако до реформ начала XX в. существовал ряд препятствий для осуществления неприкосновенности личности. Во-первых, на судебные учреждения в той или иной степени воздействовала правительственная власть, несмотря на провозглашенную независимость.

¹ Яцкова А. П. Основные государственные законы Российской империи 23 апреля 1906 г. – первая российская конституция: дис. ... к.ю.н. М., 2001. С. 101.

² ПСЗ РИ. Собр.2. Т. XXXIX. № 41476.

³ ПСЗ РИ. Собр.2. Т. XXXIX. № 41476.

Во-вторых, существовал целый ряд законодательных положений делающих исключение из Судебных уставов вообще и статей 8, 9, 10 Устава уголовного судопроизводства в частности. Так, 14 августа 1881 г. издано Положение «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия»¹, которым предусматривалась возможность объявления состояния чрезвычайной и усиленной охраны как в империи в целом, так и в отдельных ее частях, что вело к значительному расширению полномочий административных властей и полиции. Особенно большой властью пользовался министр внутренних дел: «в обстоятельствах чрезвычайных, требующих высшего разрешения, когда не может оно быть отлагаемо без важного вреда или государственного ущерба, министр уполномочивается действовать всеми вверенными ему способами, не ожидая сего разрешения»². Министр внутренних дел вместе с министром юстиции мог назначать административным путем более тяжелые наказания вплоть до высылки в отдаленные местности на пять лет для лиц, привлеченных к дознанию по обвинению в политических преступлениях. В 1892 г. принимается закон о военном положении, регламентировавший полномочия военных властей в прифронтовой полосе в условиях войны. Однако этот закон предусматривал возможность объявления военного положения и в мирное время в случае массовых беспорядков. Власть в местностях, объявленных на военном положении, передавалась военному командованию, а на гражданских лиц распространялась юрисдикция военно-полевых судов.

В-третьих, ограничение личной неприкосновенности происходило в силу неопределенности полицейских полномочий. Устав о предупреждении и пресечении преступлений, на котором основаны полномочия полиции, слагался из постановлений XVIII и даже XVII столетия и не согласовывался с Манифестом 17 октября. В частности, полиция осуществляла полицейский надзор, который являлся одной из форм ограничения личной

¹ ПСЗ РИ. Собр.3. Т.1. № 350.

² *Шинджеликашвили Д. И.* МВД царской России в период империализма. Омск, 1974. С. 16.

неприкосновенности. Он накладывался либо по суду (в качестве меры пресечения или добавочного наказания), либо распоряжением самой администрации. В последнем случае это полицейский надзор в собственном смысле этого слова, который был негласным и гласным.

Негласный полицейский надзор устанавливался согласно примечанию 1 к ст. 1 Устава о предупреждении и пресечении преступлений: «К мерам предупреждения и пресечения преступлений относятся: отдача под надзор полиции ... Меры сии могут быть определяемы, в некоторых особенных случаях, порядком, для сего установленном, без формального производства суда»¹. Этими словами исчерпывалась вся нормативная база негласного надзора: условия его установления и форма надзора, предел полномочий в отношении к поднадзорному – все это составляло всецело предмет усмотрения полицейской власти. Результатом установления негласного надзора могло явиться существенное ограничение гражданской свободы: отказ в выдаче свидетельства о так называемой политической благонадежности, требующееся для поступления в учебное заведение, на государственную или общественную службу, открытия типографии и для целого ряда других занятий.

Более регламентирован был гласный полицейский надзор. Положение о нем содержалось в приложении II к ст. 1 Устава о предупреждении и пресечении преступлений². Гласный полицейский надзор учреждался по распоряжению административных властей как мера предупреждения преступлений против существующего государственного порядка. Он устанавливается над так называемыми политически неблагонадежными лицами. Представление местных властей об учреждении гласного полицейского надзора рассматривались в Особом совещании при министре внутренних дел с участием представителей Министерства юстиции. Согласно закону учреждение гласного полицейского надзора являлось необходимым

¹ Положение о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей. Свод законов Российской империи. Т. XIV. Изд. 1910.

² Там же.

следствием административной ссылки, или могло быть установлено над лицом в постоянном месте его жительства. На лицо, состоящее под гласным полицейским надзором, налагались определенные ограничения в свободе передвижения, в осуществлении публичной деятельности, в принятии на государственную или общественную службу и в поступлении на учебу (необходимо было согласие министра внутренних дел) и т. д.¹.

Кроме полицейского ареста и надзора формами административного вмешательства были вторжение в жилище, обыски и выемки, нарушение тайны корреспонденции, принудительное освидетельствование и т. д. Судебные Уставы должны были ввести эти виды полицейского вмешательства в рамки закона.

Необходимым дополнением личной неприкосновенности является свобода передвижения. Паспортная система была создана в связи с введением подушной подати и рекрутства. В конце XIX – начале XX в. в России действовало «Положение о видах на жительство» 1894 г. Вид на жительство служил не только удостоверением личности, но и «правом на отлучку из места постоянного жительства, когда это право должно быть удостоверено». Некоторым отступлением от строгости паспортной системы являлось то правило, что вид на жительство никто не обязан был иметь в месте постоянного своего жительства и при отлучке в пределах уезда и вне его, но не дальше 50 верст и не более 6 месяцев. Но это не распространялось на рабочих фабрик и заводов, лиц, живущих в меблированных комнатах, и в местности, объявленной на чрезвычайном положении.

Некоторое смягчение в паспортную систему внес Указ 5 октября 1906 г. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей». Раньше мещане, ремесленники и крестьяне могли получить виды на жительство не иначе как по месту приписки. При этом видами для них были не бессрочные паспортные книжки, а паспорта на срок до 1 года,

¹ Яцкова А. П. Указ. соч. С.108.

и пятилетние книжки. В процедуре получения паспорта эти лица бывших податных состояний были поставлены в зависимость от мещанских и крестьянских обществ: при наличии недоимок паспортные книжки выдавались им не иначе как с согласия обществ, а неотделенным членам крестьянских семейств для получения и возобновления вида надо было еще заручиться согласием хозяина крестьянского двора. Указ отменил подобные ограничения. Постоянным местом жительства крестьян, мещан и ремесленников стало признаваться не место приписки, а, как это прежде было только для лиц других состояний, место, где они по службе, занятиям, промыслам или недвижимому имуществу имеют оседлость или домашнее обзаведение. В качестве видов на жительство они стали получать бессрочные паспортные книжки как в местах приписки – от сословных учреждений, так и в местах постоянного жительства – от полицейских управлений, а в столицах – от участковых приставов. Несмотря на исчезновение сословных ограничений, остались ограничения по половому и национальному признаку. Незамужняя женщина могла получить отдельный вид на жительство с 21 года, тогда как мужчина - с 17 лет. Замужняя женщина, в каком бы возрасте она ни была, могла получить отдельный вид только с согласия мужа. Только в четырех случаях по распоряжению правительства и без согласия мужа она могла получить отдельный вид: если муж пропал без вести, сошел с ума, посажен в тюрьму или находится на военной службе. В крестьянском быту (согласно указам II департамента Сената по крестьянским делам) согласие мужа требовалось только в том случае, если он живет с женой и дает ей средства к существованию. В противном случае (а также при наличии жестокого обращения) согласия мужа не требовалось¹. Для женщин всех остальных сословий требовалось написание ходатайства на имя императора.

Что касается ограничений по национальному признаку, в первую очередь это затрагивало лиц иудейского вероисповедания. Ограничение

¹ Указ II Департамента Правительствующего Сената. 8 марта 1907. № 1424.

передвижения было связано с законодательно установленной чертой еврейской оседлости. Но даже в черте оседлости евреям не было разрешено менять местожительство без дозволения властей. Выходом за черту оседлости пользовались купцы первой гильдии, окончившие курс в высшем учебном заведении и учащиеся в этих заведениях, а также фармацевты, фельдшеры, дантисты и повивальные бабки, изучающие эти профессии, и определенные виды ремесленников, а также воинские чины из евреев.

Наряду с неприкосновенностью не менее важное значение имеют провозглашенные и гарантированные свободы, являвшиеся абсолютно новыми для российской действительности и законодательства. Они характеризуют правопорядок, созданный государственной реформой 1905–1906 гг. Новая редакция Основных Государственных законов устанавливала: «каждый российский подданный имеет право свободно избирать место жительства и занятие, приобретать и отчуждать имущество и беспрепятственно выезжать за пределы государства. Ограничения в сих правах установлены особыми законами» (ст. 76); «российские подданные имеют право устраивать собрания в целях, не противных законам, мирно и без оружия. Законом определяются условия, при которых могут происходить собрания, порядок их закрытия, а равно ограничение мест для собраний» (ст. 78); «каждый может в пределах, установленных законом, высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно распространять их путем печати или иными способами» (ст. 79); «российские подданные имеют право образовывать общества и союзы в целях, не противных законам. Условия образования обществ и союзов, порядок их действий, условия и порядок сообщения им прав юридического лица, равно как порядок закрытия обществ и союзов, определяются законом» (ст. 80); «российские подданные пользуются свободой веры. Условия пользования этою свободой определяются законом» (ст. 81).

Как видно из этих статей, российским подданным были гарантированы все те свободы, которые устанавливаются обыкновенно западноевропейскими

декларациями права. Надо отметить, что подобно французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г., ст. 77 Основных Законов устанавливает: «собственность неприкосновенна. Принудительное отчуждение недвижимых имуществ, когда сие необходимо для какой-либо государственной или общественной пользы, допускается не иначе, как за справедливое и приличное вознаграждение».

Вопрос о коренном пересмотре законодательства о печати возник еще за год до Манифеста 17 октября 1905 г. В п. 8 указа 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», были декларированы основные цели законодательства: «устранить из ныне действующих о печати постановлений излишние стеснения и поставить печатное слово в точно определенные законом пределы, предоставить тем отечественной печати, соответственно успехам просвещения и принадлежащему ей вследствие сего значению, возможность достойно выполнять высокое призвание быть правдивою выразительницею разумных стремлений на пользу России»¹.

При рассмотрении в Комитете министров данного вопроса были высказаны следующие соображения. Комитет министров признал отсутствие устойчивости в положении печати, ее излишнюю зависимость от администрации, легкость запрещения печати не касаться того или иного вопроса, а также отмечалась большая роль МВД в делах печати: «министерство внутренних дел нередко ставило целые области русской жизни вне освещения их в печати, хотя бы и самого, с точки зрения правительственной, правильного и благонамеренного; благодаря таким ненормальным условиям, печать далеко не являлась действительным отражением государственных потребностей и общественного мнения»².

Промежуточным этапом в реформировании законодательства о печати был закон от 23 мая 1905 г. «Об изменении и дополнении некоторых

¹ ПСЗ РИ. Собр.З. Т. XXIV. № 25495.

² Дерюжинский В. Ф. Полицейское право. Изд. 3. СПб., 1911. С. 222–223; Яцкова А. П. Указ. соч. С. 110.

из действующих законоположений о печати»¹. Правда, его скромное название в точности соответствовало скудости содержания. Наиболее существенным в нем была отмена примечания к ст. 148 Устава о цензуре и печати о предоставлении вопросов о закрытии повременных изданий совокупному обсуждению четырех министров (министру внутренних дел, народного просвещения, юстиции и обер-прокурору Святейшего синода)². Взамен этого министр внутренних дел имел право докладывать Сенату о закрытии повременного издания.

Особое совещание, образованное в начале 1905 г., разработало проект нового устава о печати на началах отмены предварительной цензуры и установления системы ответственности по суду, с полным устранением административных взысканий. Проект послужил материалом для временных правил о печати, которые были изданы в конце 1905 и в 1906 г.

После издания Манифеста 17 октября Главное управление по делам печати разослало губернаторам циркуляр от 19 октября, в котором министр внутренних дел, обещая в ближайшее время новый закон о печати, разъяснял, что до того времени «законоположения, определяющие деятельность учреждений и лиц цензурного ведомства, остаются в полной силе». Он указывал на необходимость «придерживаться статей уголовного законодательства и в случае нарушения печатью соответствующих статей уголовного уложения доводить до сведения прокурора и виновных привлекать к суду»³.

24 ноября 1905 г. вышел указ «О временных правилах о повременных изданиях»⁴. В нем провозглашалась отмена общей и духовной цензуры в городах, постановлений об административных взысканиях, налагаемых на повременные издания, право министра внутренних дел воспрещать обсуждение в печати вопросов государственной важности, а также

¹ ПСЗ РИ. Собр.3. Т. XXV. № 26263.

² Свод Законов Российской империи. Т. XIV.

³ Цит. по: *Мироненко К. Н.* Манифест 17 октября 1906 г. // Вопросы государства и права. Вып. 10. Л., 1958. С. 167.

⁴ ПСЗ РИ. Собр.3. Т. XXV. Отд.1. № 26962.

устанавливался судебный порядок ответственности за преступления в области печати. Кроме того, определялись правила выпуска повременных изданий. Согласно п. 1 ст. 7 «каждый, желающий выпускать в свет повременное издание... обязан подать местному губернатору или градоначальнику, по принадлежности, заявление, содержащее в себе означение: а) города, в котором издание будет выходить; б) наименование издания, его программы...; в) имени, отчества, фамилии и места жительства издателя и ответственного редактора...; г) типографии, в которой будет издание печататься». Пункт 3 этой же статьи гласил: «ответственными редакторами... могут быть только русские подданные, достигшие двадцати пяти лет, обладающие общею гражданскою правоспособностью и не подходящие под условия, указанные в ст. 7 Положения о выборах в Государственную Думу». Свидетельство о праве на издание не выдается «...б) если наименование повременного издания или его программа заключают в себе что либо противное нравственности или уголовному закону...» и п. 5 устанавливал, что «без... свидетельства ни одна типография не в праве приступать к набору и печатанию повременного издания». Отменив общую и духовную цензуру, Правила все же предусматривали наличие определенного контроля со стороны местных властей. Так, п. 7 установил: «Каждый номер повременного издания ... представляется издателем местному установлению или должностному лицу по делам печати...».

Были детально регламентированы вопросы ответственности за различные нарушения правил о печати. Провозгласив отмену постановлений об административных взысканиях (п. 11), включался п. 9 ст. 7, в соответствии с которым наложение ареста на отдельные номера повременных изданий сочеталось с одновременным возбуждением судебного преследования против виновных. Так, в соответствии с п. 11, на губернатора или градоначальника возлагалась обязанность представлять распоряжение об аресте «немедленно в установленном порядке на разрешение судебного

установления, которое рассматривает дело в первом же за сим распорядительном заседании». Суд, утверждая арест, мог «постановить о приостановлении повременного издания до судебного приговора». Пункт 12 Временных правил гласил: «Судебное преследование по преступным деяниям, совершенным посредством печати... возбуждается: или по сообщениям установления и должностных лиц по делам печати, или по непосредственному предложению прокурорского надзора».

Временные правила 24 ноября 1905 г. существенно усиливали ответственность: а) за выпуск в свет изданий до получения установленного свидетельства; б) за отказ представить экземпляры издания в соответствующие органы; в) за выпуск в свет издания без подписи ответственного редактора или без обозначения типографии; г) за набор или печатание издания в своей типографии без свидетельства. Такого рода проступки наказывались штрафом до трехсот рублей. Гораздо строже, вплоть до заключения в тюрьму на срок от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев, каралось «возбуждение в повременном издании к устройству или продолжению стачки при условиях, указанных в ст. 1358–2 и 1358–3 Уложения о наказании (Свод Законов Российской империи, т. 15, по продолжению 1902), или к самовольному, по соглашению между рабочими, прекращению, приостановлению или невозобновлению работ на железной дороге, телеграфе или телефоне общего пользования или вообще в таком предприятии, прекращение или приостановление деятельности которого угрожает безопасности Государства или создает возможность общественного бедствия» (ст. 8, п.4). Строго, заключением в тюрьму на срок от двух до восьми месяцев или арестом на срок не свыше трех месяцев, каралось а) возбуждение к устройству беспорядков скопищами; в) распространение посредством печати «заведомо ложных о деятельности правительственного установления сведений, возбуждающих в населении враждебное к ним отношение»¹.

¹Яцкова А. П. Указ. соч. С. 115.

С введением Временных правил Министерство внутренних дел потребовало от своих представителей на местах самых решительных действий. В конце ноября 1905 г. оно разослало телеграммы органам, осуществляющим надзор за местной печатью. В них предлагалось «неуклонно, под личную ответственность, наблюдать за этими изданиями и по всем обнаруженным ими нарушениям закона немедленно возбуждать судебное преследование, одновременно донося Главному управлению по делам печати».

15 декабря 1905 г. Министерство внутренних дел направило новый циркуляр губернаторам, в котором потребовало установить строгий контроль за деятельностью типографий и во всех случаях нарушения законов немедленно возбуждать против владельцев судебные преследования.

Правительство посчитало необходимым внести ряд поправок во Временные правила. Министерство внутренних дел подготовило проект поправок и представило его на рассмотрение Государственного совета. Проект был настолько репрессивен по своему характеру, что даже часть членов Государственного совета высказала опасения, что «утверждение суровых, в изменение Указа 24 ноября 1905 г. мер относительно печати, несомненно, будет истолковано населением в смысле возвращения к приемам, осужденным манифестом 17 октября 1905 г.». Однако большинство членов совета высказались за немедленное усиление репрессий. Проект в спешном порядке был одобрен и за подписью Николая II 18 марта 1906 г. обнародован в форме указа «Об изменении и дополнении Временных правил о повременной печати».

Эти нормы были изданы в виду того, что правила 24 ноября «как опыт их применения свидетельствует, оказываются недостаточным для борьбы с нарушениями предписанных для повременных изданий требований».

Основные изменения коснулись не только мер воздействия за правонарушения посредством печати, но и расширения прав местной администрации. В числе мер наказания появляется новая – закрытие

типографии на срок до шести месяцев, размер штрафа увеличивается с трехсот рублей до трех тысяч рублей. Местная администрация или должностные лица по делам печати получили право «немедленно наложить арест на все экземпляры, предназначенные к распространению номера... когда в этом номере заключаются признаки преступного деяния». Одновременно они получили право «возбудить в надлежащих случаях против виновных уголовное преследование».

Серию временных правил о печати завершает указ от 26 апреля 1906 г. «Временные правила для неповременной печати». В основу этого закона также было положено упразднение предварительной цензуры как общей, так и духовной, и административных взысканий. Одновременно в этом указе цензурные комитеты переименовывались в комитеты по делам печати, а цензоры – в инспекторов по делам печати. Однако упразднение предварительной цензуры не означало полной свободы печати, так как законом устанавливались значительные ограничительные меры. Так, неповременные издания объемом более пяти печатных листов, за некоторым исключением, должны были представляться одновременно с выпуском из типографии хозяином последней местному комитету по делам печати в узаконенном числе экземпляров. Последний мог наложить арест на все экземпляры издания, если в нем были усмотрены признаки преступного деяния¹.

В России до Манифеста 17 октября не было политических союзов и обществ. Что же касается всякого рода других союзов и обществ (промышленных, ученых, благотворительных), то в основе законодательства о них лежала необходимость предварительного разрешения на их образование со стороны органов государственной власти (ст. 116 Устава о предупреждении и пресечении преступлений 1890)². Правда, необходимо

¹ Яцкова А. П. Указ. соч. С. 117.

² «Запрещается всем и каждому заводить и вчинять в городе общество, товарищество, братство или иное подобное собрание без ведома или согласия правительства».

отметить, что право устройства публичных собраний было разрешено еще за несколько дней до появления Манифеста Указом от 12 октября 1905 г. В нем говорилось, что «в виду неполноты действующих постановлений о собраниях издать впредь до издания общего о собраниях узаконения, установить временные по этому предмету правила».

Стремясь сохранить «чистоту» армии, правительство 16 декабря 1905 г. издало положение Совета министров «О воспрещении военным служащим принимать участие в политических партиях и собраниях». Участие «в союзах, группах, организациях, товариществах, партиях и т. п., образуемых с политической целью, а равно присутствие в разного рода собраниях обсуждающих политические вопросы» каралось на основе Положения в уголовном либо дисциплинарном порядке, а гражданские чиновники военного ведомства подлежали увольнению.

Через несколько дней, 21 декабря 1905 г. последовал приказ по Отдельному корпусу жандармов, который, воспроизведя ограничения, содержащиеся в Положении Совета министров, еще раз подчеркнул, что военным служащим запрещено «принимать непосредственное участие или присутствовать в скопищах, сходках и манифестациях какого бы то ни было рода». Такое же исключение было для всех должностных лиц. Так, 18 декабря последовало правительственное сообщение, которое гласило: «недопустимо, чтоб должностные лица являлись скрытыми врагами существующего государственного порядка, противодействовали начинанию правительства и поддерживали враждебные ему стремления». В сообщении подчеркивалось, что «правительство не потерпит более на службе чиновников, оказывающих противодействие его видам» и что «к не повинующимся законной власти министры и главноуправляющие примут соответствующие меры»¹.

Правительство опасалось, что предстоящие предвыборные собрания в Думу могут быть использованы с противоправными целями, поэтому вопрос о свободе собраний приобрел для правительства особое значение.

¹ Яцкова А.П. Указ. соч. С. 118.

10 января 1906 г. состоялось особое совещание Совета министров. Оно признало, что осуществление свободы собраний допустимо лишь при «нормальном течении жизни» и высказывалось за административный порядок разрешения и закрытия собраний и союзов, как более гарантирующий безопасность государства, чем порядок судебный. По рекомендации совещания вышеуказанные правила были подвергнуты пересмотру и редактированию, и взамен 4 марта 1906 г. увидели свет новые, также Временные правила о собраниях. Пересмотр старых правил был вызван необходимостью провести более четкую границу между публичными и частными собраниями, так как для устройства публичного собрания существовали многочисленные ограничения, в то время как для организации частного собрания существовала упрощенная процедура.

При выработке правил за основу были положены аналоги европейского законодательства (пруссский закон от 1850 г. и французский от 1881 г.). Составить мнение о правилах можно по цитате С. Ю. Витте при обсуждении их в Государственном Совете. Он заявил «что возвращенная Манифестом 17 октября 1905 г. свобода собраний отнюдь не должна быть понимаема как полная и ничем не ограниченная возможность всех и каждого собираться в любом месте и по всякому поводу, с какими бы то ни было целями. Ни одно иностранное законодательство не понимает так свободы собраний. Осуществление свободы собраний возможно лишь в пределах, очерченных законом, и не должно угрожать общественному спокойствию и безопасности. Поэтому и пересматриваемый ныне закон о собраниях имеет ближайшей своею задачею установление таких правил, которые, ограждая население от излишних стеснений, вместе с тем давал бы и прочные гарантии тому, что свобода собраний не послужит в ущерб государственным и общественным интересам»¹.

Новый вариант закона о собраниях состоял из пяти «отделов». В отд. 1 провозглашался явочный порядок проведения «непубличных»

¹ Дерюжинский В. Ф. Указ. соч. С. 99–100.

собраний. В отд. II давалось определение «публичных» собраний. III отд. содержал перечень мест, где «публичные» собрания запрещались или ограничивались (ст. 1–4), правила подачи заявления о собраниях (ст. 5–6), условия их запрещения (ст. 7). В ст. 8 указывались лица, которым запрещалось участие в собраниях. В ст. 10–15 закреплялись формы вмешательства полиции в дела собраний. В ст. 16 оговаривались случаи закрытия подготовительных собраний по выборам в Государственную думу; ст. 17 регулировала проведение съездов. В ст. 18 рассматривался порядок обжалования распоряжений должностных лиц. Условия уголовной ответственности за нарушение Правил и подсудности таких дел указывались в ст. ст. 19–21. IV отд. содержал перечень собраний, на которые Правила не распространялись. В отд. V говорилось о нераспространении условий, предусмотренных ст. 7 отд. III на подготовительные собрания по выборам в Думу, проходившие в закрытых помещениях. Сфера действия Правил была расширена по сравнению с законом 12 октября 1905 г., который должен был применяться только к собраниям «по вопросам государственным, общественным и экономическим».

В разделе I Правил предусматривалось, что «частные» собрания могут устраиваться без предварительного заявления правительственным властям. Без специального заявления могут происходить (отд. IV) также: 1) собрания, устраивавшиеся по распоряжению правительственных учреждений и лиц; 2) подготовительные собрания выборщиков в Думу¹.

Правила вводили понятие «публичного собрания»: «Публичными собраниями признавать собрания, доступные неопределенному числу лиц, или хотя бы и определенному числу лиц, но лично неизвестных устроителям собрания». Отсутствие такого определения в законе 12 октября, подчеркнул С.Ю. Витте в Государственном совете, «давало повод лицам ... злонамеренным устраивать ... многолюдные и крайне опасные сборища». Временные правила, сохранив положения указа от 12 октября, существенно

¹ Яцкова А. П. Указ. соч. С. 120.

расширили права полиции. Публичные собрания допускались только с разрешения губернатора или полиции (ст. 2, разд. III). Собрания, цель которых противна уголовным законам, либо общественной нравственности или устройство которых угрожает общественному спокойствию и безопасности, запрещались полицией (ст. 67, разд. III). Запрещались всякие собрания военнослужащих (ст. 9, разд. III). Другая особенность Указа от 4 марта состояла в том, что расширив круг публичных собраний, подлежащих полицейскому контролю, он фактически запретил частные собрания. С тем чтобы скрыть данное обстоятельство была применена следующая формулировка: «Собрания, не считающиеся публичными, дозволять свободно устраивать без заявления и разрешения правительственной власти». Однако это положение, отвечающее провозглашенным манифестом правам, отменялось разделом II, дававшим определение публичного собрания. Такими признавались «собрания, доступные неопределенному числу лиц...». Это значило, что любое нахождение вместе нескольких лиц по усмотрению администрации могло быть расценено как неразрешенное публичное собрание со всеми вытекающими последствиями¹.

Что же касается места или помещения для проведения собрания, то тут существовали многочисленные ограничения. Во-первых, в помещениях, занятых учебными заведениями, могли проводить только собрания учебного характера или такие, которые разрешались действующим уставом учебного заведения. Во-вторых, публичные собрания под открытым небом допускались только с разрешения губернатора, градоначальника, или начальника местной полицейской власти. В-третьих, было запрещено устройство публичных собраний в закрытых помещениях на расстоянии полуверсты, под открытым небом – на расстоянии двух верст от места действительного пребывания императора или места заседания Государственного Совета и Государственной Думы. В-четвертых, публичные

¹ Яцкова А. П. Указ. соч. С. 120.

собрания не могли быть устраиваемы в гостиницах, ресторанах, общественных столовых, трактирах и т. д.

Желающий организовать публичное собрание был обязан письменно заявить о том начальнику местной полиции либо соответствующему должностному лицу не позднее как за трое суток до открытия собрания. Срок подачи заявления удлинялся до семи суток, если собрание созывалось не в месте постоянного нахождения начальника полиции. В заявлении указывался день, час, место и предмет занятий собрания, а также имя, отчество, фамилия и место жительства организатора собрания. В обязательном порядке должны были указываться имена, фамилии и место жительства докладчиков.

Начальнику полиции предоставлялось право воспрещать публичные собрания, цель и предмет занятий которых были противны уголовным законам, либо общественной нравственности или устройство которых угрожает общественному спокойствию и безопасности¹.

Извещение о запрещении собрания доводилось до сведения организаторов за одни сутки до предполагаемого открытия с указанием причин. Очень строго регламентировался состав участников собрания. На него не допускались вооруженные лица, за исключением тех, которым ношение оружия присвоено по закону, а также учащиеся и малолетние. Для военных существовали определенные условия на участие в собрании. В отношении участия в собраниях военнослужащих Правила (ст. 9) ссылались на Высочайшее повеление от 16 декабря 1905 г. Для контроля за ходом собрания губернатор или начальник полиции назначал должностное лицо.

Кроме этого, сами участники собрания из своей среды избирали одного или нескольких распорядителей, призванных следить за порядком. Если по мнению должностного лица в собрании нарушался общественный порядок и после двухкратной попытки его восстановить результата

¹ Яцкова А. П. Указ. соч. С. 120.

не последовало, то должностное лицо могло закрыть собрание своей властью.

Совет министров счел необходимым ввести «административный порядок разрешения» дел о закрытии собраний. Правила оставляли без изменений пределы уголовно-правовых санкций, установленных законом 12 октября. Эти санкции правительство сочло достаточно эффективными. Вместе с тем были расширены (в ст. 19 и 20), против соответствующих статей закона (ст. 1 и 2 отд. VI), основания привлечения к уголовной ответственности. Первая статья предусматривала наказание организаторов и лиц, признанных виновными в устройстве или открытии собрания без надлежащего заявления либо собрания, не разрешенного или запрещенного. Равно наказывались устроители, распорядители и председатели законно состоявшегося собрания, не исполнившие обязанности, возлагавшиеся на них Правилами. Вторая статья устанавливала наказание участников собраний, виновных в участии в собраниях, созванных без заявления, неразрешенных или запрещенных, а также «законно созванных» собраний, где виновные лица «противозаконными действиями или речами» вызвали закрытие собрания. Организаторы и участники собраний могли подвергаться, как говорилось в ст. 19 и 20 Правил, и более суровому наказанию по соответствующим статьям Уголовного Уложения в случаях совершения ими «более тяжкого» деяния. Рассмотрение уголовных дел об упомянутых нарушениях, согласно ст. 21 Правил, сохранялось за мировой юстицией.

4 марта 1906 г. были изданы «Временные правила об обществах и союзах». Выход этого документа сопровождался долгой и сложной подготовительной работой и не менее сложным обсуждением и принятием. Летом 1905 г. под председательством министра финансов В. Н. Коковцева была создана межведомственная комиссия, призванная выработать предложения о рабочей политике правительства. Итогом работы комиссии и отдела промышленности Министерства финансов стал проект «Основные положения об организации лиц, занятых в промышленных предприятиях»,

опубликованный 5 (18) июня 1905 г. в «Торгово-промышленной газете». В проекте был учтен опыт рабочих союзов, появившихся в ходе революции. Проект был внесен в Совет министров министром торговли и промышленности Тимирязевым (в октябре 1905 г. учреждения Министерства финансов, занимавшиеся промышленностью, были отданы вновь образованному Министерству торговли и промышленности). На рассмотрении в Совете министров в то время находился еще один документ – «Временные правила об обществах и союзах», представленный Министерством юстиции. В ноябре – декабре 1905 г. оба документа обсуждались на заседаниях Совета. С требованием внести существенные изменения в проекты, особенно в проект Коковцева выступил министр внутренних дел П. Н. Дурново. Главное его требование состояло в предоставлении права губернским властям закрывать общества и союзы без санкции прокурора. В результате проект Коковцева был отвергнут, а во «Временные правила» были внесены изменения и дополнения, сделанные П. Н. Дурново (Государственный Совет удалил из правил все, что касалось участия рабочих в стачках, определяя их как противозаконное деяние. Кроме того, был изменен пункт о защите экономических интересов членов профессиональных организаций. В новой редакции было зафиксировано лишь «выяснение и согласование экономических интересов» и не упоминалось о пособиях для рабочих при стачках и безработице. Правительство таким образом пыталось превратить профсоюзы в общества взаимопомощи)¹.

В таком виде в январе 1906 г. Государственный Совет утвердил первый в России профсоюзный закон. 4 марта 1906 г. Временные правила были подписаны императором.

Этот нормативно-правовой акт состоял из двух частей: 1) общие правила об обществах и союзах, 2) правила о профессиональных обществах,

¹ Яцкова А.П. Указ. соч. С. 125.

учреждаемые для лиц, занятых в торговых и промышленных предприятиях, или для владельцев этих предприятий.

Временные правила прежде всего определяли понятие «общества» и «союза». «Общество – это соединение нескольких лиц, которые не имея задачей получения для себя прибыли от ведения какого-либо предприятия, избрали предметом своей совокупной деятельности определенную цель; союз – это соединение двух или нескольких таких обществ»¹.

Статьи 1 и 2 Указа 4 марта 1906 г. «О временных правилах об обществах и союзах», давая определение общества и союза, одновременно провозглашали, что они «могут быть образуемы без испрошения на то разрешения правительственной власти, с соблюдением правил, изложенных в нижеследующих статьях». Так, ст. 8 гласила: «министру внутренних дел представляется во всякое время, по ближайшему своему усмотрению, закрывать общества, в коих образованы отделения, а также союзы, если деятельность этих обществ и союзов признается им угрожающе общественному спокойствию и безопасности». Согласно ст. 6, полностью запрещались общества: а) «преследующие цели, противные общественной нравственности или воспрещенные уголовным законом, или же угрожающие общественным спокойствию и безопасности, и б) управляемые учреждениями или лицами, находящимися за границею, если общества эти преследуют политические цели»².

Временные правила запрещали входить в общества учащимся. Студенты могли быть участниками общества, если это было разрешено уставом учебного заведения (ст. ст. 6–7). Не имели права участвовать в обществах и союзах военнослужащие (ст. 8). Статьи 9 и 10 запрещали участие в союзах и обществах политического характера государственным служащим, железнодорожникам и работникам телефонных предприятий. В Мемории по проекту Временных правил Совет министров следующим

¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. 1906. № 48. Отд. 1.

² Яцова А. П. Указ. соч. С. 127.

образом охарактеризовал линию правительства: участие служащих в организациях, «выдвигающих крайние политические и социальные учения... совершенно не соответствуют достоинству и значению гражданской службы и не должно быть терпимо». В таком же духе высказывался и Государственный совет. Согласно ст. 9, служащие, хотя бы по вольному найму, в государственных учреждениях, на казенных и частных железных дорогах, в телефонных предприятиях общего пользования могли образовывать в своей среде общества только для целей благотворительных или для удовлетворения духовных и материальных потребностей, но даже и в этих случаях уставы общества должны были утверждаться служебным начальством. Обществам служащих категорически было запрещено, в соответствии со ст. 10, «преследовать цели политические или несовместимые с требованиями служебного долга». Запрещалось и объединение обществ служащих в союзы. Участие служащих в организациях, образуемых вне чиновничьей «среды», могло быть запрещено соответствующим «начальством», если оно признавало такую деятельность «не соответствующей требованиям службы» (ст. 12). ст. 11 Правил предусматривала право соответствующего министра закрывать по собственному усмотрению любое общество служащих по мотиву, что его деятельность отклонилась от предписаний устава¹.

Основные обязанности по разрешению открытия, регистрации, запрещению обществ и союзов возлагались на вновь создаваемые органы – губернские, областные или городские по делам об обществах присутствия. Вопросы их структуры, компетенции, порядок делопроизводства регулировался ст. ст.13–16 Временных правил. Эволюция положений, зафиксированных в указанных статьях Правил, примечательна для законодательства того периода. В начальной стадии разработки проекта Временных правил ведение всех дел, связанных с возникновением и деятельностью, принудительным закрытием объединений было отнесено

¹ Яцова А. П. Указ. соч. С. 127.

к компетенции окружных судов. Общество приобретало дееспособность с момента регистрации его судом. Последний решал и дела о запрещении объединений. Дела возбуждались прокурором окружного суда по сообщению начальника местной полиции или по иным сведениям, слушание в суде должно было быть гласным. Проект Министерства внутренних дел усложнял процедуру легализации обществ. Их учредителям следовало одновременно с заявлением в суд направлять один экземпляр устава общества местному губернатору (градоначальнику). Последний «в случае необходимости» представлял суду свои замечания по уставу. Это положение и было воспроизведено в проекте Совета Министров. При обсуждении данного вопроса в Государственном совете мнения разделились. Часть членов настаивала на сохранении судебного порядка открытия и запрещения обществ, другие предложили возложить основной «текущий» надзор за деятельностью объединений на губернаторов (градоначальников). Роль «главного вершителя» судеб обществ предоставлялась министру внутренних дел¹. Отвергая идею о судебном рассмотрении дел об объединениях, эта группа указывала: «В переживаемое смутное время «при решении вопроса о судьбе обществ» нельзя ограничиваться применением норм материального права и выяснением соблюдения устава... Необходимо руководствоваться соображениями целесообразности и соответствия условий... деятельности общества интересам государства». Наконец, было предложено компромиссное решение: учредить для «заведования делами» обществ и союзов новые органы – присутствия, аналогичные по компетенции и структуре уже существовавшим присутствиям по земским и городским делам. Последнее мнение было одобрено царем и воспроизведено в законе².

Временными правилами предусматривался двоякий способ легализации обществ и союзов: а) для «безуставных» объединений более

¹ Мельник Е. В. Теоретико-правовые основы становления отечественной многопартийной системы начала XX в. // Идеи конституционализма в юридической науке: история и современность (секция молодых исследователей). М., 2019. С. 107–117.

² Яцкова А. П. Указ. соч. С. 128.

упрощенный и б) для объединений, имевших зарегистрированный в надлежащем порядке устав, более сложный. Однако только последние наделялись статусом юридического лица, без чего нормальная деятельность организаций по существу являлась невозможной. Кроме того, только этим обществам разрешалась «культурная деятельность» – устройство чтений, спектаклей, сборов и пожертвований и пр. (ст. 29).

Лица, желавшие образовать «безуставное» общество, обязаны были, согласно ст. 17, подать заявление местному губернатору (градоначальнику). Если в течение двух недель заявителям не сообщалось определения соответствующего присутствия об отказе «в удовлетворении заявления», общество могло «открыть свои действия». Причем губернатор передавал заявление в губернское (городское) об обществах присутствие только в том случае, если «встречал препятствие» к образованию объединения. Следовательно, в остальных случаях он ограничивался молчаливым согласием. По проекту министра юстиции, заявление учредителей союза необходимо было подавать за две недели до его открытия на имя начальника местной полиции. Однако министр внутренних дел считал, что представители местной власти такого ранга не всегда окажутся компетентными в важном деле легализации обществ. Надежнее, по его мнению, поручить решение этих вопросов губернаторам и градоначальникам. Заявление об образовании общества должно было содержать исчерпывающие сведения о нем: цель общества, фамилии, имена, отчества учредителей, район его действий, порядок вступления и выбытия членов, избрания учредителей (в соответствующих случаях – правления), место нахождения правления, способ его пополнения (ст. 18). Изменение какого-либо из условий деятельности общества, предусмотренных указанной статьей, влекло за собой, согласно ст. 19, обязанность подавать новое заявление в порядке, закрепленном ст. 17.

Правовое положение «уставных» объединений закреплялось в ст. 21–29. В уставе общества или союза требовалось указывать, в частности (ст. 21),

цель и способы его деятельности, район действий, порядок вступления и выбытия членов, изменений устава, данные о правлении. Правительственные власти должны были быть осведомлены даже о размерах членских взносов. Заявление об образовании общества, согласно ст. 22, подавалось его учредителями губернатору (градоначальнику). Требовалось нотариальное засвидетельствование их правоспособности. К заявлению прилагался устав общества в двух экземплярах и определенная сумма для напечатывания объявления в местной газете об образовании общества (ст. 25). По распоряжению губернатора проект устава вносился в соответствующее присутствие по делам об обществах и должен был быть рассмотрен последним в месячный срок. Присутствие должно было либо разрешить регистрацию общества, либо отказать в ней. Общество считалось легализованным с момента его регистрации, то есть внесения его присутствием в особый реестр (ст. 23). По внесению общества в реестр (ст. 24) один экземпляр устава возвращался заявителям с соответствующей визой губернатора. Распорядители общества или его правление, помимо заявлений, указанных в ст. 17–20 Правил, обязывались, согласно ст. 31 и 32, немедленно по их избрании подавать об этом особые письменные заявления с приложением списков избранных руководителей непосредственно губернатору (градоначальнику). Последним должны были также направляться письменные сообщения о каждом изменении состава распорядителей (правления), открытии или закрытии отделений и закрытии самого общества. Закон предоставлял губернаторам (градоначальникам) и ряд других важных прерогатив (ст. ст.33–36). Именно от них должны были исходить предложения присутствиям о закрытии обществ и союзов, в деятельности которых усматривалось нарушение предписаний, установленных Правилами, либо уставных условий, а также обществ, созданных без формального заявления. Губернатор мог собственной властью «приостановить» деятельность общества, «впредь до решения вопроса присутствием по мотиву, что деятельность общества угрожает

общественным безопасности и спокойствию или принимает явно безнравственное направление» (ст. 35). Чтобы облегчить легализацию «лояльных» самодержавию объединений, вводилось положение (ст. 34), где указывалось, что при формальном несоответствии устава закону губернатор мог предложить самому обществу в определенный срок исправить «неправильности», до внесения дела в присутствие. В ст. 36 устанавливалось право губернатора (градоначальника) производить «местное дознание» (то есть полицейскую слежку) до слушания дела присутствием¹.

Собрания обществ и союзов признавались «публичными», и на них было распространено действие Временных правил о собраниях 4 марта 1906 г. (ст. 30).

Отд. II закона 4 марта регулировал деятельность профессиональных обществ рабочих в торговых и промышленных предприятиях, а также владельцев этих предприятий. Рамки деятельности профессиональных обществ рабочих строго ограничивались. Согласно ст. 1 отд. II Правил, они сводились к выяснению и согласованию экономических интересов, улучшению условий труда своих членов. Для объединений предпринимателей в соответствии с той же статьей разрешалось поднятие производительности труда принадлежащих им предприятий. В ст. 2 правил содержался примерный перечень вопросов, относившихся к компетенции профессиональных обществ рабочих: изыскание способов к устранению посредством соглашения или третейского разбирательства недоразумений, возникавших на почве договорных условий; выяснение размеров заработной платы и других условий труда; выдача пособий; устройство касс взаимопомощи и т.п.; устройство библиотек, профсоюзных школ, курсов и чтений; оказание содействия по приисканию работы; оказание юридической помощи свои членам. Эти положения в их совокупности

¹ Яцкова А. П. Указ. соч. С. 128.

предопределили направление, по которому должно было развиваться профессиональное рабочее движение – образование мирных организаций¹.

Настороженно было встречено в Государственном совете предложение о представлении профессиональным обществам рабочих право направлять заключения и ходатайства правительственным учреждениям. Но все же подавляющее большинство членов Совета сочло целесообразным в принципе сохранить это положение для того, чтоб дать возможность правительству «сообразовать свои действия с черпаемыми из жизни данными». В новой формулировке общества могли представлять ходатайства по предметам, касавшимся исключительно их деятельности. Ходатайства могли теперь подаваться только по требованию «подлежащих» учреждений. Согласно ст. 6, категорически запрещалось соединение профессиональных обществ в союзы, а также создание обществ, управляемых учреждениями и лицами, находившимися за границей. Наконец, образование профессионального общества допускалось только для рабочих, занятых однородными или имевшими между собой связь работами. Это ограничение касалось трудящихся как государственных, так и частных торговых и промышленных предприятий (ст. 7).

Заявление об образовании профессионального общества с приложением устава, согласно ст. 9 Правил, должно было подаваться правительственному чиновнику в лице местного старшего фабричного инспектора (или окружного горного инженера). Последний должен был направить заявление губернатору (градоначальнику), который, в свою очередь, передавал его в присутствие. При рассмотрении дел о профессиональных обществах в присутствиях (ст. 13) требовалось участие старшего фабричного инспектора или окружного горного инженера.

Обязанности правления профессионального общества, избравшегося на общем собрании из числа совершеннолетних его членов (ст. 17–19 Правил), были приравнены к функциям правлений организаций, указанных

¹ Яцкова А. П. Указ. соч. С. 130.

в отд. 1 Правил. Сходные с отд. 1 Правил требования предъявлялись и к содержанию уставов профессиональных обществ. Все сведения об образовании того или иного общества, его членах и его повседневной деятельности старший фабричный инспектор должен был сообщать дирекции соответствующего «казенного» предприятия (ст. 21). Профессиональные общества обязаны были регулярно представлять подробные отчеты о своей деятельности правительственным властям (ст. 23) в порядке, установленном министром торговли и промышленности. Карательные нормы за нарушение Временных правил устанавливались в ст. 124 Уголовного Уложения, новая редакция которой занимала III отдел закона. Первая часть этой статьи предусматривала уголовное преследование участников союзов и обществ, действовавших «без соблюдения или с нарушением предписанных правил», а также служащих, признанных виновными в участии в обществе, запрещенном распоряжением правительственных властей. За проступки по этой части ст. 124 могло быть назначено наказание в виде ареста на срок до трех месяцев или штраф до 300 рублей. Часть II ст. 124 сосредотачивала деяния, наиболее опасные, за которые устанавливались суровые санкции: заключение в крепость на срок до одного года или тюремное заключение. Дела о преступлениях, предусмотренных ст. 124, подлежали рассмотрению в окружных судах (ст. 1 отд. V Правил). Дела о деяниях, учиненных служащими в государственных учреждениях или предприятиях, на частных железных дорогах, телефонных предприятиях общего пользования должны были рассматриваться в общем порядке, но возбуждались по сообщениям начальства. Последнее могло ограничиться наложением на виновных дисциплинарных взысканий.

Закону 4 марта частично была придана обратная сила. Общества и союзы, образованные до его опубликования, получали возможность в трехнедельный срок подать заявление о регистрации (отд. VII).

Закон предусматривал детально регламентированный порядок регистрации обществ и союзов. Он, в частности, требовал представление детально разработанного устава с указанием цели, района, способов деятельности общества, учредителей, участников и всей отчетности.

Подводя итоги и давая общую характеристику публично-правового положения российских граждан, мы должны признать, что права и свободы российских подданных были урегулированы в Основных Государственных законах Российской империи и текущем законодательстве. Однако для неизменного их осуществления необходима гарантированность субъективно-публичных прав российских подданных. Для сообщения им этого формально-юридического свойства мало еще одних законов о свободах, необходимы также законы об ответственности должностных лиц. Эти законы должны предоставить каждому гражданину субъективно-публичное право которого нарушено, возможность преследовать нарушившее его должностное лицо в уголовном и гражданско-правовом порядке, предъявляя к нему иск о возмещении убытков¹.

Исходя из полученных результатов, можно сделать ряд весьма важных выводов. Сложившиеся в дореволюционном общественном сознании воззрения на полицию и полицейскую деятельность имели под собой определенную реальную основу. Сложный и противоречивый характер процесса становления и развития системы полицейских органов объективно способствовал формированию негативного взгляда на полицию. В первую очередь это было связано с существованием кадровой проблемы. Вторым камнем преткновения являлось то, что финансирование полиции осуществлялось по «остаточному принципу». Немаловажное значение имело и то, что предпринимаемые государством реформы полиции зачастую носили половинчатый и незавершенный характер. Вместе с тем негативное отношение населения к полиции формировалось и искусственно, под влиянием противников существующего строя. Имевшиеся

¹ Яцкова А. П. Указ. соч. С. 135.

в деятельности полиции недостатки гиперболизировались в либеральных и нелегальных средствах массовой информации. Причем оценочные суждения о деятельности полиции часто доводились до степени полного абсурда. На волне эмоционального восприятия отдельных негативных явлений в деятельности полицейских служащих отношение к полиции в целом было отрицательное¹.

Библиографический список

1. Дерюжинский, В. Ф. Полицейское право. Изд. 3 / В. Ф. Дерюжинский. – СПб., 1911. – 550 с.
2. Лукьянов, С. А. История органов внутренних дел России / С. А. Лукьянов. – Руза, 2007. – 52 с.
3. Мельник, Е. В. Теоретико-правовые основы становления отечественной многопартийной системы начала XX в. / Е.В. Мельник // Идеи конституционализма в юридической науке: история и современность. – М., 2019. – С. 57–63.
4. Мироненко, К. Н. Манифест 17 октября 1906 г. / К. Н. Мироненко // Вопросы государства и права / Отв. ред. Г. И. Петров. – Л., 1958. – Ученые записки Ленинградского университета им. А.А. Жданова / Юрид. фак. Серия юридических наук; № 255; Вып. 10. – С. 115–120.
5. Положение о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей // Свод законов Российской империи. – Т. XIV.
6. ПСЗ РИ. – Собр. 2. – Т. XXXIX. – № 41476.
7. ПСЗ РИ. – Собр. 3. – Т. XXV. – № 26263.
8. ПСЗ РИ. – Собр. 3. – Т. XXIV. – № 25495.
9. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. – 1906. – № 48. – Отд. 1.
10. Тарасова, И. А. Полиция и общество Российской империи в пореформенный период / И. А. Тарасова // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – Т. 13. – № 5. – С. 44–49.
11. Указ II Департамента Правительствующего Сената от 8 марта 1907. – № 1424.
12. Шинджихашвили, Д. И. МВД царской России в период империализма / Д. И. Шинджихашвили. – Омск, 1974. – 111 с.
13. Яцкова, А. П. Основные государственные законы Российской империи 23 апреля 1906 г. – первая российская конституция: дис. ... канд. юр. наук / А. П. Яцкова. – М., 2001. – 217 с.

¹ Тарасова И. А. Полиция и общество Российской империи в пореформенный период // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 5. С. 44–49.

РАЗДЕЛ 7

Мифы и реальность в становлении советского уголовного розыска

Методические рекомендации по теме

Настоящие методические рекомендации предназначены для использования при подготовке и проведении научных, научно-просветительских и воспитательных мероприятий в рамках концепции «Стратегии развития и воспитания Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г., по противодействию фальсификации истории России с сотрудниками центральных и практических подразделений органов внутренних дел, курсантами и слушателями образовательных организаций МВД России, а также для совместных мероприятий подразделений и учреждений МВД России с иными государственными, общественными и просветительскими организациями Российской Федерации.

Цели методических рекомендаций:

– пропаганда достоверного исторического знания и разъяснение недостоверности мифов о становлении и развитии советского уголовного розыска;

– предоставление сотрудникам органов внутренних дел научных результатов систематизации, анализа и оценки исторических фактов о становлении советского уголовного розыска на научной основе теоретико- и историко-правой методологии, науки уголовного процесса и теории оперативно-розыскной деятельности, а также с учетом научных и научно-публицистических дискуссий по вопросу обоснованности памятной даты – Дня работника уголовного розыска.

Материалы настоящих методических рекомендаций могут быть использованы для разработки и реализации специального проекта, посвященного вопросам становления и развития советского уголовного

розыска, реабилитации его героических страниц, освещению историко-правового опыта в деятельности подразделений уголовного розыска.

Задачи методических рекомендаций:

– информировать о процессе становления советского уголовного розыска;

– ознакомить с историографией проблемы;

– раскрыть причины и истоки мифов о зарождении советского уголовного розыска;

– продемонстрировать научные средства и методы преодоления противоречивого или искаженного восприятия и оценки известных исторических фактов о развитии уголовного розыска в первые годы советской власти на основе их научного анализа и историко-правовой оценки;

– разъяснить аспекты преемственности и революционных (качественных) трансформаций в эволюции уголовно-розыскной деятельности и ее субъектов;

– указать на значимость решений советской власти в части организации борьбы с преступностью в 1918–1919 гг. в завершении эволюции российского сыска в форме уголовного розыска как специальной профессиональной службы в составе органов внутренних дел (полиции с 2011 г.) по противодействию преступности;

– вызвать интерес к истории уголовного розыска и профессии сотрудника оперативно-розыскных подразделений органов внутренних дел.

Мифы и реальность

в становлении советского уголовного розыска

В конце прошлого столетия, когда Россия переживала болезненный переход от авторитарного государства к демократическому, правовому, утверждение нового подхода и принципов правоохранительной политики

началось с кардинального пересмотра правовых основ организации и нормативного правового регулирования оперативно-разыскной деятельности¹. Только после принятия сначала в 1992 г. «Закона об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации», а затем в 1995 г. ныне действующего Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», были реформированы уголовный процесс, прокуратура и, наконец, полиция и следственный аппарат. Именно с принятия «Закона об оперативно-розыскной деятельности» 1995 г. началась последовательная реализация идеи организационного размежевания функций уголовной юстиции.

Реформа оперативно-разыскной деятельности несла на себе печать всей сложности и противоречивости переходного периода, ощущаемую и сегодня (проблемы легализации результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном процессе, правовое разграничение средств уголовного процесса и оперативно-разыскных мероприятий и др.). Поэтому особую остроту и значимость приобрели вопросы о статусе органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, и ее правовом регулировании, о компетенции работников розыскной службы, полномочиях органов прокуратуры по надзору за законностью оперативно-разыскной деятельности, разграничении следственных и надзорных функций в досудебном производстве².

¹ Федеральные законы «Об органах федеральной службы безопасности в Российской Федерации» от 3 апреля 1995 г. // Собрание законов Российской Федерации. 1995. № 15. Ст. 1269; «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. // Собрание законов Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации «Об организации надзора за исполнением Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 9 августа 1996 г.

² Басков В. И. Оперативно-розыскная деятельность. М., 1997; Сурков К. В. Оперативно-розыскное законодательство России: пути совершенствования и развития: автореф. дис. ... д.ю.н. М., 1997; Шумилов А. Ю. Проблемы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности в России. М., 1997; Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-разыскной деятельности: автореф. дис. ... д.ю.н. Н. Новгород, 2002; Павличенко Н. В. Правовая охрана лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность. Омск, 2011; Гусев В. А. Права оперативных

Современное состояние оперативно-разыскной деятельности имеет также глубокий отпечаток того исторического наследия, которое она приобрела за многие века эволюции российского общества и государства с их сложной и порой противоречивой историей. В России истоки оперативно-разыскной деятельности восходят к древнейшей социальной практике досудебного производства, берущей начало в период образования и развития Древнерусского государства (IX–XII вв.), получившей в российской правовой традиции и, как следствие, в историографической традиции номинацию «сыск».

На всех этапах истории российского государства сыск предстает как уникальное социально-правовое и государственно-правовое явление, непосредственно связанное с правосудием, защитой всей совокупности прав и интересов субъектов общественных отношений. С развитием государства сыск формируется как самостоятельный вид его деятельности, направленный и на решение задач борьбы с преступностью. На каждом этапе развития в номинацию деятельности, направленной на предупреждение, пресечение и расследование преступлений – «сыск», «розыск», «оперативно-разыскная деятельность», – вкладывалось содержание эпохи и соответствующие представления о правовых формах и средствах досудебного производства, о методах борьбы с преступностью.

В юридической науке наблюдается повышенный интерес к истории российского сыска, и на текущий момент ее историография объединяет в себе два методологических подхода к познанию сущности сыска.

Первый подход опирается на традиции советской историко-правовой школы понимания сыска как функции органов государства: княжеских агентов в древнерусский период, служащих приказов и губных изб в период московского царства, органов полиции в имперский период, милиции в советский. Этот подход сложился в основном в 1960–1980-е гг. благодаря

подразделений полиции: законодательство и практика. М., 2014; *Бажанов С. В.* Методологические основы розыска. М., 2016.

обстоятельным трудам Р. С. Мулукаева, В. И. Полубинского, А. В. Борисова, А. Я. Малыгина, В. М. Курицына, В. И. Власова и Н. Ф. Гончарова¹. В середине 1980-х гг. к истории российского сыска начали обращаться исследователи уголовно-процессуального права и оперативно-разыскной деятельности. В 1984 г. вышла в свет книга А. И. Бастрыкина и И. Ф. Крылова «Розыск, дознание, следствие»². Переработанная авторами с учетом изменившегося российского законодательства и новых научных достижений в области истории права, науки уголовно-процессуального права и теории оперативно-разыскной деятельности, эта работа была переиздана в 2014 г.³

Второй подход строится на новых тенденциях понимания сыска как особого вида правоохранительной деятельности с присущим только ему непроцессуальным и разведывательно-поисковым характером. Такой разворот российской правовой науки к изучению сыска знаменовали новаторские и глубокие по своему теоретическому и научно-практическому содержанию и выводам работы В. П. Илларионова, Г. К. Синилова, К. К. Горяинова, И. А. Климова, Л. Л. Тузова, А. Ю. Шумилова, В. И. Елинского, А. В. Федорова и А. В. Шахматова⁴. В их трудах историко-правовая тематика связывалась с проблемами оперативно-разыскного

¹ Федоров К. Г., Ярмыш А. Н. История полиции дореволюционной России. Ростов-на-Дону, 1976; История полиции дореволюционной России (сборник документов) / под ред. В. М. Курицына. М., 1981; Мулукаев Р. С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. М., 1964; Его же. Система государственных учреждений дореволюционной России. М., 1974; Его же. История полиции дореволюционной России. М., 1981; Борисов А. В. Полиция самодержавной России в первой четверти XIX в.: дис. ... к.ю.н. М., 1982; Власов В. И., Гончаров Н. Ф. Организация розыска преступников в России в IX–XX веках: в 2 ч. Ч. 1. Домодедово, 1997.

² Крылов И. Ф., Бастрыкин А. И. Розыск, дознание, следствие. Л., 1984.

³ Крылов И. Ф., Бастрыкин А. И. Розыск, дознание, следствие. М., 2014.

⁴ Шумилов А. Ю. Проблемы законодательного регулирования в оперативно-разыскной деятельности: десять лет спустя (конституционные, административные, уголовные, уголовно-процессуальные и уголовно-сыские аспекты). М., 2008; Его же. Оперативно-розыскная деятельность в Российской империи в документах и комментариях (XVIII в. – февраль 1917 г.). М., 2010; Елинский В. И. Становление и развитие уголовного сыска в России (X–XX вв.). М., 1997; Елинский В. И. Основы методологии теории оперативно-розыскной деятельности. М., 2001; Федоров А. В., Шахматов А. В. Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. СПб., 2005.

законодательства Российской Федерации и собственно с истоками и развитием оперативно-разыскной деятельности. Пока эти два методологических подхода не интегрированы, что порождает рассогласованность понятийного аппарата. Исследователи вкладывают в понятия «сыск», «розыск», «уголовный розыск», «оперативно-разыскная деятельность» различное значение в зависимости от рассматриваемого хронологического периода, предмета и целей исследования или собственных научных представлений и предпочтений автора.

Точкой притяжения в изучении истории российского сыска стали два факта, значимых в его развитии. Первый – создание 6 июля 1908 г. сыскной полиции Российской империи. Второй – образование 5 октября 1918 г. Центрального управления уголовного розыска при Главном управлении советской рабоче-крестьянской милиции НКВД.

Правовой основой создания сыскной полиции Российской империи стал «Закон об организации сыскной части». В составе органов общей полиции были образованы 89 специальных подразделений по борьбе с преступностью – сыскных отделений, а в Департаменте полиции МВД особый отдел для координации и унификации их деятельности – 8-е делопроизводство. До принятия этого закона в России уже функционировало около 18 сыскных подразделений, самыми крупными из них были сыскные полиции С.-Петербурга, Москвы и Киева. Именно в деятельности первых сыскных отделений в решении задачи борьбы с преступностью стали применяться негласное наружное наблюдение и агентурный метод. Это придавало уголовно-разыскной деятельности новое качество – упредительный, разведывательно-поисковый характер, а в практике первых сыскных отделений зарождалась оперативно-разыскная деятельность общей полиции России. В Законе 1908 г. был сделан первый шаг к формально-юридическому выделению розыскной деятельности по общеуголовным преступлениям в самостоятельную функцию органов общей полиции. В нем, хотя и непоследовательно, но было определено,

что общеуголовная розыскная деятельность не является собственно формой и средством дознания, а имеет самостоятельное значение. С этого момента началось вызревание оперативно-розыскной деятельности, сложившейся в практике первых сыскных отделений, из де-факто в де-юре.

Методы наружного гласного и негласного наблюдения, использование агентуры активно развивались и внедрялись в практику сыска, получили нормативно-правовую регламентацию. В изданной в 1910 г. МВД «Инструкции чинам сыскных отделений» IV раздел назывался «Розыск». Из содержания этого раздела следует, что «розыск» – это непроцессуальная и негласная деятельность. Здесь же впервые был зафиксирован термин «уголовный сыск» (п. 61 «Инструкции» 1910 г.). В Инструкции получили закрепление принципы конспирации и сочетания гласности и негласности уголовного сыска.

В деятельности сыскных отделений уже со второй половины XIX в. стали применяться научные методы и специальные технические средства идентификации преступников (бертильонаж и дактилоскопия) и исследования следов преступления, а в начале XX в. создаваться оперативно-справочные и криминалистические учеты. В 1907 г. в составе Департамента полиции был создан Центральный регистрационный отдел с фотографическим бюро и тогда же начала разрабатываться особая система опознания преступников по 120 вопросам, известная сегодня как словесный портрет. Успехи сыскной полиции были настолько ярки и очевидны, что в 1913 г. на Международном съезде криминалистов, проходившем в Женеве, московская сыскная полиция была признана лучшей по раскрытию неочевидных преступлений, а ее руководитель А. Ф. Кошко, которого отечественная и зарубежная пресса окрестила «русским Шерлоком Холмсом», был награжден именной медалью.

Кардинальные изменения основ общественного и государственного строя, явившиеся следствием октябрьского революционного переворота 1917 г., потребовали создания новых органов власти и управления, права

и законодательства. В советской идеологии был сформирован и бытовал миф о рождении советского уголовного розыска из «пепла революции», о том, что в первые годы становления советской власти сотрудники созданного ею уголовного розыска начинали с чистого листа. Этот миф, обязанный своим возникновением политической конъюнктуре (впрочем, как и любой другой, поскольку миф – составная часть идеологии), советским административно-партийным аппаратом плодился и закреплялся всеми средствами – от художественных произведений до научных трудов – в сознании граждан и, естественно, как и все мифы, претендовал на роль исторического знания. Наконец, день образования Центроузсыска НКВД РСФСР – 5 октября – ежегодно празднуется как День работника уголовного розыска, и в 2018 г. мы отметили 100-летие уголовного розыска.

Однако углубление в историю уголовно-розыскной деятельности, ставшее возможным с наступлением свободы и плюрализма во всех формах общественного сознания опять же (опять же особенно ярко выразившееся в искусстве и гуманитарных науках и, конечно, политике), позволило выявить факты, упрямо свидетельствующие о преемственности опыта сыскальной полиции Российской империи советским уголовным розыском. Изучение архивных материалов и анализ нормативных правовых актов, регулирующих организацию и деятельность субъектов розыскной деятельности по раскрытию и расследованию преступлений до и после Октября 1917 г., показало, что в государственно-правовом строительстве советского уголовного розыска формируемые веками и апробированные в дореволюционной России средства борьбы с преступностью и расследования преступлений были вновь востребованы.

На основании новых фактических данных в начале текущего столетия стали выходить в свет работы, ставящие под сомнение всеми признанную дату образования российского уголовного розыска – 5 октября 1918 г. В научной периодической печати появилось несколько статей, авторы которых предложили отсчитывать рождение российского уголовного розыска

с 6 июля 1908 г. или же с 31 декабря 1866 г.¹, а самые смелые – с появления первых должностных лиц (емецов и мечников), разыскивающих «головников» во времена Древнерусского государства. Эти суждения растеклись в интернет-пространстве. Практически в каждой интернет-статье о Дне сотрудника уголовного розыска оговаривается факт преемственности советским уголовным розыском опыта сыскной полиции, сея в умах неискушенной в основе своей массе читателей в лучшем случае сомнения, в худшем – полное доверие автору.

Однако если принять во внимание изменчивость формы, содержания и качественных признаков уголовно-разыскной деятельности и ее места в досудебном производстве в зависимости от конкретно-исторических условий и диктуемых ими общественных потребностей, то встает вопрос: насколько обоснованны такие суждения с точки зрения методологии историко-правовой науки, теории уголовного процесса и теории оперативно-разыскной деятельности?

Непреложным историческим фактом, наталкивающим на пересмотр даты рождения современного российского уголовного розыска, является сохранение старых сыскных отделений в дни от Февраля к Октябрю 1917 г. Временное правительство, несмотря на практически полное физическое уничтожение правоохранительной системы в угоду сиюминутного политического успеха (Декларация Временного правительства от 3 марта 1917 г. – «заменить профессиональную полицию на народную милицию с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления»; 6 марта 1917 г. постановление о ликвидации Корпуса жандармов; 10 марта 1917 г. – об упразднении Департамента полиции Министерства внутренних дел), не рискнуло замахнуться на ликвидацию сыскной полиции. Временное правительство предложило их не упразднить, а передать в ближайшем будущем в ведение Министерства юстиции. 16 апреля 1917 г. вышел

¹ См., напр.: *Смирнов М. П.* Когда в России родился уголовный розыск? // *Оперативник (Сыщик)*. 2009. № 1(18). С. 3–6.

циркуляр МВД, согласно которому комиссары Временного правительства должны были принять меры по восстановлению сыскных отделений и налаживанию в них работы. Кроме того, 20 июня 1917 г. Временным правительством принято постановление «О порядке восстановления уголовных дел общей подсудности, уничтоженных во время событий, происшедших в конце февраля и в начале марта 1917 года».

Сыскные отделения были реорганизованы в судебно-разыскную, или уголовно-разыскную милицию¹, а их кадровый состав сохранился, продолжая текущую работу по преследованию преступлений. Даже после октябрьского революционного переворота те же сотрудники исполняли свой профессиональный долг по охране общественного порядка и общественной безопасности до середины 20-х гг. XX в.²

Пожалуй, самым ярким примером использования опыта дореволюционного сыска в становлении советского уголовного розыска является заимствование правовых основ регламентации следственно-разыскной деятельности. «Положение об организации отделов уголовного розыска» от 5 октября 1918 г., утвержденное коллегией НКВД РСФСР, и разработанная Центрозыском в ноябре 1919 г. «Инструкция ГУСРКМ³ по уголовному розыску»⁴ «замечены» в заимствовании правовой формы в части определения и закрепления компетенции, функций, методов и принципов организации отделов уголовного розыска из «Закона об организации сыскной части» от 6 июля 1908 г. и «Инструкции чинам сыскных отделений» от 9 августа 1910 г. Например, в Российской империи вопрос о создании сыскного отделения и размере его штата решался

¹ О необходимости сохранения и возобновления деятельности сыскных отделений по делам уголовного розыска от 16 апреля 1917 г. Циркуляр МВД // История полиции дореволюционной России: сборник документов и материалов по истории государства и права. М., 1981. С. 85.

² Подробнее см.: Матиенко Т. Л. Кадровое обеспечение общеуголовной полиции в Российской империи в 1908–1917 гг. // Вестник Московского университета МВД России. 2004. № 1. С. 121.

³ ГУСРКМ – Главное управление советской рабоче-крестьянской милиции.

⁴ Милиция России: Документы и материалы. 1917–1999. Т. I. 1917–1934 / авт.-сост.: А. Я. Малыгин и др. Саратов, 2000. С. 33–35; 68–72.

«в прямой зависимости от количества населения и степени развития преступности в данной местности», а согласно пункта 1 Положения «Об организации отделов уголовного розыска» 1918 г. отделы советского уголовного розыска создавались «при всех губернских управлениях советской рабоче-крестьянской милиции в городах как уездных, так и посадах с народонаселением не менее 40 000–45 000 жителей...»¹.

Но еще более интересно в контексте рассматриваемой проблемы звучание пункта 2 этого документа: «*все существующие ныне* (выделено мной – авт.) уголовно-розыскные учреждения должны быть реорганизованы и изменены согласно данному Положению»². Здесь нетрудно понять, что речь идет о бывших сыскных отделениях, обновивших свой статус уже второй раз после февраля 1917 г.

Результат же сравнительного анализа «Инструкции чинам сыскных отделений» 1910 г. и «Инструкции по уголовному розыску» 1919 г. и вовсе красноречив: по содержанию и редакции нормативного массива их тексты тождественны. И следует отметить, что новая советская власть не видела в этом ничего зазорного, поскольку с технико-юридической оценки и в части определения задач противодействия преступности положения дореволюционной инструкции не противоречили идеологии формирующегося Советского государства.

Сводя потуги на пересмотр сложившихся историографических традиций в оценке выделения знаковых рубежей в эволюции российского уголовного розыска к сумме исторических фактов, следует помнить, что организационные и правовые формы, содержание, качественные признаки уголовно-розыскной деятельности, ее место в досудебном производстве и борьбе с преступностью и, как следствие, субъектный состав и их место в государственном аппарате изменяются в зависимости от конкретно-исторических условий и диктуемых ими общественных

¹ «Об организации отделов уголовного розыска». Положение 5 октября 1918 г. // Милиция России: Документы и материалы. 1917–1999. Т. I. 1917–1934... С. 33.

² Там же.

потребностей (впрочем, как и любого другого вида правоохранительной деятельности как деятельности социальной). В Положении НКВД от 5 октября 1918 г. и Инструкции Центророзыска 1919 г. определение задач, функций и методов деятельности отделений уголовного розыска советской милиции указывалось, что таковыми соответственно являются «охрана революционного порядка» и «предупреждение готовящихся, раскрытие совершившихся и пресечение обнаруженных преступлений путем негласной агентуры и наружного наблюдения»¹. В условиях становления советского общества и государства правовые и организационные формы и принципы дореволюционного сыска получили соответствующую трансформацию и дальнейшее развитие.

В предреволюционный период, несмотря на вычленение розыска в качестве полноценной функции путем расширения его задач в правовом регулировании и практике деятельности сыскных отделений после 1910 г., соотношение баланса функций дознания и розыска в преследовании общеуголовных преступлений, заданное еще Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. и поддержанное Законом 1908 г., сохранилось. В деятельности сыскной полиции розыск так и остался преимущественно вспомогательным средством дознания, и на этой основе в решении задач предупреждение и пресечение преступлений ему также была отведена служебная роль. В итоге во второй половине XIX – начале XX в. сложилась форма полицейского преследования общеуголовных преступлений – полицейское дознание, тормозившее дальнейшее развитие оперативно-розыскной деятельности². Окончательному организационно-правовому оформлению и становлению дознания как самостоятельной функции уголовной юстиции в начале XX в. препятствовало совмещение у сыскных отделений функций дознания и розыска и территориальная замкнутость управления и деятельности этих подразделений, явившаяся следствием

¹ Милиция России: Документы и материалы... С. 33, 69.

² Подробнее см.: *Матиенко Т. Л.* Сыскная полиция и зарождение оперативно-розыскной деятельности общей полиции Российской империи. М., 2019. С. 161–173.

децентрализованного принципа организации как сыскной полиции, так и всей общей полиции Российской империи.

В наследие от Временного правительства светской власти, как уже указывалось, остались разрозненные органы уголовного розыска (уголовные бюро, отделы уголовной разведки, бюро уголовного сыска и т. п.) в составе милиции отдельных городов (Москвы, Петрограда, Саратова, Омска, Иркутска, Нижнего Новгорода, Челябинска и др.), и вся деятельность по борьбе с преступностью Постановлением СНК от 31 января 1918 г. была возложена на Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию¹.

Обострение криминогенной обстановки в РСФСР осенью 1918 г. вызвало необходимость создания цельной системы уголовно-сыскных подразделений и серию решений на уровне НКВД РСФСР советской власти по ее строительству: на коллегии НКВД 5 октября 1918 г. – о реорганизации и унификации всех существовавших на тот момент уголовно-разыскных учреждений и образовании при Главном управлении советской рабоче-крестьянской милиции НКВД «для общего руководства и управления деятельностью в РСФСР уголовно-розыскного дела» Центрального управления уголовного розыска (во главе с К. Г. Розенталем). Эти решения положили конец неупорядоченности уголовно-разыскного аппарата и начало его централизации. Принятое тогда же «Положение об организации отделов уголовного розыска» стало первым нормативным правовым актом в истории российского сыска, определившим единые принципы построения уголовно-разыскной деятельности как составной части функций советской милиции и определил ее основные задачи.

25 ноября 1918 г. последовало Циркулярное письмо Главного управления милиции «О неотложных мерах по улучшению деятельности уголовного розыска»². На первый взгляд только казалось, что этот циркуляр

¹ Подробнее см.: *Матиенко Т. Л.* Из пепла революции: к вопросу об организационных и правовых принципах становления советского уголовного розыска // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 187–193.

² Милиция России: Документы и материалы... С. 47–48.

объявлявший дело уголовного розыска «в высшей степени важным для всякого цивилизованного государства»¹, был пространным и полным революционного пафоса (например, местным отделам и отделениям предписывалось «приложить все силы к тому, чтобы профессиональные преступники, грабители и бандиты не могли спокойно проживать в районе деятельности отделения и творить свое преступное дело»)². В действительности за этим пафосом стояла целенаправленная единая правовая политика в организации борьбы с преступностью, которая сразу же заявила о централизации возрождаемого из пепла революции уголовного-розыска аппарата. По существу, этими первыми организационными шагами советской власти в деле строительства уголовного розыска был завершен процесс централизации аппарата уголовного розыска.

Вопрос о централизации деятельности специальных подразделений органов внутренних дел по борьбе с преступностью ставился еще правительством Российской империи накануне Первой мировой войны. К 1912 г. в 8-м делопроизводстве Департамента полиции был разработан проект «Об организации сыскных летучих отрядов (бригад) для производства розысков вне районов штатных сыскных отделений». Проект о создании летучих сыскных отрядов был представлен для ознакомления на совещании губернаторов, состоявшемся в 1913 г. в С.-Петербурге, но дальнейшей реализации не получил, по одной из версий в связи с недостатком финансовых средств, возникших из-за вступления России в Первую мировую войну³. Как видно, в отличие от дореволюционного МВД, Совнаркому и НКВД в тяжелейших условиях экономической регрессии и гражданской войны достаточным оказалось только одной политической воли.

В феврале 1919 г. была решена другая не менее важная задача – повсеместное создание отделов уголовного розыска. Центроулицы было предоставлено право с согласия губисполкомов и при утверждении Главным

¹ Милиция России: Документы и материалы... С. 48.

² Там же.

³ Подробнее см.: *Матиенко Т. Л.* Сыскная полиция и зарождение... С. 101–103.

управлением милиции открывать отделения уголовного розыска в городах с населением менее 40 тыс. человек, где был высок уровень преступности.

Одновременно из пепла революции возрождались криминалистические методы расследования преступлений, справочно-регистрационных и криминологических учетов (12 октября 1918 г. Представление Центrorозыска заведующему ГУМ «О необходимости установления нового порядка регистрации преступников»; 30 октября 1918 г. Циркуляр Центrorозыска «Правила для снятия с задержанных преступников фотографических и дактилоскопических оттисков» и т.п.). Новый виток получило научно-техническое оснащение уголовного розыска. В марте 1919 г. были созданы Регистрационное и Дактилоскопическое бюро, которые объединили и направили работу по регистрации преступлений и дактилоскопированию преступников по всей стране.

В первые годы советской власти была решена еще одна не менее важная задача – профессиональная подготовка кадров. В дореволюционный период профессиональная подготовка служащих сыскной полиции была организована непосредственно в сыскных отделениях, проходила под руководством начальников отделений и была довольно слабой. В «Инструкции чинам сыскных отделений» записано, что «все чины сыскного отделения должны быть ознакомлены с судебной-полицейской фотографией, дактилоскопией и антропометрией, гипсовкой следов и прочее, для чего каждый вновь поступающий в отделение на службу обязан пробыть достаточное время на практических занятиях полиции по регистрации преступников»¹. Начальник сыскного отделения зачастую являлся единственным лицом в отделении, получившим некоторую систематическую юридическую и профессиональную подготовку.

В отличие от дореволюционного МВД, руководство Главного управления милиции хорошо понимало, что сотрудникам уголовного розыска требовалась профессиональная подготовка, и уже 25 ноября 1918 г.

¹ Инструкция чинам сыскных отделений... С. 12.

сформулировало задачу – «поставить дело сыска на научную высоту и создать кадры действительно опытных сотрудников»¹. Тогда же Центророзыск предложил «вменить в обязанность всем без исключения сотрудникам для научно-широкой подготовки к своей деятельности ... прослушать лекции на основанных в Москве при Главном управлении милиции курсах с широкой программой, охватывающей кроме специальности все стороны административного и судебного быта». В декабре 1918 г. на Всероссийском съезде заведующих губернскими и городскими управлениями Рабоче-крестьянской милиции из уст начальника Центророзыска К. Г. Розенталя прозвучало: «не следует забывать, что уголовный розыск есть прежде всего наука, требующая долгого изучения и специализации»². В 1919 г. были учреждены Всероссийская школа инструкторов милиции и Всероссийские курсы уголовного розыска. 25 ноября 1918 г. Центророзыск предложил местным аппаратам направлять до 10% наличного состава в Москву на всероссийские курсы. В 1919–1920 гг. в РСФСР действовало более 10 ведомственных учебных заведений для подготовки работников уголовного розыска.

В итоге, уже в 1920-е гг. уголовный розыск предстал как специализированный, разветвленный и централизованный аппарат борьбы с преступностью, как составная часть функций советской милиции, как особый вид правоохранительной деятельности и как профессия.

Таким образом, становление советского уголовного розыска – это завершающий этап институционализации общеуголовного сыска, начавшейся в России в первой половине XIX в. Положение НКВД РСФСР «Об организации отделов уголовного розыска» от 5 октября 1918 г. в правовой форме завершило процессы централизации сыскного аппарата, развитие научных основ и методов деятельности (криминалистические

¹ Милиция России: Документы и материалы.... С. 47

² Цит. по: *Стариков И. В.* Организационно-правовые основы создания советского уголовного розыска в годы гражданской войны // *Российская полиция: три века служения Отечеству.* СПб., 2018. С. 888.

методы), становления систематической подготовки профессиональных кадров и эволюции предметно-практической сыскной деятельности в профессиональную оперативно-разыскную деятельность. Одновременно с оформлением новой организационно-правовой формы сыска – «уголовный розыск» – открылись новые, соответствующие ее свойствам, направления эволюции: организационно-структурное обособление от других функций уголовной юстиции, формирование автономной группы правовых норм, регулирующих уголовно-разыскную деятельность, то есть тенденции трансформации уголовно-разыскной деятельности милиции в оперативно-разыскную деятельность органов внутренних дел. Эти новые тенденции получили завершение уже в наши дни в оперативно-разыском законодательстве. Поэтому прочный фундамент исторических фактов и их оценка на базе историко-правовой методологии дают основание отвергнуть сомнение в том, что именно 5 октября 1918 г. – дата рождения уголовного розыска и его профессионала – сотрудника уголовного розыска.

Библиографический список

1. *Бажанов, С. В.* Методологические основы розыска: монография / С. В. Бажанов. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 172 с.
2. *Басков В. И.* Оперативно-розыскная деятельность: Учебно-методическое пособие / В. И. Басков. – М.: Бек, 1997. – 189 с.
3. *Борисов А. В.* Полиция самодержавной России в первой четверти XIX в.: дис. канд. юр. наук / А. В. Борисов. – М., 1982. – 206 с.
4. *Власов В. И., Гончаров Н. Ф.* Организация розыска преступников в России в IX–XX веках: в 2 ч. / В. И. Власов, Н. Ф. Гончаров. – Домодедово: РИПК работников МВД РФ, 1997 – Ч. 1. Домодедово, 1997. – 125 с.
5. *Гусев В. А.* Права оперативных подразделений полиции: законодательство и практика: монография / В. А. Гусев – М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2014. -126 с.
6. *Елинский В. И.* Основы методологии теории оперативно-розыскной деятельности: монография / В. И. Елинский – М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2001. – 227 с.
7. *Елинский В. И.* Становление и развитие уголовного сыска в России (X–XX вв.) / В. И. Елинский; Моск. юрид. ин-т. – М., 1997. – 82 с.

8. Инструкция чинам сыскных отделений. СПб., 1910 // [сайт]. – URL: [http://www.statehistory.ru/2087/Instruktsiya – chinam-sysknykh-otdeleniy-ot-1910-g/](http://www.statehistory.ru/2087/Instruktsiya%20-%20chinam-sysknykh-otdeleniy-ot-1910-g/)
9. История полиции дореволюционной России (сборник документов и материалов по истории государства и права) / В. М. Курицын, Р. С. Мулукаев, В. П. Коряков (сост.): учебное пособие. – М., 1981. – 78 с.
10. Крылов И. Ф., Бастрыкин А.И. Розыск, дознание, следствие / Крылов И. Ф., Бастрыкин А. И. – М.: Экзамен, 2014. – 255 с.
11. Матиенко Т. Л. Сыскная полиция и зарождение оперативно-разыскной деятельности общей полиции Российской империи: монография / Т. Л. Матиенко – М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. – 231 с.
12. Матиенко Т. Л. Из пепла революции: к вопросу об организационных и правовых принципах становления советского уголовного розыска // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6.
13. Матиенко Т. Л. Кадровое обеспечение общеуголовной полиции в Российской империи в 1908–1917 гг. // Вестник Московского университета МВД России. 2004. № 1.
14. Милиция России: Документы и материалы. 1917–1999. Т. I. 1917-1934 / авт.-сост.: А. Я. Малыгин и др. Саратов, 2000.
15. Мулукаев Р. С. История полиции дореволюционной России. М., 1981.
16. Мулукаев Р. С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. М., 1964.
17. Мулукаев Р. С. Система государственных учреждений дореволюционной России. М., 1974.
18. Павличенко Н. В. Правовая охрана лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность. Омск, 2011.
19. Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-разыскной деятельности: автореф. дис ... д.ю.н. Нижний Новгород, 2002.
20. Смирнов М. П. Когда в России родился уголовный розыск? // Оперативник (Сыщик). 2009. № 1 (18).
21. Смирнов М. П., Шумилов А. Ю. Оперативно-розыскная деятельность в Российской империи в документах и комментариях (XVIII в. – февраль 1917 г.). М., 2010.
22. Стариков И. В. Организационно-правовые основы создания советского уголовного розыска в годы гражданской войны // Российская полиция: три века служения отечеству / под. ред. Н. С. Нижник. СПб., 2018.
23. Сурков К. В. Оперативно-розыскное законодательство России: пути совершенствования и развития: автореф. дис. ... д.ю.н. М., 1997.
24. Федоров А. В., Шахматов А. В. Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. СПб., 2005.

25. Федоров К. Г., Ярмыш А. Н. История полиции дореволюционной России. Ростов-на-Дону, 1976.

26. Шумилов А. Ю. Проблемы законодательного регулирования в оперативно-разыскной деятельности: десять лет спустя (конституционные, административные, уголовные, уголовно-процессуальные и уголовно-сыскные аспекты). М., 2008.

27. Шумилов А. Ю. Проблемы законодательного регулирования оперативно-разыскной деятельности в России. М., 1997.

РАЗДЕЛ 8

Против искажения назначения и деятельности системы НКВД Советской России в 1917–1930 гг.

Методические рекомендации по теме

Настоящие методические рекомендации предназначены для использования при подготовке и проведении научных, научно-просветительских и воспитательных мероприятий в рамках концепции «Стратегии развития и воспитания Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г., по противодействию фальсификации истории России с сотрудниками центральных и практических подразделений органов внутренних дел, курсантами и слушателями образовательных организаций МВД России, а также для совместных мероприятий подразделений и учреждений МВД России с иными государственными, общественными и просветительскими организациями Российской Федерации.

Цели методических рекомендаций:

– пропаганда достоверного исторического знания и разъяснение недостоверности мифов о назначении, организации и практике НКВД Советской России (с 1918 – НКВД РСФСР);

– предоставление сотрудникам органов внутренних дел научных результатов систематизации, анализа и оценка исторических фактов о процессе становления и развития системы служб, органов Народного комиссариата внутренних дел РСФСР.

Задачи методических рекомендаций:

– информировать о процессе становления и развития системы служб, органов Народного комиссариата внутренних дел РСФСР;

– раскрыть причины и истоки искаженных представлений (мифов) о назначении, организации и практике НКВД Советской России;

– выявить и осветить примеры недостоверных представлений о смысле, характере, содержании специальной терминологии, прежде всего терминов «органы внутренних дел» и «правоохранительные органы» в научной и учебной литературе, публицистических материалах;

– сформулировать основные задачи по исправлению ошибочных, некорректных, недобросовестных представлений деятельности Наркомата внутренних дел Советской России;

– предложить подходы к корректировке ошибочного применения терминов «органы внутренних дел», «правоохранительные органы» в современных публикациях.

Против искажения назначения и деятельности системы НКВД Советской России в 1917–1930 гг.

В ряду ложных представлений о Народном комиссариате внутренних дел значительное, если не основное место занимают материалы, основанные на ошибочном представлении о назначении этого комиссариата. Примеров подобного заблуждения очень много. Так, исследователь С. Н. Токарева в статье «Нормативно-правовые основы организации советской милиции в 1918 году» пишет, что согласно Постановлению НКВД 1917 г., милиция «...включалась в структуру НКВД, подразделения которого объединялись под общим названием “органы внутренних дел”»¹. Отметим, что, как следует из контекста статьи, под «органами внутренних дел» революционного периода Токарева подразумевает не реально существующие подразделения (службы, органы) комиссариата, а именно одну из их составляющих – милицию.

Под влиянием этого ошибочного представления в небольшой научной статье, даже в процитированном предложении, – несколько искажений

¹ Токарева С. Н. Нормативно-правовые основы организации советской милиции в 1918 году // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2016. № 17. С. 110–124.

концептуального, смыслового, терминологического характера. Прежде всего, согласно Постановлению о рабочей милиции, подразделения милиции не «включались» куда-либо, как-то утверждается в статье, а именно создавались. В этом смысле Постановление имело учреждающий характер. Его воплощение, в частности, приводило к тому, что в ряде мест, наряду с рабочими дружинами и Красной гвардией, учреждали еще и рабочую милицию, что объяснялось намерением местных деятелей выполнить означенное постановление НКВД.

Мало того, создаваемая тогда милиция представляла собой иную, не аналогичную сегодняшней милиции систему (подробнее об этом ниже). Причем на местах имели место ситуации, когда параллельно действовали различные организации с близким назначением, например, две разнохарактерные и разноподчиненные милиции, а именно: сохраненная народная милиция Временного правительства и учреждаемая Советами рабочих депутатов рабочая милиция. И от Народного комиссариата внутренних дел в этой ситуации требовалось внести в эту революционную стихию элемент организованности и системности, но никак не через включение в свой состав неких еще не существующих к тому моменту «подразделений советской милиции».

И здесь мы подходим к содержанию следующего допущенного Токаревой искажения. Дело в том, что в постановлении ничего не говорилось (и не могло говориться) о включении (как о том пишет автор) учреждаемых подразделений рабочей милиции в «структуру НКВД». Напротив, в постановлении подчеркивалось что, «рабочая милиция находится всецело и исключительно в ведении Совета рабочих и солдатских депутатов». В реальности задачей Наркомата на тот момент было не включение в свое ведение сугубо рабочей милиции (к тому моменту еще и не созданной), а налаживание связи с Советами на местах, в ведении которых, в числе прочего, зачастую действовало несколько видов вооруженных формирований, в том числе и милиция.

Впрочем, приходится констатировать широкое распространение перечисленных видов искажений советских реалий в тематической литературе. В итоге можно перечислить значительное число изданий, научных статей, ошибочно толкующих основное назначение Наркомата внутренних дел¹, причем даже многостраничное перечисление не будет исчерпывающим. Часть таковых примеров разберем ниже.

В означенном контексте, упомянем издание «Лубянка. ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ 1917 – 1960. Справочник», в котором НКВД РСФСР определяется (понимается) сугубо как карательное (в смысле специальной службы) учреждение. Именно таковое понимание определило утверждение авторов-составителей о том, что «до сих пор структура Центрального аппарата советских органов внутренних дел... детально не описывалась. Сами сведения о ней были совершенно секретными»². Отметим, что понятие «Центрального аппарата советских органов внутренних дел» составители относят и к Наркомату внутренних дел Советской России, который, как уже отмечалось выше, никогда так – «органы внутренних дел» - не назывался. Здесь приходится констатировать наличие двух ошибок – смысловой и терминологической.

По смысловой ошибке отметим, что составители пояснительной части к сборнику «ВЧК – ОГПУ – НКВД...» исходят из понимания терминов «НКВД», «органы внутренних дел» сугубо как составляющих ведомства по обеспечению противодействия контрреволюции, а позднее – государственной безопасности. Фактически же, так как НКВД изначально обеспечивал советское строительство (вопросы организации и деятельности исполнительных комитетов Советов и пр.), то его структура и не предполагала какой-либо секретности. Данные по устройству Наркомата были практически общедоступны, публиковались в периодической печати,

¹ Лубянка. ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ 1917–1960. Справочник. М., 1997. С. 5; Самцова Е. С. Нормативно-правовые основы становления кадровых аппаратов НКВД РСФСР в первые годы Советской власти // Академическая мысль. 2020. № 3 (12).

² Лубянка. ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ 1917–1960... С. 5.

открытых циркулярах и даже в личных воспоминаниях советских деятелей, в частности М. И. Лациса. Впоследствии сведения о структуре Наркомвнудел распространялись в широком доступе, вплоть до художественной литературы. Здесь достаточно обратиться к повести Ю. М. Щеглова «Жажда справедливости», в журнальном варианте опубликованной в 1987 г. В этом произведении аргументированно и предметно излагаются мотивы реорганизации аппарата Народного комиссариата внутренних дел Северной Коммуны (Северо-Западной области).

Терминологическая же ошибка составителей сборника «Лубянка...» в том, что примененный составителями издания термин «органы внутренних дел», как уже упоминалось выше, на большей части определенного ими периода еще не появился и, следовательно, не употреблялся. Не употреблялся он и в контексте «государственная безопасность», в котором его трактует редакторский коллектив «Лубянки...».

В качестве следующего примера ошибочного толкования рассмотрим статью Л. Е. Филипповой «Формирование образовательных учреждений НКВД в период становления Советской России как часть общей кадровой политики правоохранительных органов»¹. Из заглавия следует, что тема статьи – образовательные учреждения именно Народного комиссариата внутренних дел, спектр которых охватывал широкий диапазон ведомственных функций, среди которых обучение милиционеров (представителей «правоохранительных органов») являлось далеко не основным. Для справки приведем соответствующие сведения по ведомственной системе учебных заведений Народного комиссариата внутренних дел.

Действительно, Наркомат реализовывал различные формы обучения по своему основному назначению – организации органов советской власти (государственного управления). Так, в июле 1918 г. при НКВД были

¹ *Филиппова Л. Е.* Формирование образовательных учреждений НКВД в период становления Советской России как часть общей кадровой политики правоохранительных органов // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 1 (2). С. 104–107.

организованы курсы агитаторов и инструкторов ВЦИК. Размещались эти курсы в Москве в бывшем доме Купеческого Общества на Малой Дмитровке, неподалеку от здания НКВД. На курсах производилась подготовка советских работников местных органов власти. Уже летом НКВД РСФСР направил в местные Советы телеграмму командировать своих работников для обучения на курсах. С ноября 1918 г. курсы возглавил член коллегии НКВД С. И. Канатчиков¹. Только в июле 1919 г. данная школа была передана из ведения НКВД в непосредственное подчинение ВЦИК². Согласно данным Е. Г. Гимпельсона, с января 1919 г. упомянутая школа была реорганизована в школу советской работы, а затем – в Центральную школу советской и партийной работы³.

Соответствующие учебные заведения создавались Наркоматом внутренних дел на местах⁴. Например, в Петрограде функционировали курсы с характерным устройством: «... с отделениями: советского управления, городского и сельского хозяйства, милиции и партийной работы»⁵.

Однако из содержания статьи Л. Е. Филипповой можно видеть, что материал данного автора строится на ложном убеждении в том, что основное назначение Наркомвнудел – именно милиция, противодействие преступности. Соответственно, образовательную работу по ведущему направлению НКВД этот автор не упоминает, не владея представлением о нем. В двух абзацах статьи встречается упоминание о действительно основном назначении НКВД, но в первом случае Л. Е. Филиппова никак

¹ *Скоркин К. В.* НКВД РСФСР: 1917–1923 // МВД России: Люди структура, деятельность. Т. II. М., 2008. С. 54, 183.

² Там же. С. 183

³ *Гимпельсон Е. Г.* Советы в годы иностранной интервенции и гражданской войны. М., 1968. С. 236.

⁴ *Кожеева М. А.* Создание первых милицейских курсов и их роль в подготовке кадров милиции России (1918–1920 гг.) // Вестник Омского университета, 2004. № 4. С. 82–85; *Степанов М. М.* Особенности милицейского образования в России в годы гражданской войны (1918–1920 гг.) // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 1. С. 101–118.

⁵ *Гимпельсон Е. Г.* Указ. соч. С. 236.

не обозначает это упоминание, во втором же комментирует его как якобы, вспомогательное, «отвлекающее» по отношению к милиции.

Соответственно, о курсах, школах НКВД по советской работе автор речи не ведет, и не потому, что не посчитала это необходимым, а по причине ошибочного понимания под таковыми только учреждений по подготовке милиционеров, что не соответствует действительности.

Подобное заблуждение можно отметить и для иных публикаций по системе обучения сотрудников Наркомата внутренних дел, рабоче-крестьянской милиции. В частности, «органы внутренних дел Советской республики в первые годы своего существования»¹.

Как видим, допускаемое в соответствующей литературе искажение терминологии: «Народный комиссариат внутренних дел», «органы внутренних дел», «милиция» – нельзя признать чем-то незначительным, редко встречающимся. В нашем материале приведены далеко не все, но достаточно характерные примеры распространенности подобного искажения. Мало того, масштаб ошибочных, ложных толкований означенных терминов, смыслов позволяет говорить о формировании специфических мифов, вытесняющих объективное, подлинно научное знание.

Причиной данного искажения видится слабая освещенность реального назначения НКВД в литературе последних десятилетий. Работ по деятельности Наркомата внутренних дел по организации органов советской власти относительно не много, значительная часть обращающихся к теме органов внутренних дел (если быть точным – все же органов Народного комиссариата внутренних дел) современников с этими работами не знакома. В итоге многочисленная часть исследователей до настоящего момента не получила представления о подлинном статусе и весе Наркомата внутренних дел, оказываясь в заблуждении, что оно якобы изначально определялось аналогично современному. Отсюда истекает ложное

¹ *Скипский Г. А., Ложкарев А. И.* К вопросу об истории становления образовательных организаций органов внутренних дел на Урале в 1920-х – начале 1930-х гг. // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 1. С.129–131.

представление о процессе создания Советского государства и его устройстве, так как именно органы Народного комиссариата внутренних дел выполнили здесь, без преувеличения, ключевую роль.

И более предметное, широкое освещение этой роли позволило бы, кроме углубления объективных представлений о прошлом нашей страны, избежать множества мифов сохраняющегося по наши дни искажения реальности.

Приходится констатировать, что ложные утверждения, проистекающие из искажения назначения Наркомата внутренних дел, обстоятельств и характера его деятельности, не единственное отклонение от реальности, допущенное в публикациях исторического, историко-правового, правоохранительного характера. Искажается и соответствующая терминология относительно как Наркомвнудела, так и системы органов, составляющих его аппарат, компетенцию.

Соответственно, следующее искажение значения и реального статуса НКВД можно назвать «терминологическим». Наиболее распространенным проявлением такового оказывается применение авторами терминов, которые, во-первых, не соответствуют назначению характеризуемого объекта, когда применяемый термин означает совершенно иное явление, нежели придает ему автор, во-вторых, характеризуют хронологически гораздо более поздние институты, нежели те, относительно которых таковые термины применяются.

Речь идет, прежде всего, об использовании термина «органы внутренних дел» (далее – ОВД) относительно Наркомата внутренних дел Советской России, его служб и подразделений, в том числе и милиции. Дело в том, что при кажущейся идентичности, или близости терминов «ОВД» – «НКВД», сам термин «ОВД» появился значительно позже хронологии предмета и означал иное явление, чем являлся Наркомат внутренних дел (как, впрочем, и ранее – одноименное министерство). Учитывая означенную реалию, неудивительно, что таковой термин не встречается ни в документах

НКВД, ни в общем официальном, делопроизводственном, ни в просто речевом обороте той эпохи.

Отдельно необходимо остановиться на понятии «рабочая милиция» и последующем использовании этого термина.

Дело в том, что значительная часть авторов исходит из установки, что рабочая милиция 1917 – 1918 гг. изначально создавалась именно как орган охраны общественного порядка, противодействия преступности. Как можно понять, в рассматриваемом случае исследователи основываются на допущении, что назначение советской (рабочей) милиции изначально было аналогичным позднему.

Тем не менее реальное положение видится несколько иным. Прежде всего подчеркнем, что в соответствующих документах 1917 – первой половины 1918 г. о назначении рабочей милиции не упоминается. Впервые, предметно и четко, такое назначение было сформулировано в Инструкции НКВД и НКЮ по организации рабоче-крестьянской милиции от 12 октября 1918 г.

В то же время возможно допущение, что хотя руководство НКВД в течение года после Октябрьской революции и не давало нормативного оправдания назначения рабочей милиции, но фактически это назначение должно было предусматриваться аналогичным сегодняшнему.

И все же такое допущение сложно признать обоснованным. Прежде всего против такого признания свидетельствует разбор ленинского понимания термина «рабочая милиция». Так, обращаясь к событиям Первой и Второй русских революций, вождь РСДРП (б) подчеркивал: «Общественная служба через всенародную, действительно поголовную, мужскую и женскую, милицию, способную отчасти заменить чиновников, соединенную не только с выборностью всех властей, не только с сменяемостью их в любое время, но и с оплатой их труда не «по-барски», не по-буржуазному, а по-рабочему, – таков идеал рабочего класса. Этот идеал, не только вошел в нашу программу, не только занял свое место

в истории рабочего движения Запада, именно в опыте Парижской Коммуны, не только оценен, подчеркнут, разъяснен, рекомендован Марксом, но и практически применялся уже рабочими России в 1905 и 1917 годах»¹.

Как видим, под «милицией» Ленин понимает очень специфическую «общественную службу», причем службу в чрезвычайно широком толковании, как фактическую замену государственного механизма через самоорганизацию трудящихся. Впоследствии он вновь и неоднократно подчеркивал: «Партия борется за более демократическую пролетарско-крестьянскую республику, в которой полиция и постоянная армия совершенно устраняются и заменяются всеобщим вооружением народа, поголовной милицией»². Соответственно, изначально для большевиков рабочая милиция представлялась не органом противодействия преступности, а особой формой организации общества, соединяющей в себе функции государственного управления (политическую), защиты классовых интересов, армии и охраны общественного порядка. Последнее, как можно понять, в сфере назначения рабочей милиции далеко не главное.

На основе означенных реалий, исследователь Ю. П. Соловей пришел к констатации, что в период становления советской власти «традиционные для полиций других государств задачи борьбы с преступностью и обеспечения общественной безопасности... перед пролетарской милицией не ставились»³. На наш взгляд, в своих исследованиях автор цитаты все же несколько абсолютизирует политическую составляющую в статусе и организации вооруженных рабочих отрядов. Безусловно, наряду с иными (политической, организационной, военной) функциями, в их компетенции предполагались и задачи по обеспечению общественного порядка.

¹ Ленин В. И. О пролетарской милиции // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 286–289.

² Ленин В. И. Материалы по пересмотру партийной программы // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 141.

³ Соловей Ю. П. Идея милиции и ее воплощение в советском государстве. Совершенствование и эффективность применения республиканского законодательства в борьбе с преступностью, Ч. 1. Омск, 1991. С. 98.

Итак, создаваемая Советами после Октябрьской революции рабочая милиция не являлась ни учреждением для противодействия преступности в сегодняшнем понимании, ни, тем более, «органами внутренних дел». Допущение подобного в ряде исследований можно отождествить с мифом, как добросовестным заблуждением. Объективно же понятие «органы внутренних дел» стало вводиться в обращение только после возглавления политической власти СССР Н. С. Хрущевым в ходе инициированных этим руководителем мероприятий. Как отмечают исследователи, в русле курса на возвращение к «ленинской модели» проводники линии Хрущева «преобразовали органы МВД и милиции в единые учреждения внутренних дел исполкомов Советов депутатов трудящихся»¹.

Реорганизации подверглись не только управления милиции: «на базе органов милиции создавались отделы, а в крупных городах... управления внутренних дел. В них также входили аппарат следствия, государственного пожарного надзора, исправительных работ»². Соответственно, приходится еще раз констатировать, что в силу выше отмеченных обстоятельств, ни постановление о рабочей милиции, ни любой другой нормативный акт первых сорока лет советской системы не могли содержать и не содержат термина «органы внутренних дел».

Подчеркнем, что при обращении к прошлому термин «органы внутренних дел» допустим в ситуации, когда тематика соответствующей работы охватывает современный (на время существования означенного термина) период и при этом включает в себя обращение к исторической части (когда отмеченный термин еще не появился). Отчасти таковой подход можно считать приемлемым, в силу того что, как уже упоминалось, и сам этот термин возник только во второй половине прошлого века, а его

¹ *Петров А. Г. Иванов Н. В.* Деятельность органов МВД в ЧАССР и в целом по стране в 50-е годы XX века: задачи и реалии // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 3. С. 35–37.

² *Буняева К. В.* Основные направления деятельности милиции по охране общественного порядка в 1962–1985 гг. (На примере центрального Черноземья) // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2006. № 1 (7). С. 108.

содержание и составляющие неоднократно корректировались, видоизменялись. Отразить все организационные изменения полицейской (милицейской) структуры, терминологические изменения в наименовании современной учебной дисциплины либо учебного пособия весьма проблематично, что определяет наименование соответствующих дисциплин в соответствии с тем, как полицейская служба называется именно сейчас.

Проще говоря, в рассматриваемом случае нет смысла перечислять все пертурбации для обозначения исторического пути охранительной службы, достаточно наименования того, как эта служба называется в настоящее время. В качестве примера упомянем, что именно на этом подходе основано наименование соответствующей учебной дисциплины – истории ОВД.

Неприемлемым видится практикуемое многими авторами на протяжении нескольких десятилетий применение термина «органы внутренних дел» именно относительно определенного исторического периода, прежде всего 1917–1955 гг. Так, в современной научной и учебной литературе мы видим формулировки: «... формирование органов внутренних дел молодого Советского государства»¹, «развитие органов внутренних дел в период революции и гражданской войны» и затем – «Переход к новой экономической политике привел к существенным изменениям условий функционирования органов внутренних дел»², «Органы внутренних дел Советской республики в первые годы своего существования»³. Петербургский автор В. В. Папырин пишет: «Выполняя основные функции по поддержанию правопорядка, органы внутренних дел нуждались в союзниках, которыми могли стать и стали молодежные массы,

¹ *Макорин А. А., Дерешко Б. Ю., Невский С. А.* Становление научного обеспечения деятельности органов внутренних дел советского государства // Научный портал МВД России. 2016. № 4. С. 6.

² *Бойко Ю. Н.* Особенности становления и развития милиции Туруханского края в 1920–1924 гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 35. С. 20, 23.

³ *Скитский Г. А., Ложкарев А. И.* Указ. соч. С.129.

объединенные в РКСМ»¹. Уточним, что РКСМ в данной цитате – это Российский коммунистический союз молодежи, сохранявший это наименование до 1926 г. и к 1956 г. (даты появления термина «органы внутренних дел») именующийся иначе.

Наряду с формулировками в тексте можно встретить наименования статей: «Особенности становления и развития органов внутренних дел советского времени (1917–1929)», «Органы внутренних дел в период нэпа» и пр.².

Причем, некоторые авторы идут дальше и именуют «органами внутренних дел» не только службы эпохи становления социализма, но и охранительные учреждения, полицию дореволюционной России. Например, в ряде печатных изданий можно встретить заголовки: «История становления государственной службы в органах внутренних дел на Руси»³, «Развитие органов внутренних дел в XIX веке», «Органы внутренних дел на рубеже XIX–XX веков»⁴. Прежде всего, подобное применение термина «ОВД» ошибочно терминологически, так как этот термин в означенный период отсутствовал (в более точном смысле – еще не появился).

Мало того, содержательно понятие «органы внутренних дел», как минимум, не идентично, а по факту даже существенно отличается от понятия «органы НКВД – МВД – МГБ» советского периода. Еще более существенно различие назначения советских органов внутренних дел от компетенции МВД Российской империи и более ранних полицейских служб.

По аналогии применение термина «органы внутренних дел» относительно периода 1917–1953 гг., либо даже еще ранее, равноценно

¹ Папырин В. В. Взаимодействие органов внутренних дел с молодежными организациями в период становления тоталитарного режима в СССР // Вестник ЮУрГУ. 2006. № 13. С. 138–139.

² Андреева И. А., Зайцева Е. С. История органов внутренних дел России. Омск, 2017. С. 108, 129.

³ Буянов И. В. История становления государственной службы в органах внутренних дел на Руси // Известия Тульского государственного университета. 2011. № 2–2. С. 68–74.

⁴ Андреева И. А., Зайцева Е. С. Указ. соч. С. 88.

гипотетической формулировкой: «Жандармские управления Древней Руси» либо «Органы министерства государственной безопасности Владимиро-Суздальского княжества». Как «основание» для подобных формулировок предположим посыл – Министерство государственной безопасности СССР (1946–1953 гг.) действительно существовало, а в древнем периоде истории можно обнаружить зачатки практики политического сыска, спустя столетия трансформировавшегося в Министерство государственной безопасности. При всей несостоятельности предложенной логики фактически именно ею руководствуются авторы, обозначающие термином «ОВД» даже практику противодействия преступности русского государства феодальной эпохи и последующего времени.

Здесь упомянем вышеотмеченную статью «История становления государственной службы в органах внутренних дел на Руси»¹. Понятно, что ни каких бы то ни было «органов внутренних дел», ни такового термина на Руси не существовало, а учрежденный в XIX в. аппарат МВД Российской империи никогда так не назывался. Однако автор статьи посчитал допустимым применение этого термина для истории «становления государственной правоохранительной службы, начиная с периода становления Древнерусского государства и до Октябрьской революции 1917 г.»². Соответственно, в тексте встречаем формулировки: «Земская и судебная реформы 1864 г. освободили органы внутренних дел от несвойственных им хозяйственных функций и функций по судебному разбирательству».

Если следовать выше предложенной логике, нельзя удивиться такой, к примеру, гипотетической теме: «Правоохранительная служба племени древлян в период оформления предпосылок возникновения Древней Руси». Впрочем, приведенный пример не единичен, о чем может свидетельствовать статья «История законодательного регулирования института обеспечения

¹ Буянов И. В. Указ. соч. С. 68.

² Там же. С. 68.

потребностей органов внутренних дел дореволюционного периода (на примере договора поставки)»¹. Как видим, ошибочная терминология порождает ложные понятия, когда исследователи рассматривают обеспечение «потребностей» не существовавших в дореволюционный период органов. По факту речь в упомянутой статье идет все же о дореволюционной полиции.

Не менее ошибочно практикуемое многими авторами обозначение «органами внутренних дел» системы органов и учреждений НКВД, милиции Советской России. В любом случае означенные обстоятельства не дают основания для практикуемого в наше время искажения терминов периода после 1917 г. и определяемой этим заблуждением фальсификации смыслов.

Тем не менее подобное обращение, причем к нескольким десятилетиям, вплоть до начала 1960-х гг. широко распространено в отечественной публицистике, научной и учебной литературе. Упомянем наименования некоторых таких работ: «Органы внутренних дел в системе советского регионального управления (ноябрь 1917–1918 гг.)»²; «К вопросу об истории становления образовательных организаций органов внутренних дел на Урале в 1920-х – начале 1930-х гг.»³; «Формирование и деятельность органов внутренних дел Уральской области (1923–1934 гг.)»⁴; «Органы внутренних дел советского государства в период сталинизма...»⁵; «Деятельность органов внутренних дел Бурят-Монгольской АССР в 1941–1953 гг.»⁶; «Кадровая

¹ *Меринова Ю. Е.* История законодательного регулирования института обеспечения потребностей органов внутренних дел дореволюционного периода (на примере договора поставки) // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 2. С. 254.

² *Атигов А.-Х. М.* Органы внутренних дел в системе советского регионального управления (ноябрь 1917–1918 гг.): дис. ... к.и.н. М., 2009.

³ *Скинский Г. А., Ложкарев А.И.* Указ. соч. С. 129–138.

⁴ *Шведов В. В.* Формирование и деятельность органов внутренних дел Уральской области (1923–1934 гг.): автореферат дис. ... к.и.н. Екатеринбург, 2007.

⁵ *Кузьминых А. Л.* Органы внутренних дел советского государства в период сталинизма в контексте отечественной историографии // *Historia provinciae – журнал региональной истории.* 2019. Vol. 3 № 1. С. 146.

⁶ *Хамисов Б. Г.* Деятельность органов внутренних дел Бурят-Монгольской АССР в 1941–1953 гг.: дис. ... к.и.н. Улан-Удэ, 2008.

политика органов внутренних дел СССР в послевоенные годы (1945–1946)»¹; «Структура и кадровый состав органов внутренних дел БАСССР в 1945–1953 гг.»²; «Органы внутренних дел советского государства в период сталинизма в контексте отечественной историографии»³. Как видим, искажение в научной литературе смысла деятельности ведомства внутренних дел и позднейших терминов нельзя считать редкостью.

Характерно наименование разделов одного из цитируемых выше учебных пособий: «Развитие органов внутренних дел в предвоенные годы. Система органов внутренних дел в годы Великой Отечественной войны (1930–1945)»; «Органы внутренних дел в годы Великой Отечественной войны»⁴.

Нередко искажение терминологии допускается не только в заголовках, но и в текстах работ. В качестве примера подобного приведем некоторые цитаты. Так, В. Н. Колемасов пишет: «В первые годы советской власти органы ВЧК работали в тесном взаимодействии с органами внутренних дел»⁵. Отметим, что кроме применения термина «ОВД» к первым годам советской власти, в статье Колемасова упомянуты несуществующие в реальности органы, а именно «отделы управлений милиции»⁶.

Это характерная логическая и терминологическая ошибка, вызванная тем, что в данном случае В. Н. Колемасов при обращении к предмету своей публикации встречал упоминания о действительно существующих «отделах управления», но не вник в их реальный статус. Упомянутые отделы

¹ Резников А. А. Кадровая политика органов внутренних дел СССР в послевоенные годы (1945–1946) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2011. № 2. С. 124–132.

² Мамин А. И. Структура и кадровый состав органов внутренних дел БАСССР в 1945–1953 гг. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета 2018. № 1 (45). С. 53–59.

³ Кузьминых А. Л. Органы внутренних дел советского государства в период сталинизма в контексте отечественной историографии // Historia Provinciae – Журнал региональной истории. 2019. Т. 3. № 1. С. 146–211.

⁴ Андреева И. А., Зайцева Е. С. Указ. соч. С. 159.

⁵ Колемасов В. Н. Органы государственной безопасности и милиции в борьбе с преступностью (1917–1934 гг.) // Lex russica (Русский закон) № 7 (116) июль 2016. С. 86, 88.

⁶ Там же. С. 87.

организовывались в составах исполнительных комитетов Советов рабочих и крестьянских депутатов и выполняли функцию органов Народного комиссариата внутренних дел на местах. Но поскольку автор статьи подвержен распространенному заблуждению, что главное назначение Наркомвнудел – это руководство прежде всего милицией, то не нашел для себя объяснения, почему в первоисточниках органы НКВД называются «отделами управления», а не милицией. В итоге он пришел к ложному умозаключению, что отделы управления именно (в смысле «только») милицией и управляли, сочинив вышеупомянутую конструкцию – «отделы управления милицией». Именно сочинив, так как никаких «отделов управления милицией» в реальности не существовало.

Проиллюстрируем характеризваемое заблуждение еще несколькими примерами в цитатах. Таково утверждение о том, что милиция «...включалась в структуру НКВД, подразделения которого объединялись под общим названием органы внутренних дел»¹. Еще пример: «Главное место в системе органов внутренних дел (речь здесь идет о периоде до 1929 г.) принадлежало милиции. В декабре 1921 г. была ликвидирована промышленная милиция»². Понятно, что от ликвидации промышленной милиции до появления термина «органы внутренних дел» пролегает временной отрезок более 30 лет. Но это не мешает цитируемым авторам свести эти явления в едином хронологическом отрезке.

Впрочем, подобное искажение не приходится считать исключением. Например, утверждение, что «на первоначальном этапе (этапе становления рабочей милиции)... прошли апробацию и приобрели классовое совершение основные принципы комплектования и кадровой работы во вновь создаваемых органах внутренних дел»³. Здесь особо смущает утверждение «во вновь создаваемых» – то есть, по мнению автора цитаты, в ходе первых

¹ Самцова Е. С. Нормативно-правовые основы становления кадровых аппаратов НКВД РСФСР в первые годы Советской власти // Академическая мысль. 2020. № 3 (12). С. 91–93.

² Андреева И. А., Зайцева Е. С. Указ. соч. С. 137.

³ Шамаров В. М. Кадровая работа в милиции НКВД РСФСР. М., 1997. С. 10–12.

лет революции большевиками не «создавались» а «восстанавливались» впервые организованные в 1956 г. «органы внутренних дел». Соответственно, из авторского текста подразумевается нигде не упоминаемое (в силу невозможности такого явления) наличие означенных «органов» в Российской империи.

Продолжим. В одной из своих работ профессор С. М. Емелин утверждает, что «за период с 1917 по 1921 год органы внутренних дел прошли большой и сложный путь»¹. Подобный пример также в работе П. В. Максимова, где отмечено, что «...статус органов внутренних дел и органов государственной безопасности, между которым в довоенный период...»². Авторы обращенной к 20-м гг. прошлого века статьи утверждают, что «важным шагом на пути организационного оформления органов внутренних дел в РСФСР и в регионах стало принятие Всероссийским центральным исполнительным комитетом 10 июня 1920 г. Положения...»³.

Встречаются подобные формулировки не только в научных изданиях, но и в учебной литературе. Некоторые примеры: «...военизированность как особенность формирующейся системы органов внутренних дел Советского государства усиливалась к концу 1930-х гг.», «В годы Великой Отечественной войны органам внутренних дел предстояло обеспечить безопасную жизнедеятельность советского тыла и принять непосредственное участие в отражении гитлеровских войск»⁴.

Как видим, различные авторы, разные статьи, публицистические, научные, учебные материалы, но в каждом случае приходится отмечать

¹ *Емелин С. М.* Исторические условия, организационно-правовые основы и основные направления деятельности милиции Башкортостана в период новой экономической политики (1921–1928 гг.) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2017. № 4 (78). С. 10.

² *Максимов П. В.* Борьба с бандитизмом в советском государстве довоенного периода: законодательное регулирование и правоохранительная деятельность. М., 2017. С. 152.

³ *Хакимов С. Х., Каримов Р. Р., Каримова Г. Ю.* Организационно-правовая структура и деятельность территориальных подразделений милиции НКВД Башкирской АССР в 1920-е годы // Правовое государство – теория и практика. 2021. № 4 (66). С. 173.

⁴ *Андреева И. А., Зайцева Е. С.* Указ. соч. С. 160.

несовпадение термина и обозначаемого объекта, несоответствие термина исторической эпохе.

Продолжая примеры ошибочного применения терминов, обратимся к вышеупомянутой статье С. Н. Токаревой. Автор исходит из ошибочного представления о понятии «органы внутренних дел», «ОВД» в контексте его понимания, исключительно как милиции¹. Именно так этот термин в статье и применяется, что также противоречит действительности. Увы, далеко не только в данной статье. Так, характеризуя первые годы советской власти, исследователь Е. С. Самцова пишет, что «на службе в органах внутренних дел должен находиться преданный социализму и советской власти человек»².

В диссертационном исследовании «Кадровая политика в системе НКВД РСФСР (1921–1930 гг.)» мы видим главу: «Подбор кадров органов внутренних дел в контексте организационно-структурных и штатных изменений в НКВД РСФСР»³. Как известно, НКВД РСФСР был ликвидирован в 1930 г., более чем за 20 лет до появления приведенного в наименовании понятия.

Впрочем, применение несуществующих в рассматриваемую эпоху терминов, понятий довольно широко распространено в современной публицистике⁴. Так, в статье С. В. Емелина и Б. Е. Гордеева, посвященной

¹ Шамаров В. М. Указ. соч. С. 10–12.

² Самцова Е. С. Указ. соч. С. 91–93.

³ Черная Е. Н. Кадровая политика в системе НКВД РСФСР (1921–1930 гг.): дис. ... к.и.н. М., 2006. С. 76.

⁴ Абрамовский А. А. Формирование советских правоохранительных структур в Уфимской губернии в 1917–1918 гг. Проблемы истории, филологии, культуры. 2006. С. 157–163; Атигов А.-Х. М. Органы внутренних дел в системе советского регионального управления (ноябрь 1917–1918 гг.): дис. ... к.и.н. М., 2009; Горбатенко Г. В. Профессиональное образование сотрудников ОВД СССР во второй половине 30-х – начале 50-х годов XX века // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 4. С. 183–188; Емелин С. В., Гордеев Б. Е. К Истории правоохранительных органов на территории Благовещенской волости Уфимской губернии в период революций и начала гражданской войны (1917–1918 гг.) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 3 (85) С. 8–17; Кузьминых А. Л. Органы внутренних дел советского государства в период сталинизма в контексте отечественной историографии // *Historia Provinciæ* – Журнал региональной истории. 2019. Т. 3. № 1. С. 146–211; Скинский Г. А., Ложкарев А. И. К вопросу об истории становления образовательных организаций органов внутренних дел на Урале в 1920-х – начале 1930-х гг. // Вестник Уральского

событиям 1917–1918 гг., утверждается: «В целом в этот период были сформированы основы дальнейшего развития органов внутренних дел»¹. При обращении к событиям 1918 г., да и из самого содержания статьи, более точными были бы термины «отрядов Красной гвардии», «органов милиции». Тем более в контексте их дальнейшего развития.

Кроме того, в означенной публикации к событиям первых лет революции неоднократно применяется значительно более поздний термин «правоохранительные органы»². Однако отметим тот безусловный факт, что возникающие в первые годы революции на местах вооруженные группы не являлись ни органами противодействия преступности (в сегодняшнем их понимании), ни службой обеспечения юстиции. То есть эти образования никак не были и не могли быть «правоохранительными органами», каковыми они поименованы уже в оглавлении статьи.

В приведенном контексте еще раз подчеркнем, что сам термин «правоохранительные органы», как и упомянутые в статье «органы внутренних дел», появился значительно позже рассматриваемого в отмеченной статье периода.

Кроме того, по своему назначению, организации, компетенции, вооруженные отряды 1917–1918 гг. даже не предполагались ни правоохранительными, ни милицейскими органами, ни органами юстиции, даже если проецировать содержание этого термина на события первой четверти прошлого века. Более близко по смыслу назначение этих образований передает строка из циркулярного распоряжения: «Народное вооружение должно быть сосредоточено, главным образом, в руках

юридического института МВД России. 2021. № 1; *Филиппова Л. Е.* Формирование образовательных учреждений НКВД в период становления Советской России как часть общей кадровой политики правоохранительных органов // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 1 (2). С. 104–107.

¹ *Емелин С. В., Гордеев Б. Е.* К Истории правоохранительных органов на территории Благовещенской волости Уфимской губернии в период революций и начала гражданской войны (1917–1918 гг.) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 3 (85). С. 8–17

² Там же.

революционных народных органов – в Советах депутатов и земельных комитетах. Советы депутатов не только должны быть органами государственно-политической власти, но должны обладать и материальной силой, материальной основой власти»¹.

В контексте темы нашего исследования вышеприведенная констатация еще раз подтверждает, что на протяжении 1917–1918 гг. функция охраны общественного порядка не являлась для отрядов рабочей, пролетарской милиции основной. Далеко не всегда принадлежала к их главным функциям и задача противодействия преступности.

Как уже отмечалось выше, перед ними (отрядами рабочей, пролетарской, фабричной и пр. милиции) ставились иные, значительно более широкие задачи политического, управленческого, военного характера. Соответственно, применение к милиции первых лет советской власти терминов «правоохранительные органы», «органы внутренних дел», – не соответствует реалиям освещаемой эпохи. Кроме того, это искажает реальную картину в освещаемой сфере.

Серьезным отклонением от объективного подхода к изучению роли НКВД видится позиция, согласно которой в советский период деятельность этого ведомства якобы освещалась исключительно на основе классовых, либо идеологических критериев. Соответственно, деятельность милиции преподносилась сугубо в положительном, хвалебном ключе и с неременным обозначением благотворного руководства со стороны коммунистической партии. При рациональном подходе исключать идеологическое влияние на публикации советского периода не приходится, однако и абсолютизация этого влияния приводит авторов к ошибочным утверждениям, а в общем итоге – к искаженной картине реальности.

Так, Н. В. Кудрявцев утверждает, что ранее (как минимум, с момента утверждения «сталинизма» до установок «перестройки») «деятельность

¹ *Абрамовский А. А.* Формирование советских правоохранительных структур в Уфимской губернии в 1917–1918 гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2006. С. 157–163.

милиции изображалась как череда сплошных достижений, в синтезе с партийным положительным влиянием»¹. Кроме того, этим автором подчеркивается нарастающая с 1950-х гг. «идеологизированность всех работ, выполнение заказа правящей партии»². Означенную позицию разделяет целый ряд авторов. Например, Д. Е. Кузнецов пишет, что в советский период «любая научная деятельность исторического характера отличалась большой идеологической трактовкой. Исследования советского времени обязаны были опираться на работы В. И. Ленина...»³. Далее автор отмечает, что исследователи советского периода «традиционно завышали “нерушимую связь трудящихся с органами правопорядка”»⁴.

Пример взвешенной позиции выразила исследователь Д. О. Джиникаева, отмечающая, что «для историографии первого периода характерна идеологическая направленность», при безусловном воздействии которой, тем не менее, выходили «...работы, в которых подвергаются критике теневые стороны жизни советского общества»⁵.

Оценивая влияние приведенных утверждений, прежде всего, отметим, что они в значительной части не соответствуют действительному положению дел. Дабы получить реальное представление о характере отражения деятельности НКВД, рабоче-крестьянской милиции в советской научной и публицистической литературе, достаточно обратиться хотя бы к публикациям того периода.

В контексте вышеупомянутой и якобы свойственной советской историографии апологетике «сплошных достижений» приведем выдержки

¹ Кудрявцев Н. В. Теоретико-методологические подходы историков к изучению органов советской милиции 1917–1920-х гг. // Вестник ИГПИ им. П.П. Ершова. 2012. № 1 (2). С. 80.

² Там же. С. 79.

³ Кузнецов Д. Е. Деятельность советской милиции по борьбе с преступностью и охране общественного порядка в Западной Сибири 1925–1937 гг.: дис. ... к.и.н. Барнаул, 2016. С. 6.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Джиникаева Д. О. Деятельность государственных органов по борьбе с преступностью в Северной Осетии в условиях нэпа: исторический аспект: дис. ... к.и.н. Владикавказ, 2011. С. 24.

из одного издания, затрагивающего тему начала деятельности московской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. В частности, в нем констатируется, что «первые же шаги добросовестного расследования выявили плотный контакт бандитствующих со многими сотрудниками Уголовного розыска на почве материальных интересов»¹. Подчеркнем: имеется в виду ситуация именно в советской милиции, причем милиции функционирующей уже не первый месяц, а отправной точкой освещаемой ситуации обозначено 1 декабря 1918 г.

Говоря об организации московской советской милиции, в приведенном издании признается, что «связь центра (имеется ввиду Совет Московской Народной Милиции. – А. А.) с этими органами (районными милицейскими комиссариатами – А. А.) была очень слабая, тем более что районные советы проявляли некоторый сепаратизм и с неудовольствием относились к органу, стоявшему вне их структуры и обнаруживавшему, наоборот, сильные нейтралистские стремления»².

Еще более негативный характер приобретает оценка состояния и деятельности уголовно-розыскной милиции за 1919 г. Прежде всего, признаются слабые результаты работы розыска. В издании не замалчивалось, что «уголовно-розыскная деятельность не оказалась в этот острый период на высоте заданий. Из 13082 совершенных преступлений было раскрыто всего 4001, т. е. 31%. Сумма похищенного оценивалась в 80.476.010 руб., а возвращено было только на 14.874.903 рубля, т. е. 18 %»³.

Заметим, что, признав столь невысокие показатели милицейской деятельности, авторы материала имели возможность сослаться на объективные, не зависящие ни от НКВД, ни от руководства милиции причины. В числе последних можно упомянуть имевшие место глубочайший хозяйственный упадок, разрушительное воздействие иностранной военной интервенции, Гражданской войны. Опять же в контексте выделенного

¹ Красная Москва. 1917–1920 гг. М., 1920. С. 629.

² Там же. С. 636.

³ Там же. С. 638.

Н. В. Кудрявцевым значения «партийного положительного влияния» у участников становления советской милиции имелась возможность отметить недостаток партийных большевистских кадров. Здесь же можно предположить недостаточную опору уголовного розыска на наиболее сознательных трудящихся, общественность.

Тем не менее в издании приводится довольно значительный текст, по содержанию которого четко просматриваются, как природа милицейских недостатков, так и отношение к ним современников. Приведем данную констатацию полностью: «Объясняется это обстоятельство (слабые показатели служебной деятельности – А. А.) невысоким качественным уровнем розыскных агентов, причем нередко служебный персонал управления находился в тесном контакте с преступным элементом... на каждом шагу приходилось наталкиваться на преступную небрежность. Допросы обвиняемых и свидетелей производились без всякой последовательности. Дознания велись на клочках бумаги; вещественные доказательства без описи и опечатания хранились значительное время по инспекторским отделениям и нередко даже на руках у сотрудников. Важные дела, по которым обвиняемым грозила высшая мера наказания, велись недопустимо: нельзя было видеть ни основания, ни ордера, ни других соответствующих документов. Без контроля со стороны администрации инспектора по своему усмотрению вели дела с расчетом получить личную выгоду. Установлено, что нередко важные дела, подлежащие передаче Ревтрибуналу и другим высшим инстанциям, уловками инспекторов, как маловажные, передавались народным судьям»¹.

Как видим, в качестве главных причин наблюдаемых недостатков обозначены слабый профессионализм сотрудников уголовного розыска, их недобросовестность и явная тенденция к коррумпированности (в терминах того времени – «расчет получить личную выгоду»). О каких-либо иных, политических (классовых, ленинских, большевистских) составляющих,

¹ Красная Москва. 1917–1920 гг. М., 1920. С. 638.

в документе 1920 г. не упоминается вообще. Как видим, ожидаемых попыток создать впечатление упомянутой выше атмосферы «череды сплошных достижений» в процитированном материале также не просматривается.

Кстати, в издании «Красная Москва» резко критикуется не только организация милиции, но и общее положение дел в московской сфере ответственности Народного комиссариата внутренних дел. В частности, признается «сильнейшее распыление административного управления: центра не слушались, районные совдепы издавали приказы, часто противоречившие постановлениям центра, а приказы последнего, если и проводились в жизнь, то с большим опозданием и с сильными отступлениями. В результате создался административный хаос со всеми неизбежно проистекающими из него вредными последствиями»¹. Таким образом, характеризуя неурядицы в деятельности НКВД, современники прежде всего указывали проблемы в организации именно общего государственного управления. И здесь оценки никак не назовешь благостными и идеологически обусловленными.

В контексте предыдущей части нашего исследования важно отметить и то, что при характеристике проблем в деятельности НКВД милиция (в подаче современных авторов – правоохранительные органы) в цитируемом издании вообще не упоминается. Речь идет об организационной, административной составляющей, о сбоях и нарушениях в означенной сфере. Подчеркнем, что именно в целях преодоления отмеченного «административного хаоса» и происходит организация московского отдела управления (по сути – подразделения Народного комиссариата внутренних дел по московскому региону).

Дабы избежать предположения, что недостатки милиции отмечались только в процитированном выше издании, а остальные публикации могут являть череду «сплошных достижений в синтезе с партийным положительным влиянием», приведем выдержки из иных публикаций рассматриваемого периода. Так, вышедшее в 1922 г. издание «Пять лет

¹ Там же. С. 636.

власти Советов» констатирует, что до того момента работа милиции «протекала в невероятно тяжелых условиях, при наличии полной необеспеченности милиции и при отсутствии твердых правовых норм, неуклонным блюстителем коих милиция должна являться в первую очередь»¹. Итак, согласно приведенному изданию, советская власть держится уже пять лет, отражена интервенция, прекращена Гражданская война, страна от военного коммунизма переходит к более либеральному режиму, а с отражением «обусловленных партийным влиянием» достижений милиции в литературе дело обстоит все так же «слабо», как и в более ранних изданиях.

Мало того, издание «Пять лет власти Советов» признает, что в первые годы после революции «борьба с уголовными преступлениями отошла на задний план и была всецело предоставлена самодеятельности местных властей; местами же перешла прямо в руки населения, reagировавшего на усиленную преступность волною самосудов, прокатившихся по всей республике»². Следует подчеркнуть, что в подаче современников, «передача» борьбы с уголовными преступлениями «прямо в руки населения» означала не что иное, как признание фактической недееспособности милиции. Неразборчивость и свирепость народных самосудов являлись чрезвычайно опасной реалией первых лет советской власти. То есть и в приведенном издании трудно увидеть «идеологически мотивированное ретуширование» недостатков.

Известно, что в годы новой экономической политики в СССР произошла серьезная либерализация политического режима. Допустим, что критическая оценка деятельности органов противодействия преступности объяснялась послаблениями НЭПа. Для сравнения обратимся к изданиям, увидевшим свет в условиях ужесточения генерального курса, а именно, в 1927 г. Например, в работе М. Н. Гернета признается: «Сравнивая преступность за апрель 1917 года с преступностью первых трех месяцев

¹ Пять лет власти Советов. М., 1922. С. 266.

² Там же.

1923 года, мы видим, что... уменьшилась менее серьезная имущественная преступность, возросла более тяжкая и умножились убийства ...»¹. Как-то не просматривается в приведенной цитате тенденции к «лакировке действительности».

Характеризуя положение дел в сфере противодействия рецидивной преступности во второй половине 1920-х гг., автор констатирует следующее «видовое разнообразие» в означенной сфере: «Но Москве не приходится, впрочем, жаловаться на отсутствие в ней разных воров-рецидивистов. Московский уголовный розыск для удобства более успешной борьбы с профессиональными ворами разделяет их на следующие группы: 1) взломщики, 2) домушники, 3) наниматели квартир, посетители врачей, адвокатов и пр., 4) монтеры, прислуга и пр., 5) карманщики городские, б) карманщики крупные, марвихеры высшей марки, международные воры, 7) воры-отравители, 8) железнодорожные воры, крадущие на вокзале, 9) похитители железнодорожных грузов, 10) воры велосипедов, 11) конокрады, 12) «церковники», 13) «городушники» (похитители из магазинов), 14) «вздерщики», крадущие при размене денег, 15) «хипесники», обкрадывающие посетителей своих любовниц-проституток, 16) скупщики краденого, 17) грабители, 18) подкидчики, 19) содержатели воровских квартир. Но эта установленная уголовным розыском классификация воровского преступного мира далеко не исчерпывающего значения»². Вот такие «достижения» в деле противодействия криминалу обнаруживает в канун десятилетия Октябрьской революции виднейший юрист ленинской России. Вряд ли идеологи ленинизма были рады лицеизреть вышеприведенные реалии в издаваемых советскими издательствами работах, но тем не менее процитированная книга Гернета была опубликована.

Можно допустить, что в период непосредственной деятельности Наркомата внутренних дел Советской России (1917–1930 гг.) практически

¹ *Гернет М. Н.* Преступность и самоубийства во время войны и после нее. Второй выпуск «Моральной статистики». М., 1927. С. 424.

² Там же. С. 431.

работникам, публицистам, исследователям приходилось сохранять известную долю объективности в оценках деятельности наркомата, в том числе и мер по организации милиции, противодействию преступности. Впоследствии же, возможно считать вероятным, что идеология начинает все более довлеть над объективностью. Как отмечает Д. О. Джиникаева: «плюралистический подход 1920-х гг. уже к середине 1930-х гг. уступил место более жесткой методологии, связанной с ограничением доступа к необходимой информации в условиях тоталитарного общества»¹.

Если допустить нарастающее год от года влияние идеологического фактора, то можно предположить, что к периоду развитого социализма (1970 –1985 гг.) в информационном поле укореняется преобладание подчеркиваемой сегодняшними авторами «идеологически обусловленной апологетики».

Разумеется, влияние идеологии, обусловленных ею цензурных критериев, на авторов периода «застоя» нельзя отрицать. Однако, на наш взгляд, ошибочно абсолютизировать и это влияние. Для примера обратимся к работам профессора А. Я. Малыгина. В его публикациях неоднократно приводятся данные, показывающие сохраняющуюся из года в год неспособность органов советской милиции организовать эффективное противодействие преступности, признаются серьезные просчеты и недостатки в организации и деятельности системы органов Народного комиссариата внутренних дел.

Уже при характеристике ситуации первых месяцев революции, Малыгин приводит цитату Н. М. Подвойского о том, что для Красной гвардии «охрана революционного порядка расплылась на охрану всякого порядка, на усмирение голодных погромов, на борьбу с уголовщиной»². Относительно следующего, 1919 года, приводится цитата из доклада начальника Центроорозыска о признании того, что «штаты, набранные

¹ Джиникаева Д. О. Указ. соч. С. 54.

² Малыгин А. Я., Яковлева Е. И. Из народа – для народа. М., 1988. С. 9.

не из специалистов, а из новичков, естественно, не могут противостоять сильной армии преступников, прекрасно организованных, с опытом, приобретенным за многолетний тюремный стаж, зачастую применяющих при совершении преступлений новейшие достижения техники»¹. Как видим, влияние идеологии либо классового подхода в приведенной части документа не выражено.

Относительно завершения интервенции и Гражданской войны можно было ожидать от авторов смягчения оценок криминогенной ситуации. И тем не менее, например, при характеристике положения 1924–1925 гг. на Украине отмечается, что «количество преступлений по сравнению с предыдущим годом увеличилось вдвое»². Как видим, и здесь речь ведется не о «блистательных последствиях воплощения ленинских идеалов», а о резко ухудшившейся криминогенной обстановке.

Не менее суровые реалии и жесткие оценки практики одного из региональных народных комиссариатов внутренних дел мы можем видеть в повести Ю. М. Щеглова «Жажда справедливости». В этом произведении упоминаются множественные случаи некомпетентности и недобросовестности представителей советской власти, повсеместное распространение хищений, явная недостаточность сил противодействия преступности для стабилизации положения. Казалось бы, работа над повестью проходила в период «застоя», а обнародована она была на заре перестройки (в 1987 г.), и как бы Щеглову не учесть требований застойной цензуры. Однако писательская добросовестность не позволила ему отклониться в сторону «классово правильных», идеологических либо цензурных соображений.

Как особое направление необъективного раскрытия деятельности НКВД отметим некоторую гиперболизацию коммунистического, классового влияния в освещаемой сфере. Так, Н. В. Кудрявцев утверждает: «В этот период авторы продолжали руководствоваться ленинской концепцией

¹ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 6. Д. 104. Л. 90.

² Малыгин А. Я., Яковлева Е. И. Указ. соч. С. 68.

о социалистической законности, обеспечивающей интересы большинства и подавление сопротивления бывших эксплуататорских классов при оценке деятельности органов внутренних дел»¹. Прежде всего заметим, что задача «подавления сопротивления бывших эксплуататорских классов» была в основном решена в 1930-е гг., после чего утратила свою актуальность. Терминологически же понятие «органы внутренних дел» появилось в обороте спустя 20 лет после ликвидации остатков эксплуататорских классов, то есть его применение по отношению к оценкам рабоче-крестьянской милиции некорректно.

Относительно «подавления сопротивления бывших эксплуататорских классов» органами НКВД вновь сошлемся на работу А. Я. Малыгина. Он приводит данные осени 1917 г., когда руководители создаваемой рабочей милиции стремились привлечь на службу «старорежимных» специалистов, заведомо не являющихся сторонниками большевизма. Так, «в Москве комиссар по гражданским делам Михаил Иванович Рогов предложил всем милиционерам, признавшим власть Военно-революционного комитета, приступить к исполнению своих служебных обязанностей. С целью пополнения командных кадров выпустили из тюрьмы некоторых арестованных чинов милиции Временного правительства»².

Подчеркнем, что в приведенной цитате речь идет о руководителях, прошедших через подполье, лично знавших Ленина и вместе с ним вершивших революцию. Уж кто бы, как не эта категория большевиков была заинтересована в «подавлении... эксплуататорских классов»! Однако, как видим, сразу после Октября ответственные ленинцы принимают скорее прагматичное, нежели идеологическое решение. Не секрет, что целый ряд влиятельных доктринеров от ленинизма подобных мер категорически не одобрял, но, в контексте нашей работы значимо, что факт освобождения

¹ Кудрявцев Н. В. Указ. соч. С. 80.

² Малыгин А. Я., Яковлева Е. И. Указ. соч. С. 11.

из тюрем полицейских с целью привлечь их в рабочую милицию не был подвергнут умолчанию.

Таким образом, на примере обращения к работе А. Я. Малыгина и Е. И. Яковлевой, произведению Ю. М. Щеглова можно отметить, что и авторы «позднего социализма» освещали наличие серьезных просчетов в организации милиции, признавали факты ухудшения криминогенной ситуации, ее тяжесть и сложность. Можно видеть, что в ряде моментов этими авторами признавалась допустимость отклонения от жестких идеологических критериев, классовой линии в организации органов охраны общественного порядка. То есть и при наличии идеологического влияния, добросовестные исследователи, публицисты, стремились к объективному отражению истории советской милиции, органов Народного комиссариата внутренних дел.

Следовательно, утверждать о подавляющем господстве «исторических клише», якобы определявших «творчество историков в советский период»¹, говорить о «традиционных, устоявшихся в советской историографии принципах преувеличения роли партийных органов в достижениях и успехах милиции»² значит, прежде всего, означает исказить реальное положение дел. Кроме того, означенный посыл опосредовано подрывает доверие исследователей к серьезным трудам представителей предыдущего периода из-за их, усматриваемой некоторыми современниками, «всеохватывающей идеологизированности».

Заметим, что утверждение о якобы «замалчивании» проблем в охране общественного порядка в значительном числе случаев не только не соответствует действительности, но и уводит внимание от реального, как минимум, умолчания. Последнее определялось тем, что в советской исторической школе (именно со стороны идеологического контроля) не приветствовалось освещение темы реального вклада Наркомата внутренних дел в организацию советской власти, значения отделов

¹ Кудрявцев Н. В. Указ. соч. С. 81.

² Там же. С. 79.

управления в налаживании деятельности советов, их функционировании. Как, в частности, отмечалось в литературе, «фактически к 1930-м гг. начинается полоса замалчивания реальной роли и основной деятельности комиссариата (внутренних дел – А. А.)»¹.

То, что установка на замалчивание, прежде всего, искажала представление о реальной практике становления системы советской власти и, кроме того, искажала картину реального значения Наркомата внутренних дел, как подчеркивали видные советские историки. Так, в 1958 г. Ф.В. Чебаевский констатировал: «Авторы монографий и диссертаций при освещении периода становления и упрочения Советской власти на местах проходят мимо и такого вопроса, как организация и строительство советов – губернских, уездных, волостных, – этого интереснейшего и важнейшего явления в истории становления Советской власти»². О том, какой именно аспект обходят вниманием упомянутые авторы, Чебаевский указал вполне определенно, неоднократно упоминая соответствующие реалии, например: «Народный комиссариат внутренних дел, руководивший организационно-политическим строительством Советов на местах, весь исторический отрезок времени с 25 октября 1917 г. до середины 1918 г., то есть до принятия первой советской Конституции»³. «Исключение» НКВД из процесса создания органов советской власти привело к серьезному искажению как освещения значения данного ведомства, так и понимания самого процесса советского строительства в рассматриваемый период. Казалось бы, отказ от приоритета марксистской идеологии предполагал восстановление объективного понимания значения ведомства внутренних дел, однако до сих пор это понимание представлено удручающе слабо.

¹ *Абдрахманов А. И.* Проблемы освещения организационной роли НКВД РСФСР в российской и зарубежной литературе. Домодедово, 2013. С. 35.

² *Чебаевский Ф. В.* «Организация и укрепление местных Советов в РСФСР в первый год диктатуры пролетариата (ноябрь 1917– ноябрь 1918 года): дис. ... д.и.н. М., 1958. С. 21.

³ *Чебаевский Ф. В.* Указ. соч. С. 24.

Рассмотренные примеры, приведенные материалы далеко не исчерпывающи, их объем ограничен прежде всего рамками данной исследовательской работы. Кроме того, практика искажения назначения НКВД, форм его деятельности, терминологии остается весьма распространенной, а сбор и разбор всех примеров потребовал бы не одного печатного тома. Тем не менее приведенные образцы отчетливо отражают серьезность проблемы ошибочного, не достоверного, ложного изложения значения Народного комиссариата внутренних дел, милиции. Фактически есть основания утверждать о наблюдаемом вытеснении подлинного знания своеобразной мифологией. Объективное отношение к отечественной истории, задача научного изучения соответствующих составляющих отечественного государства, разработка опыта противодействия преступности требуют определенных решений для прекращения фактической фальсификации деятельности НКВД Советской России, органов противодействия преступности.

Как позволяет утверждать рассмотренный материал, проблема искажения значения народного комиссариата внутренних дел Советской России до сегодняшнего дня не утрачивает своей остроты. В значительной степени отмеченные (как ранние, так и современные) подходы к изучению и освещению означенной темы дают ложную, не объективную картину как по НКВД в целом, так и по основным направлениям его деятельности.

Увы, искаженное представление о НКВД приходится рассматривать в контексте сопряженных ложных утверждений по целому ряду аспектов истории отечественного государства, социально-политического устройства, не исключая и организации противодействия преступности. Так, распространенное ныне представление о милиции как основном назначении НКВД свидетельствует не только о непонимании носителями означенного заблуждения действительного назначения народного комиссариата, но и отсутствии объективного представления о реальном

устройстве Советского государства на всем протяжении первых, определяющих, лет его становления.

Хуже того, учитывая, что многие черты Советской России (в том числе назначение ведомства внутренних дел) были фактически унаследованы у Российской империи, приходится признать еще более глубокий объем отсутствия у наших современников объективных представлений об исторической реальности. То есть авторы подобных утверждений проявляют слабое понимание не только существовавшей организации противодействия преступности, но и всего устройства государственного управления (прежде всего по части органов власти общей компетенции) в Российской империи.

Кроме того, здесь ко всему прочему проявляется еще и искаженное видение факторов становления системы государственной власти Советской России, степени влияния на этот процесс имперского опыта, значения марксистской, социалистической идеологии, характера решаемых в сфере организации новых государственных механизмов задач.

Не менее деформированное представление об исторической действительности демонстрирует распространенное применение авторами терминов «органы внутренних дел» относительно периода с 1917 до середины 1950-х г. Причем здесь можно выделить несколько направлений проявляющегося непонимания. Прежде всего, мероприятия советской власти, руководителей Советского государства, Совета народных комиссаров, Народного комиссариата внутренних дел никак не предполагали учреждения или появления чего бы то ни было, сходного с системой, относительно которой и был применен термин «органы внутренних дел». Не учреждалось чего-либо подобного и в последующие периоды развития советского государства, вплоть до развертывания мероприятий под началом Н. С. Хрущева.

Следовательно, распространенное в исторической и юридической литературе применение термина «органы внутренних дел» относительно

каких-либо учреждений 1917–1955 гг., в корне не верно, как содержательно, так и чисто терминологически. В рассматриваемый период не существовало ни этого термина, ни чего либо близкого ему по организации и назначению.

Объективное представление о статусе и практике Народного комиссариата внутренних дел возможно в случае изучения документов соответствующего периода, научной и учебной литературы. В этом отношении необходимо учитывать, что в предыдущие годы исследователи были склонны гиперболизировать степень классовости, «идеологизированности» работ авторов советского периода. При этом характерно, что «идеологизированность» исследований по Народному комиссариату внутренних дел определенные авторы подчеркивают не там, где таковая реально имела место (речь идет об умолчании роли НКВД в советском строительстве), а в якобы всеохватном «смягчении» реалий организации противодействия преступности. Тем не менее при всем влиянии идеологических постулатов, цензурных ограничений в советское время публиковались работы, дающие объективные картины значения Народного комиссариата внутренних дел, реальные характеристики организации противодействия преступности, содержащие нелюбезные оценки криминогенной ситуации.

Ознакомление с этими материалами, трудами, публикациями позволило бы многим современным авторам сформировать более полное и достоверное представление об истории своего отечества, устройстве Российского государства, организации противодействия преступности.

Наркомат внутренних дел принадлежит к числу ведомств, выполнявших важнейшие, значимые функции в системе Советского государства. При этом немаловажно, что в значительной части функции НКВД были унаследованы от МВД Российской империи, то есть представляли собой определенную традицию отечественной государственности. Говоря об отражении значения НКВД Советской России в публикуемых на протяжении последних десятилетий материалах,

приходится признать факт проявлений его серьезного искажения как в научной, так и особенно в публицистической литературе. К сожалению, обозначаемая нами сфера общественной, государственной жизни до настоящего времени удручающе мифологизирована, что негативно сказывается на способности объективного восприятия исторических реалий.

Искажения определяются прежде всего тем, что значительная часть авторов исходят из ошибочных представлений как о назначении и статусе Народного комиссариата внутренних дел в целом, так и об организации отдельных его служб и подразделений в частности. Прежде всего здесь приходится отметить множественные недостоверные, ошибочные, а порой и просто ложные утверждения о рабоче-крестьянской милиции. Причем диапазон ошибочных утверждений шире собственно милиции, охватывает всю систему и практику противодействия преступности (квазигосударственные вооруженные отряды, всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, органы юстиции и пр.). Наряду с выше отмеченным выше, в публикуемых изданиях широко распространено ошибочное, искажающее реальную историческую картину применение терминов «органы внутренних дел», «правоохранительные органы», «органы охраны правопорядка» и т.д.

Обобщенно, в ряду основных видов искажения значения НКВД Советской России в научной и публицистической литературе, отметим прежде всего, что в публикуемых материалах искажению подвергается основное назначение НКВД. В лучшем случае авторы исходят из заблуждения, что это назначение было аналогично современному, когда на протяжении последних ста лет ведущей службой МВД является именно милиция (полиция). Соответственно, отмеченные публицисты, исследователи строят свои работы на ошибочном представлении, что сегодняшнее организационное построение структуры Министерства внутренних дел России является статичным и никак не изменялось на протяжении своей более чем двухсотлетней истории. Отсюда вытекает заблуждение,

что ведущей линией Наркомата внутренних дел якобы изначально являлась охрана общественного порядка, а компетенцией – исключительно милиция.

Нередко причиной представления ложной картины является ошибочное восприятие исследователями реалий становления советского государства, концепции организации таких его составляющих, как Наркомат внутренних дел, революционные вооруженные отряды, подразделения милиции. В ряде случаев авторы публикаций о названной сфере идут и на фактическую фальсификацию значения НКВД – в соответствии со своими представлениями, исследовательскими задачами, складывающейся конъюнктурой, приписывая этому ведомству ложное значение, функции, действия.

Следующее по масштабу отклонение от реальности – допускаемое значительным числом современных авторов искажение соответствующей терминологии, а именно применение терминов, не соответствующих освещаемому явлению, рассматриваемой исторической эпохе. Удручающим итогом ошибочных утверждений является деформация представлений об устройстве государства периода становления советской власти, значении Народного комиссариата внутренних дел, органов противодействия преступности, милиции.

Объективное, научное понимание российской истории, прошлого органов государственного управления, системы противодействия преступности требует выявления основных искажений, ложных представлений, фальсификаций в означенной сфере. На основе разбора выявленных примеров заблуждений, фальсификаций роли Народного комиссариата внутренних дел возможно обозначить наиболее распространенные искажения, а высветив их, следует наметить корректировку исследовательских подходов с целью углубления и прояснения представлений в означенной сфере.

Для исправления вышеприведенных фактов искажений в освещении роли НКВД Советской России предлагаются следующие решения:

– инициировать подготовку и публикацию материалов, целенаправленно и предметно раскрывающих значение ведомства внутренних дел в механизме государственного управления России. Наряду с расширением объективного представления о значении ведомства внутренних дел важно и развитие понимания, что сегодняшнее устройство, назначение, наименование ведомства нередко серьезно отличаются от таковых в исторической перспективе;

– предусмотреть изучение значения ведомства внутренних дел (как системы органов общего управления) в курсах соответствующих учебных дисциплин, прежде всего истории России и Истории государства и права России. Освещение реального значения данного министерства (народного комиссариата) позволит, в ряду прочих познавательных задач, раскрыть перед учащимися реальный механизм государственной власти и управления нашей страны;

– при обращении к теме истории органов противодействия преступности XX в. знакомить учащихся со спецификой революционно-демократических представлений о данном направлении деятельности. Это позволит избежать распространенного среди современных авторов механического перенесения сегодняшней практики организации полиции на программные положения и действия оппозиционных политических партий Российской империи в части понимания концепции противодействия преступности, мероприятий органов государственной власти Временного правительства, Совета народных комиссаров, Народного комиссариата внутренних дел и т.д.;

– ориентировать исследователей, обращающихся к теме Народного комиссариата внутренних дел, на изучение не только широкодоступных, опубликованных в текущие десятилетия работ, но и на работу с первоисточниками – архивными фондами, изданиями Народного комиссариата внутренних дел, печатными материалами отделов управления и пр. Такое обращение требует от исследователя больших усилий,

но прежде всего будет способствовать повышению реальной содержательности, общему качеству исследований.

Кроме того, молодое поколение исследователей получит возможность убедиться, что борьба с преступностью являлась далеко не главным назначением Народного комиссариата внутренних дел, что реальное значение этого наркомата было гораздо существенней, нежели это представляется по простой аналогии с сегодняшним днем. Соответственно, из материалов той эпохи можно увидеть, что у большевиков преобладало очень своеобразное понимание характера преступности и форм противодействия ей, а вот упоминаний об органах внутренних дел в документах того времени встретить невозможно по причине отсутствия таковых;

– обозначить необходимость корректного использования соответствующих терминов, прежде всего «органы внутренних дел». Уделить внимание разъяснению обращающихся к теме исследователям, что использование современного термина относительно эпох, исторических явлений и периодов, когда обозначаемого этим термином учреждений (как и, собственно, самого термина) не существовало, прежде всего искажает представление о реальности. Кроме того, допущение подобного нарушения свидетельствует о недостаточной классификации исследователя, не знакомого с поднимаемой им тематикой, не видящего нелепости демонстрируемого им «механического» применения терминологии;

– активизировать введение в научный оборот, публицистику серьезных, качественных работ по организации Народного комиссариата внутренних дел Советской России, как имеющихся, но малоизвестных широкой массе публикующихся авторов, так и подготавливаемых авторитетными учеными (И. И. Кизиловым, Р. С. Мулукаевым, А. Я. Малыгиным, Л. П. Семькиной, К. В. Скоркиным и др.).

То, что сегодня серьезные научные работы не столь широко известны, как того требует исследовательская добросовестность, приводит

современных авторов к ошибочным представлениям и ложным посылам. В частности, нередко встречается позиция, исходящая из якобы всеохватывающей «идеологизированности», сплошном «лакировании действительности» и безапелляционном продвижении классовой составляющей учеными советской историко-правовой школы.

В итоге ряд современных авторов не только не обращается к научным изданиям советского периода, но даже и не имеет представления об их существовании, что определяет неизбежность вышеприведенных упущений. Иные публицисты нередко исходят из умозрительных, конъюнктурных установок об НКВД как сугубо «силовом», а порой и хуже того – репрессивном ведомстве, главным назначением которого якобы оказывалось осуществление террора против народа России и гонений против политических оппонентов большевистского руководства.

Непредвзятое же, научное обращение к освещаемой теме свидетельствует о том, что исторически компетенция ведомства внутренних дел охватывала значимые составляющие социально-политического, государственного устройства нашей страны. Использование объективных, подлинно научных подходов позволит более полно и содержательно раскрыть значение данного ведомства, преодолеть сохраняющиеся в этой области знания заблуждения и зоны умолчания.

Библиографический список

1. *Абдрахманов, А. И.* Проблемы освещения организационной роли НКВД РСФСР в российской и зарубежной литературе / А. И. Абдрахманов. – Домодедово, 2013. – 92 с.
2. *Абрамовский, А. А.* Формирование советских правоохранительных структур в Уфимской губернии в 1917–1918 гг. / А. А. Абрамовский // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2006. – С. 156 – 163.
3. *Андреева, И. А.* История органов внутренних дел России: учебное пособие / И. А. Андреева, Е. С. Зайцева. – Омск, 2017. – 275 с.
4. *Атигов, А-Х. М.* Органы внутренних дел в системе советского регионального управления (ноябрь 1917–1918 гг.): дис. ... канд.ист.наук / А-Х. М. Атигов. – М., 2009. – 200 с.

5. *Бойко, Ю. Н.* Особенности становления и развития милиции Туруханского края в 1920–1924 гг. / Ю. Н. Бойко // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. – Иркутск, 2021. – Т. 35. – С. 20 – 29.
6. *Буняева, К. В.* Основные направления деятельности милиции по охране общественного порядка в 1962–1985 гг. (На примере центрального Черноземья) / К. В. Буняева // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2006. – № 1 (7). – С. 107 – 110.
7. *Буянов, И. В.* История становления государственной службы в органах внутренних дел на Руси. / И. В. Буянов // Известия Тульского государственного университета. – Тула, 2011. – № 2–2. – С. 68 – 74.
8. *Гернет, М. Н.* Преступность и самоубийства во время войны и после нее. Второй выпуск «Моральной статистики». / М. Н. Гернет. – М.: ЦСУ СССР, 1927. – 270 с.
9. *Гимпельсон, Е. Г.* Советы в годы иностранной интервенции и гражданской войны. / Е. Г. Гимпельсон. – М., 1968. – 510 с.
10. *Горбатенко, Г. В.* Профессиональное образование сотрудников ОВД СССР во второй половине 30-х – начале 50-х годов XX века / Г. В. Горбатенко // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. – № 4. – С. 94 – 101.
11. *Джиникаева, Д. О.* Деятельность государственных органов по борьбе с преступностью в Северной Осетии в условиях нэпа: исторический аспект дис. ... канд.ист.наук / Д. О. Джиникаева. – Владикавказ, 2011. – 184 с.
12. К истории правоохранительных органов на территории Благовещенской волости Уфимской губернии в период революций и начала гражданской войны (1917–1918 гг.) / С. В. Емелин, Б. Е. Гордеев // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. – № 3 (85). – С. 8 – 17.
13. *Емелин, С. М.* Исторические условия, организационно-правовые основы и основные направления деятельности милиции Башкортостана в период новой экономической политики (1921–1928 гг.) / С. М. Емелин // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2017. – № 4 (78). – С. 88 – 97.
14. *Кожевина, М. А.* Создание первых милицейских курсов и их роль в подготовке кадров милиции России (1918–1920 гг.) / М. А. Кожевина // Вестник Омского университета. 2004. – № 4. – С. 82 – 85.
15. *Колемасов, В. Н.* Органы государственной безопасности и милиции в борьбе с преступностью (1917–1934 гг.) / В. Н. Колемасов // Lex russica (Русский закон). – 2016. – № 7 (116). – С. 85 – 92.
16. Красная Москва. 1917–1920 гг. – М., 1920. – 380 с.
17. *Кудрявцев, Н. В.* Теоретико-методологические подходы историков к изучению органов советской милиции 1917–1920-х гг. / Н. В. Кудрявцев // Вестник ИГПИ имени П.П. Ершова. 2012. – № 1 (2). – С. 78 – 84.

18. *Кузнецов, Д. Е.* Деятельность советской милиции по борьбе с преступностью и охране общественного порядка в Западной Сибири 1925–1937 гг.: дис. ... канд.ист.наук / Д. Е. Кузнецов – Барнаул, 2016. – 260 с.
19. *Кузьминых, А. Л.* Органы внутренних дел советского государства в период сталинизма в контексте отечественной историографии / А. Л. Кузьминых // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* 2019. – Т. 3. – № 1. – С 146 – 210.
20. *Ленин, В. И.* Полное собрание сочинений: в 55 Т. / В. И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. - 5-е изд. – М.: Госполитиздат, 1958-1965. – Т. 32. – С. 137 – 162.
21. *Ленин, В. И.* Полное собрание сочинений: в 55 Т. / В. И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. - 5-е изд. – М.: Госполитиздат, 1958-1965. – Т. 31. – С. 289 – 292.
22. *Лубянка. ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ 1917–1960.* Справочник. М.: МФД, 1997. – 352 с.
23. Становление научного обеспечения деятельности органов внутренних дел советского государства / А. А. Макорин, Б. Ю. Дерешко, С. А. Невский // Научный портал МВД России. – 2016. – № 4. – С. 5 – 13.
24. *Максимов, П. В.* Борьба с бандитизмом в советском государстве довоенного периода: законодательное регулирование и правоохранительная деятельность. / П. В. Максимов. – М., 2017. – 243 с.
25. *Малыгин, А. Я.,* Из народа – для народа. / А. Я. Малыгин, Е. И. Яковлева – М., 1988. – 255 с.
26. *Мамин, А. И.* Структура и кадровый состав органов внутренних дел БАССР в 1945–1953 гг./ А. И. Мамин // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. Курск, 2018. – № 1 (45). – С. 107 – 113. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-i-kadrovyu-sostav-organov-vnutrennih-del-bassr-v-1945-1953-gg>
27. *Меринова, Ю. Е.* История законодательного регулирования института обеспечения потребностей органов внутренних дел дореволюционного периода (на примере договора поставки) / Ю. Е. Меринова // Пробелы в российском законодательстве. 2009. – № 2. – С. 131 – 139.
28. *Папырин, В. В.* Взаимодействие органов внутренних дел с молодежными организациями в период становления тоталитарного режима в СССР / В. В. Папырин // Вестник ЮУрГУ. 2006. – № 13. – С. 138 – 139.
29. Деятельность органов МВД в ЧАССР и в целом по стране в 50-е годы XX века: задачи и реалии / А. Г. Петров, Н. В. Иванов // Пробелы в российском законодательстве. 2015. – № 3. – С. 35 – 37.
30. *Пять лет власти Советов.* М.: ЦИК, 1922. – 571 с.
31. *Резникова, А. А.* Кадровая политика органов внутренних дел СССР в послевоенные годы (1945–1946) / А. А. Резникова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2011. – № 2. – С. 125 – 127.

32. Самцова, Е. С. Нормативно-правовые основы становления кадровых аппаратов НКВД РСФСР в первые годы Советской власти / Е. С. Самцова // Академическая мысль. 2020. – № 3 (12). – С. 91 – 93.
33. Скипский, Г. А., Ложкарев, А. И. К вопросу об истории становления образовательных организаций органов внутренних дел на Урале в 1920-х – начале 1930-х гг. / Г. А. Скипский, А. И. Ложкарев // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. – № 1. – С. 129 – 137.
34. Скоркин, К. В. НКВД РСФСР: 1917–1923 / К. В. Скоркин // МВД России: Люди структура, деятельность. М., 2008. – Т. 2 – 798 с.
35. Соловей, Ю. П. Идея милиции и ее воплощение в советском государстве / Ю. П. Соловей // Совершенствование и эффективность применения республиканского законодательства в борьбе с преступностью. Омск, 1991. – Ч. 1 – 501 с.
36. Степанов, М. М. Особенности милицейского образования в России в годы гражданской войны (1918–1920 гг.) / М. М. Степанов // Ленинградский юридический журнал. – 2011. – № 1. – С. 101 – 103.
37. Токарева, С. Н. Нормативно-правовые основы организации советской милиции в 1918 году / С. Н. Токарева // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2016. – № 17. – С. 97 – 109.
38. Филиппова, Л. Е. Формирование образовательных учреждений НКВД в период становления Советской России как часть общей кадровой политики правоохранительных органов / Л. Е. Филиппова // Вестник Владимирского юридического института. – 2007. – № 1 (2). – С. 105.
39. Организационно-правовая структура и деятельность территориальных подразделений милиции НКВД Башкирской АССР в 1920-е годы / С. Х. Хакимов, Р. Р. Каримов, Г. Ю. Каримова // Правовое государство – теория и практика. 2021. – № 4 (66). – С. 172 – 182.
40. Хамисов, Б. Г. Деятельность органов внутренних дел Бурят-Монгольской АССР в 1941–1953 гг.: дис. ... канд.ист.наук. / Б. Г. Хамисов. – Улан-Удэ, 2008. – 188 с.
41. Чебатаевский, Ф. В. Организация и укрепление местных Советов в РСФСР в первый год диктатуры пролетариата (ноябрь 1917 – ноябрь 1918 года): дис. ... докт.ист.наук. / Ф. В. Чебатаевский. – М., 1958. – 200 с.
42. Черная, Е. Н. Кадровая политика в системе НКВД РСФСР (1921–1930 гг.): дис. ... канд.ист.наук. / Е. Н. Черная. – М., 2006. – 215 с.
43. Шамаров, В. М. Кадровая работа в милиции НКВД РСФСР. / В. М. Шамаров. – М., 1997. – 94 с.
44. Шведов, В. В. Формирование и деятельность органов внутренних дел Уральской области (1923–1934 гг.): дис. ... канд.ист.наук. / В. В. Шведов. – Екатеринбург, 2007. – 276 с.

РАЗДЕЛ 9

Фальсификации отечественной истории 30-х годов XX века: концепции, методология, цели

Методические рекомендации по теме

Настоящие методические рекомендации предназначены для использования при подготовке и проведении научных, научно-просветительских и воспитательных мероприятий в рамках «Стратегии развития и воспитания Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г., по противодействию фальсификации истории России с сотрудниками центральных и практических подразделений органов внутренних дел, курсантами и слушателями образовательных организаций МВД России, а также для совместных мероприятий подразделений и учреждений МВД России с иными государственными, общественными и просветительскими организациями Российской Федерации.

Цель методических рекомендаций:

– обеспечение противодействия фальсификациям событий советской истории 1930-х годов и возможности восстановления исторической правды об этом периоде.

Задачи методических рекомендаций:

– помочь осмыслить значение сталинской модернизации для отечественной и мировой истории;

– способствовать критическому анализу концепций, методологии и целей фальсификаторов событий советской истории 1930-х годов;

– оказать содействие в разоблачении исторического ревизионизма, ориентированного на дискредитацию Советской власти;

– мотивировать интерес к героическим страницам истории СССР.

Фальсификации отечественной истории 30-х годов XX века: концепции, методология, цели

30-е годы XX в. занимают особое место в истории России. Именно в этот период был создан мощный научный и военно-технический потенциал, обеспечивший победу советского народа в Великой Отечественной войне и его выдающиеся достижения в освоении космоса. Фактически за одно десятилетие полупатриархальная страна превратилась в мощную индустриальную державу – и тем самым создала необходимые условия для обеспечения государственного суверенитета и территориальной целостности.

Передовые системы образования и здравоохранения, существовавшие в СССР, – тоже результат грандиозных преобразований, осуществленных в указанные годы. И это далеко не полный перечень успехов, достигнутых в ходе модернизации страны.

Отмечен данный период отечественной истории и иными событиями. Коллективизация едва ли не вылилась в новую гражданскую войну, а в 1937–1938 гг. по стране прошла волна массовых репрессий. Количество советских граждан, расстрелянных и отправленных в места лишения свободы по политическим статьям, достигло почти двух миллионов.

Советская пропаганда тех лет представляла репрессии в качестве вынужденной меры, особо подчеркивая при этом их ограниченный характер. Однако за рубежом давались иные оценки, тема репрессий широко и активно использовалась в идеологической борьбе, в антисоветских целях.

А после распада СССР и внутри нашей страны содержание 1930-х гг. так называемые либералы стали сводить к репрессиям, писать о десятках миллионов репрессированных, а некоторые авторы – даже о сотне миллионов. Эта чудовищная цифра, несомненно, поражала воображение неискушенного читателя, тема репрессий вытеснила из общественного сознания и исторической памяти все положительное о советском периоде

отечественной истории. Дискредитация советских руководителей, демонизация И. В. Сталина до сих пор, хотя и в меньших масштабах, присутствуют в исторических исследованиях.

Необходимо отметить, что ряды фальсификаторов не только многочисленны, но и весьма разнообразны. Различны их концептуальные идеи, неодинаковы и цели, к которым они стремились и стремятся. Всех, кто умышленно или не отдавая себе отчета о содеянном искажал и продолжает искажать историю, можно объединить в несколько групп, взяв в качестве критерия выдвинутые ими концепции и общественное положение.

Первая группа – это соперники Сталина в борьбе за руководство партией и советским государством, за выбор путей развития страны.

В этой группе наиболее известная фигура – Л. Д. Троцкий. Им было написано большое количество статей и книг, в том числе и в эмиграции, посвященных СССР, большевистской партии, Сталину. Из этих публикаций следует выделить «Портреты революционеров» и объемное, двухтомное исследование с красноречивым, говорящим само за себя названием «Сталин»¹.

Концепция Троцкого состоит из следующих основных идей:

- Сталин совершил термидорианский (контрреволюционный) переворот;
- установив свою диктатуру, он окончательно порвал с марксизмом;
- то, что диктатор называл социализмом, таковым не является.

Троцкистская концепция объединила и левых, и правых оппозиционеров, явилась идейным оружием в борьбе со Сталиным и его сторонниками.

Вторую группу фальсификаторов олицетворяет Н. С. Хрущев – соратник Сталина, при жизни последнего называвший себя его учеником, активно участвовавший в строительстве того самого экономического

¹ Троцкий Л. Портреты революционеров. М., 1991; *Его же*. Сталин. М., 1990.

и политического строя, который оппозиция отказывалась признать социалистическим.

Хрущев, став в 1953 г. во главе коммунистической партии, развернул критику так называемого «культа личности» Сталина, дискредитируя при этом не только своего предшественника, но и всю советскую страну, мировое коммунистическое движение, социалистическую идею. В докладах на XX и XXII съездах КПСС, многочисленных публичных выступлениях, а после отставки – в воспоминаниях, опубликованных за рубежом, а затем и в СССР, им была сформулирована концепция, ставшая идейной платформой «шестидесятников» – сторонников «социализма с человеческим лицом». Суть хрущевской концепции – в 30-е гг. XX в. в Советском Союзе победил социализм, но по вине Сталина, принимавшего активное участие в социалистическом строительстве, были нарушены ленинские нормы внутрипартийной жизни, по инициативе генерального секретаря ЦК ВКП (б) проводились массовые репрессии против честных советских граждан, преданных идеалам коммунизма.

Третью группу составили бывшие сотрудники ОГПУ, НКВД, еще в 1930-е гг. бежавшие за рубеж: Г. Агабеков, В. Кривицкий, А. Орлов¹.

В публикациях названных авторов, появившихся за рубежом, а затем и в нашей стране, выдвинута концепция «преданной революции». Ее содержание весьма примитивно: Сталин – бывший агент царской охраны, стремится лишь к одному – к власти, «сталинское решение уничтожить большевистскую «старую гвардию» логически вытекает из всей истории его борьбы за власть»².

Четвертая группа фальсификаторов наиболее многочисленная, ее ядро составляют люди с учеными степенями и званиями, претендующие на признание в качестве профессиональных историков.

¹ Агабеков Г. ЧК за работой. М., 1992; Кривицкий В. Г. Я был агентом Сталина. Записки советского разведчика. М., 1996; Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. М., 1991.

² Орлов А. Указ. соч. С. 41.

Самой значительной фигурой среди них является, несомненно, Авторханов – выпускник Института красной профессуры, работавший в ЦК ВКП (б), доктор политических наук. Его многостраничная «Технология власти» презентуется в качестве одной из наиболее известных и популярных в мире книг о функционировании советской машины власти, а сам автор – как выдающийся писатель и историк.

Концепция Авторханова представляет собой развитие идей, сформулированных представителями первых трех групп фальсификатов, и, по существу, доведение их до логического завершения: Сталин «создал, укрепил и расширил беспрецедентную систему государственного рабства и черного мракобесия»¹.

Особую группу исследователей отечественной истории, пишущих в первую очередь и главным образом о Сталине и 1930-х гг., составляют патриотически настроенные ученые. В указанную группу входят Ю. Н. Жуков, Ю. В. Емельянов, А. И. Елисеев, С. Кремлев (С. Т. Брезкун), А. И. Коанакиди и Е. А. Прудникова, С. Т. Минаков, А. А. Наумов и др.²

Названных авторов объединяет стремление опровергнуть высказанное фальсификаторами суждения и оценки о Сталине и 1937 г. Об этом красноречиво говорят названия ряда публикаций. Однако некоторые методологические просчеты, допущенные указанными учеными, стали причиной того, что и в их трудах имеет место искажение истории, а главное – остался без ответа вопрос, был ли Сталин причастен к массовым репрессиям.

Более того, например, К. К. Романенко в книге с названием, не оставляющим сомнения в том, каково отношение автора к массовым

¹ Авторханов А. Г. Загадка смерти Сталина (Заговор Берия). М., 2009; *Его же*. Технология власти. М., 2022. С. 7.

² Жуков Ю. Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2021; *Его же*. Народная империя Сталина. М., 2022; Емельянов Ю. В. Разгадка 1937 года. М., 2013; Елисеев А. В. 1937. Вся правда о «сталинских репрессиях». М., 2008; Колтакиди А. И., Прудникова Е. А. Двойной заговор. Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. М., 2000; Минаков С. Т. Заговор «красных маршалов». Тухачевский против Сталина. М., 2018; Наумов В. «Кровавый карлик» против Вождя народов. Заговор Ежова. М., 2009; и др.

репрессиям, явно не смог критически осмыслить приводимый им богатый фактический материал¹. Романенко уверен – не было бы репрессий 1937–1938 гг. – не было бы победы в Великой Отечественной войне. Такое понимание связи этих масштабных событий коренится в методологии исследователя.

Методология – важнейший инструмент познания, ее образуют научные принципы и методы. Принципы – основополагающие начала, они определяют отношение ученого к исследуемому объекту, его выбор научных методов, то есть средств, способов и приемов получения знаний об изучаемом предмете. Следует подчеркнуть, что методология в решающей степени определяет результаты не только научных исследований, но и других видов интеллектуальной деятельности, в частности, такого специфического жанра, как политические биографии. Их авторы тоже претендуют на объективность и достоверность. Так, Троцкий особо подчеркивал, что хотя его книга о Сталине не строго документальна, но абсолютно достоверна – главная ткань повествования опирается на документы, мемуары и другие объективные источники. К последним Троцкий относил свою память. Он признавался, что в тех случаях, где ничто не может заменить показания памяти самого автора, считал себя вправе приводить те или другие эпизоды, личные воспоминания, ясно оговаривая каждый раз, что выступает в данном случае не только как автор, но и как свидетель².

Троцкий, конечно, понимал, что память – инструмент несовершенный, поэтому допускал возможность того, что в его книге могут встретиться те или другие частичные погрешности или ошибки, но, как уверял он читателя, чего в ней не может быть, так это недобросовестного отношения к фактам, игнорирования документов и свидетельств в пользу Сталина. Троцкий был категорически не согласен с утверждением, будто ненависть к Сталину внушает ему мрачные суждения и предсказания, – что было

¹ Романенко К. К. Спасительный 1937-й. Как закалялся СССР. М., 2012.

² Троцкий Л. Указ. соч. С. 7.

личного, давно перегорело, поэтому обвинять его в пристрастности не следует.

Действительно, было бы большой ошибкой считать, что Троцкий, потерпев поражение в идейных спорах, в политических баталиях, решил взять реванш с помощью пера.

Бывший председатель Революционного военного совета Республики показал себя искусным, изощренным фальсификатором, стремящимся к гораздо большему, чем просто сведение счетов. Главной целью Троцкого было не желание заочно унизить, уязвить своего идейного врага, а сформулировать в Советской стране антиправительственные настроения. Его писания должны были убедить советских граждан в необходимости, когда произойдет вооруженное нападение на СССР, желать сталинскому правительству поражения, а затем, воспользовавшись неудачами на фронте, свергнуть его. Иными словами, действовать так, как действовали большевики в годы Первой мировой войны и как призывает действовать западная пропаганда сегодня.

Троцкий даже не упоминал положительные результаты модернизации страны, осуществлявшейся по инициативе Сталина, а все внимание сосредоточил на его характеристике. При этом Троцкий был крайне предвзят, пристрастен, необъективен, всемерно стремился доказать, что такой ущербный человек, каким представил он Сталина, не может быть творцом, созидателем. Троцкий признавал у генерального секретаря ЦК ВКП (б) наличие силы воли, целеустремленность, но отрицал высокий интеллект. «При исключительном, поистине дьявольском честолюбии и столь же исключительной воле он отличался общей посредственностью умственных качеств», – высокомерно «диагностировал» своего соперника Троцкий. Истинный смысл этого «диагноза» был понятен посвященным – посредственный человек, невежда, не способен создать ничего оригинального, ни в теории, ни на практике. Сталинская концепция

«строительства социализма в отдельно взятой стране» – не развитие марксизма, а примитивизация и даже отказ от него.

Однако Троцкий не ограничился отрицанием интеллектуальных способностей у человека, которому проиграл теоретический спор. Чтобы убедить читателей в несостоятельности Сталина как политического руководителя, Троцкий обратился к теме, которая, особенно в период Гражданской войны, была весьма болезненной для русского народа. Троцкий считал уместным не только напомнить, что Сталин инородец, но и стал уверять, что генеральному секретарю ЦК ВКП (б) чужды русский язык, русская культура, русский национальный дух, он не способен их понять и принять.

«Духа русского языка, его свободной природы, его внутреннего бытия Иосиф так и не усвоил <...> Обороты русской речи он ощущал не как естественный и неотъемлемый духовный орган для выражения собственных чувств и мыслей, а как искусственное и внешнее орудие для передачи чуждой, а затем и ненавистной ему мистики <...> русский язык навсегда остался для него не только полуиностранным и приблизительным, но, что гораздо хуже для сознания, условным и натянутым»¹. Более того, Троцкий, ссылаясь на свидетельства однокашника Сталина, утверждал, что последний покинул семинарию, унося с собой злобную, лютую вражду против школьного управления, против буржуазии, против всего, что существовало в стране и воплощало царизм».

В то же время, Троцкий, вслед за В. И. Лениным, обвинял генерального секретаря ЦК ВКП (б) в великодержавном шовинизме, писал, что Сталин уже в начале 1920-х гг. искал более простой, более национальной, более «надежной» политики. Концепция построения социализма в отдельно взятой стране стала этой самой «национальной политикой».

Действительно, если Троцкий на первый план выдвигал интересы мировой революции, был готов ради нее жертвовать Россией, то Сталин,

¹ Троцкий Л. Сталин. С. 47.

наоборот, считал нужным исходить из интересов страны, пытался приспособить к ним марксистскую теорию.

Строить социализм в России Сталину помогали его выдвиженцы, такие, как Хрущев. Хрущев представлял ту самую партийную бюрократию, в которой Троцкий видел основную угрозу пролетарской революции, ибо социализм в отдельной стране «имел для нее смысл, лишь поскольку он обеспечивал ей господство и довольство». Троцкий устами своего соратника А. А. Иоффе дал следующую характеристику таким, как Хрущев, партийным функционерам: уже в 1925 г. подавляющее большинство, «во всяком случае решающее большинство – чиновники; они гораздо больше заинтересованы в назначениях, повышениях, льготах, привилегиях, чем в вопросах социалистической теории или в событиях международной революции»¹.

Троцкий считал, что предотвратить перерождение партии, а следовательно, гибель советской власти, может только борьба за мировую революцию. Сталин же предпочел иное средство – партийную чистку, освобождение партии от ненадежных и переродившихся людей. Однако за чисткой последовали репрессии.

В отличие от Троцкого и Сталина, Хрущев уверял, что все репрессированные были кристально честными коммунистами, особенно военные. На XX съезде КПСС он заявил: «Очень прискорбные последствия, особенно в начале войны, были вызваны ликвидацией Сталиным многих лиц из числа командного состава... В эти годы репрессиям были подвергнуты определенные слои военных кадров, начиная, буквально, с командиров рот и батальонов и кончая руководителями высших воинских соединений... Мы имели превосходные военные кадры, которые были безусловно преданы партии и родине»².

Более того, Хрущев публично намекал на то, что убийство С. М. Кирова инициировал Сталин.

¹ Там же.

² Цит. по: *Авторханов А. Г.* Технология власти... С. 321.

Свалив всю вину за репрессии 1937–1938 гг. на своего предшественника, Хрущев тем самым хотел снять ответственность за них не только с себя лично, но и с партийного аппарата в целом. Но при этом первый секретарь ЦК КПСС не считал нужным дать рациональное объяснение, почему многотысячный аппарат чиновников был покорным исполнителем воли одного человека.

Не задавались целью обосновать свои высказывания и оценки и представители третьей группы фальсификаторов, изменивших долгу и стране, – бывших сотрудников НКВД. Следует признать, что Агабеков, Кривицкий, Орлов в своих публикациях сообщили много интересного, в том числе последние двое – о судебных процессах 1936–1938 гг., о методах ведения следствия. Но то, что эти сведения авторами были получены из устных источников, в частных беседах, требует документального подтверждения. К тому же, все трое выступали со своими «разоблачениями» не ради установления истины, а преследуя свои личные интересы.

Публикации бывших «агентов Сталина», равно как и воспоминания Хрущева, обладают недостатком, являющимся продолжением достоинства мемуаров, – субъективностью.

Работа Авторханова тоже страдает этим недостатком, причем в большей степени, но при этом не претендует на то, чтобы считаться научной. Основной порок методологии указанного автора – пристрастное отношение к предмету своего исследования. Пристрастность, переходящая в крайний субъективизм и даже в ненависть, предопределила выбор Авторхановым средств, способов, приемов исследования избранной темы, ее источниковую базу. Авторханов обильно цитирует опубликованные источники, в том числе публикации Троцкого, Хрущева, доводит высказанные ими положения и выводы до крайней формы.

Главным итогом «научных» изысканий Авторханова является утверждение, не имеющее никакого отношения к науке: «Когда с лица Сталина руками его бывших верноподданных была снята казенная маска

величия, весь мир увидел, что на троне в Кремле тридцать лет сидел самый обыкновенный преступник в форме «генералиссимуса», с репутацией «корифея» и с бездонным резервуаром уголовных возможностей»¹.

Следует отметить, что подобные оценки по-прежнему высказываются либералами, в частности, Н. К. Сванидзе – автором небезызвестных «Исторических хроник», одно время широко популяризовавшихся средствами массовой информации.

Реакцией на грубое искажение истории, откровенную клевету на Сталина стали труды историков-державников, патриотов, и прежде всего – Ю. Н. Жукова, который дал неожиданное, но подкрепленное архивными материалами объяснение причин репрессий 1937–1938 гг. Согласно версии Жукова, ими явились намерение Сталина, на основании Конституции, принятой 5 декабря 1936 г., демократизировать советскую политическую систему, ввести альтернативные выборы. С их помощью Сталин рассчитывал решить задачу, которую не удавалось решить партийными чистками – очистить партию от перерожденцев, обеспечить приток новых, молодых, подготовленных кадров в партийные и советские органы. Однако партийная бюрократия не позволила Сталину реализовать задуманное, потребовала репрессировать тех, кто представлял угрозу Советской власти и мог использовать альтернативные выборы в своих интересах. Начатые по требованию партийных бюрократов репрессии обернулись против них же.

Безусловно, концепция Ю. Н. Жукова оригинальна и достаточно доказательна. Однако желание исследователя представить Сталина убежденным демократом оставляет без ответа целый ряд вопросов, и прежде всего вопрос, почему альтернативные выборы так и не были введены после того, как их противники подверглись репрессиям.

И все-таки следует признать, что историки-патриоты существенно продвинулись в исследовании истории 30-х гг. XX в., причем не только за счет расширения источниковой базы, введения в научный оборот новых

¹ Авторханов А. Г. Указ. соч. С. 369.

документов, но и более углубленного изучения уже известных, в частности, материалов московских судебных процессов 1936–1938 гг.

Все, ранее писавшие об этих процессах, тем более откровенные фальсификаторы, утверждали, что в этих материалах нет правды, им верить нельзя. Иначе их оценивают те, кто пытается найти научную истину. Так, историк С. Минаков пишет: «Следственные показания и признания обвиняемых на «московских процессах» 1936–1938 гг. – материалы для серьезного исследования очень сложные. Сложность их заключается, прежде всего, в том, что в них перемешано, как говорится, «грешное с праведным»: наряду с сообщениями о действительных событиях дается информация, если не заведомо ложная, то, во всяком случае, очень затуманенная «криминально-политической фразеологией и идеологическими штампами эпохи, с почти символическим значением, которые невольно могут увести исследователя в сторону от искомым реалий. Однако в ряде случаев в показаниях присутствуют с почти очевидной ясностью вполне реальные, в каком-то смысле почти прозаические, банальные обстоятельства»¹.

В 2021 г., наконец-то было опубликовано «дело Тухачевского», включающее в себя стенографический отчет судебного процесса над обвиняемыми в государственной измене советскими военачальниками М. Н. Тухачевским, И. Э. Якиром, И. П. Уборевичем и другими².

Указанный процесс был проведен по тому же сценарию, что и так называемые «московские». Поэтому характеристика Минакова, данная материалам этих процессов, вполне применима и к «делу Тухачевского». Однако материалы предварительного следствия по делу Тухачевского и других обвиняемых по-прежнему не опубликованы и практически не доступны исследователям, так же как и многие другие документы, способные пролить свет на эту, мягко говоря, запутанную историю.

¹ Минаков С. Т. Заговор «красных маршалов». Тухачевский против Сталина. М., 2016. С. 384.

² Лопатин В. С. Дело Тухачевского 1936–1937. М., 2021.

Между тем некоторые историки-патриоты уверенно пишут о том, что заговор военных действительно был. Его разоблачение, арест и расстрел участников данного и других заговоров предлагают расценивать как разгром «пятой колонны», что, якобы, укрепило Советское государство и обороноспособность страны.

Следует признать, что названными исследователями сделано многое для понимания того, что представляла Красная Армия в 30-е гг. XX в. Более того, приведенный ими фактический материал опровергает утверждение Хрущева, что все репрессированные красные командиры представляли собой «превосходные военные кадры, которые были безусловно преданы партии и родине». Генерал Власов и другие ему подобные изменники – подтверждение того, что нельзя огульно всех репрессированных считать врагами народа или, наоборот, превосходными военными кадрами.

Данная тема, как и другие, относящиеся к 1930-м годам, требует дальнейшего изучения, расширения источниковой базы, совершенствования научной методологии и, в первую очередь, реализации в научных исследованиях принципа интерсубъективности.

В противном случае на смену одним мифам придут другие.

Библиографический список

1. *Авторханов, А.Г.* Загадка смерти Сталина: (Заговор Берия) / А. Авторханов. - М., 2019. – 323 с.
2. *Авторханов, А.Г.* Технология власти. - М., 2022. – 817 с.
3. *Агабеков, Г.С.* ЧК за работой. – М., 1992. – 336 с.
4. *Елисеев, А.В.* 1937. Вся правда о «сталинских репрессиях». - М., 2008. – 348 с.
5. *Емельянов, Ю.В.* Разгадка 1937 года. – М., 2018. – 66 с.
6. *Жуков, Ю.Н.* Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. - М., 2021. – 370 с.
7. *Жуков, Ю.Н.* Народная империя Сталина. – М., 2022. – 246 с.
8. *Колпакиди, А.И.* Двойной заговор. Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. / А.И. Колпакиди, Е.А. Прудникова. – М., 2000. – 343 с.
9. *Кривицкий, В.Г.* Я был агентом Сталина: Записки советского разведчика. – М., 1996. – 363 с.

10. *Лопатин, В.С.* Дело Тухачевского: 1936–1937. - М., 2021. – 27 с.
11. *Минаков, С.Т.* Заговор «красных маршалов». Тухачевский против Сталина. – М., 2016. – 526 с.
12. *Наумов, Л.А.* «Кровавый карлик» против Вождя народов. Заговор Ежова. - М., 2009. – 131 с.
13. *Орлов, А.* Тайная история сталинских преступлений. – М., 1991. – 164 с.
14. *Романенко, К.К.* Спасительный 1937-й. Как закалялся СССР. – М., 2012. – 284 с.
15. *Троцкий, Л.* Портреты революционеров: сборник. – М., 1991. – 364 с.
16. *Троцкий, Л.* Сталин. – М., 1990. – 285 с.

РАЗДЕЛ 10

Оценка правового регулирования и политики советского государства по отношению к германским военнопленным в годы Великой Отечественной войны

Методические рекомендации по теме

Настоящие методические рекомендации предназначены для использования при подготовке и проведении научных, научно-просветительских и воспитательных мероприятий в рамках концепции «Стратегии развития и воспитания Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г., по противодействию фальсификации истории России с сотрудниками центральных и практических подразделений органов внутренних дел, курсантами и слушателями образовательных организаций МВД России, а также для совместных мероприятий подразделений и учреждений МВД России с иными государственными, общественными и просветительскими организациями Российской Федерации.

Цели методических рекомендаций:

– пропаганда достоверного исторического знания и разъяснение недостоверности суждений и выводов о несоблюдении СССР международных стандартов и требований к обращению с германскими военнопленными в период Великой Отечественной войны и послевоенный период;

– предоставление сотрудникам органов внутренних дел научных результатов систематизации, анализа и оценки исторических фактов о содержании международных конвенций об обращении с военнопленными (Женевских конвенций 1929 г. и 1949 г.) и советского законодательства о военнопленных (Положения об обращении с военнопленными 1931 г. и 1941 г.); о причинах отказа СССР подписания Женевской конвенции

«Об обращении с военнопленными» 1929 г.; о режиме содержания германских военнопленных в годы Великой Отечественной войны в лагерях Управления по делам о военнопленных и интернированных НКВД СССР.

Материалы настоящих методических рекомендаций могут быть использованы для разработки и реализации специального проекта, посвященного этим вопросам.

Задачи методических рекомендаций:

– информировать о правовом положении германских военнопленных в СССР и фактическом режиме их содержания в годы Великой Отечественной войны;

– ознакомить с историографией проблемы;

– раскрыть причины и цели фальсификации и искажения исторических фактов о правовом регулировании и режиме военного плена в СССР в годы Великой Отечественной войны;

– продемонстрировать научные средства и методы преодоления противоречивого или искаженного восприятия и оценки известных исторических фактов о правовом регулировании и режиме содержания германских военнопленных в годы Великой Отечественной войны на основе исторических фактов, их научного анализа и историко-правовой оценки;

– разъяснить аспекты внутренней и внешней политики СССР по отношению к германским военнопленным в период Великой Отечественной войны;

– указать на важность и необходимость уважения личного достоинства военнопленного, принципов гуманизма в правовом регулировании режима военного плена и предметно-практической деятельности соответствующих уполномоченных государственных органов в соответствии с международными стандартами и всеми признанными понятиями человечности;

– вызвать интерес к проблеме правового статуса военнопленного.

Оценка правового регулирования и политики советского государства по отношению к германским военнопленным в годы Великой Отечественной войны

В условиях информационной войны Северной Америки и Запада против России вопрос о правовой оценке отношения к военнопленным в период Второй мировой войны (не говоря уже о том, что пересмотр вклада СССР в разгром фашизма и ее итогов давно стоит в повестке дня зарубежной науки и политики) становится особенно актуальным. И она выходит на максимум в связи с вопиющими случаями нарушения международных стандартов нацистскими подразделениями вооруженных сил Украины по отношению к попавшим к ним в плен военнослужащими российской армии в ходе специальной военной операции на Донбассе в целях защиты мирных граждан от проводимой на его территории украинским фашистским режимом политики нацизма и геноцида.

В российской историографии первой научной работой на тему военного плена было исследование А. Б. Амелина, вышедшее в 1954 г.¹ Однако всестороннее исследование положения военнопленных в годы Великой Отечественной войны в СССР началось только в постсоветский период. В сферу исследовательских интересов вошли вопросы международно-правового и советского правового регулирования режима содержания военнопленных и интернированных; генезиса и развития системы военного плена; соотношения декларируемых правил содержания военнопленных и их фактической реализации; исследование практики использования военнопленных в производственном комплексе СССР и мн. др.²

¹ Амелин А. Б. Международно-правовое регулирование военного плена: автореф. дис. ... к.ю.н. М., 1954.

² Долколюк А., Маркдорф Н. М. Иностранные военнопленные и интернированные в Сибири: 1943–1950. М., 2016; Кузьминых А. Л. Органы и учреждения военного плена и интернирования Второй мировой войны в СССР (1939–1956 гг.). Вологда, 2013; *Его же*. Эволюция системы ГУПВИ НКВД–МВД СССР: (генезис, эволюция, распад (1939–1953 гг.) [Электронный ресурс] // Бесплатная электронная библиотека – Научные публикации. _ режим доступа: <http://os.x-pdf/ru/20raznoe/452342-1-a-kuzminih-sistema->

Проблема правовой и социальной защиты военнопленных была осознана на мировом уровне еще в конце XIX – начале XX в. в рамках Венской международной системы с ее стойкой парадигмой общего согласия крупных государств: России, Австрии, Пруссии, Франции и Великобритании, и любое обострение отношений между ними могло привести к разрушению международной системы безопасности. Субъектами Венской системы были не только государства-участники международных соглашений, но и коалиции государств, отсюда и ее главный принцип – поддержание баланса сил. Ответственность государств-участников за соблюдение принципов Венской системы реализовывалась через проведение многочисленных конференций для урегулирования угрожающих миру проблем. Важнейшее место среди таких конференций занимают Гаагские 1899 г. и 1907 г. и Женевские 1929 г. и 1949 г.

Первая и Вторая Гаагские конференции были созваны по инициативе Российской империи. И по ее же инициативе были предложены к международному обсуждению вопросы о приостановке вооружения, запрещении использования некоторых видов вооружения (метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров, запрет на использование снарядов с удушающими газами и т.д.), мирного разрешения международных конфликтов. Главный итог Первой Гаагской международной конференции – это соглашение о едином порядке ведения войн на суше и на море,

gurvi-nkvd-mvd-sssr-genezis-evoiyuciya-rasp/php; *Его же*. Международное право и «узники войны»: проблема правовой защиты военнопленных и интернированных лиц // Пенитенциарная наука. 2012. № 4 (20). С. 77–80; 2013. № 1 (21). С. 77–83; *Его же*. Правовое регулирование режима военного плена в СССР в период Второй мировой войны: теория и практика // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 3. С. 82–92; *Сидоров С. Г.* Влияние мировых войн на развитие международного права о военнопленных // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 5 (29). С. 130–138; *Конасов В. Б.* Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Вологда, 1996; Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13. Немецкие военнопленные в СССР 1941–1955 гг. М., 1999; Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. М., 2000; и др.

закрепленное конвенцией «О законах и обычаях сухопутной войны»¹, где впервые был определен принцип гуманного отношения к военнопленным, обязательного к соблюдению и исполнению всеми участниками вооруженных конфликтов. Принципы этой Конвенции были подтверждены и развиты международным сообществом во Второй Гаагской конвенции 1907 г. и Женевских 1929 г. и 1949 г.

Женевская конвенция 1929 г. об обращении с военнопленными представляла собой, по существу, пересмотр действующей в период Первой мировой войны (1914–1918 гг.) Гаагской конвенции 1907 г., в ходе которой только на территории России и Германии в плену оказались около шести миллионов человек, которые содержались в тяжелых условиях². «Конвенция об обращении с военнопленными» 1929 г. была первым самостоятельным международным соглашением о статусе военнопленных и международных требованиях их содержания. Она была разработана по инициативе Ассамблеи Международного Красного Креста, прозвучавшей еще в 1921 г., но только 27 июля 1929 г. главы делегаций от 47 государств подписали новую Конвенцию. Она вступила в силу 19 июня 1931 г., содержала 97 статей, подробно определявших положение военнопленных, и являлась действующим международным документом в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) на территориях подписавших ее государств.

Конвенция 1929 г. определила правовой статус военнопленных на принципах гуманизма, провозгласила их права и установила обязанности государства-страны их пребывания, подробно регламентировала условия содержания военнопленных и правила международного контроля за их соблюдением от момента захвата военнопленных и до их освобождения.

¹ Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. (1774–1906). Варшава, 1906. С. 520–561.

² *Сидоров С. Г.* Влияние мировых войн на развитие международного права о военнопленных...

Правовой статус военнопленного приравнивался к положению заключенного удерживающего его государства, на которое соответственно возлагались все обязанности по его содержанию: обеспечение водой, питанием, жильем, одеждой и лечением (ст. 11–12). При этом отдельно оговаривались права военнопленных на уважение их личности и чести, личного имущества, а также право женщин на адекватное обхождение. Как следствие, были запрещены репрессии по отношению к военнопленным, их коллективные наказания, удерживающая сторона обязывалась хоронить умерших военнопленных с уважением их человеческого достоинства и содержать в порядке места их захоронения (ст. 76).

Конвенция содержала требования гарантии сохранения жизни и здоровья военнопленных. Во-первых, она устанавливала правила эвакуации военнопленных из зоны боевых действий: ее способ и место должны были обеспечить их безопасность, а продолжительность пешего марша не должна была превышать 20 км (ст. 7, 8). Во-вторых, запрещалось размещение в одном помещении военнопленных разных полов, в антисанитарных и пожароопасных условиях, а также вблизи от зоны военных действий (ст. 9, 10). Пищевой рацион устанавливался на уровне военнослужащих, которые находились на казарменном положении воюющие страны, а лишение предоставления еды и воды в качестве наказания запрещалось. При этом предусматривалась возможность при лагерях, где содержались военнопленные, организация лавок, в которых можно было приобрести пищевые продукты и предметы обихода. Военнопленным разрешалось курить табак. Во избежание возникновения эпидемий предписывалось раз в месяц проводить их медицинский осмотр (ст. 13–15). Для военнопленных офицеров выделялись денщики из состава военнопленных солдат той же страны.

Конвенция допускала использование труда военнопленных, поскольку их статус был приравнен к положению заключенных удерживающего государства. Однако четко его регламентировала: запрещалось использовать труд военнопленных на работах, которые превышали их физические

возможности, в районах боевых действий, на работах, которые могли нанести вред их здоровью и угрозу жизни; разрешалось привлекать к труду только рядовой состав, над которыми надзирать должны были унтер-офицеры из состава военнопленного контингента армии того же государства; офицеров из состава военнопленных разрешалось привлекать к работам исключительно на добровольной основе (ст. 27–34). Рабочее время военнопленных регулировалось гражданским законодательством района пребывания военнопленных, с обязательным предоставлением полного выходного дня. Труд военнопленных должен был оплачиваться или по тарифным расценкам, действующим в национальной армии, или по тарифам на выполненные работы, или по соглашению между воюющими странами. Привлеченных к труду военнопленных следовало обеспечить спецодеждой. Ухудшение условия их труда могло быть только в качестве меры дисциплинарного взыскания. За военнопленными закреплялось право на получение и отправку писем, доверенностей, завещаний, телеграмм и посылок (ст. 35–41).

Военнопленный признавался субъектом юридической ответственности, но не по принципу экстерриториальности, а, напротив, по законам и в соответствии с порядком специального судопроизводства, установленном для военнослужащих удерживающего государства. При этом военнопленный не мог быть лишен своего чина и преимуществ, присвоенных ему в той армии, к которой он принадлежал. О возбуждении судебного преследования военнопленного следовало уведомить государство-покровителя, а обвиняемому военнопленному обязательно должна была быть предоставлена защита. Вынесенный приговор военнопленный имел право обжаловать. В случае вынесения смертного приговора сообщалось государству-покровителю, а приговор не приводился в исполнение до истечения трех месяцев со дня предоставления сообщения (ст. 42–67).

Тяжелораненые и тяжелобольные военнопленные, а также сильно пострадавшие от несчастных случаев, подлежали освобождению из военного

плена и репатриации на родину или в нейтральные страны. После заключения мира между воюющими сторонами военнопленные обеих сторон должны были быть возвращены на родину (ст. 68–75).

Послевоенные международные соглашения в области законов и обычаев войны 1949 г. были выработаны на очередной Женевской международной конференции и представляли собой четыре международных договора – «Конвенцию об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях»; «Конвенцию об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море»; «Конвенцию об обращении с военнопленными»; «Конвенцию о защите гражданского населения во время войны» (все были подписаны в один день – 12 августа).

Новая Конвенция о военнопленных 1949 г. состояла из 143 статей, также провозглашала принцип гуманизма, но, кроме того, усилила международный контроль и ответственность государств за соблюдение режима содержания военнопленных и обязала страны-участницы разработать в национальном законодательстве правовой механизм соблюдения ее требований и ответственности за их нарушение. Кроме того, были развиты положения о гуманном обращении с обезоруженными военными неприятельской армии, медицинской помощи раненым и больным военнопленным. Конвенция предусматривала обеспечение военнопленного удостоверением личности, которое он был обязан предъявить в случае пленения. Отдельно запрещались любые незаконные действия или бездействия, которые могли иметь следствием повреждение здоровья или смерть военнопленного. Эти действия также квалифицировались как нарушение конвенции.

Остальные положения Конвенции 1949 г. детализировали и конкретизировали положения Конвенции 1929 г. по вопросам: учета пленного контингента и его эвакуации; размещения военнопленных; их обеспечения питанием, одеждой, бельем, медицинской помощью;

использования труда военнопленных; их связи с родственниками; получения корреспонденции и посылок; юридической ответственности военнопленных за правонарушения, совершенные на территории страны пребывания; прекращения плена и пр.

Женевскую конвенцию о содержании военнопленных от 27 июля 1929 г. Советский Союз отказался ратифицировать, основываясь на отрицании приоритета международного права над собственным законодательством и на том, что, как считало советское руководство, некоторые ее положения противоречили внутреннему законодательству Советского Союза, не соответствовали советской социалистической законности. Советское руководство заявило, что данный документ имеет буржуазный характер, так как подразумевает размещение в лагерях людей по «расовой и национальной принадлежности» и предусматривает льготы для офицерского состава¹, что противоречит принципам интернационализма и бесклассового характера советского общества. В советской печати от имени советского руководства утверждалось, что «режим, устанавливаемый этой конвенцией, представляется ему мало удовлетворительным»².

В научных публикациях «либеральной» направленности, вышедших в конце 1990 – начале 2000-х гг., факт отказа СССР от ратификации Женевских конвенций о военнопленных 1929 г. интерпретировался как причина беззащитности солдат и офицеров советской армии, оказавшихся в плену в ходе Второй мировой войны, а отказ от подписания еще и Конвенции 1949 г. – как основание несоблюдения СССР требований международного права применительно к содержанию германских военнопленных на своей территории, что ухудшало их положение по сравнению с тем, каким оно было установленными советскими правовыми актами. Эти оценки как отношения советского государства

¹ *Конасов В. Б.* Судьбы немецких военнопленных в СССР... С. 19.

² Женевская конвенция «Об улучшении участи раненных и больных в действующих армиях». М., 1932. С. 5.

к международному праву, так и собственно правового регулирования режима военного плена в СССР были направлены на полное очернение его внутренней и внешней политики в эпоху Второй мировой войны (предвоенный, военный и послевоенный период) путем фальсификации исторических фактов.

Во-первых, на Международной конвенции в Женеве 27 июня 1929 г., в которой СССР действительно не участвовал, были подписаны две Конвенции: «Об обращении с военнопленными» и «Об улучшении участи раненных и больных в действующих армиях». Если первую СССР не признал по причинам, указанным выше, то вторая была им ратифицирована: нарком иностранных дел М. М. Литвинов 26 августа 1931 г. подписал соответствующую декларацию, а 26 марта 1932 г. Конвенция «Об улучшении участи раненных и больных в действующих армиях» вошла в юридическую силу на территории СССР.

Во-вторых, уже в самом начале Великой Отечественной войны – 27 июня 1941 г. В. М. Молотов, занимавший на тот момент пост наркома иностранных дел, в телеграмме к председателю Международного Комитета Красного Креста сообщил о готовности СССР пересмотреть свое отношение к Гаагской конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» 1907 г., а затем 17 июля 1941 г. правительство СССР передало Германии ноту (через Швецию, поскольку дипломатические отношения между СССР и Германией были разорваны с 22 июня 1941 г.) о своем присоединении к Гаагской конвенции при условии взаимности. Далее от Народного комиссариата иностранных дел СССР последовали еще две ноты с аналогичным содержанием – 25 ноября 1941 г. и 27 апреля 1942 г.

В-третьих, послевоенную Женевскую конвенцию о военнопленных 1949 г. СССР подписал.

Однако и в годы войны международные стандарты и требования по отношению к военнопленным СССР соблюдал, но на основе внутреннего законодательства. В 1931 г. советское руководство заявило, что, не связывая

себя международными обязательствами, разработает собственный «Кодекс военного плена», который закрепит правила режима содержания военнопленных, соответствующие советскому законодательству и не хуже, чем они предусмотрены Женевской конвенцией. В итоге совместным Постановлением ЦИК и СНК был утвержден 19 марта 1931 г. проект «Положения о военнопленных»¹, основанный на принципах: пролетарского интернационализма (ст. 10); отрицания принципа экстерриториальности и распространения на военнопленных правоспособности по законам СССР (ст. 9, 21); равенства по признакам расы, национальности, вероисповедания и политических убеждений (ст. 12); недопустимости льгот для офицеров (ст. 12); необязательного привлечения военнопленных к работам (ст. 34)². В заключении А. Л. Малицкого, известного в то время юриста, приглашенного в качестве консультанта, отмечалось: «это Положение основано в общем на тех же принципах, как Женевская конвенция, как-то: воспрещение жестокого обращения с военнопленными, оскорблений и угроз, воспрещение применять меры понуждения для получения от них сведений военного характера, предоставление им гражданской правоспособности и распространение на них общих законов страны, воспрещение использовать их в зоне военных действий и т.д.»³. Следует отметить, что это заключение носило формальный характер, так как почти дословно повторяло наиболее важные статьи самого Положения. В день принятия «Положение о военнопленных» вступило в силу.

В действительности по содержанию Положение 1931 г. повторяло Женевскую конвенцию 1929 г. Однако главное отличие было в том, что в СССР на военнопленных распространялся не военный, а гражданский режим (ст. 9), отсюда они по своему статусу ничем не отличались от заключенных пенитенциарных учреждений, хотя формально советское Положение сохраняло принципы гуманного отношения к военнопленным.

¹ Военнопленные в СССР... С. 60–64.

² Там же. С. 61–63.

³ Там же. С. 64.

Кроме того, разработчики отказались от детализации нормативного правового регулирования режима содержания и механизма гарантий прав военнопленных. В основу проекта «Положения о военнопленных» была заложена идея, сформулированная в упомянутом выше заключении Малицкого, о том, чтобы «издать, по возможности, краткий закон, не воспроизводящий деталей всех тех гарантий, которые дает Женевская конвенция, с тем чтобы эти детали составили предмет исполнительных к закону инструкций». Иными словами, правовой механизм гарантий прав военнопленных и их реальное положение ставились в прямую зависимость от ведомственных инструкций и предметно-практической деятельности органов исполнительной власти. Это обстоятельство, как следствие, вызывало неопределенность правового положения военнопленных в СССР, что отразилось на режиме содержания польских военнопленных в СССР после вооруженного столкновения между СССР и Польшей в 1939 г. «Инструкцией о содержании и трудовом использовании военнопленных в Северном железнодорожном лагере»¹ и приказом наркома НКВД СССР Л. П. Берия «Об организации военных трибуналов войск НКВД СССР при управлениях строительства Северо-Печорской железнодорожной магистрали»² польские военнопленные получили статус заключенных, привлекались к строительным работам и судились военными трибуналами наравне с заключенными.

При этом Положение 1931 г., следуя принципу пролетарского интернационализма, предоставило политические права военнопленным, принадлежавшим к рабочему классу и крестьянству (ст. 10); разрешило им создавать лагерные комитеты, выражающие интересы солдат (ст. 14–15), поскольку считалось, что они набираются из состава пролетарских и крестьянских слоев; запретило в военном плену денщикество и ношение знаков различия (ст. 18). В этой связи в литературе принята точка зрения,

¹ Лебедева Н. С. Катюнь: преступление против человечества. М., 1994. С. 237–242.

² ГАРФ. Ф. 9401 с. Оп. 12. Д. 57. Л. 82.

что разработчики Положения исходили из мысли о том, что военнопленные будут союзниками, которые сложили оружие. И с этим следует согласиться, учитывая надежды и чаяния большевиков на мировую пролетарскую революцию и пролетарское содружество всех стран. Однако уже в первые дни «освободительного похода в Польшу» 1939 г. выявилась утопичность этой идеи¹.

В связи с вышесказанным объяснимо решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. о расстреле 25700 польских военнопленных, как «заклятых врагов советской власти», и направлении 12 тыс. польских военнопленных (бывших военнослужащих и полицейских) в исправительно-трудовые лагеря в отдаленные районы Европейского Севера². Но оно объяснимо только с позиций политики, идущей в разрез с базовыми принципами права и человечности.

В самом начале Великой отечественной войны, а точнее 1 июля 1941 г. Постановлением СНК СССР было принято новое «Положение о военнопленных», ставшее основным нормативным правовым актом, определявшим положение военнопленных в СССР. Оно состояло из шести разделов: общие положения; эвакуация военнопленных, условия содержания военнопленных и их правовое положение, трудовое устройство военнопленных, уголовная и дисциплинарная ответственность военнопленных; организация справок и помощи военнопленным, и содержало в те же правовые принципы и механизмы, что и Положение 1931 г., а именно: гуманизм (запрет на жесткое обращение с военнопленными, оскорбление их человеческого достоинства); неприкосновенность их личности и имущества; обеспечение безопасности жизни и т. д. В части определения правового положения военнопленных им гарантировалось право на жизнь, медицинскую помощь, обеспечение жилым

¹ Яжборовская И. С., Яблоков А. Ю., Парсаданова В. С. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2001. С. 65.

² Райский Н. С. Вторая мировая война и судьбы польских военнопленных // Отечественная история. 1995. № 5. С. 137.

помещением, одеждой, продовольствием. Кроме того, военнопленные могли за свой счет дополнительно приобретать (но только в специальных лавках при лагерях) продукты, одежду и предметы личной гигиены.

В отличие от предыдущего Положения 1931 г. (также проекта 1939 г., так и не вступившего в действие) новым Положением 1941 г. военнопленным солдатам и офицерам разрешалось ношение военной формы, воинских знаков различия и отличия. Кроме того, в нем уточнялись правила и требования к использованию труда военнопленных. Оно допускалось только с их согласия «как в лагере, так и вне лагеря в промышленности и сельском хозяйстве Союза ССР на основании особых правил, разрабатываемых Управлением НКВД СССР по делам о военнопленных и интернированных», при условии оплаты их труда «в размере, устанавливаемом Управлением НКВД СССР по делам о военнопленных и интернированных», из которого удерживаются расходы на их содержание. Запрещалось использовать труд заключенных в районах боевых действий и в личных интересах администрации лагеря.

С другой стороны, режим содержания военнопленных усиливался. Так, неисполнение военнопленными приказаний администрации лагеря приравнивалось к воинскому преступлению, и они подвергались дисциплинарным взысканиям, виды и порядок которых определялись правилами, разрабатываемыми и утверждаемыми Управлением НКВД СССР по делам о военнопленных и интернированных. В случае уголовного преследования Постановление 1941 г. предусматривало обязательство со стороны советского руководства сообщать о судебном приговоре в отношении военнопленного исполкому Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца в срок не позднее 20 дней с момента его вынесения, а о применении высшей меры наказания – немедленно, и приводить его в исполнение не ранее чем через месяц после информирования международной организации.

Таким образом, по своему основному содержанию советское «Положение о военнопленных» от 1 июля 1941 г. соответствовало Женевской конвенции 1929 г. Однако поскольку оно регулировало порядок обращения с военнопленными исключительно на территории СССР, то имело важное и принципиальное отличие от международных правовых стандартов: в нем не был предусмотрен контроль за содержанием военнопленных со стороны Международного комитета Красного Креста; не оговаривалась возможность обжалования приговора в случае судебного преследования военнопленного. В Положении 1941 г. не определялись условия и срок репатриации военнопленных, однако и Женевская конвенция указывала только на одно условие репатриации – заключение мира между воюющими сторонами.

Начало формированию аппарата военного плена и интернирования в СССР было положено приказом наркома НКВД СССР Л. П. Берия «Об организации лагерей для военнопленных» № 0308, изданном 19 сентября 1939 г.¹ В соответствии с этим приказом в составе НКВД СССР было организовано Управление по военнопленным. Цели и задачи нового органа определялись Положением «Об Управлении по делам военнопленных при НКВД СССР», а именно: руководство приемом, учетом, размещением, содержанием и трудовым и трудовым использованием военнопленных, а также политической и культурно-просветительской работой в их среде².

В соответствии с приказом от 19 сентября 1939 г. в структуре НКВД СССР было образовано Управление по военнопленным. Однако, когда в 1940 г. после присоединения Литвы в систему начали поступать интернированные, новая структура в составе НКВД была переименована в Управление по делам о военнопленных и интернированных (УПВИ) и сохраняла такое наименование до 1945 г. К концу войны в связи с ростом военнопленных и, соответственно, с ростом числа лагерей, УПВИ было

¹ Военнопленные в СССР ... С. 234.

² Там же. С. 74–75.

переименовано в Главное управление НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ НКВД СССР).

После того как основная масса германских военнопленных стала возвращаться на родину, систему для содержания военнопленных 20 июня 1951 г. опять переименовали в УПВИ МВД СССР. К началу 1953 г. основная часть военнопленных была репатриирована. В этой связи 14 марта 1953 г. была проведена очередная реорганизация и Управление по делам военнопленных и интернированных в связи с реорганизацией МВД СССР было расформировано, а его функции переданы Тюремному управлению МВД СССР.

Лагеря для военнопленных по своей структуре и принципам функционирования мало чем отличались от лагерей ГУЛАГ. Территорию лагеря также обносили колючей проволокой, строили ту же систему контроля и охраны, с такой же инфраструктурой. В лагерях УПВ работали те же кадры, что и в лагерях ГУЛАГ, а охрану осуществляли конвойные войска НКВД¹. Также, по аналогии с ГУЛАГ, формировалась структура лагеря для военнопленных и состояла из таких подразделений, как канцелярия, особое, политическое, учетно-распределительное, хозяйственное, финансовое, санитарное отделения, команда внутренней охраны и пожарная команда². Организационная связь системы содержания германских военнопленных и интернированных с ГУЛАГом конкретизировалась в том, что ее остатки после расформирования влились в структуру ГУЛАГ.

В годы Великой Отечественной войны практика реализация правовых норм и принципов, определенных «Положением о военнопленных» 1941 г. страдала частными отступлениями от их требований в сторону ужесточения режима содержания германских военнопленных, что было predetermined

¹ Кузьминых А. Л. Эволюция системы ГУПВИ НКВД–МВД СССР...

² Бичехвост А. Ф. К истории создания и функционирования специальных лагерей для советских военнопленных // История пенитенциарной системы в России в XX веке: сборник материалов международного научного семинара. Вологда, 2007. С. 68.

закономерным ожесточением войны, идущей «не на жизнь, а на смерть» и оскудением экономических ресурсов СССР. Объективной предпосылкой ужесточения режима содержания германских военнопленных являлось правомочие НКВД СССР, предоставленное ему Положением 1941 г. (впрочем, как и ранее, Положением 1931 г.), издавать различные ведомственные акты (инструкции, приказы и регламенты и пр.), детализировавшие нормативное правовое регулирование порядка размещения и режима содержания военнопленных «Положения о военнопленных» 1941 г. Например, во «Временной инструкции о конвоировании военнопленных из приемных пунктов в лагеря-распределители частями конвойных войск НКВД СССР» от 4 июля 1941 г., а также в «Инструкции о порядке учета и содержания военнопленных в лагерях НКВД» от 7 августа 1941 г.¹ администрации лагеря не запрещалось изымать у военнопленных личные вещи и документы, а военнопленные были лишены права обращаться на нее с жалобами в вышестоящие инстанции. Вместе с тем от принципа гуманизма в отношении к военнопленным ведомственные акты НКВД СССР не отступали. Так, «Инструкция о порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД» от 13 августа 1941 г. требовала от исполняющих органов обеспечивать военнопленных продовольствием, одеждой, обувью, постельными принадлежностями, денежным довольствием².

Дополнительная инструкция № 75 УПВИ НКВД СССР от 22 февраля 1943 г. упорядочила прием, хранение и возврат валюты и ценностей, принадлежавших военнопленным, и возложила на администрацию лагеря ответственность за сохранность имущества военнопленных. Администрация лагеря была обязана проводить инвентаризацию имущества военнопленных и проверять его сохранность, а в случае утери личных вещей или ценностей,

¹ Военнопленные в СССР... С. 74–75.

² Там же. С. 388.

принятых на хранение от военнопленных, возмещать им стоимость пропавших вещей за счет лиц, виновных в их утрате¹.

В 1942–1943 гг. вышли директивы и приказы, которые регулировали правила использования труда военнопленных. Директива УПВИ НКВД № 28/7309 от 17 июля 1942 г. соответствовала в этой части Положению 1941 г. Женевской конвенции 1929 г., а приказ НКВД СССР № 00675 от 6 апреля 1943 г. установил для военнопленных восьмичасовой рабочий день, четыре обязательных выходных дня в месяц и восьмичасовой ежедневный ночной отдых². В 1943 г. был принят ряд нормативных, ведомственных документов, которые определяли порядок транспортировки военнопленных, их размещение в приемно-пересыльных пунктах, применение мер дисциплинарного воздействия, правил обеспечения теплой одеждой в северных зонах страны и др.

В полном соответствии с Женевской конвенцией и Положением СССР о военнопленных находилась Инструкция НКВД СССР «О санитарном обеспечении военнопленных и спецконтингентов при поступлении на приемные пункты и фронтовые приемно-пересыльные лагеря НКВД и при железнодорожных перевозках» от 6 октября 1943 г. Она предписывала, чтобы по пути маршрута следования военнопленных оборудовались пункты питания и санитарно-пропускные пункты, а также запрещала отправлять в тыловые лагеря больных и раненых военнопленных, требуя направлять их в госпиталь.

В 1943–1945 гг. НКВД СССР разрабатывало и издавало инструкции, разъяснявшие случаи, когда охрана имела право на применение оружия, меры дисциплинарного взыскания за побег, требования к оборудованию рабочих мест в местностях с холодным климатом и т. д. Так, в «Инструкции по службе внутренних нарядов в лагерях НКВД для военнопленных и интернированных», введенной приказом НКВД № 001132 от 4 октября

¹ Русский архив: Великая Отечественная. Немецкие военнопленные... С. 408.

² Там же. С. 326, 320.

1945 г., предписывалось применять оружие только в крайнем случае, когда другие методы воздействия «оказались безрезультативными»¹. Специальное распоряжение УПВИ № 28/00/6936 «О недопустимости избиений военнопленных охраной и личным составом управлений лагерей» от 4 сентября 1944 г., еще раз обращало внимание администрации лагерей, что военнопленные могут привлекаться только к дисциплинарной ответственности, а рукоприкладство по отношению к ним запрещено. Подобные подзаконные нормативные правовые акты, уточняющие и разъясняющие Положение 1941 г., принимались на протяжении всего военного и послевоенного периода, а правовое регулирование статуса военнопленного постоянно совершенствовалось, внося в него ясность.

Всего за период Великой Отечественной войны было пленено и интернировано более пяти миллионов иностранных граждан². Подробную информацию о численности германских военнопленных приводит А. Л. Кузьминых: «среднегодовая численность спецконтингента в СССР в 1940–1956 гг. составляла 4 183 522 чел., в том числе заключенных ИТЛ и ИТК – 1 799 355 (43,0%), спецпереселенцев – 1 942 077 (46,4%), военнопленных – 393 875 (9,4%)»³. По его наблюдениям, решающее влияние на количество военнопленных оказывали успехи Красной армии на фронте: «в 1939–1943 гг. на долю военнопленных и интернированных приходилось от 1 до 3% от численности спецконтингента. В завершающий период войны данная пропорция меняется в сторону увеличения, составляя на начало 1945 г. 16,7%, 1946 г. – 40,3%, 1947 г. – 32,2%, 1948 г. – 22,2%, 1949 г. – 10,9%. К 1950 г. «узники войны» составляли 1% спецконтингента, а в 1956 г. – 0,1%»⁴. По данным В. П. Мотревич, в 1941 г. в СССР было 9 147 военнопленных

¹ Русский архив: Великая Отечественная ... С. 126.

² Кузьминых А. Л. Развитие системы органов и учреждений военного плена и интернирования в СССР (1939–1956) // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 5. С. 6.

³ Кузьминых А. Л. Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт (1939–1936 гг.). Автореф. дис. ... д.и.н. Архангельск, 2014. С. 25.

⁴ Кузьминых А. Л. Система военного плена и интернирования в СССР ... С. 25.

Германии и ее союзников, в течение 10 месяцев 1942 г. к ним добавилось более 10 тыс., а в период ноября 1942 – февраля 1943 г. – еще свыше 150 тыс. Всего, по его оценкам, «в плену на территории СССР оказалось 4,1 млн военнопленных германской армии и ее союзников»¹. Он же за период 1941–1942 гг. указывает цифру германских военнопленных и их союзников в 20 тыс.² М. Н. Потемкина и А. Е. Любецкий, также ссылаясь на отечественные источники, указывают, что в СССР в плену находилось свыше 4,3 млн. иностранных военнопленных, «из которых погибло более 580 тыс.»³.

На численный состав военнопленных на каждом из этапов Великой Отечественной войны влияли положение на фронтах, условия содержания военнопленных, экономические возможности государства создать эти условия и обеспечить их питанием, жильем и медицинской помощью⁴. При этом уровень заболеваний и смертности не всегда зависели от условий содержания военнопленных и санитарного состояния лагерей. Например, весной 1943 г. рост заболеваемости и смертности германских военнопленных был обусловлен тем, что после «Сталинградского котла» немецкие военнослужащие попадали в плен в крайнем истощении, уже отягощенные смертельными заболеваниями. В иных случаях на количество военнопленных и на уровень их смертности влияли условия содержания и принципы обращения с ними.

География лагерей и их численность также обширная, а их количество увеличивалось по мере успешного продвижения советских войск на Запад до Берлина. Согласно списку, утвержденному НКВД СССР, на 1 марта 1943 г. было 35 лагерей (их них 4 офицерских), а в начале 1944 г. – 52 (6 офицерских, 34 для рядового состава, 12 фронтовых тюремно-

¹ *Мотревич В. П.* Иностранные военнопленные Великой Отечественной войны на Урале: численность, состав, размещение // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 6. С. 79

² Там же. С. 79.

³ *Потемкина М. Н., Любецкий А. Е.* Проблемы размещения и содержания иностранных военнопленных на территории Челябинской области в 1943–1947 гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 2 (56). С. 160.

⁴ Там же. С. 163.

пересыльных), в которых находилось более 100 тысяч военнопленных¹. Подобные лагеря располагались в Средней Азии, на Ставрополье, в Астраханской области, Урале, Сибири, Белоруссии, Прибалтике. В 1945 г. количество военнопленных и интернированных увеличилось за счет того, что в соответствии с постановлением постановления № 7467 СС от 3 февраля 1945 г. НКВД СССР вменялось в обязанность интернировать всех способных носить оружие мужчин в возрасте от 17 до 50 лет из Верхней Силезии и Восточной Пруссии, а также немцев – руководителей низовых национал-социалистических партийных и административных органов².

Устройство лагерей было типовым. Территорию лагеря обносили колючей проволокой, строили ту же систему контроля и охраны, с такой же инфраструктурой, как и лагеря для заключенных ГУЛАГ. Структура лагеря формировалась по аналогии с ГУЛАГом, подразделения которого уже упоминались в данной работе.

Каждого прибывшего военнопленного было необходимо зарегистрировать, изъять у него запрещенные к хранению вещи, при этом выдать квитанцию на материальные ценности, которые администрация приняла на хранение. Личные вещи и документы оставались у военнопленного. После прибытия все военнопленные подвергались санитарной обработке: стрижке, мытью в бане, дезинфекции одежды.

Жизнь в лагере военнопленных подчинялась утвержденному распорядку, в котором обязательно выделялось время на культурно-массовую работу. Военнопленные были обязаны беспрекословно выполнять все распоряжения администрации, которая, в свою очередь, не имела права относиться к ним грубо; беречь лагерный инвентарь, за который они несли материальную ответственность. К работам, связанным с обустройством лагеря и самообслуживанием, военнопленные привлекались в обязательном

¹ Бондаренко Е. Ю. Формирование и деятельность управления по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР на Дальнем Востоке России (30–50-е годы XX в.) // Россия и АТР. 2003. № 4 (42). С. 53.

² Там же.

порядке и на безвозмездной основе. Например, условия и режим содержания в лагере № 343 (г. Псков) А. В. Филимонов описывает так: «Утро в лагере начиналось с физзарядки, осмотра внешнего вида. Движение на объекты осуществлялось только строем, с соблюдением воинской дисциплины. Командиры рот и батальонов проживали в отдельных помещениях, командиры взводов и отделений – в обособленных помещениях. В каждом лагерном подразделении предусматривались штрафные взводы и роты с особым режимом, куда препровождались на срок до трех месяцев симулянты, воры, недисциплинированные, склонные к побегу. В штрафных подразделениях устанавливался 12-часовой рабочий день с обязательным выполнением выработки, при систематических отказах работать военнопленные привлекались к уголовной ответственности и наоборот, при добросовестном отношении к труду – могли досрочно освобождаться»¹.

В условиях ведения войны на своей территории СССР было сложно выполнить все декларированные принципы и требования к условиям содержания военнопленных. Так, в июне 1941 г. были установлены суточные нормы питания военнопленных: на одного человека выделялось «600 г ржаного хлеба, 90 г круп, 10 г макарон, 40 г мяса, 120 г рыбы, 20 г муки 85-процентного помола, масла растительного, сахара и соли, 600 г картофеля и других овощей, 1,5 г суррогатного чая, 6 г томат-пюре, 0,13 г перца и 0,2 г лаврового листа»², что соответствовало нормам питания советских заключенных и медицинским нормам нормального физического функционирования организма человека. Эти нормы питания были доведены до сведения исполнителей телеграммами Генерального штаба от 23 июня и от 26 июня 1941 г., а также ориентировкой УПВИ НКВД СССР от 29 июня 1941 г.³ Однако по мере ухудшения дел на фронте нормы питания военнопленных пересмотрели. «В соответствии с постановлениями Совета

¹ *Филимонов А. В.* Иностранные военнопленные в Пскове (1945–1949 гг.) // *Метаморфозы истории.* 2002. № 2. С. 133.

² Там же.

³ *Военнопленные в СССР...* С. 398.

народных комиссаров СССР от 30 июня и 6 августа 1941 г., были установлены четыре нормы суточного пищевого довольствия военнопленных: 1 – основная; 2 – для находящихся в лечебных заведениях лагерей и приемных пунктах НКВД; 3 – для находящихся в оздоровительных командах; 4 – для этапирруемых с приемных пунктов в глубь страны. Кроме того, военнопленным, занятым на внутрилагерных работах или на заготовке дров, дополнительно полагалось 100 г хлеба в сутки»¹. Из рациона исчезло мясо, сократились нормы выдачи хлеба, картофеля, овощей и рыбы. Летом 1942 г. нормы питания были пересмотрены из-за роста численности военнопленных и одновременным ухудшением экономической ситуации в стране ввиду продолжающихся военных действий, а именно было устранено деление военнопленных на группы по нормам питания. «Все военнопленные, независимо от состояния их здоровья, стали получать продукты по основной норме (исключение делалось лишь для работающих, которым продолжали выдавать ежедневно дополнительно 100 г ржаного хлеба)»². Но и в такой ситуации контингент военнопленных обеспечивался трехразовым горячим питанием. Например, А. Д. Абросимов по лагерю № 270 (Новгородская область) приводит следующие архивные данные: «завтрак из одного блюда, обед из двух блюд и ужин из одного блюда, кроме этого утром и вечером подавался чай или кофе»³. Он также отмечает: «Закладка продуктов в котел на кухнях военнопленными также производилась в присутствии дежурного офицера и медсестры, о чем составлялись акты. Указанные мероприятия исключали возможность недодачи продуктов со склада или хищения военнопленными продуктов

¹ Военнопленные в СССР... С. 398.

² Сидоров С. Г. Организация питания военнопленных в СССР в 1941–1945 гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Философия. Вып. 1. Волгоград, 1996. С. 76.

³ Абросимов А. Д. Деятельность лагеря для военнопленных № 270 МВД СССР за период с июня 1942 по 31 декабря 1949 г.: режим содержания военнопленных и материально-техническое обеспечение // Вестник Новгородского государственного университета. 2013. № 73–1. С. 79.

с кухни. В результате положенные продукты по нормам питания полностью доводились до военнопленных и интернированных»¹.

Кроме того, администрация лагерей осознавала, что в тяжелых военных условиях ГУЛАГ и лагеря системы УПВ–ГУПВИ снабжались по остаточному принципу, поэтому она старалась решить проблему обеспечения военнопленных питанием и одеждой путем организации и ведения подсобного лагерного хозяйства. В послевоенный период у военнопленных появилась возможность приобретать дополнительное питание покупкой продуктов в лагерных ларьках и получать с родины продовольственные посылки.

Оказание медицинской помощи военнопленным наладилось не сразу из-за нехватки медицинского персонала, основная масса которого была мобилизована на фронт. К тому же серьезный ущерб здоровью военнопленных и их высокая смертность в 1941–1942 гг. были вызваны сезонным несоответствием их обмундирования. Командование вермахта рассчитывало на молниеносную победную компанию в летние месяцы 1941 г. и никак не ожидало увязнуть на Восточном фронте в зимний период, а большинство германских солдат были одеты в летнее обмундирование, в лучшем случае – в демисезонное. Поэтому германские военнослужащие попадали в плен с серьезными простудными заболеваниями и их осложнениями, изможденные холодом. Чтобы обеспечить военнопленных одеждой по сезону, в лагеря отправляли выбракованное обмундирование, которое в лагерных мастерских пытались отреставрировать.

В целом, как считают современные исследователи, заболеваемость среди военнопленных и интернированных, за исключением категории пораженных в боях, была во многом аналогична заключенным исправительно-трудовых лагерей и колоний. Наиболее распространенными болезнями были дистрофия, авитаминозы, пневмония, туберкулез,

¹ *Абросимов А. Д.* Деятельность лагеря для военнопленных № 270... С. 79.

дизентерия, сыпной и брюшной тиф. За годы пребывания в плену через лагерные лазареты и спецгоспитали прошел почти каждый военнопленный¹.

В конце войны и послевоенный период условия содержания военнопленных улучшились. Если в годы войны «были лагеря и приемные пункты, где военнопленные содержались в землянках, на голых нарах, зачастую в антисанитарных условиях», то «к началу 1948 г. военнопленных, которые еще находились в таких условиях переводили в бараки с двухъярусными железными кроватями или нарами вагонного типа с минимальным набором мебели: стол, стул, шкаф, умывальник»². Была увеличена норма жилой площади на человека с 2 до 2,1 м². «Постепенно лагеря оборудовались столовыми, лагерная площадь озеленялась, в банно-прачечных блоках устанавливались стиральные машины, создавались спортивные городки и футбольные площадки, начали работать мастерские по ремонту обмундирования»³.

В послевоенный период военнопленные полностью обеспечивались одеждой за счет получения со складов окружных управлений военного снабжения МВД военных округов имущества, «выносившего сроки носки в воинских частях МВС СССР и частично нового», а его ремонт и реставрация проводились в мастерских, которые укомплектовывались специалистами – сапожниками и портными из числа самих военнопленных»⁴. В зимний период военнопленные обеспечивались валенками и полушубками.

Одновременно улучшалось медицинское обслуживание: военнопленные получали его в том же объеме, что и советские

¹ Кузьминых А.Л. Спецгоспитали для военнопленных в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 3 (31). С. 97–102; Маркдорф Н.М. Организация медицинского контроля за трудовым использованием иностранных военнопленных в западной Сибири после окончания Второй мировой войны // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 1 (4) С. 218–223; Вавулинская Л.И. Повседневность плена: иностранные военнопленные в Карелии (1944–1949 годы) // Труды Карельского научного центра РАН. Серия: Гуманитарные исследования. РАН. 2013. № 4. С. 84.

² Потемкина М.Н., Любецкий А. Е. Проблемы размещения и содержания иностранных военнопленных... С. 163.

³ Там же.

⁴ Абросимов А. Д. Деятельность лагеря для военнопленных № 270 ... С. 80.

военнослужащие. А. Л. Кузьминых связывает это с тем, что хорошее физическое состояние германских военнопленных было нужно для их использования «на предприятиях и стройках СССР, а также стремлением показать преимущества советского строя»¹. Он же указывает: «В отличие от заключенных, большинство пленных трудилось не на объектах НКВД-МВД, а предоставлялось в качестве рабочей силы другим ведомствам на договорных началах»². Его позицию разделяет А. В. Филимонов, отмечая, что «установка режима на «сохранение физического состояния контингента» для его активного использования заставляла органы НКВД и руководство находящихся в его ведении лагерей принимать определенные меры для улучшения труда и жизни военнопленных»³. Другой исследователь, С. Г. Сидоров, пишет: «военнопленных использовали в качестве рабочей силы в топливно-энергетической промышленности, дорожном строительстве, строительстве и эксплуатации предприятий тяжелой индустрии, лесозаготовках и производстве стройматериалов, в гражданском строительстве, судостроительной промышленности, в работах по восстановлению морских и речных портов, в легкой и пищевой промышленности, в сельском хозяйстве, при изготовлении продукции ширпотреба»⁴. В. П. Мотревич также приводит данные об использовании труда военнопленных на Урале: «В мае 1942 г. был издан приказ НКВД СССР об использовании военнопленных на торфоразработках Наркомата электростанций в Свердловской области, на основании которого военнопленных первоначально разместили в специально отведенных зонах – лагерях для советских заключенных»⁵. Большинство исследователей разделяет точку зрения о том, что лагеря для военнопленных в СССР создавались для использования их труда на восстановлении народного

¹ *Кузьминых А. Л.* Эволюция системы ГУПВИ НКВД–МВД СССР ...

² Там же.

³ *Филимонов А. В.* Иностранные военнопленные в Пскове... С. 134.

⁴ *Сидоров С. Г.* Труд военнопленных в СССР. 1939–1956 гг.: автореферат дис. ... д.и.н. Волгоград, 2001. С. 32.

⁵ *Мотревич В. П.* Иностранные военнопленные Великой Отечественной... С. 79

хозяйства, разрушенного войной: ведь в СССР почти все трудоспособное население было призвано на фронт, а значительная часть мирного населения на оккупированных территориях была либо вывезена в Германию на работы, либо подверглась геноциду фашистских захватчиков¹. А. В. Филимонов, исследуя положение германских военнопленных в лагере № 343 (г. Псков), указывает, что труд военнопленных использовался «на погрузочно-разгрузочных работах, разборе руин и завалов, а также строительными организациями, испытывавшими нехватку рабочих рук»².

Здесь нужно отметить, что ставка на использование труда военнопленных была сделана с самого начала становления системы военного плена в СССР. Согласно «Положению об Управлении НКВД Союза СССР по делам о военнопленных и интернированных», утвержденного заместителем наркома внутренних дел СССР С. Н. Кругловым 3 августа 1942 г., в составе УПВИ был образован организационно-производственный отдел, имевший задачей организацию трудового использования военнопленных, интернированных и спецконтингента. С одной стороны, это лишнее указывало на то, что советское законодательство приравнивало правовой статус военнопленных к положению заключенных в учреждениях ГУЛАГа, а с другой – не противоречило принципам Женевской конвенции «Об обращении с военнопленными» 1929 г. Поэтому, как отмечает Л. И. Вавулинская: «Внутренний распорядок лагерей был подчинен интересам трудоиспользования и сохранения физического состояния военнопленных»³. Она также считает, что «условия содержания военнопленных могли значительно различаться в зависимости не только от расположения лагерных отделений, рода работы, но и от принадлежности к привилегированным категориям. В лучших материальных условиях оказывались квалифицированные специалисты, бригадиры, кухонный

¹ *Филимонов А. В.* Иностранцы военнопленные в Пскове... С. 133.

² Там же.

³ *Вавулинская Л. И.* Повседневность плена: иностранцы военнопленные в Карелии (1944–1949 годы) // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Серия: Гуманитарные исследования. РАН. № 4.2013. С. 84.

персонал, парикмахеры, сапожники, портные, а также представители антифашистских групп»¹.

Оценивая режим содержания германских военнопленных в лагере № 270 (Новгородская область), А. Д. Абросимов заверяет: «В устройстве и охране лагеря не усматривалось серьезных нарушений. Высокий процент военнопленных (83,7%), водворенных обратно в лагерь после побега, низкий процент убитых, а также методы недопущения новых побегов говорят о должном исполнении охранниками своих обязанностей и корректном, насколько это было возможно, отношении к бывшим солдатам противника»².

Таким образом, разработанные в СССР правовые акты о положении военнопленных и интернированных, как показал их анализ, в основном соответствовали международным стандартам. Непризнание СССР Женевской конвенции 1929 г., явившееся следствием понимания сущности международного права как буржуазного и враждебного социалистическому праву, противоречащего принципам пролетарского интернационализма, стало причиной крупного шага в развитии советского законодательства в направлении разработки собственных нормативных правовых актов, определяющих основополагающие принципы содержания военнопленных, обращения с ними, их права и обязанности и исходящих из содержания социалистических и интернациональных норм и принципов. Сочетание социалистических и интернациональных посылов в разработке Положений о военнопленных, принятых сначала в 1931 г., а затем в 1941 г. привели к тому, что их содержание и принципы в конечном итоге согласовывались с основополагающими принципами гуманного отношения к военнопленным и интернированным, зафиксированными в Женевских конвенциях 1929 г.

Однако те же предпосылки вызвали к жизни особенности правового механизма реализации принципов гуманизма и военной необходимости в обращении с военнопленными на территории СССР в годы Второй мировой

¹ Там же. С. 85.

² *Абросимов А. Д.* Деятельность лагеря для военнопленных № 270... С. 79.

войны. «Положение о военнопленных» 1941 г., как и предшествующее ему «Положение» 1931 г., определяли только общие положения в определении правового статуса военнопленных. В соответствии со сложившейся системой форм правообразования и их иерархией в СССР детальное правовое регулирование положения и определение правового статуса военнопленных определялось преимущественно инструкциями и приказами НКВД СССР, как центробразующего силового ведомства, обеспечивающего внутреннюю безопасность советского общества и государства в условиях тоталитарного политического режима и, в особенности, военного противостояния с фашистской Германией.

Существенным отличием «Положения о военнопленных» 1941 г., являлась его политическая окраска, которую придавал классово-пролетарский, интернациональный подход к военнопленным. Такой подход предполагал, что солдаты армии противника – это трудящиеся, которые под давлением враждебного им класса буржуазии вынуждены защищать их интересы в международном вооруженном конфликте, отсюда военнопленные рассматривались как потенциальные союзники в борьбе за освобождение рабочих и крестьян от гнета эксплуататоров. Исходя из тех же соображений пролетарского интернационализма, была зафиксирована необходимость организации и тщательного, системного проведения среди военнопленных просветительской политической работы и советской пропаганды.

В итоге остается констатировать, что основные принципы советского законодательства в определении правового статуса германских военнопленных и интернированных соответствовали основополагающим международным принципам гуманного отношения к военнопленным. Фактическое же положение военнопленных в СССР в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период, не во всем отвечавшее требованиям международного и советского права, прямо зависело от экономических возможностей советского общества и государства.

Библиографический список

1. *Абросимов, А. Д.* Деятельность лагеря для военнопленных № 270 МВД СССР за период с июня 1942 по 31 декабря 1949 г.: режим содержания военнопленных и материально-техническое обеспечение / А. Д. Абросимов // Вестник Новгородского государственного университета. 2013. № 1 (73).
2. *Амелин, А. Б.* Международно-правовое регулирование военного плена: Автореф. дис. ... к.ю.н. М., 1954.
3. *Бичехвост, А. Ф.* К истории создания и функционирования специальных лагерей для советских военнопленных / А. Ф. Бичехвост // История пенитенциарной системы в России в XX веке. Вологда, 2007.
4. *Бондаренко Е. Ю.* Формирование и деятельность управления по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР на Дальнем Востоке России (30–50-е годы XX в.) / Е. Ю. Бондаренко // Россия и АТР. 2003. № 4 (42).
5. *Вавулинская, Л. И.* Повседневность плена: иностранные военнопленные в Карелии (1944–1949 годы) / Л. И. Вавулинская // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Серия: Гуманитарные исследования. 2013. № 4.
6. Военнопленные в СССР. 1939–1956: документы и материалы; [сост. М. М. Загорулько, С. Г. Сидоров, Т. В. Царевская]; под ред. М. М. Загорулько. М.: Логос, 2000. 1120 с.
7. *Долколюк, А.* Иностранцы военнопленные и интернированные в Сибири: 1943–1950 / А. Долколюк, Н. М. Маркдорф. М., 2016.
8. Женевская конвенция об улучшении участи раненных и больных в действующих армиях: Принята на международной дипломатической конференции в Женеве 27 июля 1929 г. М., 1932.
9. *Конасов, В. Б.* Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы: Очерки и документы / В. Б. Конасов. Вологда, 1996.
10. *Кузьминых, А. Л.* Международное право и «узники войны»: проблема правовой защиты военнопленных и интернированных лиц / А. Л. Кузьминых // Пенитенциарная наука. 2012. № 4 (20).
11. *Кузьминых, А. Л.* Международное право и «узники войны»: проблема правовой защиты военнопленных и интернированных лиц / А. Л. Кузьминых // Пенитенциарная наука. 2013. № 1(21).
12. *Кузьминых, А. Л.* Правовое регулирование режима военного плена в СССР в период Второй мировой войны: теория и практика / А. Л. Кузьминых // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011; № 3 (5).
13. *Кузьминых, А. Л.* Развитие системы органов и учреждений военного плена и интернирования в СССР (1939–1956) / А. Л. Кузьминых // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 5.

14. *Кузьминых, А. Л.* Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт (1939–1936 гг.): автореф. дис. ... д.и.н. Архангельск, 2014.
15. *Кузьминых, А. Л.* Спецгоспитали для военнопленных в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период / А. Л. Кузьминых // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 3 (31).
16. *Кузьминых, А. Л.* Органы и учреждения военного плена и интернирования Второй мировой войны в СССР (1939–1956 гг.) / А. Л. Кузьминых. Вологда, 2013.
17. *Кузьминых, А. Л.* Эволюция системы ГУПВИ НКВД–МВД СССР: (генезис, эволюция, распад (1939–1953 гг.) / А. Л. Кузьминых // Бесплатная электронная библиотека: [сайт]. URL: <http://os.x-pdf/ru/20raznoe/452342-1-a-kuzminih-sistema-gupvi-nkvd-mvd-sssr-genezis-evoiyuciya-rasp/php>.
18. *Лебедева Н. С.* Катынь: преступление против человечества / Н. С. Лебедева. М., 1994.
19. *Маркдорф, Н. М.* Организация медицинского контроля за трудовым использованием иностранных военнопленных в западной Сибири после окончания Второй мировой войны / Н. М. Маркдорф // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 1 (4).
20. *Мотревич, В. П.* Иностранные военнопленные Великой Отечественной войны на Урале: численность, состав, размещение / В. П. Мотревич // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 6.
21. *Потемкина, М. Н.* Проблемы размещения и содержания иностранных военнопленных на территории Челябинской области в 1943–1947 гг. / М. Н. Потемкина, А. Е. Любецкий // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 2 (56).
22. *Райский, Н. С.* Вторая мировая война и судьбы польских военнопленных / Н. С. Райский // Отечественная история. 1995. № 5.
23. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2): Немецкие военнопленные в СССР 1941–1955 гг.: книга первая: сборник документов [авт.-сост. В. Н. Варганов]. М., 1999.
24. *Сидоров, С. Г.* Влияние мировых войн на развитие международного права о военнопленных / С. Г. Сидоров // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 5 (29).
25. *Сидоров, С. Г.* Организация питания военнопленных в СССР в 1941–1945 гг. / С. Г. Сидоров // Вестник Волгоградского университета. Серия 4: История. Философия. 1996. Вып. 1.
26. *Сидоров, С. Г.* Труд военнопленных в СССР. 1939–1956 гг.: Автореферат дис. ... д. и. н. Волгоград, 2001.
27. Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами (1774–1906) / под ред. В. Н. Александренко. Варшава, 1906. 586 с.

28. *Филимонов, А. В.* Иностранные военнопленные в Пскове (1945–1949 гг.) / А. В. Филимонов // *Метаморфозы истории.* 2002. № 2.

29. *Яжборовская, И. С.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях / И. С. Яжборовская, А. Ю. Яблоков, В. С. Парсаданова. М., 2001.

РАЗДЕЛ 11

Ложь и правда о заградительных отрядах в период Великой Отечественной войны

Методические рекомендации по теме

Настоящие методические рекомендации предназначены для использования при подготовке и проведении научных, научно-просветительских и воспитательных мероприятий в рамках концепции «Стратегии развития и воспитания Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г., по противодействию фальсификации истории России с сотрудниками центральных и практических подразделений органов внутренних дел, курсантами и слушателями образовательных организаций МВД России, а также для совместных мероприятий подразделений и учреждений МВД России с иными государственными, общественными и просветительскими организациями Российской Федерации.

Цели методических рекомендаций:

– оказать содействие в разоблачении представлений, нашедших распространение в учебной и публицистической литературе, ориентированных на дискредитацию деятельности заградительных отрядов в период Великой Отечественной войны, освещавшихся исключительно в негативном ключе;

– определить основные направления фальсификации деятельности заградительных отрядов в период Великой Отечественной войны, раскрыть их вклад в Великую Победу.

Задачи методических рекомендаций:

– ознакомить с историографией проблемы;

– раскрыть причины и цели фальсификации и искажения исторических фактов о деятельности заградительных отрядов в период Великой Отечественной войны;

– продемонстрировать научные средства и методы преодоления противоречивого или искаженного восприятия и оценки известных исторических фактов о деятельности заградительных отрядов в период Великой Отечественной войны на основе исторических фактов, их научного анализа и историко-правовой оценки.

Ложь и правда о заградительных отрядах в период Великой Отечественной войны

Новый виток нагнетания напряженности в идеологическом, в том числе информационном, противостоянии России и коллективного Запада оживил дискуссии по целому ряду болезненных военно-исторических проблем. Вопросы о причинно-следственном комплексе начала Великой Отечественной войны, сравнительные характеристики Вермахта и РККА, стратегическое искусство советского и немецкого генералитетов, цена Победы – все эти темы вновь стали драматичными и сверхактуальными. Споры по этим вопросам ведутся не одно десятилетие и не только профессионалами, но и простыми обывателями, сознание которых формируется, в основном, социальными сетями, отечественным и зарубежным кинематографом, средствами массовой информации¹.

Со времен «оттепели» в умах так называемых «шестидесятников» прочно культивировалась мысль о том, как во время Великой Отечественной войны заградительные отряды якобы расстреливали наших отступающих военнослужащих. В компаниях интеллигенции, собирающихся в «квартирниках», нередко можно было услышать под аккомпанемент гитары песню примерно следующего содержания:

¹ Мельник Е. В. «Ни шагу назад!». Факты против вымыслов // Служу Закону. 2022. № 7 (109). С. 12.

*Эта рота наступала по болоту,
А потом ей приказали, и она пошла назад.
Эту роту расстрелял из пулемета
Свой же заградительный отряд.*

Трудно сказать, хотел ли режиссер Николай Досталь, чтобы в людях укоренились подобные стереотипы, когда снимал свой сериал «Штрафбат». Но независимо от желания режиссера, миф о штрафных батальонах очень силен. Особенно в молодом сознании.

О заградотрядах придумано слишком много лжи и небылиц, в основном из-за отсутствия проверенной информации: «Гнали энкаведешники войска вперед под дулами пулеметов... И просто рисуется отъевшаяся на казенных харчах ряха в синей фуражке, прильнувшая щекой к прикладу пулемета. Расстреливали заградотряды отступавшие части... Тоже жуткая картина. Бойцы выходят разрозненными группами из боя, несут раненых, а их встречает кинжальный огонь с безопасных позиций. Боль, недоумение, горечь»¹.

К сожалению, требуя для себя «свободы от идеологии», искусство зачастую навязывает публике личные предвзятые установки того или иного «делателя искусства». Но общество должно и вправе знать реальную картину произошедшего.

Какова правдивая, не основанная на домыслах, а основанная на документах, история заградотрядов? Какова истинная цель отрядов и каким потенциалом они обладали?

История заградительных отрядов начинается с того, что в феврале 1941 г. НКВД был разделен на собственно Наркомат внутренних дел и Наркомат государственной безопасности. Согласно постановлению Совнаркома СССР от 8 февраля 1941 г. военная контрразведка была выделена из НКВД и передана наркоматам обороны и Военно-морского флота СССР. 27 июня 1941 г. Третье управление Наркомата обороны СССР издает Директиву № 35523 о работе своих органов в военное время. В ней,

¹ Цит. по: *Мединский В. Р.* Война. Мифы СССР. 1939–1945. М., 2011. С. 294.

в частности, была предусмотрена организация подвижных контрольно-заградительных отрядов на дорогах, железнодорожных узлах, для прочистки лесов и т. д., выделяемых командованием с включением в их состав оперативных работников органов Третьего управления с задачами:

- а) задержания дезертиров;
- б) задержания всего подозрительного элемента, проникшего на линию фронта;
- в) предварительного расследования, производимого оперативными работниками органов Третьего управления НКВД (1–2 дня) с последующей передачей материала вместе с задержанными по подсудности»¹.

Как можно видеть, группа первоначального заграждения должна задерживать только дезертиров и подозрительных лиц, которые появляются вблизи линии фронта, и проводить предварительные расследования, после чего задержанные должны передаваться соответствующим судебным органам.

В июле 1941 г. Наркомат внутренних дел и Наркомат государственной безопасности вновь объединяют. Формируются особые отделы, которые также переходят в подчинение НКВД. Это способствовало установлению более тесной связи между ними и территориальными органами государственной безопасности. Им предоставлялось право ареста дезертиров и, при необходимости, расстрела их на месте. Также при особых отделах дивизий были сформированы отдельные стрелковые взводы, а при особых отделах фронтов – стрелковые роты, входящие в состав Наркомата внутренних дел.

Особые отделы, выполняя поставленные задачи, применяли заградотряды в тылу наших войск. Читаем, например, такой документ.

«Инструкция для особых отделов НКВД Северо-Западного фронта по борьбе с дезертирами, трусами и паникерами:

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Начало. Кн. 1. С. 92–93.

§ 4. Особые отделы дивизии, корпуса, армии в борьбе с дезертирами, трусами и паникерами осуществляют следующие мероприятия:

а) организуют службу заграждения путем выставления засад, постов и дозоров на войсковых дорогах, дорогах движения беженцев и других путях движения, с тем чтобы исключить возможность какого бы то ни было просачивания военнослужащих, самовольно оставивших боевые позиции;

б) тщательно проверяют каждого задержанного командира и красноармейца с целью выявления дезертиров, трусов и паникеров, бежавших с поля боя;

в) всех установленных дезертиров немедленно арестовывают и ведут следствие для предания их суду военного трибунала. Следствие заканчивать в течение 12-часового срока;

г) всех отставших от части военнослужащих организуют повзводно (поротно) и под командой проверенных командиров в сопровождении представителя особого отдела направляют в штаб соответствующей дивизии;

д) в особо исключительных случаях, когда обстановка требует принятия решительных мер для немедленного восстановления порядка на фронте, начальнику особого отдела предоставляется право расстрела дезертиров на месте. О каждом таком случае начальник особого отдела доносит в особый отдел армии и фронта;

е) приводят в исполнение приговор военного трибунала на месте, а в необходимых случаях – перед строем;

ж) ведут количественный учет всех задержанных и направленных в части и персональный учет всех арестованных и осужденных;

з) ежедневно доносят в особый отдел армии и особый отдел фронта о количестве задержанных, арестованных, осужденных, а также о количестве переданных в части командиров, красноармейцев и материальной части»¹.

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Начало. Кн. 1. С. 371–372.

Согласно Директиве Управления особых отделов НКВД СССР № 39212 от 28 июля 1941 г. «Об усилении работы заградительных отрядов по выявлению и разоблачению агентуры противника, перебрасываемой через линию фронта», «...одним из серьезных средств выявления засылаемых к нам агентов германской разведки являются организованные заградительные отряды, которые должны тщательно проверять всех без исключения военнослужащих, неорганизованно пробирающихся с фронта в прифронтовую полосу, а также военнослужащих, группами или в одиночку попадающих в другие части»¹.

К сентябрю 1941 г. военная обстановка значительно ухудшилась.

Через неделю подобная тактика распространяется на все фронты.

«12 сентября 1941 года.

Опыт борьбы с немецким фашизмом показал, что в наших стрелковых дивизиях имеется немало панических и прямо враждебных элементов, которые при первом же нажиме со стороны противника бросают оружие, начинают кричать «Нас окружили!» и увлекают за собой остальных бойцов. В результате подобных действий этих элементов дивизия обращается в бегство, бросает материальную часть и потом одиночками начинает выходить из леса. Подобные явления имеют место на всех фронтах. Если бы командиры и комиссары таких дивизий были на высоте своей задачи, паникерские и враждебные элементы не могли бы взять верх в дивизии. Но беда в том, что твердых и устойчивых командиров и комиссаров у нас не так много.

В целях предупреждения указанных выше нежелательных явлений на фронте Ставка Верховного главнокомандования приказывает:

1. В каждой стрелковой дивизии иметь заградительный отряд из надежных бойцов, численностью не более батальона (в расчете по 1 роте на стрелковый полк), подчиненный командиру дивизии и имеющий в своем

¹ *Пыхалов И.* Великая Оболганная война. М., 2005. С. 356–363.

распоряжении, кроме обычного вооружения, средства передвижения в виде грузовиков и несколько танков или бронемашин.

2. Задачами заградительного отряда считать прямую помощь комсоставу в поддержании и установлении твердой дисциплины в дивизии, приостановку бегства одержимых паникой военнослужащих, не останавливаясь перед применением оружия, ликвидацию инициаторов паники и бегства, поддержку честных и боевых элементов дивизии, не подверженных панике, но увлекаемых общим бегством.

3. Обязать работников особых отделов и политсостав дивизий оказывать всяческую помощь командирам дивизий и заградительным отрядам в деле укрепления порядка и дисциплины дивизии.

4. Создание заградительных отрядов закончить в пятидневный срок со дня получения настоящего приказа.

5. О получении и исполнении командующим войсками фронтов и армий донести.

Ставка Верховного главнокомандования

И. Сталин

Б. Шапошников»¹.

В отличие от заградительных отрядов, которые продолжали существовать в особом отделе НКВД и в основном сосредоточены на задержании дезертиров и подозреваемых, армейские заградительные отряды были созданы для предотвращения несанкционированного вывода войсковых частей. Эти отряды были намного крупнее (по одному батальону на дивизию вместо одного взвода), и их личный состав набирался не из сотрудников НКВД, а из обычных солдат Красной Армии. Они имели право применять оружие – не для того, чтобы расстреливать отступающие части и подразделения, а для устранения паники и инициатора бегства.

¹ Директива Ставки ВГК № 001919 командующим войсками фронтов, армиями, командирам дивизий, главнокомандующему войсками Юго-Западного направления о создании заградительных отрядов в стрелковых дивизиях // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Начало. Кн. 2. С. 85–86.

Функции заградбатальонов частично представлены в постановлении Военного совета Ленинградского фронта № 00274 от 18 сентября 1941 г. «Об усилении борьбы с дезертирством и проникновением вражеских элементов на территорию г. Ленинграда». В нем конкретно указывается:

«5. Начальнику ОВТ Ленинградского фронта генерал-лейтенанту тов. Степанову организовать для сосредоточения и проверки всех военнослужащих, задержанных без документов, четыре заградительных отряда. Начальнику тыла Ленинградского фронта генерал-лейтенанту тов. Мордвинову организовать при этих заградительных отрядах питательные пункты».

Там нет ни слова о том, что войска были отогнаны противником под дулом пулемета, или что заградотряды огнем отрезали дорогу отступающим войскам и т.д. В другом типичном документе того времени:

«Сообщение комиссара госбезопасности 3-го ранга С. Мильштейна народному комиссару внутренних дел Л. П. Берия о действиях Особых отделов и заградительных отрядов войск НКВД СССР за период с начала войны по 10 октября 1941 года.

Совершенно секретно

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

Генеральному комиссару государственной безопасности

товарищу БЕРИЯ

СПРАВКА

С начала войны по 10-е октября с. г. Особыми отделами НКВД и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла задержано 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта.

Из них оперативными заслонами Особых отделов задержано 249 969 человек и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла – 407 395 военнослужащих.

Из числа задержанных Особыми отделами арестовано 25 878 человек, остальные 632 486 человек сформированы в части и вновь направлены на фронт.

В числе арестованных Особыми отделами:

шпионов – 1 505

диверсантов – 308

изменников – 2 621

трусов и паникеров – 2 643

дезертиров – 8 772

распространителей провокационных слухов – 3 987

самострельщиков – 1 671

других – 4 371

Всего – 25 878

По постановлениям Особых отделов и по приговорам Военных трибуналов расстреляно 10 201 человек, из них расстреляно перед строем – 3 321 человек»¹.

Можно еще привести пример о деятельности одного из полков, выполнявшего задачи по охране тыла пятидесятой армии:

«Донесение № 8695 командования войск НКВД по охране тыла Западного фронта начальнику Политуправления войск НКВД СССР П. Н. Мироненко о партийно-политической работе и боевой деятельности 34-го мотострелкового полка войск НКВД за период с 3 октября по 20 ноября 1941 г.:

23 ноября 1941 г.

1. Боевая деятельность полка. 34-й полк войск НКВД сформирован в первых числах октября с.г. из остатков 84-го полка войск НКВД по охране железнодорожных сооружений, 171-го полка войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности и батальона пограничников

¹ *Топтыгин А. В.* Неизвестный Берия. М., СПб., 2002. С. 439–440.

из состава резервной группы войск НКВД СССР с приданными двумя артбатареями (45-мм и 76-мм).

Распоряжением начальника войск НКВД СССР генерал-майора тов. Аполлонова 3 октября 1941 г. полк убыл из из-под Москвы на фронт в направлении на г. Орел.

Ввиду того что до прибытия полка к месту назначения г. Орел оказался занятым противником, полк 5 октября 1941 г. выгрузился в г. Мценске, где закончил свое формирование и приступил к выполнению боевой задачи, поставленной ему командованием 4-й танковой бригады (ныне 1-й гвардейской танковой бригады).

Полку была поставлена задача – действовать в качестве передового отряда для обеспечения сосредоточения частей Красной Армии и занятия ими обороны в районе г. Мценска.

В соответствии с этой задачей полк занял оборону на южных и юго-западных подступах к г. Мценску, имея в качестве поддержки приданный артдивизион на огневых позициях западной окраины города.

9 октября 1941 г. подразделения полка вступили в бой с передовыми частями противника, действуя в контакте с 4-й танковой бригадой.

Противник наступал массированными группами танков, за которыми двигалась пехота во взаимодействии с авиацией. Несмотря на превосходство сил противника, полк в течение 9-10 октября 1941 г. несколько раз отражал атаки немцев и удерживал занимаемый рубеж.

С наступлением темноты 10 октября 1941 г. в соответствии с полученным приказом полк отошел на новый оборонительный рубеж, заняв оборону в районе дер. Долматово.

В результате боев под г. Мценском полком уничтожено 14 танков, две танкетки, две бронемашины, два орудия, два самолета и рассеяно до двух батальонов пехоты.

В этих боях полк имел потери: убитыми – 30 чел., ранеными – 91 чел., пропавшими без вести при отходе – 331 чел. (значительное количество

которых впоследствии вышло из вражеского окружения и присоединилось к полку и воинским частям Красной Армии), автомашин разбитых – 8, станковых пулеметов – 6, крупнокалиберных – 1, ручных пулеметов – 7, винтовок – 40, противотанковых ружей – 3, пистолетов «ТТ» – 2.

Действия полка в этих боях командованием 26-й армии и 4-й танковой бригады получили хорошую оценку; поставленную задачу полк выполнил полностью.

Особо отличившиеся в боях с германским фашизмом красноармейцы, командиры и политработники в количестве 66 человек представлены к правительственной награде.

В боях под г. Мценском и в районе Долматово большая работа была проделана разведкой полка, которая своевременно представляла сведения о противнике.

«...Задержано: дезертиров... 270 человек, бывших в плену у немцев 186, подозрительных как шпионов и диверсантов 6, антисоветского и контрреволюционного элемента 9, не организованно отходивших с фронта 9161, уклоняющихся от призыва 177, уголовно-преступного элемента 58, сомнительных, требующих проверки 272, уклоняющихся от трудового фронта 30, одиночек и групп отрядов рабочих 254. Задержанные направлялись в соответствующие органы для направления их на фронт, а часть из них – в особые отделы на предмет фильтрации и привлечения к ответственности. В процессе работы было установлено, что многие бродят группами, в одиночку и даже подразделениями, уклоняясь от встреч с заградительными отрядами войск НКВД»¹.

Идеологи разоблачения тоталитарного прошлого уверяли нас, что заградительные отряды занимались только стрельбой по нашим войскам. В этом случае тогда не ясно, зачем они организуют пункты кормления? Для того, чтобы накормить солдат перед расстрелом?²

¹ РГВА. Ф. 32880. Оп. 1. Д. 374. Л. 220–225 а.

² Пыхалов И. Указ. соч. С. 364–370.

Новая страница в истории заградительных отрядов начинается летом 1942 г. 28 июля выходит известный приказ № 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций», который, в частности, предписывал: «Надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступить... Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо если не прекратим отступление, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог...». В тексте подчеркивается тяжелое положение страны и ставится задача «Выдержать их удар сейчас, в ближайшие несколько месяцев...». Приказ отмечает вклад советского народа в дело обороны страны и обозначает слабое место – «Нельзя терпеть дальше командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции... чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу...» Устанавливается правило – «Ни шагу назад без приказа высшего командования»¹.

Для предотвращения паники и бегства с поля боя приказом предусматривается формирование в пределах фронта от 1 до 3 (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), комплектуемых из средних и старших командиров и политработников, проявивших трусость и неустойчивость, а также формирование в пределах армии штрафных рот (от 150 до 200 человек), комплектуемых из рядовых бойцов и младших командиров по тем же причинам. Штрафбаты и штрафные роты должны были направляться на трудные участки фронта для того, чтобы кровью искупить свою вину. Для укрепления порядка и дисциплины приказано было сформировать в пределах армии 3–5 хорошо вооруженных заградительных

¹ Приказы Народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. – 1942 г. М., 1997. Т. 13 (2–2). С. 276–279.

отрядов (около 200 человек в каждом), поставив их в тыл неустойчивых дивизий для предотвращения беспорядочного отхода частей.

Просматривая хронику войны, следует отметить, что буквально спустя день – 29 июля 1942 г. – Указом Президиума Верховного Совета СССР учреждались военные ордена: Суворова первой, второй и третьей степени, Кутузова первой и второй степени и Александра Невского, что говорит об использовании руководством страны всех возможных способов для поднятия боевого духа армии и советского народа. И здесь опять же историческая преемственность¹.

По воспоминаниям участников войны, заградотряды существовали далеко не везде, но где были, зачастую выступали в качестве заслона от проникновения вражеского элемента в тыл дивизии и принимали непосредственное участие в боевых действиях, возвращая бойцов на передовую.

Во время обороны Сталинграда заградительный отряд сыграл важную роль в наведении порядка в войсках и предотвращении неорганизованной эвакуации с занимаемой линии, а также возвращении большого количества солдат на передовую.

29 августа 1942 г. штаб 29-й стрелковой дивизии 64-й армии Сталинградского фронта был окружен прорвавшимися танками противника. Часть дивизии потеряла управление и в панике отступила в тыл. Отряд под командованием лейтенанта Филатова принял решительные меры, чтобы остановить отступающих солдат, и отправил их обратно на ранее занятую линию обороны. На другом участке этой дивизии противник попытался углубиться в оборону. Отряд вступил в бой, задержав продвижение противника. 14 сентября противник перешел в наступление против войск 399-й стрелковой дивизии 62-й армии. Солдаты и командиры 396-го и 472-го стрелковых полков в панике начали отступать. Начальник отряда, младший лейтенант Ельман, приказал своему отделению открыть огонь по

¹ Мельник Е. В. Указ. соч. С. 13.

отступающим. В результате личный состав этих полков был остановлен и через два часа полк занял переднюю линию обороны. 20 сентября немцы заняли восточную окраину Мелеховской. Под натиском противника сводная бригада начала самовольное отступление. Благодаря действиям 47-го армейского отряда Черноморских сил бригада восстановила порядок, заняла прежний маршрут и по инициативе политрука того же отряда Пестова совместными усилиями оттеснила противника от Мелеховской. В критический момент группа заграждения вступила в непосредственный бой с врагом, успешно сдержала его натиск и нанесла ему потери.

13 сентября 112-я стрелковая дивизия отошла с занимаемого рубежа под давлением противника. Отряд 62-й армии, возглавляемый лейтенантом Хлыстовым, оборонялся вблизи критической высоты. В течение четырех дней бойцы и командиры заградотряда отражали атаки противника, нанеся им большие потери. Отряд удерживал оборону до подхода подмоги.

15–16 сентября отряд 62-й армии успешно вел двухдневный бой с превосходящим противником в районе железнодорожного вокзала Сталинграда. Хотя количество людей было небольшим, отряд не только отразил немецкую атаку, но и контратаковал, нанеся противнику значительные потери в живой силе. Только когда на смену ему пришли войска 10-й пехотной дивизии, отряд покинул свой маршрут¹.

Из воспоминаний А. В. Пыльцына, в 1943-м – старшего лейтенанта и комвзвода в 8-м отдельном штрафном батальоне: «Что же касается “трудных участков”, то на войне легких и неопасных боевых задач не бывает... Когда наш штрафбат на заключительном этапе операции “Багратион” совместно с другими соединениями замыкал клещи окружения немецких войск в районе Бреста, то и штрафники, и гвардейцы бок о бок стояли насмерть. И кому здесь было труднее, кто больше положил жизней во имя грядущей Победы, ответить, пожалуй, никто не возьмется. Провоевав в штрафном батальоне с 1943 года до конца войны, я смею утверждать,

¹ Пыхалов И. Указ. соч. С. 370–378.

что никогда за нашим штрафбатом не было заградотрядов или других устрашающих сил. По приказу № 227 заградотряды создавались для того, чтобы выставлять их в тылу “неустойчивых” дивизий. А штрафбаты оказались исключительно стойкими и боеспособными, и заградотряды в тылу этих частей были просто не нужны. Конечно, я не могу говорить обо всех штрафных подразделениях, однако после войны я встречался со многими воевавшими в штрафбатах и в штрафных ротах и ни разу не слышал о заградотрядах, стоявших за ними»¹.

По мнению В. Р. Мединского, здесь было бы достаточно привести компетентное мнение специалистов. Например, такое: «Никому из исследователей пока еще не удалось найти в архивах ни одного факта, который подтверждал бы, что заградительные отряды стреляли по своим войскам. Не приводятся такие случаи и в воспоминаниях фронтовиков»². И этим ограничиться. Но ведь не поверят. Слишком большой пласт мифов накопился...

Не приводятся такие случаи и в воспоминаниях фронтовиков. Генерал армии Герой Советского Союза П. Н. Лащенко: «Да, были заградительные отряды. Но я не знаю, чтобы кто-нибудь из них стрелял по своим, по крайней мере на нашем участке фронта. Уже сейчас я запрашивал архивные документы на этот счет, таких документов не нашлось. Заградотряды находились в удалении от передовой, прикрывали войска с тыла от диверсантов и вражеского десанта, задерживали дезертиров, которые, к сожалению, были; наводили порядок на переправах, направляли отбившихся от своих подразделений солдат на сборные пункты. Скажу больше, фронт получал пополнение, естественно, необстрелянное, как говорится, пороху не нюхавшее, и заградительные отряды, состоявшие исключительно из солдат уже обстрелянных, наиболее стойких и мужественных, были как бы надежным и сильным плечом старшего.

¹ *Мединский В.Р.* Указ. соч. С. 244.

² См.: Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование / под ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 2001.

Бывало нередко и так, что заградотряды оказывались с глазу на глаз с теми же немецкими танками, цепями немецких автоматчиков и в боях несли большие потери. Это факт неопровержимый»¹.

После разгрома немецко-фашистской армии в Сталинграде и победы на Курской дуге война достигла переломного момента. С изменением обстановки на фронте в пользу Красной Армии необходимость в применении этих мер отпала, и к 15 ноября 1944 г. заградотряды фактически были расформированы.

Приказ Наркома обороны И. В. Сталина № 0349 от 29 октября 1944 г. «О расформировании отдельных заградительных отрядов»:

«В связи с изменением общей обстановки на фронтах необходимость в дальнейшем содержании заградительных отрядов отпала.

Приказываю:

1. Отдельные заградительные отряды к 13 ноября 1944 года расформировать.

Личный состав расформированных отрядов использовать на пополнение стрелковых дивизий.

2. О расформировании заградительных отрядов донести к 20 ноября 1944 года»².

Таким образом, заградотряды задерживали дезертиров и подозрительный элемент за линией фронта, не давая шанса отступающим войскам. В критических ситуациях они часто сами вступали в контакт с противником, а когда военная обстановка складывалась в нашу пользу, они начинали выполнять комендантские функции. Однако нет подтвержденных фактов, что заградотряды стреляли на поражение по своим войскам. Каждый заградительный отряд не только служил заслоном для предотвращения проникновения в тыл дезертиров, паникеров и немецких

¹ *Лащенко П.Н.* Продиктован суровой необходимостью // Военно-исторический журнал. 1988. № 8. С. 77.

² Великая Отечественная война 1941–1945. События. Люди. Документы. М., 1990. С. 452–453.

агентов, не только возвращал отбившихся от армии солдат на передовую, но и самостоятельно проводил непосредственные боевые операции с врагом, внося значительный вклад в Победу над фашистской Германией.

Библиографический список

1. Великая Отечественная война 1941–1945. События. Люди. Документы. М., 1990. 463 с.
2. *Лащенко, П. Н.* Продиктован суровой необходимостью / П. Н. Лащенко // Военно-исторический журнал. 1988. № 8.
3. *Мединский, В. Р.* Война. Мифы СССР. 1939–1945 / В. Р. Мединский. М., 2011.
4. *Мельник, Е. В.* «Ни шагу назад!». Факты против вымыслов / Е. В. Мельник // Служу Закону. 2022. № 7 (109).
5. *Мельник, Е. В.* К вопросу о фальсификации истории на примере приказа «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в красной армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций» от 28 июля 1942 года / Е. В. Мельник // Правовая культура и правовая идеология российского общества. М., 2021.
6. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. М., 2000.
7. *Пыхалов, И.* Великая Оболганная война / И. Пыхалов. М., 2005.
8. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Стат. исслед. / под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 2001. 607 с.
9. *Топтыгин, А. В.* Неизвестный Берия / А. В. Топтыгин. М.; СПб., 2002.

РАЗДЕЛ 12

Проблемы освещения деятельности органов внутренних дел в современной исторической учебной литературе для высших учебных заведений

Методические рекомендации по теме

Настоящие методические рекомендации и приложенные материалы предназначены для использования в подготовке и проведении научных, научно-просветительских и воспитательных мероприятий в рамках концепции «Стратегии развития и воспитания Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г., по противодействию фальсификации истории России с сотрудниками центральных и практических подразделений органов внутренних дел, курсантами и слушателями образовательных организаций МВД России, а также для совместных мероприятий подразделений и учреждений МВД России с иными государственными, общественными и просветительскими организациями Российской Федерации.

Цели методических рекомендаций:

– пропаганда достоверного исторического знания и разъяснение недостоверности в изложении вопросов по истории органов в вузовских учебниках по истории России;

– предоставление сотрудникам органов внутренних дел научных результатов систематизации, анализа и оценка исторических фактов о процессе становления и развития деятельности органов внутренних дел России.

Материалы настоящих методических рекомендаций могут быть использованы при подготовке учебной литературы по истории России для высших учебных заведений.

Задачи методических рекомендаций:

– информировать о деятельности органов внутренних дел России на узловых моментах ее истории;

– проанализировать нормативные правовые основы деятельности органов внутренних дел по охране порядка и борьбе с преступностью на разных этапах отечественной истории;

– показать, как на основе научного анализа и историко-правовой оценки следует преодолевать неверное восприятие и негативное оценивание исторических фактов о развитии России и отечественных органов внутренних дел;

– привить интерес к истории деятельности органов внутренних дел России и профессии сотрудника полиции.

**Проблемы освещения деятельности органов внутренних дел
в современной исторической учебной литературе
для высших учебных заведений**

Российские органы внутренних дел имеют славные традиции и богатую историю, которая позволяет не только совершенствовать отечественную правоохранительную систему, но и способствовать укреплению российского общества на современном этапе развития.

К сожалению, в современных вузовских учебниках по истории России почти не затрагиваются вопросы участия и положительной роли органов внутренних дел в ключевых событиях нашего прошлого.

Удивительно, но в учебниках по истории России для вузов, за редким исключением, отсутствует информация о создании полиции в период царствования Петра I. Как известно, именно при его правлении в России был проведен целый ряд кардинальных реформ, определивших развитие страны в последующее время, вплоть до революций 1917 г. Их насущная необходимость была обусловлена военной угрозой со стороны таких государств, как Швеция, Турция и Речь Посполитая, а также обострением

социальных противоречий внутри страны. Россия во главе с Петром I дала ответы на эти угрозы, реформировав военное дело, а также систему обеспечения порядка и борьбы с преступностью – как общеуголовной, так и политической.

Особое внимание Петр I уделял созданию новых армии и флота, понимая, что без них отстоять свой суверенитет и выстоять России перед лицом опасных соседей было бы очень сложно. Не касаясь темы военных реформ Петра I, отметим, что деятельность органов по охране порядка и борьбе с преступностью традиционно была тесно связана с армией, которая принимала участие в обеспечении порядка на территории страны. Регулярная полиция впервые в отечественной истории появляется в 1718 г. в Санкт-Петербурге.

О степени важности создания полиции говорит тот факт, что Петр I лично написал инструкцию, положившую начало формированию ее организационно-правовых основ: «Пункты, данные генерал-полицмейстеру Дивиеру для руководства» (1718 г.). Данные «Пункты» определяли основные направления деятельности полиции, указывая ее роль и место в абсолютной монархии, в которую быстро, благодаря неутомимой работе царя, трансформировалась Россия. Исходя из содержания «Пунктов», а также еще одного важнейшего документа эпохи становления российского абсолютизма, «Регламента Главного магистрата» (1721 г.), следует, что Петр I понимал полицию не просто как орган государства, а значительно более широко, как государственное управление в целом. В связи с этим нужно отметить, что царь-реформатор в этой сфере следовал общеевропейской тенденции упорядочения общественных отношений через всестороннюю их регламентацию, характерную для режима полицейского государства, которое появляется в Европе в период абсолютизма. Как совершенно верно указывают авторы монографии «Полиция Российской империи», «полиция, созданная Петром I, являлась в значительной мере

инструментом для ломки традиционного общества, его модернизации, «вестернизации»»¹.

Однако все эти столь важные для понимания прошлого нашего государства факты в большей части учебников по истории России вообще не рассматриваются! Более того в связи с вопросами обеспечения законности и порядка можно встретить и откровенно оскорбительное утверждение, как, например, в учебнике под редакцией члена-корреспондента А. Н. Сахарова: «Можно смело сказать, что в первой четверти XVIII в. в России не воровал лишь один царь»². Конечно, хотелось бы, чтобы в учебниках для студенческой молодежи были научно обоснованные объективные выводы, а не подобные пассажи.

Этот учебник, подготовленный кафедрой истории Новосибирского государственного архитектурного университета, указывает, что целью социальной политики Петра I являлось создание полицейского государства³, но никакой конкретики о полиции не содержит. При этом авторы учебника сетуют, что «вся система управления сверху донизу была подвержена взяточничеству, казнокрадству и неуважению законов»; Петр I вел жестокую борьбу с этим, но «зло взяточничества и казнокрадства неистребимо»⁴. Печально, что первокурсникам навязывается подобное негативное представление об одном из славнейших эпизодов нашей истории.

Ярким положительным примером кардинальных изменений происходивших в России при Петре I, может служить жизнь и деятельность А. М. Девиера, первого генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга. Еще юношей за свои способности Девиер был отмечен Петром I и привезен в Россию, которой стал верным слугой и сыном, достигнув, как и многие

¹ Борисов А. В., Малыгин А. Я., Мулукаев Р. С. Полиция Российской империи. М., 2014. С. 48.

² Сахаров А. Н., Боханов А. Н., Шестаков В. А. История России с древнейших времен до наших дней: учебник / под ред. А.Н. Сахарова. М., 2013. С. 336.

³ История России: учебник / под ред. Ю.И. Казанцева, В.Г. Деева. М., Новосибирск, 2002. С. 160.

⁴ Сахаров А. Н., Боханов А. Н., Шестаков В. А. Указ. соч. С. 155.

талантливые люди из тогдашних социальных низов, благодаря своим способностям и талантам высот, которые были невозможны при старых порядках. Но рассказа о Девиере, прошедшем головокружительный путь от юнги до генерал-полицеймейстера, даже малейшего упоминания о нем, в вузовских учебниках по истории России не найти.

Завершая обзор того, как в вузовских учебниках по истории России рассматривается вопрос о создании полиции, стоит отметить, что лишь в учебном пособии В. В. Рыбникова и Г. М. Ипполитова встречается хоть какая-то относительно развернутая информация: «В городах создали полицию, в регламенте Главного магистрата означенную как “душа гражданства и всех добрых порядков”». Однако, и здесь не все ладно – во-первых, наличествует ошибка названия органа (правильно не «магистрата», а «магистрата»), а во-вторых, отсутствует дата создания полиции, при этом информации о создании полиции предшествуют данные об учреждении в 1720 г. в Санкт-Петербурге Главного магистрата, что запутывает читателя в понимании времени появления полиции¹.

Столь же неудовлетворительной является ситуация с учебной литературой для вузов по отечественной истории о создании и деятельности Министерства внутренних дел Российской империи.

Хорошо известно, что в период правления императора Александра I были осуществлены реформы в сфере государственного управления. Одной из важнейших в их ряду явилась замена устаревших, введенных еще Петром I, коллегий новыми органами – министерствами.

Создание министерств опиралось на европейский опыт, но с учетом российских реалий. Первоначально в 1802 г. было учреждено восемь министерств, крупнейшим из которых было Министерство внутренних дел. Во главе МВД встал один из ближайших сподвижников царя, опытный чиновник, граф В. П. Кочубей. Казалось бы, для авторов учебников имеется

¹ Рыбников В. В., Ипполитов Г. М. Отечественная история. От древней Руси до XXI века. М., 2012. С. 105.

благодатный материал, на примере которого можно показать то, как развивается страна, отказываясь от старого в пользу нового, более современного и эффективного. Однако в большей части учебников о создании министерств имеется лишь мимолетное упоминание, иногда даже без указания их названий! И уж тем более в них, как правило, не говорится о роли в жизни огромной страны МВД, которому подчинялась и полиция, о которой, конечно, применительно к рассматриваемому периоду тоже ничего не написано. Впрочем, есть и исключения, правда сомнительного свойства. В учебном пособии В. В. Рыбникова и Г. М. Ипполитова фигурирует какое-то фантастическое название – Министерство внутренних дел и полиции¹. В учебнике под редакцией А. Н. Сахарова пишется о создании министерств, то тут же утверждается, что «старая российская система злоупотреблений, взяточничества, бюрократии быстро проникла и в новые органы власти»². К сожалению, умение видеть негатив в отечественной истории, не замечая положительного даже в передовых реформах, – общая черта части вузовских учебников по истории России.

При этом в учебниках много внимания уделяется одному из либеральных реформаторов начала XIX в., М. М. Сперанскому. Бесспорно, это был образованнейший, талантливый человек, мечтающий о глубоком преобразовании России, но многие предложенные им важные реформы (например, создание Государственной Думы) по разным причинам остались только на бумаге, при этом ни в одном учебнике не говорится о том, что он несколько лет занимал разные посты в Министерстве внутренних дел и именно по его предложению из МВД было выделено Министерство полиции, просуществовавшее до 1819 г. Проект Сперанского предполагал объединение общей и политической полиции с приданием министерству специализированных воинских формирований³. Быть может, в учебниках

¹ Рыбников В. В., Ипполитов Г. М. Указ. соч. С. 158.

² Сахаров А. Н., Боханов А. Н., Шестаков В. А. Указ. соч. С. 670.

³ Борисов А. В., Малыгин А. Я., Мулукаев Р. С. Полиция Российской империи. М., 2014. С. 92.

об этом не пишется потому, что подобным несколько затеняется его образ исключительно либерального «рыцаря без страха и упрека» или же, возможно, у ряда авторов учебников имеется какое-то странное психологическое неприятие положительной картины МВД и его сотрудников, не позволяющее признать, что и в Министерстве внутренних дел могут работать таланты. Безусловно, ситуацию нужно менять, иначе и дальше у российской студенческой молодежи не будет формироваться правильный, рациональный образ органов внутренних дел.

Похожую ситуацию мы можем наблюдать в вопросах освещения участия полиции в общенародной борьбе с наполеоновским нашествием. Отдельные редкие упоминания в вузовских учебниках по истории России не позволяют получить верное представление об участии стражей правопорядка в таком ключевом событии нашего исторического прошлого, как отражение наполеоновской агрессии 1812 г.

Студенты не только не узнают из большой массы учебников, что полиция сыграла важную роль в отражении агрессии Наполеона, но, как уже выше указывалось, даже и того, что в России вообще было Министерство полиции.

На страницах современных учебников в лучшем случае будет вскользь упомянута фамилия первого министра полиции Российской империи А. Д. Балашова, иногда, в рамках освещения министерской реформы императора Александра I, мелькнет название «Министерство полиции», но... на этом все.

В целом, авторы считают нужным упомянуть Балашова в считанном числе учебников в двух ситуациях: свержение с политического олимпа знаменитого М. М. Сперанского, где министр полиции представляется в отрицательном смысле (консерватор, «доносчик»¹) и знаменитая встреча

¹ А. В. Давиденко в своих работах убедительно показал ошибочность данной точки зрения о личности А. Д. Балашова. См., напр.: *Давиденко А. В. «Содействовать против всех вражеских замыслов и покушений...»: труды и подвиги российской полиции в эпоху 1812 г. М., 2020.*

с Бонапартом в самом начале французского вторжения в Россию, в которой Балашов выступил в роли царского посланника. Прискорбно, но такое яркий исторический сюжет, как словесная дуэль Балашова и Наполеона, описывается всего лишь в нескольких учебниках. Наиболее полно он представлен в издании под редакцией А. Н. Сахарова: «Александр поначалу хотел покончить дело миром и направил к Наполеону для переговоров генерала Балашова. Но Наполеон даже не принял царского посла и приказал ему следовать вместе с армией в Вильно. И только там он дал Балашову аудиенцию. Наполеон обрушил на генерала град упреков, отказался вести переговоры и дерзко спросил у него, каков самый короткий путь на Москву. На этот вопрос генерал находчиво ответил: «Карл XII шел через Полтаву».¹

В целом этот эпизод представлен в позитивной форме, однако нет никакой информации о том, что этот генерал, доверенное лицо императора, являлся министром полиции. И в большей части учебников по истории России о роли полиции в победе над Наполеоном не говорится вообще ни слова!²

Следует отметить, что в схватке, в которой решалась судьба не только России, но Европы, значительную роль сыграли стражи правопорядка. Почетное место в истории Отечественной войны 1812 г. занимают московские полицейские, находившиеся в подчинении столичного губернатора Ф. В. Ростопчина. Именно он в ночь на 2 (14) сентября 1812 г. руководил заседанием полицейских чинов, на котором встал очень болезненный вопрос о сожжении Москвы³, а также об осуществлении разведки оставляемыми в столице добровольцами-информаторами и их

¹ Сахаров А. Н., Боханов А. Н., Шестаков В. А. Указ. соч. С. 15.

² История России: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. / А. С. Орлов и др. М., 2021; История России: учебник для студентов вузов / Ф. О. Айсина и др.]; под ред. Г. Б. Поляк. М., 2017; Волков Е. А., Волкова Е. В. История России. Конец XVII – начало XX вв.: учебник для бакалавриата. М., 2019; Воробьева Э. А. История России с начала государственности до 1917 г.: учебник. Новосибирск, 2019; Спицын Е. Ю. Российская империя XVIII – начала XX в. Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. Кн. II. М., 2019; и т.д.

³ Удивительно, но в ряде учебников о причинах пожара Москвы вообще ничего не говорится.

оперативной связи с армейским командованием. Среди прочего полицейские–разведчики сообщили в штаб русской армии об оставлении французами Москвы и о чудовищном приказе маршалу Мортье взорвать Кремль, святыню русского народа.¹

Как правило, в современных учебниках по истории России для вузов верно оценивается вклад ополчения в борьбу с нашествием «двенадцати языков», но ни в одном не написано о том, что во многом он стал возможен благодаря действиям полиции. Так, например, во время знаменитого Бородинского сражения на поле битвы находилось около 30 тысяч московских ополченцев, собранных столичными властями с помощью и под руководством Министерства полиции. Ратники ополчения взяли на себя значительный по объему труд выноса раненых и подвоза боеприпасов, соответственно, значительная часть регулярной армии была освобождена от этого и получила возможность прямого участия в битве.

Несомненно, положительным фактором следует считать то, что во всех учебных изданиях звучат имена знаменитых военачальников М. И. Кутузова, П. И. Багратиона, М. Б. Баркляя-де-Толли, героев-партизан Д. В. Давыдова, А. Н. Сеславина, А. С. Фигнера, Г. М. Курина, В. Кожинной и др. При этом ни одного имени стража правопорядка времен борьбы с Наполеоном на страницах учебников не найти. Неужели полицейские, отличившиеся в ходе войны с Наполеоном, такие, например, как оставшиеся в Москве для разведки и диверсий, каждодневно рисковавшие жизнью, квартальный надзиратель П. И. Вороненко и его боевые товарищи, не достойны ни единого упоминания?

В одном из изданий внимание уделяется даже врачам, как русским, так и французским², но вот только почему-то полицейским чинам в учебниках по истории места не находится!

¹ *Шаховской А. А.* Первые дни в сожженной Москве // Наполеон в России глазами русских. М., 2004. С. 259.

² История Отечества: учебник / под ред. Е. П. Супруновой, Г. А. Трифоновой. Саратов, 2020.

Следует отметить, что на современном этапе развития отечественной науки интерес исследователей к истории российской полиции заметно возрастает: в научный оборот вводятся новые источники, растет количество профильных конференций, расширяется тематика научных исследований. Казалось бы, используя накопленные знания, авторам вузовских учебников по истории России не должно составить труда объективно оценить вклад полиции в победу над Наполеоном, однако этого пока что не происходит.

Положительным примером научно-обоснованного освещения роли полиции в отражении наполеоновской агрессии может служить курс лекций «История органов внутренних дел», авторами которого явились А. В. Давиденко, Н. В. Михайлова, Н. Л. Феднева и Н. Д. Эриашвили, но данная учебная дисциплина преподается только в вузах системы МВД¹.

В свете вышеизложенного представляется, что проблема освещения участия полиции в отражении наполеоновской агрессии является в настоящее время предельно актуальной. К сожалению, в современных учебниках по истории России почти не затрагиваются вопросы участия и роли полиции в деле общенародной борьбы с наполеоновским нашествием. Разрозненные редкие упоминания не дают возможности получить правильные знания об участии стражей правопорядка в таком важнейшем событии нашей истории, как отражение наполеоновской агрессии 1812 г.

Следует отметить, что вузовским учебникам по отечественной истории не повезло с верным освещением трудов на ниве служения Родине не только МВД и полиции царской России, но и НКВД (МВД) и милиции советского времени.

Ярким примером такого беззаветного служения является деятельность органов внутренних дел СССР в годы Великой Отечественной войны. Так, в каждом учебнике имеются различные факты о Сталинградской битве, победа в которой послужила началом коренного перелома в Великой

¹ История органов внутренних дел. Курс лекций / А. В. Давиденко, Н. В. Михайлова, Н. Л. Феднева, Н. Д. Эриашвили. М., 2017.

Отечественной войне. Иногда авторы приводят самые разнообразные сведения об этом событии, указывая даже, как, например, В. В. Фортунатов, перечень памятных объектов, связанных со Сталинградской битвой («в Волгограде (Сталинграде) на Мамаевом кургане возведен памятник-ансамбль «Героям Сталинградской битвы», есть Музей обороны, Дом Павлова...»)¹. Конечно, все эти объекты, достойны самого почтительного внимания, но почему автор не указывает возведенный еще в 1947 г. величественный памятник, на котором прикреплена мемориальная доска с текстом: «Чекистам, офицерам контрразведки Сталинградского фронта, солдатам и офицерам 10 дивизии войск НКВД, работникам милиции, погибшим при защите города от немецко-фашистских захватчиков. Август 1942 г. – февраль 1943 г.», совершенно не понятно². А ведь во многом благодаря именно сотрудникам органов внутренних дел удалось сначала остановить врага, не дав с ходу захватить город, а затем окружить его силы и уничтожить! Два полка 10-й дивизии из шести, сражавшихся за город, составляли сталинградцы, в остальных служили жители Иркутска, Новосибирска, Свердловска и др. Бойцы полков 10-й дивизии под командованием А. А. Сараева буквально вгрызлись в землю, безостановочно отражая атаки врага. Это дало возможность подойти 62-й армии В. И. Чуйкова и включиться бои по обороне города. По большому счету, именно героизм бойцов НКВД позволил состояться известной всему миру грандиозной битве, в которой были разгромлены лучшие части вражеской армии под командованием Ф. Паулюса. Не случайно, что только 10-я дивизия, единственная из сражавшихся в Сталинграде соединений НКВД, получила орден Ленина, высшую на тот момент государственную награду.

В целом нужно отметить, что в учебниках либо вообще не дается информации о деятельности органов внутренних дел в годы Великой

¹ *Фортунатов В. В.* Отечественная история: учебное пособие для гуманитарных вузов. СПб., 2010. С. 282.

² До открытия в 1967 г. монумента «Родина-мать» этот памятник был самым высоким в городе (общая высота 22 м).

Отечественной войны, либо она искажена и носит отчасти негативный характер, как, например, в уже упоминавшемся учебнике кафедры истории Новосибирского государственно-архитектурного университета. Данный учебник сообщает, что «не менее жестоким было постановление Государственного Комитета Обороны от 17 ноября 1941 г., разрешающее НКВД приводить в исполнение приговоры военных трибуналов к высшей мере наказания без утверждения их высшими судебными инстанциями...»¹. На самом же деле в документе говорилось о данном праве, во-первых, лишь в отношении «заклученных, приговоренных к высшей мере наказания, ныне содержащихся в тюрьмах в ожидании утверждения приговоров высшими судебными инстанциями», а во-вторых, касалось не только военных трибуналов, но и республиканских, краевых, областных судебных органов. Авторы верно пишут, что Особое совещание получило право выносить наказания вплоть до расстрела по делам об особо опасных государственных преступлениях, но тут же добавляют, что «под эту категорию могли подойти практически любые действия», то есть создается совершенно неверное впечатление, что Особое совещание НКВД могло отправить на казнь людей за любые нарушения². Авторы не уточняют, что право расстрела являлось временной мерой, введенной исключительно в условиях тяжелого военного положения и угрозы существованию нашему государству: в ноябре 1941 г., когда принималось данное суровое постановление ГКО, враг бросился на последний штурм Москвы и находился в нескольких десятках километров от Кремля! Есть основания считать, что ошибки, допущенные авторами данного учебника при анализе указанного выше нормативно-правового акта, обусловлены тем, что юриспруденция лежит вне сферы их компетенции.

В учебнике «История России» под редакцией члена-корреспондента РАН А. Н. Сахарова в параграфах, посвященных Великой Отечественной

¹ История России: учебник / под ред. Ю. И. Казанцева, В. Г. Деева. М., Новосибирск, 2002. С.415.

² За годы Великой Отечественной войны по решениям Особого совещания был расстрелян 10 101 человек.

войне, НКВД СССР прямо не упоминается, но есть информация об использовании труда заключенных по производству боеприпасов и другой военной продукции, а также сообщается, что более 150 тыс. узников ГУЛАГа «были досрочно освобождены и направлены в действующую армию, где многие из них доблестно сражались с врагом»¹, то есть даже уголовники заслужили доброе слово, а НКВД – нет.

Редчайшим исключением из общего числа учебной литературы по истории для вузов в части полноты освещения деятельности органов внутренних дел в 1941–1945 гг. является учебное пособие «Отечественная история. От древней Руси до XXI века», написанное В. В. Рыбниковым и Г. М. Ипполитовым².

В данной работе содержится параграф по освещаемой тематике (25.6 «Правоохранительные органы и УИС в годы войны»). В целом информация в пособии дается объективно, но ряд важных моментов истории участия органов внутренних дел в борьбе с фашистской Германией и ее союзниками не раскрыты: нет, например, ничего про истребительные батальоны, ОМСБОН, нет рассказов про героев-сотрудников органов внутренних дел и т. д.

При этом в указанном параграфе имеется абзац про штрафные батальоны, который изобилует неточной информацией. Авторы пишут, что заключенные специальными комиссиями переводились в штрафбаты³, хотя на самом деле штрафные батальоны были предназначены для осужденных из числа среднего командного и начальствующего (офицерского) состава, прочих же направляли в штрафные роты.

Не указывая источников, авторы утверждают, что немцы боялись штрафников больше обычных подразделений. Данное утверждение представляется сомнительным хотя бы потому, что другие советские части, количественно намного более многочисленные, чем штрафные (через

¹ Сахаров А. Н., Боханов А. Н., Шестаков В. А. Указ. соч.

² Рыбников В. В., Ипполитов Г. М. Указ. соч.

³ Там же. С. 380.

штрафные подразделения прошла лишь малая часть служивших в советских вооруженных силах, 1,24%).), наводили ужас на врагов гораздо чаще. Например, обстрелы их позиций нашими «катюшами», которые не состояли на вооружении штрафников, немцы в своих мемуарах без содрогания не вспоминают. И, конечно же, следует учитывать то, что штрафные подразделения поддерживались советской артиллерией, авиацией, танками, вместе с ними шли в атаки бойцы других пехотных частей, которые героически сражались и не щадили своих жизней в борьбе за свободу Родины.

Авторами указывается, что якобы только ранение позволяло штрафникам перейти в обычные подразделения, что не соответствует действительности. В штрафных подразделениях бойцы находились от одного до трех месяцев, после чего направлялись для дальнейшего прохождения службы в свои подразделения. Освобождались штрафники также после ранений или проявления исключительного мужество и храбрости.

Пишут авторы и о том, что за штрафниками стояли заградотряды, которые не давали им отступать. Следует отметить, что, во-первых, заградительные отряды по мере необходимости могли находиться в тылу и обычных подразделений, а во-вторых, заградотряды не всегда стояли за спинами штрафников.

Представляется необходимым отдельно рассмотреть вопрос об освещении в вузовских учебниках по истории России вклада органов внутренних дел в организацию деятельности партизанских отрядов в тылу врага в годы Великой Отечественной войны. Бесспорно, что до учреждения Центрального штаба партизанского движения определяющую роль в создании партизанских отрядов в первый год войны сыграл именно НКВД

СССР¹, о чем умалчивает большая часть учебников по отечественной истории.

К сожалению, имеется единственное издание, к которому относительно освящения партизанского движения и роли органов НКВД в его организации, нет особых претензий. Это труд Е. Ю. Спицына «Россия – Советский Союз. 1917–1945 гг.»². Данная работа содержит подробнейший анализ партизанского движения на оккупированной территории, подчеркнута его выдающаяся роль в период Великой Отечественной войны. Отражена особая роль НКВД при организации партизанского движения, рассказывается об Отдельной мотострелковой бригаде особого назначения НКВД СССР под руководством полковника М. Ф. Орлова и мн. др.

Деятельность партизан освещена подробно в учебном пособии «Отечественная история. От Древней Руси до XXI века», авторами которого являются В. В. Рыбников и Г. М. Ипполитов³. В указанном пособии приводятся интересные факты, говорящие о значительной роли партизан в Победе, дается верная оценка коллаборационизма. Однако роль НКВД в достижении победы над врагом в должной мере не отражена, хотя в книге имеется целый параграф, посвященный правоохранительным органам.

В остальных учебниках и учебных пособиях, даже если рассказывается о партизанском движении, нет даже упоминания о роли органов внутренних дел в его организации⁴.

¹ Климов А. Ю., Потемкин И. А., Сальников А. С. Роль НКВД СССР в партизанском движении и подпольной работе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. М., 2021. С. 143.

² Спицын Е. Ю. Россия – Советский Союз. 1917–1945 гг.: Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. Кн. 3. М., 2019.

³ Рыбников В. В., Ипполитов Г. М. Указ. соч.

⁴ Деревянко А. П., Шабельникова Н. А., Усов А. В. История России с древнейших времен до наших дней: Учебное пособие, 4-е издание, перераб. и доп., М., 2020; Орлов А. С., Полунов А. Ю., Терещенко Ю. Я. Основы курса истории России: учебник, 2-е изд. перераб. и доп., М., 2019.; Семин В. П. История России: учебник. 3-е изд. М., 2019.; История России: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. / А.С. Орлов и др. М., 2019.; Королев А. А., Алексеев С. В., Васильев Ю. А. Отечественная история с древнейших времен до наших дней: курс лекций. М., 2012; и т.д.

Впрочем, иногда и в целом сопротивление врагу подается очень специфически, как, например, в учебном пособии для бакалавров В.В. Фортунатова¹.

С одной стороны, Фортунатов верно пишет о том, что на временно оккупированных территориях действовало «мощное партизанское движение», ставшее одним из факторов, определивших успех советских войск в годы Великой Отечественной войны, но какая-либо конкретика о нем отсутствует. Сколько было партизан, как создавались их отряды, чем они прославились, каков их вклад в победу и прочие вопросы совершенно не освещаются. О том, что в развертывании партизанского движения сыграли важную роль органы НКВД, коммунистической партии, армейская разведка не говорится ни слова.

При этом, например, Фортунатов уделяет достаточное внимание созданию штрафных частей, в которые в годы Великой Отечественной войны, как он пишет, было направлено 428 тыс. человек. В связи с этим следует отметить, что партизан количественно было намного больше, чем штрафников, и, в отличие от бойцов, находившихся в штрафных подразделениях от одного до трех месяцев, а иногда и того меньше (например, в случае ранения), партизаны могли сражаться в тылу врага годами, до прихода Красной армии, после чего, как правило, вливались в ее ряды. Пишет Фортунатов и о том, что, якобы, в обычную часть можно было вернуться только после ранения («смыть кровью»), что является известным заблуждением. Таким образом, роль штрафников в победе преувеличивается, а партизан и НКВД затеняется.

Не забывает Фортунатов и коллаборационистов, сообщая, что в рядах гитлеровской армии сражалось, «по оценкам советского командования», около 1 млн человек бывших советских граждан, ненавидевших советскую

¹ *Фортунатов В. В.* История: учебное пособие. Стандарт третьего поколения. Для бакалавров. СПб., 2019.

власть и большевиков¹. Чьи это оценки, автор не указывает, что вызывает закономерный вопрос о достоверности названного числа, представляющегося совершенно фантастическим. О том, что перешедшие на сторону врага наши граждане – предатели и изменники, автор также умалчивает. Известно, что немцы на фронте их почти не использовали из-за ненадежности, зато они активно действовали против партизан и повстанцев, в том числе и за границей (Польша, Югославия и т.д.). Впрочем, предав советский народ, они также предали со временем и немцев.

Совершенно тягостное впечатление оставляет изданный в Ростове-на-Дону учебник истории для бакалавров под авторством В. В. Касьянова, П. С. Самыгина, В. Н. Шевелева, С. И. Самыгина, который содержит в основном набор перестроечных штампов о Великой Отечественной войне: «закидали врага трупами» и т. д. Об НКВД одно предложение: «по некоторым данным» генерал Кирпонос был застрелен приставленным к нему сотрудником НКВД, когда возникла угроза его пленения²! В связи с тем, что на самом деле генерал погиб, получив несколько осколочных ранений от разорвавшейся рядом с ним мины, можно сделать вывод о том, что авторы сознательно очерняют органы НКВД. Ни одним упоминанием создатели данного учебника не удостоили наших героических партизан! Называя цифры, составляющие потери СССР, авторы ни слова не говорят об уничтоженных фашистами и их пособниками на оккупированной территории миллионах мирных советских граждан.

Конечно, в подобных изданиях нет надежды увидеть правдивую информацию об участии органов внутренних дел в годы Великой Отечественной войны в борьбе против фашистских захватчиков. Однако российские студенты имеют право знать, что органы внутренних дел вместе со всем народом, в едином строю, плечом к плечу, мужественно встретили врага и после долгой упорной борьбы сокрушили его, что первую в СССР

¹ *Фортунатов В. В.* История: учебное пособие. Стандарт третьего поколения. Для бакалавров. СПб., 2019. С. 344.

² История для бакалавров: учебник / В. В. Касьянов и др. Ростов-н/Д., 2017. С. 371.

медаль «Партизану Великой Отечественной войны» 1 степени за свой подвиг получил Е. И. Осипенко, который до войны работал начальником Сухиничского отделения милиции; что знаменитая надпись на стене Брестской крепости «Я умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина» была сделана в руинах казармы НКВД, – и о многом другом, чем могут по праву гордиться органы внутренних дел. В результате этих и подобных умолчаний в должной мере не используется мощный патриотический потенциал нашей истории.

Таким образом, мы видим, что в учебной литературе по истории России для вузов не отражена в должной мере деятельность органов внутренних дел на службе Отечеству. В большинстве учебников соответствующая информация минимальна, фрагментарна и содержит фактические ошибки. При этом по целому ряду узловых тем истории России сведения о деятельности органов внутренних дел вообще отсутствуют. Данная ситуация характерна как для периодов истории императорской России, так и советского времени.

Умолчание о положительной роли стражей правопорядка в отечественной истории, представление ее в предельно усеченном виде, создает в целом необъективную картину нашей истории.

Учитывая реальную положительную роль органов внутренних дел в истории России, их вклад в созидательное развитие страны, преданную ее защиту, ситуация с учебной литературой по истории России для вузов является совершенно неприемлемой и требует скорейшего исправления.

Приложение 1

Пункты, данные С.-Петербургскому генерал-полицеймейстеру. О смотре, чтобы строение домов производилось по указу; о содержании улиц в чистоте; о допущении торговых шалашей в указных местах; о съестных припасах; о подозрительных домах; о гулящих людях; о приезжих и отъезжающих; об определении с дворов

караульщиков, в каждой слободе или улице старост и при каждом десяти дворах десятского и о распространении повинности постоя на людей всякаго чина и звания (25 мая 1718 г.)

Для лучших порядков, в сем городе быть генералу-полицеймейстеру, его царскаго величества генералу-адъютанту Девиеру, и даны ему за его величества собственною рукою пункты, как ему оное врученное дело управлять. Того ради всем жителям здешним объявляется, ежели что будет до них во оном управлении касаться, быть в том послушным, и никто б неведением не отговаривался.

1. Надлежит смотреть, дабы все строение было регулярно построено по его царскаго величества регламенту; печи, комели¹ и трубы печныя были б по указу, чтоб соседям от того какова бедства не учинилось; також бы никакое строение за линию или из линии строилось, но чтоб улицы и переулки были равны и изрядны.

2. Наиначе смотреть, чтоб берега от реки и протоков были твердо по указу укреплены и в крепости содержаны; также стоки с улиц к реке и протокам были твердо укреплены, дабы весною и в дожди землею не заносило, и чтоб вода нигде не останавливалась, но всегда б свою стечь имела всюду без остановки, и в том иметь крепкое смотрение.

3. Надлежит содержать все улицы и переулки в чистоте, дабы проезд был безтруден, и были б сухи, свободны и невозбранны, дабы как проезжие, так и жители никакой трудности не имели, и для выгоды и чистоты чинили б жители всякое вспоможение.

4. Шалашей по проезжим дорогам и у мостов близко не ставить, а становить далее, дабы теми шалашами в улицах не чинили утеснения и помешательства, также чтоб были в указном месте, и чтоб зделаны были хорошо и покрывались холстом, а рогож бы и иного тому подобнаго отнюдь не было, но было б все чисто и хорошо.

¹ Комели – каминьы.

5. Тако ж опасно хранить надлежит в рядах и местах; а наиначе где столовые харчи продаются, дабы отнюдь нездороваго какого съестнаго харчу не продавали, а паче вредительнаго чего, но все б держали здоровое, еще ж смотреть и хранить с прилежанием, дабы была мера и весы прямые, також бы и цену не в указную пору таким товарам не возвышали и не поднимали.

6. Тако ж в надсмотрении иметь чистоту улиц и переулков, рынков, рядов и мостов; и каждому жителю дать указ, дабы всяк пред своим двором имел чистоту и сор чистили, и возили на указное место, а наипаче надлежит хранить, дабы отнюдь на реку зимою не возили, а летом не бросали, также протоки и каналы сором не засыпали, под жестоким штрафом.

7. Когда на рынках или улицах случатся какия драки, и таких людей имать и отсылать к их надлежащему суду с их допросами и делом.

8. По всякую четверть года у жителей осматривать печи, комели, в поварнях очаги, бани и прочее, где огонь водится, и предстерегать, дабы недосмотрением хозяйским какова бедства от пожару не учинилось.

9. Все подозрительные дома, а имянно: шинки, зернь, картежная игра и другия похабства, и о таких дворах подавать изветы или явки; и все велеть досматривать, дабы все таковыя мерзости, от чего всякое зло и лихо происходит, были испровергнуты.

10. Всех гулящих и слоняющихся людей, а особливо которые под видом, аки бы чем промышляли и торговали, хватать и допрашивать. Буде же кто в допросе с словами своими несходен явится, оных определять в работу. Равно ж содержать и с нищими, буде от оных кто работу сработать может, и тех ловить и определять в работу ж.

11. Также накрепко смотреть приезжих, какие люди, и чтоб всякой хозяин тот час объявил, кто к нему станет и какой человек; а буде утаит или непрямым именем скажет: таких хозяев с наказанием ссылать на галеру с отобранием всего, что имеет; равным же образом и об отъезжих объявлять, також и работников, ежели которой хозяин наймет кого из гулящих в работу,

чтоб прежде дать знать о нем, дабы под тем видом не было какова беглаго солдата или матроза и прочих.

12. Також с дворов определить караульщиков, дабы когда драка учинится или какой вор побежит, тогда б караульщики с двора (или с дворов) онаго поимать могли; також когда пожар учинится, скорее сбежаться и потушить могли; и для того надлежит им для воров какое нибудь ружье, а для пожаров – ведра, топоры, войлочные щиты, лесницы деревянные, трубы, а в некоторых сборных местах крюки и парусы, и большия водоливныя трубы и прочее иметь, и чтоб караульщики по ночам ходили по улицам с трещетками, как обычай в других краях; а для лучшаго способу к пойманию, а к пресечению проходов воровских и прочих непотребных людей сделать по концам улиц шлагбаумы, которые по ночам опускать, и иметь при них караулы с ружьем, каким пристойно.

13. Для лучшаго смотрения всякаго, против сих пунктов неисpravления, надлежит определить в каждой слободе или улице старосту, и к каждым десяти дворам десятскаго из тех же жителей, и дабы каждой десятской за своим десятском накрепко смотрел, чтоб чего не учинилось противнаго запрещению; и ежели за кем что усмотрят, о том тот-час объявлять старосте, а сему полицеймейстеру; також учинить распорядок между жителями, кому с каким пожарным орудием ходить на пожары.

После вышеписанных пунктов сей пункт дан собственною его царскаго величества рукою писанный: солдат ставить всем на дворы по пропорции, какаго б кто рангу ни был.

(Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. V. СПб., 1830. № 3203. С. 569–571).

Приложение № 2

Регламент или Устав главнаго магистрата. 16 января 1721 г.

(Извлечение)

Гл. X. О полицейских делах.

Ежели в Главном магистрате в которых городах усмотрят что полезное ко установлению полиции или добрых гражданских порядков к поправлению, и о том, какие надлежат новые уставы сочинить; то должно оное сочинять со осмотрением, чтоб оные были ко общенародной пользе, а не к повреждению, которые сочиня, для аппробации объявить в Сенате, а не объявя, отнюдь в действо собою не производить, понеже полиции особое свое состояние имеет, а именно: она споспешествует в правах и в правосудии, раждает добрые порядки и нравоучении, всем безопасность подает от разбойников, воров, насильников и обманщиков и сим подобных, непорядочное и непотребное житие отгоняет, и принуждает каждого к трудам и к честному промыслу, чинить добрых досмотрителей, тщательных и добрых служителей, города и в них улицы регулярно сочиняет, препятствует дороговизне, и приносит довольство во всем потребном к жизни человеческой, предостерегает все приключившаяся болезни, производит чистоту по улицам и в домах, запрещает излишество в домовых расходах и все явныя погрешении, призирает нищих, бедных, больных, увечных и прочих неимущих, защищает вдовиц, сирых и чужестранных, по заповедям Божиим воспитывает юных в целомудренной чистоте и честных науках; в кратце ж над всеми сими полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальной подпор человеческой безопасности и удобства. Того ради Главному магистрату в таком благопотребном важном деле со осторожностью поступать, дабы, вместо онаго, какия противныя и вредительныя действия не произошли, или вместо чаемаго исправления города и граждане в тщетной убыток и разорение не пришли; и для того не надлежит никаких полицейских регламентов прежде издавать и публиковать, пока он об оном с коллегиями (с которыми о чем надлежит) не снесется и не посоветует с ними, и по том от Сената или от самого его царскаго величества аппробацию (о том) не получит.

(Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. VI. СПб., 1830. № 3708. С. 297).

Приложение № 3

Манифест. Об учреждении министерств. 8 сентября 1802 г.

(Извлечение)

...IV. Должность министра внутренних дел обязывает его пеших о повсеместном благосостоянии народа, спокойствии, тишине и благоустройстве всей империи. В управлении своем имеет он все части государственной промышленности, кроме части горной; в ведении его находится также построение и содержание всех публичных зданий в государстве. Сверх того возлагается на него долг стараться всеми мерами об отвращении недостатка в жизненных припасах и во всем, что принадлежит к необходимым надобностям в общежитии. А дабы доставить случай и способы к достижению той цели, какую мы при учреждении сего министерства себе предполагаем; то повелеваем с объявления сего манифеста нашего: 1. Всем военным, по гражданской и полицейской части, равно и гражданским губернаторам, как по личным должностям своим, в числе коих находится и должность их по приказу общественного призрения, так и вообще по всем делам до губернского правления касающимся, и особенному рассмотрению или разрешению нашему подлежащим, относиться к сему министру нашему, равным образом чрез него доставлять нам рапорты как обыкновенные, так и о чрезвычайных происшествиях; 2. Казенным палатам относиться к нему чрез начальников губерний обо всем касающемся до публичных зданий и содержания их, и при том доставлять ему чрез них же ведомости о числе народа и ревизския сказки; 3. Губернским предводителям, когда уполномочены будут дворянством и вообще владельцами своей губернии, представлять о нуждах и пользах общественных не токмо губернаторам (как сказано в 47 статье Дворянской грамоты), но и непосредственно ему, министру нашему. Сверх того, 4. Препоручаем в непосредственное ведение его: 1) Мануфактур-коллегию, кроме Экспедиции о заготовлении и хранении вексельной и гербовой бумаги; 2) Медицинскую коллегию; 3) Главную соляную контору

со всеми зависящими от нее местами; 4) Главное почтовое правление и 5) Экспедицию государственного хозяйства, Опекунства иностранных и сельского домоводства, кроме той части ея, которая ведает дела по Камеральному столу и печатанию векселей и заемных писем.

VIII. Министры внутрен[н]их и иностранных дел, министр юстиции или генерал-прокурор, министр финансов и министр народного просвещения, имеют каждый своего помощника с званием товарища министра.

(Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXVII. СПб., 1830. № 20406. С. 243–248).

Библиографический список

1. *Борисов, А. В.* Полиция Российской империи / А. Я. Малыгин, Р. С. Мулукаев. М., 2014.
2. *Волков, Е. А., Волкова Е. В.* История России. Конец XVII – начало XX вв.: учебник для бакалавриата / Е. А. Волков, Е. В. Волкова. М., 2019.
3. *Воробьева, Э. А.* История России с начала государственности до 1917 г.: учебник / Э. А. Воробьева. Новосибирск, 2019.
4. *Давиденко, А. В.* «Содействовать против всех вражеских замыслов и покушений...»: труды и подвиги российской полиции в эпоху 1812 г. / А. В. Давиденко. М., 2020.
5. *Деревянко, А. П.* История Россия с древнейших времен до наших дней: учебное пособие, 4-е изд., перераб. и доп. / А. П. Деревянко, Н. А. Шабельникова, А. В. Усов. М., 2020.
6. История для бакалавров: учебник / В. В. Касьянов и др. Ростов-н/Д., 2017.
7. История органов внутренних дел. Курс лекций / А. В. Давиденко, Н. В. Михайлова, Н. Л. Феднева, Н. Д. Эриашвили. М., 2017.
8. История Отечества: учебник / под ред. Е. П. Супруновой, Г. А. Трифионовой. Саратов, 2020.
9. История России: учебник / под ред. Ю. И. Казанцева, В. Г. Деева. М.; Новосибирск, 2002.
10. История России: учебник / Ф. О. Айсина и др.; под ред. Г. Б. Поляк. 3-е изд. М., 2017.
11. История России: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / А. С. Орлов и др. М., 2021.
12. *Климов, А. Ю.* Роль НКВД СССР в партизанском движении и подпольной работе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов / А. Ю. Климов, И. А. Потемкин, А. С. Сальников. М., 2021.

13. *Королев, А. А.* Отечественная история с древнейших времен до наших дней: курс лекций / А. А. Королев, С. В. Алексеев, Ю. А. Васильев. М., 2012.
14. *Орлов А. С.* Основы курса истории России: учебник. 2-е изд. перераб. и доп. / А. С. Орлов, А. Ю. Полунов, Ю. Я. Терещенко. М., 2019.
 15. *Рыбников, В. В.* Отечественная история. От древней Руси до XXI века / В. В. Рыбников, Г. М. Ипполитов. М., 2012.
 16. *Сахаров, А. Н.* История России с древнейших времен до наших дней: учебник / А. Н. Сахаров, А. Н. Боханов, В. А. Шестаков. М., 2013.
 17. *Семин, В. П.* История России: учебник. 3-е изд / В. П. Семин. М., 2019.
 18. *Спицын, Е. Ю.* Российская империя XVIII – начала XX в. Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. Кн. 2 / Е. Ю. Спицын. М., 2019.
 19. *Спицын, Е. Ю.* Россия – Советский Союз. 1917–1945 гг.: Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. Кн. 3 / Е. Ю. Спицын. М., 2019.
 20. *Фортунатов, В. В.* История: учебное пособие / В. В. Фортунатов. СПб., 2019.
 21. *Фортунатов, В. В.* Отечественная история: учебное пособие для гуманитарных вузов / В. В. Фортунатов. СПб., 2010.
 22. *Шаховский, А. А.* Первые дни в сожженной Москве / А. А. Шаховский // Наполеон в России глазами русских: [сборник]. М., 2004.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Советский период отечественной истории был наполнен идеологической борьбой с противниками социализма, альтернативного капиталистическому общественному и политическому строю. Распад СССР, крушение социалистической системы, казалось, должны были устранить причины идеологического противостояния России с коллективным Западом. Однако действительность не оправдала эти ожидания. Наоборот, противостояние только усилилось. Оказалось, что в его основе не только различия в экономической и политической системах, их сегодня по существу нет. В основе борьбы идеологий, которая развернулась с еще большей силой, лежат глубинные, ценностные, цивилизационные различия между Россией и Западом. В этой борьбе победит тот, кто готов умереть, но не отступить, не отказаться от ценностей, определяющих смысл жизни.

История Отечества, героическое прошлое – важнейшая составляющая этих ценностей, требующих ведения постоянной, неустанной борьбы за их защиту и сохранение.

Методические рекомендации, с прилагаемыми очерками и документальными материалами, предлагаемые взыскательному суду читателей, – один из возможных способов этой защиты. Сильнейшим средством противодействия фальсификации и лжи во все времена была правда.

Авторы надеются, что их скромный труд послужит ее утверждению, защите того, что составляет историческую память народа.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абдрахманов, А. И.* Проблемы освещения организационной роли НКВД РСФСР в российской и зарубежной литературе. Домодедово, 2013.
2. *Абрамовский, А. А.* Формирование советских правоохранительных структур в Уфимской губернии в 1917–1918 гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2006.
3. *Абросимов, А. Д.* Деятельность лагеря для военнопленных № 270 МВД СССР за период с июня 1942 по 31 декабря 1949 г.: режим содержания военнопленных и материально-техническое обеспечение // Вестник Новгородского государственного университета. 2013. № 73–1.
4. *Авторханов, А. Г.* Загадка смерти Сталина (Заговор Берия). М., 2019.
5. *Авторханов, А. Г.* Технология власти. М., 2022.
6. *Агабеков Г. С.* ЧК за работой. М., 1992.
7. *Акульшин, П. В.* Генерал-губернатор А. Д. Балашов / П. В. Акульшин // Отечественная история. - 2004. - № 2.
8. Александр Ярославич Невский // Большая советская энциклопедия. Т. 2. М., 1926.
9. *Амелин, А. Б.* Международно-правовое регулирование военного плена: автореф. дис. ... к.ю.н. М., 1954.
10. *Андреева, И. А., Зайцева Е.С.* История органов внутренних дел России: учебное пособие. Омск, 2017.
11. *Аслаханов, А. А.* Эволюция мирового терроризма / А. А. Аслаханов. -. М., - 2003.
12. *Атигов, А-Х. М.* Органы внутренних дел в системе советского регионального управления (ноябрь 1917–1918 гг.): дис. ... к.и.н. М., 2009.
13. *Бажанов, С. В.* Методологические основы розыска. М., 2016.
14. *Басков, В. И.* Оперативно-розыскная деятельность. М., 1997.

15. *Бегунов, Ю. К.* Александр Невский. Жизнь и деяния святого и благоверного великого князя. М., 2003.
16. *Бегунов, Ю. К.* Памятники русской литературы XIII в. «Слово о погибели Русской земли. М.; Л, 1961.
17. *Бегунов, Ю. К., Клейненберг И.Э., Шаскольский И.П.* Письменные источники о Ледовом побоище // Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.; Л., 1966.
18. *Бичехвост, А. Ф.* К истории создания и функционирования специальных лагерей для советских военнопленных // История пенитенциарной системы в России в XX веке. Вологда, 2007.
19. *Бойко, Ю. Н.* Особенности становления и развития милиции Туруханского края в 1920–1924 гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 35.
20. *Бондаренко, Е. Ю.* Формирование и деятельность управления по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР на Дальнем Востоке России (30–50-е годы XX в.) // Россия и АТР. 2003. № 4 (42).
21. *Борисов, А. В.* Министерство полиции. М., 1992.
22. *Борисов, А. В.* Полиция самодержавной России в первой четверти XIX в.: канд.юр.наук / А. В. Борисов. - М., - 1982.
23. *Борисов, А. В.,* Полиция Российской империи / А. В. Борисов, А. Я. Малыгин , Р. С. Мулукаев. - М., - 2014.
24. *Буняева, К. В.* Основные направления деятельности милиции по охране общественного порядка в 1962–1985 гг. (На примере центрального Черноземья) / К. В. Буняева // Вестник Белгородского юридического института МВД России. - 2006. - № 1 (7).
25. *Буянов, И. В.* История становления государственной службы в органах внутренних дел на Руси / И. В. Буянов // Известия Тульского государственного университета. - 2011. - № 2–2.

26. *Бычков, И. А.* Ссылка Сперанского в 1812 году // Русская старина. СПб. 1902. № 4. Т. 110.
27. *Вавулинская, Л. И.* Повседневность плена: иностранные военнопленные в Карелии (1944–1949 годы) // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Серия: Гуманитарные исследования. 2013. № 4.
28. Великая Отечественная война 1941–1945. События. Люди. Документы. М., 1990.
29. *Веретенников, В. В.* История Тайной канцелярии петровского времени / В. В. Веретенников. - Харьков, - 1910.
30. *Вигель, Ф.Ф.* Записки. Мюнхен, 2005.
31. *Власов, В. И.* Организация розыска преступников в России в IX–XX веках: в 2 ч. Ч. 1. / В. И. Власов, Н. Ф. Гончаров // Домодедово, 1997.
32. Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / сост. М.М. Загорулько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская; под ред. М.М. Загорулько. М., 2000.
33. *Волков, Е. А., Волкова, Е. В.* История России. Конец XVII – начало XX вв.: учебник для бакалавриата. М., 2019.
34. *Воробьева, Э. А.* История России с начала государственности до 1917 г.: учебник. Новосибирск, 2019.
35. *Гейфман, А.* Революционный террор в России. 1894–1917. М., 1997.
36. *Гернет, М. Н.* История царской тюрьмы. Т. 2. М., 1961.
37. *Гернет, М. Н.* Преступность и самоубийства во время войны и после нее. Второй выпуск «Моральной статистики». М., 1927.
38. *Герцен, А. И.* Письмо к императору Александру II // *Герцен А.И.* Собр. соч.: в 30 т. Т. XIII. М., 1958.
39. *Герцен, А. И.* Предисловие к книге «14 декабря 1825 г. и император Николай» // *Герцен А. И.* Собр. соч.: в 30 т. Т. XIII. М., 1958.
40. *Гимпельсон, Е. Г.* Советы в годы иностранной интервенции и гражданской войны / Е.Г. Гимпельсон. - М., 1968.

41. *Горбатенко, Г. В.* Профессиональное образование сотрудников ОВД СССР во второй половине 30-х – начале 50-х годов XX века / Г. В. Горбатенко // Вестник Воронежского института МВД России. – Воронеж. - 2011. № 4.
42. *Горский, А. А.* Александр Невский – герой или коллаборационист? / *Горский А. А.* // «Всего еси исполнена земля русская...». Личности и ментальность русского средневековья. Очерки. М., 2001.
43. *Горский, А. А.* Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского // Александр Невский в истории России. Новгород, 1996.
44. *Гусев, В. А.* Права оперативных подразделений полиции: законодательство и практика. М., 2014.
45. *Давиденко, А. В.* «Содействовать против всех вражеских замыслов и покушений...»: труды и подвиги российской полиции в эпоху 1812 года. М. 2019.
46. *Давиденко, А. В.* «Содействовать против всех вражеских замыслов и покушений...»: труды и подвиги российской полиции в эпоху 1812 года. Продолжение. Очерки. М., 2020.
47. *Данилевский, И. Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): курс лекций. М., 2001.
48. *Деревянко, А. П., Шабельникова Н. А., Усов А. В.* История Россия с древнейших времен до наших дней: учебное пособие, 4-е изд., перераб. и доп. М., 2020.
49. *Дерюжинский, В. Ф.* Полицейское право. Изд. 3. СПб., 1911.
50. *Джиникаева, Д. О.* Деятельность государственных органов по борьбе с преступностью в Северной Осетии в условиях нэпа: исторический аспект: дис. ... к.и.н. Владикавказ, 2011.
51. *Дмитриев, И. И.* Взгляд на мою жизнь: Записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева. - М., - 1866.
52. *Долколюк, А., Маркдорф, Н. М.* Иностранцы военнопленные и интернированные в Сибири: 1943–1950. М., 2016.

53. *Егоров, А. А.* Фуше. Ростов н/Д, 1998.
54. *Елинский, В. И.* Основы методологии теории оперативно-розыскной деятельности. М., 2001.
55. *Елинский, В. И.* Становление и развитие уголовного сыска в России (X–XX вв.). М., 1997.
56. *Елисеев, А. В.* 1937. Вся правда о «сталинских репрессиях». М., 2008.
57. *Емелин, С. В., Гордеев, Б. Е.* К истории правоохранительных органов на территории Благовещенской волости Уфимской губернии в период революций и начала гражданской войны (1917–1918 гг.) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 3 (85).
58. *Емелин, С. М.* Исторические условия, организационно-правовые основы и основные направления деятельности милиции Башкортостана в период новой экономической политики (1921–1928 гг.) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2017. № 4 (78).
59. *Емельянов, Ю. В.* Разгадка 1937 года. М., 2018.
60. *Жаров, С. Н.* Нормативное регулирование деятельности политической полиции Российской империи: дис. ... к.ю.н. Екатеринбург, 2000.
61. Женевская конвенция «Об улучшении участи раненных и больных в действующих армиях». Принята на международной дипломатической конференции в Женеве 27 июля 1929 г. М., 1932.
62. *Жуков, Ю. Н.* Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2021.
63. *Жуков, Ю. Н.* Народная империя Сталина. М., 2022.
64. *Заварзин, П. П.* Работа тайной полиции. Париж, 1924.
65. Записки А.П. Ермолова. 1798–1826. М., 1991.
66. Записки Якова Ивановича Де-Санглена. 1776–1831 гг. // Русская старина. 1882. Т. 36. № 12.
67. Записки Якова Ивановича Санглена. 1793–1831. М., 2016.

68. Инструкция чинам сыскных отделений. СПб., 1910.
69. *Искюль, С. Н.* Год 1812-й. Документальная хроника. СПб., 2008.
70. История для бакалавров: учебник / В. В. Касьянов и др. Ростов-н/Д., 2017.
71. История органов внутренних дел. Курс лекций / А. В. Давиденко, Н. В. Михайлова, Н. Л. Феднева, Н. Д. Эриашвили. М., 2017.
72. История Отечества: учебник / под ред. Е.П. Супруновой, Г.А. Трифоновой. Саратов, 2020
73. История отечественных органов внутренних дел: учебник. М., 2005.
74. История правоохранительной системы России документах: с древнейших времен до 1917 г. (к 300-летию российской полиции): хрестоматия / под ред. В.Л. Кубышко. М., 2018.
75. История России: учебник / под ред. Ю.И. Казанцева, В. Г. Деева. М.; Новосибирск, 2002.
76. История России: учебник / Ф.О. Айсина и др.; под ред. Г. Б. Поляк. 3-е изд. М., 2017.
77. История России: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / А. С. Орлов и др. М., 2021.
78. *Казаченко, А.* Замечательный исторический урок. Ледовое побоище и Невская битва // Исторический журнал. 1937. № 3–4.
79. *Карамзин, Н. М.* Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях / М. В. Карамзин. - М., - 1990.
80. *Карпов, А. Ю.* Великий князь Александр Невский. М., 2010.
81. *Киселева, Т. Ф.* Генерал Балашов Александр Дмитриевич. Историко-краеведческий очерк. СПб., 2012.
82. *Климов, А. Ю., Потемкин, И. А., Сальников, А. С.* Роль НКВД СССР в партизанском движении и подпольной работе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. М., 2021.
83. *Ковалевский, М. М.* Очерки по истории политических

учреждений в России / М. М. Ковалевский. – Спб., 1908.

84. *Кожевина, М. А.* Создание первых милицейских курсов и их роль в подготовке кадров милиции России (1918–1920 гг.) // Вестник Омского университета. 2004. № 4.

85. *Колемасов, В. Н.* Органы государственной безопасности и милиции в борьбе с преступностью (1917–1934 гг.) // Lex russica (Русский закон). 2016. № 7 (116).

86. *Колпакиди, А., Север, А.* Спецслужбы Российской империи. М., 2010.

87. *Колпакиди, А. И., Прудникова, Е. А.* Двойной заговор. Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. М., 2000.

88. *Комаровский, Е. Ф.* Записки графа Е.Ф. Комаровского. М., 1990.

89. *Конасов, В. Б.* Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда, 1996.

90. *Королев, А. А., Алексеев, С. В., Васильев, Ю. А.* Отечественная история с древнейших времен до наших дней: курс лекций. М., 2012.

91. *Корф, М. А.* Восшествие на престол императора Николая I. СПб., 1857.

92. *Корф, М. А.* Деятели и участники в падении Сперанского // Русская старина. 1902. № 3.

93. *Кошель, П. А.* Политический сыск в России: история и современность. СПб, 1997.

94. Красная Москва. 1917–1920 гг. М., 1920.

95. *Краснов, П. В.* Деятели политического сыска России о студенческом движении 1899 – начала 1902 гг. // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2007. № 6.

96. *Кривицкий, В. Г.* Я был агентом Сталина: Записки советского разведчика. М., 1996.

97. *Крылов, И. Ф., Бастрыкин А.И.* Розыск, дознание, следствие / И. Ф. Крылов, А. И. Бастрыкин. - Л., 1984.
98. *Крылов, И. Ф., Бастрыкин А. И.* Розыск, дознание, следствие / И. Ф. Крылов, А. И. Бастрыкин. - М., 2014.
99. *Кудрявцев, Н. В.* Теоретико-методологические подходы историков к изучению органов советской милиции 1917–1920-х гг. // Вестник ИГПИ имени П.П. Ершова. 2012. № 1 (2).
100. *Кузнецов, Д. Е.* Деятельность советской милиции по борьбе с преступностью и охране общественного порядка в Западной Сибири 1925–1937 гг.: дис. ... к.и.н. Барнаул, 2016.
101. *Кузьминых, А. Л.* Правовое регулирование режима военного плена в СССР в период Второй мировой войны: теория и практика // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 3 (5).
102. *Кузьминых, А. Л.* Международное право и «узники войны»: проблема правовой защиты военнопленных и интернированных лиц // Пенитенциарная наука. 2012. № 4 (20).
103. *Кузьминых, А. Л.* Международное право и «узники войны»: проблема правовой защиты военнопленных и интернированных лиц // Пенитенциарная наука. 2013. № 1(21).
104. *Кузьминых, А. Л.* Органы внутренних дел советского государства в период сталинизма в контексте отечественной историографии // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* 2019. Т. 3. № 1.
105. *Кузьминых, А. Л.* Органы и учреждения военного плена и интернирования Второй мировой войны в СССР (1939–1956 гг.). Вологда, 2013.
106. *Кузьминых, А. Л.* Развитие системы органов и учреждений военного плена и интернирования в СССР (1939–1956) // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 5.

107. *Кузьминых, А. Л.* Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт (1939–1936 гг.): автореф. дис. ... д.и.н. Архангельск, 2014.
108. *Кузьминых, А. Л.* Спецгоспитали для военнопленных в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 3(31).
109. *Кучкин, В. А.* Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5.
110. *Кучкин, В. А.* К биографии Александра Невского // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М., 1986.
111. *Кучкин, В. А.* О дате рождения Александра Невского // Вопросы истории. 1986. № 2.
112. *Кучма, В. В.* Полицейская организация Франции от свержения якобинской диктатуры до крушения Первой империи (1794–1814 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2005. Вып. 7.
113. *Ларин, А. М.* Государственные преступления. Россия. XIX век (взгляд через столетие). Тула, 2000.
114. *Лащенко, П. Н.* Продиктован суровой необходимостью / П. Н. Лащенко // Военно-исторический журнал. 1988. № 8.
115. *Лебедева, Н. С.* Катынь: преступление против человечества. М., 1994.
116. *Ленин, В. И.* Материалы по пересмотру партийной программы // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32.
117. *Ленин, В. И.* О пролетарской милиции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31.
118. *Лопатин, В. С.* Дело Тухачевского: 1936–1937. М., 2021.
119. *Лорер, Н. И.* Записки декабриста // Мемуары декабристам. М., 1988.

120. Лубянка. ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ 1917–1960. Справочник. М., 1997.
121. Лукьянов, С. А. История органов внутренних дел России: курс лекций / С. А. Лукьянов. - Руза, 2007.
122. Лунин, М. С. Письма из Сибири. М., 1988.
123. Лурье, Ф. Политический сыск в России. 1649–1917. М., 2006.
124. Макорин, А. А., Дерешко, Б. Ю., Невский, С. А. Становление научного обеспечения деятельности органов внутренних дел советского государства // Научный портал МВД России. 2016. № 4.
125. Максимов, П. В. Борьба с бандитизмом в советском государстве довоенного периода: законодательное регулирование и правоохранительная деятельность. М., 2017.
126. Малыгин, А. Я., Яковлева, Е. И. Из народа – для народа. М., 1988.
127. Мамин, А. И. Структура и кадровый состав органов внутренних дел БАСССР в 1945–1953 гг. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета 2018. № 1 (45).
128. Маркдорф, Н. М. Организация медицинского контроля за трудовым использованием иностранных военнопленных в западной Сибири после окончания Второй мировой войны // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 1 (4).
129. Матвеев, А. В. Нормативные основы службы наружного наблюдения Российской империи в конце XIX – начале XX века // Advances in Law Studies. 2018. Т. 6. № 3.
130. Матиенко, Т. Л. Сыскная полиция и зарождение оперативно-разыскной деятельности общей полиции Российской империи. М., 2019.
131. Матиенко, Т. Л. Из пепла революции: к вопросу об организационных и правовых принципах становления советского уголовного розыска // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6.

132. *Матиенко, Т. Л.* Кадровое обеспечение общеуголовной полиции в Российской империи в 1908–1917 гг. // Вестник Московского университета МВД России. 2004. № 1.
133. *Матузова, В. И., Назарова, Е. Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментариев. М., 2002.
134. *Мацкевич, Д. И.* О жизни и государственных заслугах Александра Дмитриевича Балашева // Северная пчела. № 154 от 10 июля 1847.
135. *Мединский, В. Р.* Война. Мифы СССР. 1939–1945. М., 2011.
136. *Мельник, Е. В.* «Ни шагу назад!». Факты против вымыслов // Служу Закону. 2022. № 7 (109).
137. *Мельник, Е. В.* К вопросу о фальсификации истории на примере приказа «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в красной армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций» от 28 июля 1942 года // Правовая культура и правовая идеология российского общества. М., 2021.
138. *Мельник, Е. В.* Теоретико-правовые основы становления отечественной многопартийной системы начала XX в. // Идеи конституционализма в юридической науке: история и современность. М., 2019.
139. *Меринова, Ю. Е.* История законодательного регулирования института обеспечения потребностей органов внутренних дел дореволюционного периода (на примере договора поставки) / Ю. Е. Меринова // Пробелы в российском законодательстве. - 2009. - № 2.
140. *Милиция России: Документы и материалы. 1917–1999. Т. I. 1917-1934 / авт.-сост.: А.Я. Малыгин и др. Саратов, 2000.*
141. *Минаков, С. Т.* Заговор «красных маршалов». Тухачевский против Сталина. М., 2016.
142. *Мироненко, К. Н.* Манифест 17 октября 1906 г. // Вопросы государства и права. Л., 1958 (Ученые записки Ленинградского государственного университета имени А.А. Жданова. Серия юридических наук. 1958. № 255. Вып. 10).

143. *Михайловский-Данилевский, А. И.* Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах: в 6 т. Т. 6. СПб., 1848–1849.
144. *Мотревич, В. П.* Иностранцы военнопленные Великой Отечественной войны на Урале: численность, состав, размещение // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 6.
145. *Мулукаев, Р. С.* История полиции дореволюционной России. М., 1981.
146. *Мулукаев, Р. С.* Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. М., 1964.
147. *Мулукаев, Р. С.* Система государственных учреждений дореволюционной России. М., 1974.
148. *Мухортов, А. А.* Организация Министерства полиции: опыт его деятельности // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 6.
149. Наказ Министерству Полиции. 1811 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXI. Отд. 2. № 24687.
150. *Наумов, Л. А.* «Кровавый карлик» против Вождя народов. Заговор Ежова. М., 2009.
151. *Николаенко, П. Д.* Полиция России в Отечественной войне 1812 года // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 4 (56).
152. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / подг. к изд. А.Н. Насонов. М.; Л., 1950.
153. *Новинский, Н.* Ледовое побоище. Сражение с немцами в 1242 году. Ярославль, 1914.
154. О присоединении Министерства Полиции к МВД. 1819 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXVI. № 27699.
155. *Окунь, С. Б.* Декабрист М.С. Лунин. Л., 1985.
156. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. М., 2000.
157. *Орлов, А. С.* Тайная история сталинских преступлений. М., 1991.

158. *Орлов, А.С., Полунов, А. Ю., Терещенко, Ю. Я.* Основы курса истории России: учебник. 2-е изд. перераб. и доп., М., 2019.
159. *Павличенко, Н. В.* Правовая охрана лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность: монография / Н.В. Павличенко. - Омск, 2011.
160. Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. III. Л., 1925.
161. *Папырин, В. В.* Взаимодействие органов внутренних дел с молодежными организациями в период становления тоталитарного режима в СССР // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2006. № 13.
162. *Патканов, К. П.* История монголов по армянским источникам. Вып. 1. СПб., 1874.
163. *Пережудова, З. И.* Политический сыск в России. 1880–1917. М., 2000.
164. *Петров, А. Г., Иванов, Н. В.* Деятельность органов МВД в ЧАССР и в целом по стране в 50-е годы XX века: задачи и реалии // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 3.
165. *Погодин, М. П.* Сперанский // Русский архив. 1871 № 6.
166. *Покровский, М. Н.* Русская история в самом сжатом очерке. М., 1923–1926.
167. Полиция Российской империи: мифы и реальность. М., 2020.
168. Положение о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей // Свод законов Российской империи. Т. XIV. СПб., 1910.
169. *Поляков, М. П.* Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-разыскной деятельности: автореф. дис ... д.ю.н. Нижний Новгород, 2002.

170. *Помигалов, А. А.* М.М. Сперанский и проблема преобразования Санкт-Петербургской полиции в 1820–1830 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2009. Вып. 2.
171. *Потемкина, Е. В.* Обер-полицмейстер // Три века Санкт-Петербурга: энциклопедия в 3 т. Т. 2: Деятнадцатый век. Кн. 4. СПб., 2005.
172. *Потемкина, М. Н., Любецкий А.Е.* Проблемы размещения и содержания иностранных военнопленных на территории Челябинской области в 1943–1947 гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 2 (56).
173. *Пыхалов, И.* Великая Оболганная война. М., 2005.
174. Пять лет власти Советов. М., 1922.
175. *Райский, Н. С.* Вторая мировая война и судьбы польских военнопленных // Отечественная история. 1995. № 5.
176. Рассказы, заметки и анекдоты из записок Елисаветы Николаевны Львовой // Русская старина. 1880. № 5.
177. *Резников, А. А.* Кадровая политика органов внутренних дел СССР в послевоенные годы (1945–1946) // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2011. № 2.
178. *Романенко, К. К.* Спасительный 1937-й. Как закалялся СССР. М., 2012.
179. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование / под ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 2001.
180. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13. Немецкие военнопленные в СССР 1941–1955 гг.: Кн. первая: сборник документов / авт.-сост. В.Н. Вартаков. М., 1999.
181. *Рыбников, В. В., Ипполитов, Г. М.* Отечественная история. От древней Руси до XXI века. М., 2012.
182. С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство: краткий исторический очерк. СПб., 1903.

183. *Самцова, Е. С.* Нормативно-правовые основы становления кадровых аппаратов НКВД РСФСР в первые годы Советской власти // Академическая мысль. 2020. № 3 (12).
184. *Санглен, Я. И.* Записки Якова Ивановича де-Санглена. 1776–1831 гг. // Русская старина, 1883. Т. 37. № 1.
185. *Сахаров, А. Н., Боханов, А. Н., Шестаков, В. А.* История России с древнейших времен до наших дней: учебник / под ред. А.Н. Сахарова. М., 2013.
186. Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. М., 1907.
187. Свод законов Российской империи. Законы уголовные. Т. XV. СПб., 1832.
188. Свод законов Российской Империи. Свод законов уголовных. Т. XV. СПб, 1857.
189. *Семевский, В. И.* Падение Сперанского // Отечественная война и русское общество 1812–1912. Т. II. М., 1911.
190. *Семин, В. П.* История России: учебник. 3-е изд. М., 2019.
191. *Сидоров, С. Г.* Организация питания военнопленных в СССР в 1941–1945 гг. // Вестник Волгоградского университета. Серия 4: История. Философия. 1996. Вып. 1.
192. *Сидоров, С. Г.* Влияние мировых войн на развитие международного права о военнопленных // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 5 (29).
193. *Сидоров, С. Г.* Труд военнопленных в СССР. 1939–1956 гг.: Автореферат дис. ... д. и. н. Волгоград, 2001.
194. *Сизиков, М. И., Борисов, А. В., Скрипилев, А. Е.* История полиции России (1718–1917 гг.). М., 1992.
195. *Скипский, Г. А., Ложкарев, А. И.* К вопросу об истории становления образовательных организаций органов внутренних дел на Урале в

1920-х – начале 1930-х гг. // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 1.

196. *Скоркин, К. В.* НКВД РСФСР: 1917–1923 // МВД России: Люди структура, деятельность. Т. II. М., 2008.

197. *Скрыдлов, А. Ю.* На службе России: Александр Дмитриевич Балашев. 1770–1837. СПб., 2016.

198. *Смирнов, М. П.* Когда в России родился уголовный розыск? // Оперативник (Сыщик). 2009. № 1 (18).

199. *Смирнов, М. П., Шумилов, А. Ю.* Оперативно-розыскная деятельность в Российской империи в документах и комментариях (XVIII в. – февраль 1917 г.). М., 2010.

200. Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. (1774–1906) / под ред. В.Н. Александренко. Варшава, 1906.

201. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. 1906. № 48. Отд. 1.

202. *Сокольский, М. М.* Заговор Средневековья // *Сокольский М.М.* Неверная память: Герои и антигерои России. Историко-полемические эссе. М., 1990.

203. *Соловей, Ю. П.* Идея милиции и ее воплощение в советском государстве // Совершенствование и эффективность применения республиканского законодательства в борьбе с преступностью. Ч. 1. Омск, 1991.

204. Сперанский в Перми // Русская старина. 1893. № 11.

205. *Сперанский, М. М.* Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России // *Сперанский М.М.* План государственного преобразования (введение к Уложению государственных законов 1809 г.). М., 1905.

206. Сперанский: Оправдательная его записка. С предисловием Н.К. Шильдера и послесловием издателя // Русский архив. 1892. № 1.

207. *Спицын, Е. Ю.* Российская империя XVIII – начала XX в. Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. Кн. II. М., 2019.
208. *Спицын, Е. Ю.* Россия – Советский Союз. 1917–1945 гг.: Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. Кн. III. М., 2019.
209. *Сталин, И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1943.
210. *Стариков, И. В.* Организационно-правовые основы создания советского уголовного розыска в годы гражданской войны // Российская полиция: три века служения отечеству / под. ред. Н.С. Нижник. СПб., 2018.
211. *Степанов, М. М.* Особенности милицейского образования в России в годы гражданской войны (1918–1920 гг.) // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 1.
212. *Сурков, К. В.* Оперативно-розыскное законодательство России: пути совершенствования и развития: автореф. дис. ... д.ю.н. М., 1997.
213. *Таганцев, Н. С.* Смертная казнь. СПб., 1913.
214. *Таганцев, Н. С.* Уголовное право (Общая часть). Ч. 1. СПб., 1902.
215. *Тарасова, И. А.* Полиция и общество Российской империи в пореформенный период // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 5.
216. *Татищев, В. Н.* История Российская. Т. 5. М., 1996.
217. *Тельберг, Г. Г.* Система государственных преступлений в Уложении царя Алексея Михайловича // Журнал Министерства юстиции. 1911. № 6.
218. *Тихомиров, М. Н., Епифанов, П. П.* Соборное Уложение 1649 г. М., 1961.
219. *Токарева, С. Н.* Нормативно-правовые основы организации советской милиции в 1918 году // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2016. № 17.

220. *Томсинов, В. А.* Светило русской бюрократии. Исторический портрет М.М. Сперанского. Изд. 5-е, обновл. и доп. М., 2013.
221. *Топтыгин, А. В.* Неизвестный Берия. М.; СПб., 2002.
222. *Троцкий, Н. А.* 1812. Великий год России. М., 2007.
223. *Троцкий, Л.* Портреты революционеров: сборник. М., 1991.
224. *Троцкий, Л.* Сталин. М., 1990.
225. Учреждение Министерства Полиции. Манифест. 25 июня 1811 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXI. Отд. 1. № 24687.
226. *Феднева, Н. Л.* К вопросу о предпосылках институализации полицейского права в Российской империи // Право и политика: история и современность. Омск, 2022.
227. *Феднева, Н. Л.* К вопросу о формировании идеологической концепции полиции в эпоху Просвещенного абсолютизма в Российской империи // Идеологические координаты России: философские, исторические и государственно-правовые вопросы. М., 2021.
228. *Феднева, Н. Л.* Концептуализация идей о роли полиции как инструмента поддержания порядка, безопасности и законности в системе министерского управления Российской империи: pro et contra // Право, общество, государство: проблемы теории и истории. М., 2021.
229. *Феднева, Н. Л.* Министерство полиции Российской империи: реализация проекта М.М. Сперанского // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 19.
230. *Феднева, Н.Л.* Роль Министерства полиции в сохранении памяти об Отечественной войне 1812 г. // Полиция России: три века на страже правопорядка и законности. М., 2018.
231. *Федоров, А. В., Шахматов, А. В.* Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. СПб., 2005.
232. *Федоров, К. Г., Ярмыш, А. Н.* История полиции дореволюционной России. Ростов-на-Дону, 1976.

233. *Феннел, Дж.* Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989.
234. *Филимонов, А. В.* Иностранцы военнопленные в Пскове (1945–1949 гг.) // *Метаморфозы истории.* 2002. № 2.
235. *Филиппова, Л. Е.* Формирование образовательных учреждений НКВД в период становления Советской России как часть общей кадровой политики правоохранительных органов // *Вестник Владимирского юридического института.* 2007. № 1 (2).
236. *Фок фон, М. Я.* Осведомительные письма: донесения помощника правителя Особенной канцелярии М.Я. фон Фока министру полиции А.Д. Балашову, апрель – август 1812. М., 2001.
237. *Фортуатов, В. В.* История: учебное пособие. Стандарт третьего поколения. Для бакалавров. СПб., 2019.
238. *Фортуатов, В. В.* Отечественная история: учебное пособие для гуманитарных вузов. СПб., 2010.
239. *Хакимов, С. Х., Каримов, Р. Р., Каримова, Г. Ю.* Организационно-правовая структура и деятельность территориальных подразделений милиции НКВД Башкирской АССР в 1920-е годы // *Правовое государство – теория и практика.* 2021. № 4 (66).
240. *Хамисов, Б. Г.* Деятельность органов внутренних дел Бурят-Монгольской АССР в 1941–1953 гг.: дис. ... к.и.н. Улан-Удэ, 2008.
241. Хрестоматия по истории органов внутренних дел России (XVII–XIX вв.). Ч. I / сост.: Н.Л. Феднева, А.П. Яцкова. М., 2015.
242. *Чебаевский, Ф. В.* Организация и укрепление местных Советов в РСФСР в первый год диктатуры пролетариата (ноябрь 1917 – ноябрь 1918 года): дис. ... д.и.н. М., 1958.
243. *Черная, Е. Н.* Кадровая политика в системе НКВД РСФСР (1921–1930 гг.): дис. ... к.и.н. М., 2006.
244. *Шамаров, В. М.* Кадровая работа в милиции НКВД РСФСР. М., 1997.

245. *Шаховский, А. А.* Первые дни в сожженной Москве // Наполеон в России глазами русских. М., 2004.
246. *Шведов, В. В.* Формирование и деятельность органов внутренних дел Уральской области (1923–1934 гг.): дис. ... к.и.н. Екатеринбург, 2007.
247. *Шенк, Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000) / авториз. пер. с нем. Е. Земской и М. Лавринович. М., 2007.
248. *Шилов, Д. Н.* Балашов Александр Дмитриевич // Государственные деятели Российской империи 1802–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2002.
249. *Шильдер, Н. К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. 3. СПб., 1897.
250. *Шинджихашвили, Д. И.* МВД царской России в период империализма. Омск, 1974.
251. *Шумилов, А. Ю.* Проблемы законодательного регулирования в оперативно-разыскной деятельности: десять лет спустя (конституционные, административные, уголовные, уголовно-процессуальные и уголовно-сыскные аспекты). М., 2008.
252. *Шумилов, А. Ю.* Проблемы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности в России. М., 1997.
253. *Щеголев, П. Е.* Охранники, агенты, палачи / сост. Ф.М. Лурье. М., 1992.
254. *Эйдельман, Н.* Тайные корреспонденты «Полярной звезды» М., 1966.
255. *Яжборовская, И. С., Яблоков, А. Ю., Парсаданова, В. С.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2001.
256. *Яцкова, А. П.* Основные государственные законы Российской империи 23 апреля 1906 г. – первая российская конституция: дис. ... к.ю.н. М., 2001.

257. *Arendt, H.* The Origins of Totalitarianism. New York, 1951.
258. Big Brother: The Soviet Police System // The Police Journal: Theory, Practice and Principles. 1968. July 1. <https://doi.org/10.1177/0032258X6804100706>.
259. *Carré de Malberg, R.* Contribution a la théorie générale de l'Etat, spécialement d'après les données fournies par le droit constitutionnel français. T. 1. Paris, 1920.
260. *Carré de Malberg R.* La loi, expression de la volonté générale, etude sur le concept de la loi dans la Constitution de 1875. Paris, 1931.
261. *Christian, D.* The Political Ideals of Michael Speransky // The Slavonic and East European Review. 1976. Vol. 54. No. 2.
262. *Figes, O.* A People's Tragedy. The Russian Revolution, 1891–1924. London, 1996.
263. *Knight, A.* The KGB: Police and Politics in the Soviet Union. Boston, 1990.
264. *Lauchlan, I.* Security Policing in Late Imperial Russia // Late Imperial Russia: Problems and Prospects. Essays in Honour of R. B. McKean. Manchester, 2005.
265. The Russian Secret Police // The Police Journal: Theory, Practice and Principles. 1929. Volume 2. Issue 3. <https://doi.org/10.1177/0032258X2900200315>.
266. *Zuckerman, F.* The Tsarist Secret Police in Russian Society, 1880–1917. London, 1996.

Ответственный исполнитель:
Начальник кафедры
истории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
к.и.н., доцент,
полковник полиции

Ю.А. Артамонов

« _____ » _____ 2022 г.

Руководитель авторского коллектива:
Профессор кафедры
истории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
д.ю.н., д.и.н., профессор

А.Н. Никитин

« _____ » _____ 2022 г.

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ
СОБЫТИЙ ИСТОРИИ РОССИИ – СССР,
МЕСТА И РОЛИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Руководитель авторского коллектива – Никитин А.Н., д.ю.н., д.и.н., проф.
Ответственный исполнитель – Артамонов Ю.А., к.и.н., доц.

Авторы:

Абдрахманов А.И., к.ю.н., доц.;
Артамонов Ю.А., к.и.н., доц.;
Ермаков Е.Г., к.ю.н.;
Журов А.Н., к.и.н., доц.;
Иванченко Ю.А., к.ю.н., доц.;
Матиенко Т.Л., д.ю.н., доц.;
Мельник Е.В., к.ю.н., доц.;
Никитин А.Н., д.ю.н., д.и.н., проф.;
Феднева Н.Л., к.и.н., доц.;
Яцкова А.П., к.ю.н., доц.

© Коллектив авторов, 2022
© МосУ МВД России, 2022
© ГУРЛС МВД России, 2022